

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ III.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая ул., с. д.
Москва.— 1914.

ТРИЛОГІЯ

ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ.

- I. СМЕРТЬ БОГОВЪ (ЮЛІАНЪ-ОТСТУПНИКЪ).
- II. ВОСКРЕСШІЕ БОГИ (ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ).
- III. АНТИХРИСТЪ (ПЕТРЪ и АЛЕКСЪЙ).

II.

ВОСКРЕСШИЕ БОГИ.

(ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ).

ДЕСЯТАЯ КНИГА.

ТИХІЯ ВОЛНЫ.

I.

Обитая желѣзомъ маленькая дверь въ сѣверо-западной башнѣ Рокетты вела въ подвалъ, уставленный дубовыми сундуками,—казнохранилище герцога Моро. Надъ этой дверью, въ неоконченныхъ фрескахъ Леонардо, изображенъ былъ богъ Меркурій, подобный грозному ангелу. Ночью перваго сентября 1499 года придворный казначей Амброджіо да-Феррари и управитель герцогскихъ доходовъ Боргонціо Ботто съ помощниками вынимали изъ этого подвала деньги, жемчугъ, который, какъ зерно, черпали ковшами, и другія драгоцѣнности, складывали въ кожаные мѣшки и запечатывали; слуги выносили ихъ въ садъ и навьючивали на муловъ. Двѣсти сорокъ мѣшковъ были наполнены, тридцать муловъ навьючены, а заплывшіе огарки все еще озаряли въ глубинѣ сундуковъ груды червонцевъ.

Моро сидѣлъ у входа въ казнохранилище за письменнымъ поставцомъ, заваленнымъ счетными книгами, и, не обращая вниманія на работу казначеевъ, бессмысленнымъ взоромъ смотрѣлъ на пламя свѣчи.

Съ того дня, какъ получилъ вѣсть о бѣгствѣ главнаго полководца своего, синьора Галеаццо Сансеверино, и о приближеніи французовъ къ Милану, погрузился онъ въ это странное оцѣпенѣніе.

Когда всё драгоценности были вынесены изъ подваловъ, казначей спросилъ его, желаетъ ли онъ взять съ собою или оставить золотую и серебряную посуду. Моро посмотрѣлъ на него, нахмурившись, какъ бы напрягая мысль, чтобы понять, о чемъ онъ говорить; но тотчасъ отвернулся, махнулъ рукою и снова устремилъ неподвижный взоръ на пламя свѣчи. Когда мессэръ Амброджіо повторилъ вопросъ, герцогъ уже не слышалъ вовсе. Казначей ушли такъ и не добившись отвѣта. Моро остался одинъ.

Старый камеръере Мариоло Пустерло доложилъ о приходѣ новаго начальника крѣпости, Бернардино да-Корте. Моро провелъ рукою по лицу, всталъ и проговорилъ:

— Да, да, конечно, прими!

Питая недоувѣріе къ потомкамъ знатныхъ родовъ, любилъ онъ создавать людей изъ ничего, первыхъ дѣлать послѣдними, послѣднихъ — первыми. Среди вельможъ его были дѣти истопниковъ, огородниковъ, поваровъ, погонщиковъ муловъ. Бернардино, сынъ придворнаго лакея, впоследствии кухоннаго счетовода, въ молодости самъ носилъ ливрею. Моро возвысилъ его до первыхъ должностей государственныхъ и теперь оказывалъ ему величайшее довѣріе, поручая защиту Миланскаго замка, послѣдней твердыни своего могущества въ Ломбардіи.

Герцогъ милостиво принялъ новаго префекта, усадилъ, развернулъ передъ нимъ планы замка и началъ объяснять военные знаки для переговоровъ крѣпостного отряда съ жителями города: необходимость скорой помощи обозначали: днемъ—кривой садовый ножъ, ночью—три зажженные факела, показанные съ главной башни замка; измѣну солдатъ — бѣлая простыня, вывѣшенная на башнѣ Боны Савойской; недостатокъ пороха—стулъ, спущенный на веревкѣ изъ бойницы; недостатокъ вина — женская юбка; хлѣба — мужскіе штаны изъ черной фустаньи; врача — глиняный ночной горшокъ.

Моро самъ изобрѣлъ эти знаки и простодушно утѣшался ими, какъ будто въ нихъ заключалась теперь вся надежда на спасеніе.

— Помни, Бернардино — заключилъ онъ, — все предусмотрѣно, всего у тебя вдоволь: денегъ, пороха, съѣстныхъ припасовъ, огнестрѣльныхъ орудій; тремъ тысячамъ наемниковъ заплачено впередъ; въ рукахъ твоихъ крѣпость, которая могла бы выдержать осаду въ теченіе трехъ лѣтъ, но я прошу только о трехъ мѣсяцахъ, и, если не вернусь къ тебѣ на выручку, — дѣлай, что знаешь. — Ну, теперь, кажется, все. Прощай. Господь да сохранить тебя, сынъ мой!

Онъ обнялъ его на прощаніе.

Когда префектъ ушелъ, Моро велѣлъ пажу постлатъ походную постель, помолился, легъ, но не могъ уснуть. Опять зажегъ свѣчу, вынулъ изъ дорожной сумки пачку бумагъ и отыскалъ стихотвореніе соперника Беллинчioni, нѣкоего Антоніо Камелли-да-Пистойя, измѣнившаго герцогу, своему благодѣтелю, и бѣжавшаго къ французамъ. Въ стихотвореніи изображалась война Моро съ Франціей подъ видомъ борьбы крылатой Змѣи Сфорца съ древнимъ Гальскимъ Пѣтухомъ:

Борьбу я вижу Пѣтуха и Змѣя:
Вцѣпилися другъ въ друга, вьются клубомъ;
Ужъ выщербилъ Пѣтухъ Дракону глазъ,
Змѣй хотеть взвиться и не можетъ.
Когтями ротъ ему зажалъ Пѣтухъ,
И корчится Змѣя отъ боли.
Издохнетъ Гадъ, и воцарится Галль;
И тѣмъ, кто мнилъ себя превыше неба,
Побрезгаютъ не только люди—звѣри
И падалью питающійся воронъ.

Всегда онъ трусомъ былъ, но лишь въ раздорахъ нашихъ
Казалось мужественнымъ сердце труса.—
За то, что ты враговъ въ отечество призвалъ,
Похитилъ власть, племянника ограбивъ,
О, Моро, Богъ тебя бѣдою поразилъ,
Для коей нѣтъ врача иного, кромѣ смерти;
И если своего ты счастья не забылъ,
Теперь ты знаешь, Лодовико,
Какъ тѣхъ страданіе велико,
Кто говорить: я счастливъ былъ!

Грустное и въ то же время почти сладостное чувство обиды было въ сердцѣ Моро. Онъ вспомнилъ недавніе рабочіе гимны того же самага Антоніо Камелли-да-Пистойя:

Кто видитъ славу Моро, каменѣеть
Въ священномъ ужасѣ, какъ отъ лица Медузы.—
Владыка мира и войны,
Одной ногой ты попираешь небо,
Другую — землю.
Тебѣ, о герцогъ нашъ, поднять довольно палець,
Чтобъ повернуть весь міръ;
Ты первый, послѣ Бога, правишь
Рулемъ вселенной, колесомъ Фортуны.

Было за полночь. Пламя догорѣвшей свѣчи трепетало, потухая, когда герцогъ все еще ходилъ взадъ и впередъ по сумрачной башнѣ Сокровищницы. Онъ думалъ о своихъ страданіяхъ, о несправедливости судьбы, о неблагодарности людей.

«Что я имъ сдѣлалъ? За что они возненавидѣли меня? Говорятъ: злодѣй, убійца. — Но вѣдь тогда и Ромуль, умертвившій брата, и Цезарь, и Александръ, всѣ герои древности — только убійцы и злодѣи! Я хотѣлъ имъ дать новый вѣкъ золотой, какого народы не видѣли со времени Августа, Траяна и Антонина. Еще бы немного — и подъ моею державою въ объединенной Италіи расцвѣли бы древніе лавры Аполлона, оливы Паллады, наступило бы царство вѣчнаго мира, царство божественныхъ Музъ. Первый изъ государей, я искалъ величія не въ кровавыхъ подвигахъ, а въ плодахъ золотого мира — въ просвѣщеніи. Браманте, Пачіоли, Карадоссо, Леонардо и сколько другихъ! Въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ, когда суетный шумъ оружія умолкнетъ, имена ихъ будутъ звучать вмѣстѣ съ именемъ Сфорца. И то ли бы еще я сдѣлалъ, на такую ли высоту вознесъ бы, новый Перикль, мои новыя Аѳины, если бы не это дикое полчище сѣверныхъ варваровъ!.. За что, за что же, Господи?

Опустивъ голову на грудь, онъ повторилъ стихи поэта:

Теперь ты знаешь, Лодовико,
Какъ тѣхъ страданіе велико,
Кто говоритъ: я счастливъ былъ!

Пламя въ послѣдній разъ вспыхнуло, озарило своды башни, бога Меркурія надъ дверью казнохранилища—и потухло. Герцогъ вздрогнулъ, ибо угасаніе догорѣвшей свѣчи было дурною примѣтою. Въ темнотѣ, ощупью, чтобы не будить Ричъярдетто, онъ подошелъ къ постели, раздѣлся, легъ и на этотъ разъ тотчасъ уснулъ.

Ему приснилось, будто бы стоитъ онъ на колѣняхъ передъ мадонною Беатриче, которая, только что узнавъ о любовномъ свиданіи мужа съ Лукреціей, ругаетъ и бьетъ его по щекамъ. Ему больно, но не обидно; онъ радъ, что она опять жива и здорова. Покорно подставляя лицо свое подъ удары, ловить онъ ея маленькія смуглыя ручки, чтобы припасть къ нимъ губами, и плачетъ отъ любви, отъ жалости къ ней. Но вдругъ передъ нимъ — уже не Беатриче, а богъ Меркурій, тотъ самый, что изображенъ на фрескѣ Леонардо надъ желѣзною дверью, подобный грозному ангелу. Богъ схватилъ его за волосы и кричитъ: «Глупый! глупый! на что ты надѣешься? Думаешь, помогутъ тебѣ твои хитрости, спасутъ отъ кары Господней, убійца!»

Когда онъ проснулся, свѣтъ утра брежжилъ въ окнахъ. Рыцари, вельможи, ратные люди, нѣмецкіе наемники, которые должны были сопровождать его въ Германію — всего около трехъ тысячъ всадниковъ — ожидали выхода герцога на главной аллеѣ парка и на большой дорогѣ къ сѣверу — къ Альпамъ.

Моро сѣлъ на коня и поѣхалъ въ монастырь дэлле-Граціе послѣдній разъ помолиться надъ гробомъ жены.

Съ первыми лучами солнца печальный поѣздъ тронулся въ путь.

II.

Вслѣдствіе осенней непогоды, испортившей дороги, путешествіе затянулось болѣе, чѣмъ на двѣ недѣли.

Восемнадцатаго сентября, поздно вечеромъ, на одномъ изъ послѣднихъ переходовъ, герцогъ, больной и усталый, рѣшилъ переночевать на высотѣ въ пещерѣ, служившей

пріютомъ пастуховъ. Не трудно было найти болѣе спокойное и удобное убѣжище, но онъ выбралъ нарочно это дикое мѣсто для свиданія съ отправленнымъ къ нему посломъ императора Максимиліана.

Костеръ озарялъ сталактиты въ нависшихъ сводахъ пещеры. На походномъ вертелѣ жарились фазаны для ужина. Герцогъ сидѣлъ на походномъ ременчатомъ стулѣ, закутанный, съ грѣлкой въ ногахъ. Рядомъ, ясная и тихая, какъ всегда, съ домашнимъ хозяйственнымъ видомъ, мадонна Лукреція приготавливала полосканіе отъ зубной боли, собственнаго изобрѣтенія, изъ вина, перца, гвоздики и другихъ крѣпкихъ пряностей: у герцога болѣли зубы.

— Такъ-то, мессэръ Одоардо, — говорилъ онъ послу императора, не безъ тайнаго самодовольства утѣшаясь величіемъ собственныхъ бѣдствій, — вы можете передать государю, гдѣ и какъ встрѣтили вы законнаго герцога Ломбардіи!

Онъ былъ въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ внезапной болтливости, которые теперь иногда овладѣвали имъ послѣ долгаго молчанія и оцѣпенѣнія.

— Лисицы имѣютъ норы, птицы—гнѣзда, я же не имѣю мѣста, гдѣ преклонить голову!

— Коріо, — обратился онъ къ придворному лѣтописцу, — когда будешь составлять хронику, упомяни и объ этомъ ночлегѣ въ пастушьемъ вертепѣ — послѣднемъ убѣжищѣ потомка великихъ Сфорца, изъ рода троянскаго героя Англа, Энеева спутника!

— Синьоръ, ваши несчастія достойны пера новаго Тацита! — замѣтилъ Одоардо.

Лукреція подала герцогу зубное полосканіе. Онъ взглянулъ на нее и залюбовался. Блѣдная, свѣжая, въ розовомъ отблескѣ пламени, съ черными гладкими начесами волосъ на ухахъ, съ брилліантомъ на тонкой нити фероньеры по срединѣ лба, смотрѣла она на него съ улыбкой материнской нѣжности, немного исподлобья, своими внимательными, строгими и важными, какъ у дѣтей невинными глазами.

«О милая! Вотъ кто не предастъ, не измѣнитъ», подумалъ герцогъ и, окончивъ полосканіе, молвилъ:

— Коріо, запиши: въ горнилѣ великихъ страданій познается истинная дружба, какъ золото въ огнѣ.

Карликъ-шутъ Янакки подошелъ къ Моро:

— Куманекъ, а куманекъ! — заговорилъ онъ, усаживаясь въ ногахъ его и дружески хлопая герцога по колѣну. — Чего ты носъ повѣсилъ, какъ мышъ на крупу надулся? Брось, право, брось! Отъ всякаго горя, кромѣ смерти, есть лѣкарство. И то сказать: лучше быть живымъ осломъ, чѣмъ мертвымъ государемъ. — Сѣдла! — закричалъ онъ вдругъ, указывая на кучу сбруи, лежавшей на полу. — Куманекъ, посмотри-ка: ослиныя сѣдла!

— Чему же ты обрадовался? — спросилъ герцогъ.

— Старая басенка, Моро! Не мѣшало бы и тебѣ напомнить. Хочешь расскажу?

— Расскажи, пожалуй.

Карликъ привскочилъ, такъ что всѣ бубенчики на немъ зазвенѣли, и помахалъ шутовскою палкою, на концѣ которой висѣлъ пузырь, наполненный сухимъ горохомъ.

— Жилъ да былъ у короля неаполитанскаго Альфонсо живописецъ Джіотто. Однажды приказалъ ему государь изобразить свое королевство на стѣнѣ дворца. Джіотто написалъ осла, который, имѣя на спинѣ сѣдло съ государственнымъ гербомъ—золотой короною и скипетромъ, обнюхиваетъ другое, новое сѣдло, лежащее у ногъ его, съ такимъ же точно гербомъ. — Что это значить? — спросилъ Альфонсо. — Это вашъ народъ, государь, который, что ни день, то желаетъ себѣ новаго правителя, — отвѣтилъ художникъ. — Вотъ тебѣ и вся моя сказочка, куманекъ! Хотя я и дуракъ, а слово мое вѣрно: французское сѣдло, что нынче миланцы обнюхиваютъ, скоро имъ спину натретъ, — дай только ослику вволю натѣшиться, и старое опять покажется новымъ, новое — старымъ.

— *Stulti aliquando sapientes.*—Глупые иногда мудры,— съ грустной усмѣшкой молвилъ герцогъ. — Коріо, запиши...

Но на этотъ разъ не суждено ему было произнести до-
стопамятнаго изреченія: у входа въ пещеру послышалось
фырканье лошади, топотъ копытъ, заглушенные голоса. Вбѣ-
жалъ камеръере Маріоло Пустерло съ испуганнымъ лицомъ
и что-то прошепталъ на ухо главному секретарю, Бартоло-
мео Калько.

— Что случилось? — спросилъ Моро.

Всѣ притихли.

— Ваше высочество... — молвилъ секретарь, но голосъ
его дрогнулъ, и, не кончивъ, онъ отвернулся.

— Синьоре, — произнесъ Луиджи Марліани, подходя къ
Моро, — Господь да сохранить вашу свѣтлость! Будьте гото-
вы ко всему: недобрыя вѣсти...

— Говорите, говорите скорѣе! — воскликнулъ Моро и
вдругъ поблѣднѣлъ.

У входа въ пещеру, среди солдатъ и придворныхъ, уви-
дѣлъ онъ человѣка въ кожаныхъ высокихъ сапогахъ, за-
брызганнаго грязью. Всѣ разступились молча. Герцогъ
оттолкнулъ отъ себя мессэра Луиджи, бросился къ вѣст-
нику, вырвалъ у него изъ рукъ письмо, распечаталъ, про-
бѣжалъ, вскрикнулъ и повалился навзничь. Пустерло и
Марліани едва успѣли его поддержать.

Боргонціо Ботто извѣщалъ Моро о томъ, что семна-
дцатаго сентября, въ день св. Сатира, измѣнникъ Бернардино
да-Корте сдалъ Миланскій замокъ маршалу французскаго
короля, Джьянь-Джьякопо Тривульціо.

Герцогъ любилъ и умѣлъ падать въ обморокъ. Онъ иногда
пользовался этимъ средствомъ какъ дипломатическою хит-
ростью. Но на этотъ разъ обморокъ былъ непритворный.

Долго не могли привести его въ чувство. Наконецъ
онъ открылъ глаза, вздохнулъ, приподнялся, набожно пере-
крестился и проговорилъ:

— Отъ Іуды до нашихъ дней не было большаго пре-
дателя, чѣмъ Бернардино да-Корте!

И болѣе въ этотъ день не произнесъ ни слова.

Нѣсколько дней спустя въ городѣ Инспрукъ, гдѣ импе-
раторъ Максимилианъ милостиво принялъ Моро, — въ поздній

часъ ночи, наединѣ съ главнымъ секретаремъ Бартоломео Калько, расхаживая по одному изъ покоевъ во дворцѣ кесаря, герцогъ сочинялъ, а мессэръ Бартоломео записывалъ довѣрительныя грамоты двумъ посламъ, которыхъ тайно отправлялъ Моро въ Константинополь къ турецкому султану.

Лицо стараго секретаря ничего не выражало, кромѣ вниманія. Перо послушно бѣгало по бумагѣ, едва поспѣвая за быстрою рѣчью герцога.

— ...«Пребывая постоянно твердыми и неизмѣнными въ добрыхъ намѣреніяхъ и расположеніи къ вашему величеству, а нынѣ, особливо, для возвращенія нашего государства, на великодушную помощь повелителя Оттоманской имперіи уповая, рѣшили мы послать трехъ гонцовъ тремя различными путями, дабы, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ исполнилъ наши порученія»...

Далѣе герцогъ жаловался султану на папу Александра VI:

— ...«Папа, будучи по природѣ своей коварнымъ и злымъ»...

Безстрастное перо секретаря остановилось. Онъ поднялъ брови, сморщилъ кожу на лбу и переспросилъ, думая, что ослышался:

— Папа?

— Ну, да, да. Пиши скорѣе.

Секретарь еще ближе наклонилъ голову къ бумагѣ, и снова перо заскрипѣло.

...«Папа, будучи, какъ извѣстно вашему величеству, по природѣ своей коварнымъ и злымъ, побудилъ французскаго короля къ походу на Ломбардію»...

Описывались побѣды французовъ:

— ...«Получивъ объ этомъ извѣстіе, объята были мы страхомъ,—признавался Моро,—и почли за благо удалиться къ императору Максимилиану въ ожиданіи помощи вашего величества. Всѣ предали и обманули насъ, но болѣе всѣхъ Бернардино»...

При этомъ имени голосъ его задрожалъ.

— ...«Бернардино да-Корте—змѣй, отогрѣтый у сердца нашего, рабъ, осыпанный милостями и щедротами нашими, который продалъ насъ, какъ Іуда»... Впрочемъ, нѣтъ, погоди, объ Іудѣ не надо, — спохватился Моро, вспомнивъ, что пишетъ невѣрному турку.

Изобразивъ свои бѣдствія, умолялъ онъ султана напасть на Венецію съ моря и суши, обѣщая вѣрную побѣду и уничтоженіе исконнаго врага Оттоманской имперіи, республики Санъ-Марко.

— ...«И да будетъ вамъ извѣстно,—заключалъ онъ посланіе, — что въ сей войнѣ, какъ во всякомъ иномъ предпріятіи, все, что мы имѣемъ, принадлежитъ вашему величеству, которое едва ли найдетъ въ Европѣ болѣе сильнаго и вѣрнаго союзника».

Онъ подошелъ къ столу, что-то хотѣлъ прибавить, но махнулъ рукою и опустился въ кресло.

Бартоломео посыпалъ изъ песочницы послѣднюю не высохшую страницу. Вдругъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на государя: герцогъ, закрывъ лицо руками, плакалъ. Спина, плечи, пухлый двойной подбородокъ, синеватые бритые щеки, гладкая прическа — цаццера безпомощно вздрагивали отъ рыданій.

— За что, за что? Гдѣ же правда Твоя, Господи?

Обративъ къ секретарю сморщенное лицо, напоминавшее въ это мгновеніе лицо слезливой старой бабы, онъ пролепеталъ:

— Бартоломео, я тебѣ вѣрю: ну, скажи по совѣсти, правъ ли я или не правъ?

— Ваша свѣтлость разумѣетъ турецкое посольство?

Моро кивнулъ головою. Старый политикъ задумчиво поднялъ брови, выпятилъ губы и сморщилъ кожу на лбу.

— Конечно, съ одной стороны, съ волками жить—поволчьи выть, ну, а съ другой... осмѣлюсь доложить вашему высочеству: если бы подождать?..

— Ни за что!—воскликнулъ Моро.—Довольно я ждалъ! Я покажу имъ, что Миланскаго герцога они изъ игры, какъ ненужную пѣшку, не вышвырнуть, потому что,—видишь

ли, другъ мой,—когда правый обиженъ, какъ я, кто дерзнетъ судить его, ежели обратится онъ за помощью не только къ Великому Турку, но къ самому дьяволу?

— Ваше высочество, — вкрадчиво молвилъ секретарь, — не должно ли опасаться, что нашествіе турокъ на Европу можетъ имѣть послѣдствія неожиданныя... напримѣръ, для церкви христіанской?

— О, Бартоломео, неужели ты думаешь, что я этого не предвидѣлъ? Лучше согласился бы я тысячу разъ умереть, чѣмъ причинить какой-либо вредъ святой нашей матери церкви. Сохрани меня Боже!.. Ты еще не знаешь всѣхъ моихъ замысловъ, — прибавилъ онъ съ прежнею хитрою и хищною усмѣшкою. — Погоди, уже такую кашу заваримъ, такими сѣтями враговъ оплетемъ, что свѣту Божьяго не взвидятъ! Одно скажу тебѣ: Великій Турокъ — только орудіе въ рукахъ моихъ. Придетъ пора—и мы уничтожимъ его, нечестивую секту Магомета истребимъ, Гробъ Господень отъ ига невѣрныхъ освободимъ!..

Ничего не отвѣтивъ, Бартоломео уныло потупилъ глаза.

«Плохъ, — подумалъ онъ, — совсѣмъ плохъ! Замечтался. Какая ужъ тутъ политика!»

Долго въ эту ночь съ горячею вѣрою и надеждой на помощь Великаго Турка молился герцогъ передъ своей любимой иконой работы Леонардо да-Винчи, гдѣ Матерь Господа изображена была подъ видомъ прекрасной наложницы Моро, графини Цециліи Бергамини.

III.

Дней за десять до сдачи Миланскаго замка, маршалъ Тривульціо, при радостныхъ кликахъ народа: «Франція! Франція!» и звонѣ колоколовъ вѣхалъ въ Миланъ какъ въ завоеванный городъ.

Вѣздъ короля назначенъ былъ на шестое октября. Граждане готовили торжественную встрѣчу.

Для праздничнаго шествія торговые синдикки извлекли изъ соборной ризницы двухъ ангеловъ, которые пятьдесятъ лѣтъ назадъ, еще во времена Амброзіанской Республики, изображали геніевъ народной свободы. Вѣтхія пружины, приводившія въ движеніе позолоченныя крылья, ослабѣли. Синдикки отдали ихъ починить бывшему герцогскому механику Леонардо да-Винчи.

Въ это время Леонардо занять былъ изобрѣтеніемъ новой летательной машины. Однажды, раннимъ, еще темнымъ, утромъ, сидѣлъ онъ за чертежами и математическими выкладками. Легкій камышевый остовъ крыльевъ, обтянутый тафтою, подобною перепонкѣ, напоминалъ не летучую мышъ, какъ прежняя машина, а исполинскую ласточку. Одно изъ крыльевъ было готово и, тонкое, острое, необычайно-прекрасное, вздымалось отъ полу до потолка, а внизу, въ тѣни его, Астро копошился, поправляя сломанныя пружины у двухъ деревянныхъ ангеловъ Миланской Коммуны.

На этотъ разъ Леонардо рѣшилъ какъ можно ближе слѣдовать строенію тѣлъ пернатыхъ, въ которомъ сама природа даетъ человѣку образецъ летательной машины. Онъ все еще надѣялся разложить чудо полета на законы механики. Повидимому, все, что можно было знать, — онъ зналъ и, однако, чувствовалъ, что есть въ полетѣ тайна, ни на какіе законы механики не разложимая. Опять, какъ въ прежнихъ попыткахъ, подходилъ къ тому, что отдѣляетъ созданіе природы отъ дѣла рукъ человѣческихъ, строеніе живого тѣла—отъ мертвой машины, и ему казалось, что онъ стремится къ невозможному.

— Ну, славу Богу, кончено! — воскликнулъ Астро, заводя пружины.

Ангелы замахали тяжелыми крыльями. Въ комнатѣ пронеслось дуновеніе—и тонкое, легкое крыло исполинской ласточки зашевелилось, зашелестѣло, какъ живое. Кузнецъ взглянулъ на него съ невыразимою нѣжностью.

— Времени-то сколько даромъ на этихъ болвановъ ушло! — проворчалъ онъ, указывая на ангеловъ. — Ну,

да ужъ теперь, воля ваша, мастеръ, а я не выйду отсюда, пока не кончу крыльевъ. — Пожалуйте чертежъ хвоста.

— Не готовъ еще, Астро! Погоди, надо обдумать.

— Какъ же, мессэре? Вы третьяго дня общались...

— Что дѣлать, другъ! Ты знаешь, хвостъ нашей птицы — вмѣсто руля. Тутъ, ежели самая малая ошибка, — все пропало.

— Ну, ну, хорошо, вамъ лучше знать. Я подожду, а пока второе крыло...

— Астро, — молвилъ учитель, — ты бы подождаль. А то я боюсь, какъ бы чего-нибудь опять измѣнить не пришлось...

Кузнецъ не отвѣтилъ. Бережно поднялъ онъ и сталъ поворачивать камышевый остовъ, затянутый переплетомъ бечевокъ изъ воловьихъ жилъ. Потомъ вдругъ, обернувшись къ Леонардо, произнесъ глухимъ, дрогнувшимъ голосомъ:

— Мастеръ, а, мастеръ, вы на меня не сердитесь, но ежели опять вы съ вашими вычисленіями до того дойдете, что и на этой машинѣ нельзя будетъ летѣть,—я все-таки полечу, назло вашей механикѣ полечу, — да, да, не могу я дольше терпѣть, силъ моихъ нѣтъ! Потому что я знаю: если и на этотъ разъ...

Не кончилъ и отвернулся. Леонардо внимательно посмотрѣлъ на его широкоскулое, тупое и упрямое лицо, въ которомъ была неподвижность единой, безумной и всепоглощающей мысли.

— Мессэре, — заключилъ Астро, — скажите лучше прямо, полетимъ мы или не полетимъ?

Такой страхъ и такая надежда были въ словахъ его, что Леонардо не имѣлъ духу сказать правду.

— Конечно, — отвѣтилъ онъ, потупившись, — знать нельзя, пока не сдѣлаемъ опыта; но думаю, Астро, что полетимъ...

— Ну, и довольно, довольно! — съ восторгомъ замахалъ руками кузнецъ. — Слышать больше ничего не хочу. Если уже и вы говорите, что полетимъ,—значить, полетимъ!

Онъ, видимо, хотѣлъ удержаться, но не могъ и разсмѣялся счастливымъ, дѣтскимъ смѣхомъ.

— Чего ты? — удивился Леонардо.

— Простите, мессэре! Я все мѣшаю вамъ. Ну, да ужъ въ послѣдній разъ, — больше не буду... Вѣрите ли, какъ вспомню о миланцахъ, о французяхъ, о герцогѣ Моро, о королѣ, такъ вотъ меня разбираетъ, — и смѣшно, и жалко: копошатся бѣдненькіе, дерутся и вѣдь тоже, поди, думаютъ, — великія дѣла творятъ, — черви ползучіе, козявки безкрылыя! И никто-то изъ нихъ не вѣдаетъ, какое чудо готовится. Вы только представьте себѣ, мастеръ, какъ выпучатъ они глаза, рты разинутъ, когда увидятъ крылатыхъ, летящихъ по воздуху. Вѣдь это уже не деревянные ангелы, что крыльями машутъ на потѣху черни! Увидятъ и не повѣрятъ. Боги, — подумаютъ. Ну, то-есть, меня-то, пожалуй, за бога не примутъ, скорѣе за чорта, а вотъ вы съ крыльями воистину будете какъ богъ. Или, можетъ-быть, скажутъ—Антихристъ. И ужаснутся, падутъ и поклонятся вамъ. И сдѣлаете вы съ ними, что хотите. Я такъ полагаю, учитель, что тогда уже не будетъ ни войнъ, ни законовъ, ни господъ, ни рабовъ, — все перемѣнится, наступитъ все новое, такое, о чемъ мы теперь и подумать не смѣемъ. И соединятся народы, и, паря на крыльяхъ, подобно ангельскимъ хорамъ, воспоютъ единую осанну... О, мессэре Леонардо! Господи, Господи!—Да неужели вправду?..

Онъ говорилъ точно въ бреду.

«Бѣдный! — подумалъ Леонардо. — Какъ вѣрить! Чего добраго, въ самомъ дѣлѣ, съ ума сойдетъ. И что мнѣ съ нимъ дѣлать? Какъ ему правду сказать?»

Въ это мгновеніе въ наружную дверь дома раздался громкій стукъ, потомъ голоса, шаги и, наконецъ, такой же стукъ въ запертыя двери мастерской.

— Кого еще нелегкая несетъ? Нѣтъ на нихъ погибели!— злобно проворчалъ кузнецъ. — Кто тамъ? Мастера видѣть нельзя. Уѣхалъ изъ Милана.

— Это я, Астро! Я — Лука Пачіоли. Ради Бога отопри скорѣе!

Кузнецъ отперъ и впустилъ монаха.

— Что съ вами, фра Лука? — спросилъ художникъ, вглядываясь въ испуганное лицо Пачіоли.

— Не со мной, мессэръ Леонардо, — впрочемъ, да, и со мной, но объ этомъ послѣ, а теперь... О, мессэръ Леонардо!.. Вашъ Колоссъ... гасконскіе арбалетчики, — я только что изъ Каstellо, собственными глазами видѣлъ, — французы вашего Коня разрушаютъ... Бѣжимъ, бѣжимъ скорѣе!

— Зачѣмъ? — спокойно возразилъ Леонардо, только лицо его слегка поблѣднѣло. — Что мы можемъ сдѣлать?

— Какъ что? Помилуйте! Не будете же вы тутъ сидѣть, сложа руки, пока величайшее произведеніе ваше погибаетъ. У меня есть лазейка къ сиру де-ла-Тремуйлю. Надо хлопотать...

— Все равно, не успѣемъ, — проговорилъ художникъ.

— Успѣемъ, успѣемъ! Мы напрямикъ, огородами, черезъ плетень. Только скорѣе!

Увлекаемый монахомъ Леонардо вышелъ изъ дома, и они пустились почти бѣгомъ къ Миланскому замку.

По дорогѣ фра Лука рассказалъ ему о своемъ собственномъ горѣ; наканунѣ ночью ландскнехты разграбили погребъ каноника Санъ-Симпличіано, гдѣ жилъ Пачіоли, — перепились, начали буйствовать и, между прочимъ, найдя въ одной изъ келій хрустальныя изображенія геометрическихъ тѣлъ, приняли ихъ за дьявольскія выдумки черной магіи, за «кристаллы гаданія», и разбили вдребезги.

— Ну, что имъ сдѣлали, — сѣтовалъ Пачіоли, — что имъ сдѣлали мои невинные хрусталики?

Вступивъ на площадь Замка, увидѣли они у главныхъ Южныхъ воротъ, на подъемномъ мосту Баттипонте, у башни Торре дель-Филарете молодого французскаго щеголя, окруженнаго свитою.

— Мэтръ Жиль! — воскликнулъ фра Лука и объяснилъ Леонардо, что этотъ мэтръ Жиль птичникъ, такъ называемый «свистунъ рябчиковъ», учившій пѣнію, говору и прочимъ хитростямъ чижей, сорокъ, попугаевъ, дроздовъ его христіаннѣйшаго величества, короля французскаго, — лицо

при дворѣ немаловажное. Ходили слухи, что во Франціи подѣ дудку мэтра Жилия пляшутъ не однѣ сороки. Пачіоли давно уже собирался преподнести ему свои сочиненія, Божественную Пропорцію и Сумму Ариѳметики въ роскошныхъ переплетахъ.

— Пожалуйста, не беспокойтесь обо мнѣ, фра Лука, — сказалъ Леонардо. — Ступайте къ мэтру Жилию: я и одинъ сумѣю сдѣлать все, что нужно.

— Нѣтъ, къ нему потомъ, — проговорилъ Пачіоли въ смущеніи. — Или вотъ что, знаете? Мигомъ слетаю къ мэтру Жилию, только разспрошу, куда онъ ѣдетъ, — и тотчасъ къ вамъ. А вы пока прямо къ сиру де-ла-Тремуйлю..

Подобравъ полы коричневой ряски, юркій монахъ засѣменилъ босыми ножками въ дробно стучающихъ цоколяхъ и побѣжалъ въ припрыжку за свистуномъ королевскихъ рябчиковъ.

Черезъ подъемныя ворота Баттипонте вступилъ Леонардо на Марсово Поле — внутренній дворъ Миланскаго замка.

IV.

Утро было туманное. Огни костровъ догорали. Площадь и окрестныя зданія, загроможденныя пушками, ядрами, лагернымъ скарбомъ, кулями овса, ворохами соломы, кучами навоза, превращены были въ одну огромную казарму, конюшню и кабакъ. Вокругъ походныхъ лавокъ и кухонныхъ вертеловъ, бочекъ, полныхъ и пустыхъ, опрокинутыхъ, служившихъ игорными столами, слышались крики, хохотъ, клятвы, разноязычная брань, богохульства и пьяныя пѣсни. Порою все затихало, когда проходили начальники; трещалъ барабанъ, играли мѣдныя трубы рейнскихъ и швабскихъ ландскнехтовъ, заливались пастушьими унылыми звуками альпійскіе роги наемниковъ изъ вольныхъ кантоновъ Ури и Унтервальдена.

Пробравшись на середину площади, художникъ увидѣлъ своего Колосса почти нетронутымъ.

Великій герцогъ, завоеватель Ломбардіи, Франческо-Аттендоло Сфорца, съ лысой головой, похожей на голову римскаго императора, съ выраженіемъ львиной мощи и лисьей хитрости, попережнему сидѣлъ на конѣ, который взвился на дыбы, попирая копытами павшаго воина.

Швабскіе аркебузники, граубюндскіе стрѣлки, пикардійскіе пращники, гасконскіе арбалетчики толпились вокругъ изваянія и кричали, плохо разумѣя другъ друга, дополняя слова тѣлодвиженіями, по которымъ Леонардо понялъ, что рѣчь идетъ о предстоявшемъ состязаніи двухъ стрѣлковъ, нѣмца и француза. Они должны были стрѣлять по очереди на разстояніи пятидесяти шаговъ, выпивъ четыре кружки крѣпкаго вина. Мишенью служила родинка на щекѣ Колосса.

Отмѣрили шаги и бросили жребій, кому стрѣлять первому. Маркитантка нацѣдила вина. Нѣмецъ выпилъ, не переводя духу, одну за другою, четыре условленныхъ кружки, отошелъ, прицѣлился, выстрѣлилъ и промахнулся. Стрѣла оцарапала щеку, отбила край лѣваго уха, но родинки не задѣла

Французъ приложилъ къ плечу арбалетъ, когда въ толпѣ произошло движеніе. Солдаты разступились, пропуская поѣздъ пышныхъ герольдовъ, сопровождавшихъ рыцаря. Онъ проѣхалъ, не обративъ вниманія на потѣху стрѣлковъ.

— Кто это? — спросилъ Леонардо стоявшаго рядомъ пращника.

— Сиръ де-ла-Тремуйль.

«Еще не поздно! — подумалъ художникъ. — Бѣжать за нимъ, просить»...

Но онъ стоялъ, не двигаясь, чувствуя такую неспособность къ дѣйствию, такое непреодолимое оцѣпенѣніе, разслабленіе воли, что казалось, если бы въ эту минуту дѣло шло о спасеніи жизни его, — не пошевелилъ бы пальцемъ. Страхъ, стыдъ, отвращеніе овладѣвали имъ при одной мысли о томъ, какъ надо протискиваться сквозь толпу лакеевъ, конюховъ и бѣжать за вельможей, подобно Лукѣ Пачіоли.

Гасконецъ выстрѣлилъ. Стрѣла свистнула и вонзилась въ родинку.

— Bigorre! Bigorre! Montjoie Saint-Denis! — махая берегами, кричали солдаты. — Франція побѣдила!

Стрѣлки окружили Колосса и продолжали состязаніе.

Леонардо хотѣлъ уйти, но, прикованный къ мѣсту, точно въ страшномъ и нелѣпомъ снѣ, покорно смотрѣлъ, какъ разрушается созданіе шестнадцати лучшихъ лѣтъ его жизни, — быть-можетъ, величайшее произведеніе ваянія со временъ Праксителя и Фидія.

Подъ градомъ пуль, стрѣлъ и камней глина осыпалась мелкимъ пескомъ, крупными глыбами и разлеталась пылью, обнажая скрѣпы, точно кости желѣзнаго остова.

Солнце вышло изъ-за тучъ. Въ радостно брызнувшемъ блескѣ казалось еще болѣе жалкою развалина Колосса, съ обезглавленнымъ туловищемъ героя на безногомъ конѣ, съ обломкомъ царственного скипетра въ уцѣлѣвшей рукѣ и надписью внизу на подножii: «Esse deus!» — «*Се богъ!*»

Въ это время по площади проходилъ главный полководецъ французскаго короля, старый маршалъ Джьянь-Джьякопо Тривульціо. Взглянувъ на Колосса, остановился онъ въ недоумѣнii, еще разъ взглянулъ, заслонивъ глаза рукою отъ солнца, потомъ обернулся къ сопровождавшимъ его и спросилъ:

— Что это?

— Монсенёръ, — молвилъ подобострастно одинъ изъ лейтенантовъ, — капитанъ Жоржъ Кокебурнь разрѣшилъ арбалетчикамъ собственной властью...

— Памятникъ Сфорца, — воскликнулъ маршалъ, — произведеніе Леонардо да-Винчи — мишень гасконскихъ стрѣлковъ!..

Онъ подошелъ къ толпѣ солдатъ, которые такъ увлеклись стрѣльбою, что ничего не видѣли, схватилъ за шиворотъ пикардійскаго пращника, повалилъ его на землю и разразился неистовой бранью.

Лицо стараго маршала побагровѣло, жилы вздулись на шеѣ.

— Монсенъёръ! — лепеталъ солдатъ, стоя на колѣняхъ и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Монсенъёръ, мы не знали... Капитанъ Кокебурнъ...

— Погодите, собачьи дѣти, — кричалъ Тривульціо, — покажу я вамъ капитана Кокебурна, за ноги всѣхъ перевѣшаю!..

Сверкнула шпага. Онъ замахнулся и ударилъ бы, но Леонардо лѣвою рукою схватилъ его за руку, немного повыше кисти, съ такою силою, что мѣдный нарукавникъ сплющился.

Тщетно стараясь высвободить руку, маршалъ взглянулъ на Леонардо съ изумленіемъ.

— Кто это? — спросилъ онъ.

— Леонардо да-Винчи, — отвѣтилъ тотъ спокойно.

— Какъ ты смѣешь!.. — началъ было старикъ въ бѣшенствѣ, но, встрѣтивъ ясный взоръ художника, умолкъ.

— Такъ ты — Леонардо, — произнесъ онъ, вглядываясь въ лицо его. — Руку-то, руку пусти. Нарукавникъ согнулъ. Вотъ такъ сила! Ну, братъ, смѣлый же ты человѣкъ...

— Монсиньоре, умоляю васъ, не гнѣвайтесь, простите ихъ! — молвилъ художникъ почтительно.

Маршалъ еще внимательнѣе посмотрѣлъ ему въ лицо, усмѣхнулся и покачалъ головою:

— Чудакъ! Они лучшее твое произведеніе уничтожили, — и ты за нихъ просишь?

— Ваша свѣтлость, если вы ихъ всѣхъ перевѣшаете, какая польза мнѣ и моему произведенію? Они не знаютъ, что дѣлаютъ.

Старикъ задумался. Вдругъ лицо его прояснилось; въ умныхъ, маленькихъ глазахъ засвѣтилось доброе чувство.

— Послушай, мессэръ Леонардо, одного я въ толкъ не возьму. Какъ же ты стоялъ тутъ и смотрѣлъ? Зачѣмъ не далъ знать, не пожаловался мнѣ или сиру де-ла-Тремуиллю? Кстати, онъ, должно-быть, только что здѣсь проѣзжалъ?

Леонардо потупилъ глаза и проговорилъ, запинаясь и краснѣя, какъ виноватый:

— Не успѣлъ... Сира де-ла-Тремуйля въ лицо я не знаю...

— Жаль, — заключилъ старикъ, оглядываясь на развалину. — Сотню лучшихъ людей моихъ отдалъ бы я за твоего Колосса!..

Возвращаясь домой и проходя черезъ мостъ съ изящной лоджіей Браманте, гдѣ произошло послѣднее свиданіе Моро съ Леонардо, художникъ увидѣлъ французскихъ пажей и конюховъ, забавлявшихся охотою на ручныхъ лебедей, любимцевъ Миланскаго герцога. Шалуны стрѣляли изъ луковъ. Въ тѣсномъ рву, отовсюду закрытомъ высокими стѣнами, птицы метались въ ужасѣ. Среди бѣлаго пуха и перьевъ на черной водѣ плавали, качаясь, окровавленные тѣла. Только что раненый лебедь, съ пронзительно жалобнымъ крикомъ, выгнувъ длинную шею, трепеталъ слабыми крыльями, какъ будто пытается взлетѣть передъ смертью.

Леонардо отвернулся и поскорѣе прошелъ мимо. Ему казалось, что самъ онъ похожъ на этого лебедя.

V

Въ воскресенье шестого октября король Франціи Людовикъ XII въѣхалъ въ Миланъ черезъ Тичинскія ворота. Въ сопровождавшемъ его поѣздѣ былъ Цезарь Борджіа, герцогъ Валентино, сынъ папы. Во время шествія отъ Соборной площади къ замку, ангелы Миланской Коммуны исправно махали крыльями.

Съ того дня, какъ разрушенъ былъ Колоссъ, Леонардо болѣе не возвращался къ работѣ надъ летательной машиной. Астро одинъ кончалъ приборъ. Художникъ не имѣлъ духу сказать ему, что и эти крылья не годятся. Видимо, избѣгая учителя, кузнецъ также не заговаривалъ о предстоящемъ полетѣ, только иногда украдкой взглядывалъ на него съ безмолвнымъ укоромъ своимъ единственнымъ глазомъ, въ которомъ горѣлъ унылый, безумный огонь.

Однажды утромъ, въ двадцатыхъ числахъ октября, Паціоли прибѣжалъ къ Леонардо съ извѣстіемъ, что король требуетъ его во дворець. Художникъ пошелъ неохотно. Встревоженный исчезновеніемъ крыльевъ, онъ боялся, чтобы Астро, забравъ себѣ въ голову летѣть во что бы то ни стало, не надѣлалъ бѣды.

Когда Леонардо вошелъ въ столь памятныхъ залъ Рокетты, Людовикъ XII принималъ старшинъ и синдиковъ Милана.

Художникъ взглянулъ на своего будущаго повелителя, короля Франціи.

Ничего царственнаго не было въ его наружности: хилое, слабое тѣло, узкія плечи, вдавленная грудь, лицо съ некрасивыми морщинами, страдальческое, но не облагороженное страданіемъ — плоское, будничное, съ выраженіемъ мѣщанской добродѣтели.

На верхней ступени трона стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, въ простомъ черномъ платьѣ безъ украшеній, кромѣ нѣсколькихъ жемчужинъ на отворотахъ берета и золотой цѣпи изъ раковинъ ордена св. Архангела Михаила, — съ длинными бѣлокурыми волосами, маленькою, слегка раздвоенною темно-русою бородкою, ровною блѣдностью въ лицѣ и черно-синими, привѣтливо-умными глазами.

— Скажите, фра Лука, — шепнулъ художникъ на ухо спутнику, — кто этотъ вельможа?

— Сынъ папы, — отвѣчалъ монахъ, — Цезарь Борджіа, герцогъ Валентино.

Леонардо слышалъ о злодѣйствахъ Цезаря. Хотя явныхъ уликъ не было, никто не сомнѣвался, что онъ убилъ брата Джіованни Борджіа, наскучивъ быть младшимъ, желая сбросить кардинальскій пурпуръ и наслѣдовать званіе военачальника — гонфалоньера церкви. Ходили слухи еще болѣе невѣроятные, будто бы причиной Каинова злодѣянія было соперничество братьевъ не только изъ-за милостей отца, но также изъ-за кровосмѣсительной похоти къ родной сестрѣ, мадоннѣ Лукреціи.

«Не можетъ быть!» думалъ Леонардо, вглядываясь въ спокойное лицо его, въ невинные глаза.

Должно-быть, почувствовавъ на себѣ пристальный взоръ, Цезарь оглянулся, потомъ, наклонившись къ стоявшему рядомъ, благообразному старику, въ длинной темной одеждѣ, вѣроятно, секретарю своему, что-то шепнулъ, указывая на Леонардо, и когда старикъ отвѣтилъ, — посмотрѣлъ на художника пристально. Тонкая усмѣшка скользнула по губамъ Валентино. И въ то же мгновеніе Леонардо почувствовалъ:

«Да, можетъ быть, все можетъ быть — и даже еще худшее, чѣмъ о немъ говорятъ!»

Старшина синдиковъ, окончивъ унылое чтеніе, подошелъ къ трону, сталъ на колѣни и поднесъ королю прошеніе. Людовикъ нечаянно уронилъ пергаментный свитокъ. Старшина засуетился, желая поднять. Но Цезарь, предупредивъ его, быстрымъ и ловкимъ движеніемъ поднялъ свитокъ и подалъ королю съ поклономъ.

— Хамъ! — злобно прошепталъ кто-то за спиной Леонардо, въ толпѣ французскихъ вельможъ. — Обрадовался, выскочилъ!

— Ваша правда, мессэре, — подхватилъ другой. — Сынъ папы отлично исполняетъ должность лакея. Если бы только видѣли, какъ утромъ, когда король одѣвается, онъ ему прислуживаетъ, рубашку грѣетъ. Я чай, и конюшню чистить не побрезгалъ бы?

Художникъ замѣтилъ подобострастное движеніе Цезаря, но оно показалось ему скорѣе страшнымъ, чѣмъ гнуснымъ, — какъ предательская ласковость хищнаго звѣря.

Въ это время Пачіоли хлопоталъ, волновался, подталкивалъ спутника подъ локоть, но видя, что Леонардо, со своею обычною застѣнчивостью, чего добраго, цѣлый день простоятъ въ толпѣ, не найдя случая привлечь вниманія короля, — принялъ рѣшительныя мѣры, схватилъ его за руку и, весь изогнувшись, съ быстрымъ непрерывнымъ свистомъ и шипѣніемъ превосходныхъ степеней: stupendissimo, prestantissimo, invicissimo, — представилъ королю художника.

Людовикъ заговорилъ о Тайной Вечери; хвалилъ изображенія апостоловъ, но болѣе всего восхищался перспективою потолка.

Фра Лука ожидалъ съ минуту на минуту, что его величество пригласитъ Леонардо къ себѣ на службу. Но вошелъ пажъ и подаль королю письмо, только что полученное изъ Франціи.

Король узналъ почеркъ жены, возлюбленной своей бретонки Анны: то было извѣстіе о разрѣшеніи королевы отъ бремени.

Вельможи начали поздравлять его. Толпа отгѣснила Леонардо и Пачіоли. Король взглянулъ было на нихъ, вспомнилъ, хотѣлъ что-то сказать, но тотчасъ снова забылъ, любезно пригласилъ дамъ поскорѣе выпить за здоровье новорожденной и вышелъ въ другую залу.

Пачіоли, ухвативъ за руку спутника, потащилъ его за собою.

— Скорѣе! Скорѣе!

— Нѣтъ, фра Лука, — спокойно возразилъ Леонардо. — Благодарю васъ за хлопоты; но я напомять о себѣ не буду: его величеству теперъ не до меня.

И вышелъ изъ дворца.

На подъемномъ мосту Баттипонте, въ южныхъ воротахъ Каstellо, догналъ его секретарь Цезаря Борджіа, мессэръ Агапито. Онъ предложилъ ему отъ имени герцога мѣсто «главнаго строителя», ту самую должность, которую исполнялъ Леонардо у Моро.

Художникъ обѣщаль дать отвѣтъ черезъ нѣсколько дней.

Подходя къ дому, еще издали, на улицѣ, замѣтилъ онъ толпу народа и ускорилъ шагъ. Джіованни, Марко, Салаино, Чезаре несли, должно-быть, за неимѣніемъ носилокъ, на громадномъ, измятомъ, продранномъ и сломанномъ крылѣ новой летательной машины, подобномъ крылу исполинской ласточки, своего товарища, кузнеца Астро да-Перетола, въ разорванной, окровавленной одеждѣ, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ.

Случилось то, чего боялся учитель: кузнецъ рѣшилъ испытать крылья, полетѣлъ, сдѣлалъ два-три взмаха, упалъ и убится бы до-смерти, если бы одно крыло машины не зацѣпилось за вѣтви рядомъ стоявшаго дерева.

Леонардо помогъ внести носилки въ домъ и бережно уложилъ больного въ постель. Когда онъ наклонился къ нему, чтобы осмотрѣть раны, Астро пришелъ въ себя и прошепталъ, взглянувъ на Леонардо съ безконечной мольбою:
— Простите, учитель!

VI.

Въ первыхъ числахъ ноября, послѣ великолѣпныхъ торжествъ въ честь новорожденной, Людовикъ XII, принявъ отъ миланцевъ присягу и назначивъ намѣстникомъ Ломбардіи маршала Тривульціо, уѣхалъ во Францію.

Въ соборѣ отслужили благодарственную обѣдню Духу Святому. Въ городѣ было возстановлено спокойствіе, но только наружное: народъ ненавидѣлъ Тривульціо за его жестокость и коварство. Приверженцы Моро бунтовали чернь, распространяли подметныя письма. Тѣ, кто еще такъ недавно провожалъ его въ изгнаніе насмѣшками и бранью, теперь вспоминали о немъ, какъ о лучшемъ изъ государей.

Въ послѣднихъ числахъ января толпа у Тичинскихъ воротъ разгромила прилавки французскихъ сборщиковъ пошлинъ. Въ тотъ же день на виллѣ Лардираго, около Павіи, французскій солдатъ посягнулъ на честь молодой ломбардской поселянки. Защищаясь, ударила она обидчика метлою по лицу. Солдатъ пригрозилъ ей топоромъ. На крикъ прибѣжалъ отецъ ея съ палкою. Французъ убилъ старика. Собралась толпа и умертвила солдата. Французы напали на ломбардцевъ, перебили множество народа и опустошили мѣстечко. Въ Миланѣ извѣстіе это было тѣмъ же, что искра, упавшая въ порохъ. Народъ запрудилъ площади, улицы, рынки съ яростными воплями:

— Долой короля! Долой намѣстника! Бейте, бейте французовъ! Да здравствуетъ Моро!

У Тривульціо было слишкомъ мало людей, чтобы защищаться противъ населенія трехсоттысячнаго города. Поставивъ пушки на башню, временно служившую колокольнею собора, направилъ онъ жерла въ толпу, велѣлъ по первому знаку стрѣлять и, желая сдѣлать послѣднюю попытку примиренія, вышелъ къ народу. Чернь едва не убила его, загнала въ Ратушу, и здѣсь бы онъ погибъ, если бы на помощь не подоспѣлъ изъ крѣпости отрядъ швейцарскихъ наемниковъ съ капитаномъ, синьоромъ Курсенжемъ во главѣ.

Начались поджоги, убійства, грабежи, пытки, казни французовъ, попадавшихъ въ руки бунтовщиковъ, и гражданъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи французамъ.

Въ ночь на первое февраля Тривульціо тайно ушелъ изъ крѣпости, оставивъ ее подъ защитою капитана д'Эспи и Кодебекара. Въ ту же ночь возвратившійся изъ Германіи Моро радостно принятъ былъ жителями города Комо. Граждане Милана ждали его какъ избавителя.

Леонардо въ послѣдніе дни мятежа, опасаясь пушечной пальбы, которая разрушила нѣсколько сосѣднихъ домовъ, переселился въ свой погребъ, искусно провелъ въ него ночныя трубы, устроилъ очаги и нѣсколько жилыхъ покоевъ. Какъ въ маленькую крѣпость, перенесли сюда все, что было цѣннаго въ домѣ — картины, рисунки, рукописи, книги, научные приборы.

Въ это время окончательно рѣшилъ онъ поступить на службу къ Цезарю Борджіа. Но прежде, чѣмъ отправиться въ Романью, куда, по условіямъ заключеннаго съ мессэромъ Агапито договора, Леонардо долженъ былъ прибыть не позже лѣтнихъ мѣсяцевъ 1500 года, намѣревался онъ заѣхать къ старому другу своему Джироламо Мельци, чтобы переждать опасное время войны и бунта на его уединенной виллѣ Вапріо близъ Милана.

Утромъ 2 февраля, въ день Срѣтенія Господня, прибѣжалъ къ художнику фра Лука Пачіоли и объявилъ, что въ замкѣ наводненіе: миланецъ Луиджи да-Порто, бывшій на службѣ у французовъ, бѣжалъ къ бунтовщикамъ и от-

крыль ночью шлюзы каналовъ, наполнявшихъ крѣпостные рвы. Вода разлилась, затопила мельницу въ паркѣ у стѣны Рокетты, проникла въ подвалы, гдѣ хранился порохъ, масло, хлѣбъ, вино и прочіе припасы, такъ что, если бы французамъ не удалось съ большимъ трудомъ спасти отъ воды нѣкоторую часть ихъ, — голодъ принудилъ бы ихъ къ сдачѣ крѣпости, на что рассчитывалъ мессэръ Луиджи. Во время наводненія сосѣдніе съ крѣпостью каналы въ низменномъ предмѣстьѣ Верчельскихъ воротъ вышли изъ береговъ и затопили болотистую мѣстность, гдѣ находился монастырь дэлле-Граціе. Фра Лука сообщилъ художнику свои опасенія, какъ бы вода не повредила Тайной Вечери, и предложилъ пойти осмотрѣть, цѣла ли картина.

Съ притворнымъ равнодушіемъ возразилъ Леонардо, что ему теперь некогда, и что онъ за Тайную Вечерю не боится,—картина, будто бы, на такой высотѣ, что сырость не можетъ причинить ей вреда. Но только что Пачіоли ушелъ, Леонардо побѣжалъ въ монастырь.

Войдя въ трапезную, увидѣлъ на кирпичномъ полу грязныя лужи—слѣды наводненія. Пахло сыростью. Одинъ изъ монаховъ сказалъ, что вода поднялась на четверть локтя.

Леонардо подошелъ къ стѣнѣ, гдѣ была Тайная Вечеря. Краски оставались, повидимому, ясными.

Прозрачныя, нѣжныя, не водяныя, какъ въ обычной стѣнописи, а масляныя, онѣ были его собственнымъ изобрѣтеніемъ. Онъ приготовилъ и стѣну особеннымъ способомъ: загрунтовавъ ее слоемъ глины съ можжевеловымъ лакомъ и олифою, на первый нижній грунтъ навелъ второй—изъ мастики, смолы и гипса. Опытные мастера предсказывали непрочность масляныхъ красокъ на сырой стѣнѣ, сложенной въ болотистой низменности. Но Леонардо, со свойственнымъ ему пристрастіемъ къ новымъ опытамъ, къ невѣдомымъ путямъ въ искусствѣ, упорствовалъ, не обращая вниманія на совѣты и предостереженія. Отъ стѣнописи водяными красками отвращало его и то, что работа на только что наведенной, влажной извести требуетъ быстроты

и рѣшительности, тѣхъ именно свойствъ, которыя были ему чужды. «Малаго достигаетъ художникъ не сомнѣвающійся», утверждалъ онъ. Эти необходимыя для него сомнѣнія, колебанія, поправки, исканія оцупью, безконечная медлительность работы—возможны были только въ живописи масляными красками.

Наклонившись къ стѣнѣ, онъ разсматривалъ въ увеличительное стекло поверхность картины. Вдругъ, въ лѣвомъ нижнемъ углу, подъ скатертью стола, за которымъ сидѣли апостолы, у ногъ Варѣоломея, увидѣлъ маленькую трещину и рядомъ, на чуть поблекшихъ краскахъ, бархатисто-бѣлый, какъ иней, налетъ выступающей плѣсени.

Онъ поблѣднѣлъ. Но, тотчасъ же овладѣвъ собою, еще внимательнѣе продолжалъ осмотръ.

Первый глиняный грунтъ покоробился, вслѣдствіе сырости, и отсталъ отъ стѣны, приподнимая верхній слой гипса съ тонкою корою красокъ и образуя въ ней неуловимыя для глаза трещинки, сквозь которыя просачивалось выпотѣніе селитренной сырости изъ верхнихъ ноздреватыхъ кирпичей.

Участь Тайной Вечери была рѣшена: если самому художнику не суждено было видѣть увяданія красокъ, которыя могли сохраниться лѣтъ сорокъ, даже пятьдесятъ,—то все же не было сомнѣнія въ страшной истинѣ: величайшее изъ его произведеній погибло.

Передъ тѣмъ, чтобы выйти изъ трапезной, взглянулъ онъ въ послѣдній разъ на ликъ Христа и,—словно теперь только увидѣвъ его впервые,—вдругъ понялъ, какъ это произведеніе ему дорого.

Съ гибелью Тайной Вечери и Колосса порывались послѣднія нити, которыя связывали его съ живыми людьми, если не съ ближними, по крайней мѣрѣ, съ дальними; теперь одиночество его становилось еще безнадежнѣе.

Глиняная пыль Колосса развѣтается вѣтромъ; на стѣнѣ, гдѣ былъ ликъ Господень, тусклую чешую облупившихся красокъ покроетъ плѣсень, и все, чѣмъ онъ жилъ, исчезнетъ какъ тѣнь.

Онъ вернулся домой, сошелъ въ подземелье и, проходя черезъ комнату, гдѣ лежалъ Астро, остановился на минуту. Бельтраффио дѣлалъ больному примочки изъ холодной воды.

— Опять жаръ?—спросилъ учитель.

— Да, бредить.

Леонардо наклонился, чтобы осмотрѣть перевязку и прислушался къ быстрому безсвязному лепету.

— Выше, выше. Прямо къ солнцу. Не загорѣлись бы крылья. Маленькій? Откуда? Какъ твое имя? Механика? Никогда я не слыхивалъ, чтобы чорта звали Механикой. Чего зубы скалишь?.. Ну же, брось. Пошутилъ и довольно. Тащить, тащить... Не могу, погоди,—дай вздохнуть... Охъ, смерть моя!..

Крикъ ужаса вырвался изъ груди его. Ему казалось, что онъ падаетъ въ бездну.

Потомъ опять забормоталъ поспѣшно:

— Нѣтъ, нѣтъ, не смѣйтесь надъ нимъ! Моя вина. Онъ говорилъ, что крылья не готовы. Кончено... Осрамилъ, осрамилъ я учителя!.. Слышите? Что это? Знаю, о немъ же, о маленькомъ, о самомъ тяжеломъ изъ дьяволовъ—о Механикѣ!...

— «И повелъ Его дьяволъ во Иерусалимъ,—продолжалъ больной нараспѣвъ, какъ читаютъ въ церкви,—и поставилъ на крылѣ храма и сказалъ Ему: если ты Сынъ Божій, бросься отсюда внизъ. Ибо написано: ангеламъ своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ сохранить Тебя; и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею»... А вотъ и забылъ, что отвѣтилъ Онъ бѣсу Механики? Не помнишь, Джіованни?

Онъ посмотрѣлъ на Бельтраффио почти сознательнымъ взоромъ.

Тотъ молчалъ, думая, что онъ все еще бредить.

— Не помнишь? настаивалъ Астро.

Чтобы успокоить его, Джіованни привелъ стихъ двѣнадцатый главы четвертой Евангелія отъ Луки.

— «Иисусъ Христосъ сказалъ ему въ отвѣтъ: сказано, не искушай Господа Бога Твоего!»

— «Не искушай Господа Бога Твоего!» — повторилъ больной съ невыразимымъ чувствомъ, но тотчасъ же опять началъ бредить:—Синее, синее, ни облачка... Солнца нѣтъ и не будетъ—и вверху, и внизу только синее небо. И крыльевъ не надо. О если бы учитель зналъ, какъ хорошо, какъ мягко падать въ небо!..

Леонардо смотрѣлъ и думалъ:

«Изъ-за меня, и онъ изъ-за меня погибаетъ! Соблазнилъ единаго отъ малыхъ сихъ, сглазилъ я и его, какъ Джіованни!..»

Онъ положилъ руку не горячій лобъ Астро. Больной мало-по-малу затихъ и задремалъ.

Леонардо вошелъ въ свою подземную келью, зажегъ свѣчу и погрузился въ вычисленія.

Для избѣжанія новыхъ ошибокъ въ устройствѣ крыльевъ изучалъ онъ механику вѣтра—теченіи воздуха, по механикѣ волнъ—теченіи воды.

«Если ты бросишь два камня одинаковой величины въ спокойную воду на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого,—писалъ онъ въ дневникѣ,—то на поверхности образуются два расходящихся круга. Спрашивается: когда одинъ кругъ, постепенно расширяясь, встрѣтится съ другимъ, соотвѣтственнымъ, войдетъ ли онъ въ него и разрѣжетъ, или удары волнъ отразятся въ точкахъ соприкосновенія подъ равными углами?»

Простота, съ которою природа рѣшала эту задачу механики, такъ плѣняла его, что сбоку на поляхъ онъ приписалъ:

«Questo e bellissimo, questo e sottile!—Вотъ прекраснѣйшій вопросъ и тонкій!»

«Отвѣчаю на основаніи опыта,—продолжалъ онъ.—Круги пересѣкутся, не сливаясь, не смѣшиваясь и сохраняя постоянными средоточіями оба мѣста, гдѣ камни упали».

Сдѣлавъ вычисленіе, убѣдился, что математика законами внутренней необходимости разума оправдываетъ естественную необходимость механики.

Часы за часами пролетали неслышно. Наступилъ вечеръ. Поужинавъ и отдохнувъ въ бесѣдѣ съ учениками, Леонардо снова принялся за работу.

По знакомой остротѣ и ясности мыслей предчувствовалъ, что приближается къ великому открытію.

«Посмотри, какъ вѣтеръ въ полѣ гонить волны ржи, какъ онѣ струятся, одна за другою, а стебли, склоняясь, остаются недвижными. Такъ волны бѣгутъ по недвижной водѣ; эту рябь отъ брошеннаго камня или вѣтра должно назвать скорѣе дрожью воды, чѣмъ движеніемъ,—въ чемъ можешь убѣдиться, бросивъ соломинку на расходящіеся круги волнъ, и наблюдая, какъ она колеблется, не двигаясь».

Опытъ съ соломинкой напомнилъ ему другой подобный же, который онъ уже дѣлалъ, изучая законы движенія звуковъ. Перевернувъ нѣсколько страницъ, прочелъ въ дневникѣ:

«Удару въ колоколь отвѣчаетъ слабой дрожью и гуломъ другой, сосѣдній колоколь; струна, звучащая на лютнѣ, заставляетъ звучать на сосѣдней лютнѣ струну того же звука, и если положишь на нее соломинку, увидишь, какъ она дрожитъ».

Съ невыразимымъ волненіемъ чуялъ онъ связь между этими двумя, столь разными явленіями—цѣлый неоткрытый міръ познанія между трепетными соломинками: одной—на ряби волнъ, другой—на отвѣтно звенящей струнѣ.

И вдругъ внезапная, какъ молнія, ослѣпляющая мысль сверкнула въ умѣ его:

«Одинъ законъ механики и здѣсь и тамъ! Какъ волны по водѣ отъ брошеннаго камня, такъ волны звуковъ расходятся въ воздухъ, пересѣкаясь, не смѣшиваясь и храня средоточіемъ мѣсто рожденія каждаго звука.—А свѣтъ? Какъ эхо есть отраженіе звука, такъ отраженіе свѣта въ зеркалѣ есть эхо свѣта. Единый законъ механики во всѣхъ явленіяхъ силы. Единая воля и справедливость Твоя, Первый Двигатель: уголь паденія равенъ углу отраженія!»

Лицо его было блѣдно, глаза горѣли. Онъ чувствовалъ, что снова, и на этотъ разъ такъ страшно близко, какъ еще

никогда, заглядываетъ въ бездну, въ которую никто изъ живыхъ до него не заглядывалъ. Онъ зналъ, что это открытіе, если будетъ оправдано опытомъ, есть величайшее въ механикѣ со временъ Архимеда.

Два мѣсяца назадъ, получивъ отъ мессэра Гвидо Берарди письмо съ только что пришедшимъ въ Европу извѣстіемъ о путешествіи Васко да-Гама, который, переплывъ черезъ два океана и обогнувъ южный мысъ Африки, открылъ новый путь въ Индію,—Леонардо завидовалъ. И вотъ теперь онъ имѣлъ право сказать, что сдѣлалъ большее открытіе, чѣмъ Колумбъ и Васко да-Гама, что увидѣлъ болѣе таинственныя дали новаго неба и новой земли.

За стѣной раздался стонъ больного. Художникъ прислушался и сразу вспомнилъ свои неудачи—безсмысленное разрушеніе Колосса, безсмысленную гибель Тайной Вечери, глупое и страшное паденіе Астро.

«Неужели,—думалъ онъ,—и это открытіе погибнетъ такъ же безслѣдно, такъ же безславно, какъ все, что я дѣлаю? Неужели никто никогда не услышитъ голоса моего, и вѣчно буду я одинъ, какъ теперь,—во мракѣ, подъ землею, точно заживо погребенный, съ мечтою о крыльяхъ?»

Но эти мысли не заглушили въ немъ радости.

— Пусть—одинъ. Пусть во мракѣ, въ молчаніи, въ забвеніи. Пусть никто никогда не узнаетъ. Я знаю!

Такое чувство силы и побѣды наполнило душу его, какъ будто тѣ крылья, которыхъ онъ жаждалъ всю жизнь, были уже созданы и подымали его ввысь.

Ему стало тѣсно въ подземельи, захотѣлось неба и простора.

Выйдя изъ дому, направился онъ къ Соборной площади.

VII.

Ночь была ясная, лунная. Надъ крышами домовъ вспыхивали дымно-багровыя зарева пожаровъ. Чѣмъ ближе къ серединѣ города, къ площади Бролетто, тѣмъ гуще становилась толпа. То въ голубомъ сіяніи луны, то въ красномъ

свѣтъ факеловъ выступали искаженные яростью лица, мелькали бѣлыя, съ алыми крестами, знамена Миланской Коммуны, шести съ подвѣшенными фонарями, аркебузы, мушкеты, пищали, булавы, палицы, копья, рогатины, косы, вилы, дреколя. Какъ муравьи, копошились люди, помогая воламъ тащить огромную старинную бомбарду изъ боченочныхъ досокъ, соединенныхъ желѣзными обручами. Гудѣлъ набать. Грохотали пушки. Французскіе наемники, засѣвшіе въ крѣпости, обстрѣливали улицы Милана. Осажденные хвастали, что, прежде чѣмъ сдадутся, въ городѣ не останется камня на камнѣ. И съ гуломъ колоколовъ, съ пушечнымъ грохотомъ сливался безконечный вопль народа:

— Бейте, бейте французовъ! Долой короля! Да здравствуетъ Моро!

Все, что видѣлъ Леонардо, похоже было на страшный и нелѣпый сонъ.

У Восточныхъ воротъ, въ ыролетто, на Рыбной площади вѣшали попавшаго въ плѣнъ пикардійскаго барабанщика, мальчика лѣтъ шестнадцати. Онъ стоялъ на лѣстницѣ, прислоненной къ стѣнѣ. Веселый балагуръ златошвей Маскарелло исполнялъ должность палача. Накинувъ ему на шею веревку и слегка ударивъ по головѣ пальцами, произнесъ онъ съ шутовской торжественностью:

— Рабъ Божій французскій пѣхотинецъ Перескочи-Кустъ, прозвищемъ На-брюхѣ-шелкъ-а-въ-брюхѣ-шелкъ, въ рыцари Пеньковаго Ожерелья посвящается. Во имя Отца и Сына и Духа Святаго!

— Аминь!—отвѣтила толпа.

Барабанщикъ, должно-быть, плохо понимая, что съ нимъ происходитъ, быстро и часто моргалъ глазами, какъ дѣти, готовые заплакать,—ежился и, крутя тонкою шейю, поправлялъ петлю. Странная улыбка не сходила съ губъ его. Вдругъ въ послѣднее мгновеніе, какъ будто очнувшись отъ столбняка, повернулъ онъ къ толпѣ свое удивленное, сразу поблѣввшее, хорошенькое личико, попытался что-то сказать, о чемъ-то попросить. Но толпа заревѣла. Мальчикъ слабо и покорно махнулъ рукою, вынулъ изъ-за пазухи серебряный

крестикъ, подарокъ сестры или матери, на голубой тесемкѣ, и, торопливо поцѣловавъ его, перекрестился. Маскарелло столкнулъ его съ лѣстницы и весело крикнулъ:

— А ну-ка, рыцарь Пеньковаго Ожерелья, покажи, какъ пляшутъ французскую гальярду!

При общемъ смѣхѣ тѣло мальчика повисло на крюкѣ подсвѣчника для факеловъ, задержалось въ предсмертной судорогѣ, точно въ самомъ дѣлѣ заплясало.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Леонардо увидѣлъ старуху, одѣтую въ лохмотья, которая, стоя на улицѣ передъ ветхимъ домишкомъ, только что развалившимся отъ пушечныхъ ядеръ, среди нагроможденной кухонной посуды, домашней рухляди, пуховиковъ и подушекъ, протягивала голая, костлявыя руки и вопила:

— Ой-ой-ой! Помогите!

— Что съ тобой, тетка?—спросилъ башмачникъ Кѣр-боло.

— Мальчика, мальчика задавило! Въ постелькѣ лежалъ... Полъ провалился... Можетъ-быть, живъ еще... Ой-ой-ой!.. Помогите!..

Чугунное ядро, разрывая воздухъ съ визгомъ и свистомъ, шлепнулось въ покосившуюся кровлю домика. Балки треснули. Пыль взвилась столбомъ. Кровля рухнула, и женщина умолкла.

Леонардо подошелъ къ Ратушѣ. Противъ Лоджіи Озіевъ у Мѣняльнаго ряда, школяръ, должно-быть, студентъ Павійскаго университета, стоя на скамьѣ, служившей ему кафедрой, ораторствовалъ о величіи народа, о равенствѣ бѣдныхъ и богатыхъ, о низверженіи тирановъ. Толпа слушала недовѣрчиво.

— Граждане! — выкрикивалъ школяръ, размахивая ножомъ, который въ обычное время служилъ ему для мирныхъ надобностей—чинки гусиныхъ перьевъ, разрѣзыванія бѣлой колбасы изъ мозговъ—червеллаты, изображенія пронзенныхъ стрѣлами сердецъ съ именами трактирныхъ нимфъ на корѣ вязовъ въ подгородныхъ рощахъ,—и который теперь называлъ онъ «кинжаломъ Немезиды». — Граждане,

умремъ за свободу. Омочимъ кинжалъ Немезиды въ крови тирановъ! Да здравствуетъ республика!

— Что онъ такое вретъ? — слышались голоса въ толпѣ.— Знаемъ мы, какая у васъ на умѣ свобода, предатели, шпионы французскіе! Къ чорту республику! Да здравствуетъ герцогъ! Бейте измѣнника!

Когда ораторъ сталъ пояснять свою мысль классическими примѣрами и ссылками на Цицерона, Тацита, Ливія,—его стащили со скамьи, повалили и начали бить, приговаривая:

— Вотъ тебѣ за свободу, вотъ тебѣ за республику! Такъ, такъ, братцы, въ шею ему! Шалишь, братъ, дудки, не обманешь! Будешь помнить, какъ народъ бунтовать противъ законнаго герцога!

Выйдя на площадь Аренго, Леонардо увидѣлъ лѣсъ бѣлыхъ стрѣльчатыхъ иглъ и башенъ собора, подобныхъ сталактитамъ, въ двойномъ освѣщеніи, голубомъ отъ луны, красномъ отъ зарева пожаровъ.

Передъ дворцомъ архіепископа изъ толпы, похожей на груды наваленныхъ тѣлъ, слышались вопли.

— Что это? — спросилъ художникъ старика-ремесленника съ испуганнымъ, добрымъ и грустнымъ лицомъ.

— Кто ихъ разберетъ? Сами, поди, не знаютъ. Шпионъ, говорятъ, подкупленный французами, рыночный викарій, мессэръ Джьякопо Кротто. Отравленными припасами, будто бы, народъ кормилъ. А можетъ-быть, и не онъ. Кто первый подъ руку попался, того и бьютъ. Страшное дѣло! О, Господи Иисусе Христе, помилуй насъ, грѣшныхъ!

Изъ груды тѣлъ выскочилъ Горгольо, выдувальщикъ стекла, махая, какъ трофеемъ, длиннымъ шестомъ, съ воткнутой на концѣ окровавленной головой.

Уличный мальчишка Фарфаниккіо бѣжалъ за нимъ, подпрыгивая, и визжалъ, указывая на голову:

— Собакъ собачья смерть! Смерть измѣнникамъ!

Старикъ перекрестился набожно и проговорилъ слова молитвы:

— *A furore populi libera nos, Domine!*—Отъ ярости народа избави насъ, Боже!

Со стороны замка послышались трубные звуки, бой барабановъ, трескъ аркебузной пальбы и крики солдатъ, шедшихъ на приступъ. Въ то же мгновение съ бастіоновъ крѣпости грянулъ выстрѣлъ, такой, что земля задрожала, и, казалось, весь городъ рушится. Это былъ выстрѣлъ знаменитой гигантской бомбарды, мѣднаго чудовища, называвшагося у французовъ *Margot la Folle*, у нѣмцевъ *die Tolle Grete*—Бѣшенная Маргарита.

Ядро ударилось за Борго-Ново въ горѣвшій домъ. Огненный столбъ взвился къ ночному небу. Площадь озарилась краснымъ свѣтомъ—и тихое сіяніе луны померкло.

Люди, какъ черныя тѣни, сновали, бѣгали, метались, обуянные ужасомъ.

Леонардо смотрѣлъ на эти человѣческіе призраки.

Каждый разъ, какъ вспоминалъ онъ о своемъ открытіи,—въ блескѣ огня, въ крикахъ толпы, въ гулѣ набата, въ грохотѣ пушекъ чудились ему тихія волны звуковъ и свѣта, которыя, плавно колеблясь, какъ рябь по водѣ отъ упавшаго камня, расходились въ воздухъ, пересѣкаясь, не сливаясь и храня средоточіемъ мѣсто своего рожденія. И великая радость наполняла душу его, при мысли о томъ, что люди ничѣмъ никогда не могутъ нарушить этой безцѣльной игры, этой гармоніи безконечныхъ невидимыхъ волнъ и царящаго надо всѣмъ, какъ единая воля Творца, закона механики, закона справедливости—уголъ паденія равенъ углу отраженія.

Слова, которыя нѣкогда записалъ онъ въ дневникѣ своемъ и потомъ столько разъ повторялъ,—опять звучали въ душѣ его:

«*O mirabile giustizia di te, primo Motore!*—О, дивная справедливость Твоя, первый Двигатель! Никакую силу не лишаешь Ты порядка и качества неминуемыхъ дѣйствій. О, божественная необходимость. Ты принуждаешь всѣ послѣдствія вытекать кратчайшимъ путемъ изъ причины».

Среди толпы обезумѣвшаго народа — въ сердцѣ художника былъ вѣчный покой созерцанія подобный тихому свѣту луны надъ заревомъ пожаровъ.

Утромъ 4 февраля 1500 года Моро въѣхалъ въ Миланъ черезъ ворота Порта-Ново.

Наканунѣ этого дня Леонардо отправился на виллу Мельци, Вапріо.

VIII.

Джироламо Мельци служилъ при дворѣ Сфорца. Когда, лѣтъ десять назадъ, скончалась молодая жена его, онъ покинулъ дворъ, поселился въ уединенной виллѣ, у подножія Альпъ, въ пяти часахъ ѣзды къ сѣверо-востоку отъ Милана, и зажилъ здѣсь философомъ, вдали отъ тревоженій свѣта, собственными руками обрабатывая садъ и предаваясь изученію сокровенныхъ знаній и музыки, которой былъ страстнымъ любителемъ. Рассказывали, будто бы мессэръ Джироламо занимается черною магіей для того, чтобы вызывать изъ міра загробнаго тѣнь покойной жены.

Алхимикъ Гелеотто Сакробоско и фра Лука Пачіоли нерѣдко гостили у него, проводя цѣлыя ночи въ спорахъ о тайнахъ Платоновыхъ идей и о законахъ Пифагорейскихъ чиселъ, управляющихъ музыкаю сферъ. Но наибольшую радость доставляли хозяину посѣщенія Леонардо.

Работая надъ сооруженіемъ канала Мартезаны, художникъ часто бывалъ въ этихъ краяхъ и полюбилъ прекрасную виллу.

Вапріо находилось на лѣвомъ крутомъ берегу рѣки Адды. Каналъ проложенъ былъ между рѣкою и садомъ. Здѣсь быстрое теченіе Адды преграждалось порогами. Слышенъ былъ непрерывный шумъ воды, напоминавшій гулъ морского прибора. Въ обрывистыхъ берегахъ изъ вывѣтреннаго желтаго песчаника Адда стремилась холодныя, зеленыя волны—бурная, вольная; а рядомъ, зеркально-гладкій, тихій-каналъ, съ такою же зеленою горною водою, какъ въ

Аддѣ, но успокоенною, укрощенною, дремотно-тяжелою, безмолвно скользилъ въ прямыхъ берегахъ. Эта противоположность казалась художнику полною вѣщаго смысла; онъ сравнивалъ и не могъ рѣшить, что прекраснѣе—созданіе разума и воли человѣческой, его собственное созданіе—каналъ Мартезана, или гордая, дикая сестра его—Адда; сердцу его были одинаково близки и понятны оба теченія.

Съ верхней площадки сада открывался видъ на зеленую равнину Ломбардіи между Бергамо, Тревидьо, Кремоной и Брешией. Лѣтомъ съ необозримыхъ поемныхъ луговъ пахло сѣномъ. На тучныхъ нивахъ буйная рожь и пшеница заслоняли до самыхъ верхушекъ плодовыхъ деревья, соединенныя лозами такъ, что колосья цѣловались съ грушами, яблоками, вишнями, сливами—и вся равнина казалась огромнымъ садомъ.

Къ сѣверу чернѣли горы Комо. Надъ ними возвышались полукругомъ первые отроги Альпъ, и еще выше, въ облакахъ, сіяли золотисто-розовыя снѣжныя вершины.

Между веселою равниною Ломбардіи, гдѣ каждый уголокъ земли былъ воздѣланъ рукой человѣка, и дикими, пустынными громадами Альпъ, Леонардо чувствовалъ такую же противоположность, полную гармоніи, какъ между тихою Мартезаною и грозно-бушующей Аддою.

Вмѣстѣ съ нимъ на виллѣ гостилъ фра Лука Пачіоли и алхимикъ Сакробоско, домъ котораго у Верчельскихъ воротъ разрушенъ былъ французами. Леонардо держался въ сторонѣ отъ нихъ, предпочитая уединеніе. Но зато съ маленькимъ сыномъ хозяина, Франческо, онъ скоро сошелся.

Робкій, стыдливый, какъ дѣвочка, мальчикъ долго дичился его. Но однажды, зайдя къ нему въ комнату по порученію отца, увидѣлъ разноцвѣтныя стекла, съ помощью которыхъ изучалъ художникъ законы дополнительныхъ цвѣтовъ. Леонардо предложилъ ему посмотреть сквозь нихъ. Забава понравилась мальчику. Знакомые предметы принимали сказочный видъ—то угрюмый, то радостный, то враждебный, то ласковый—смотря по тому, глядѣлъ ли онъ въ желтое, голубое, красное, лиловое или зеленое стекло.

Понравилось ему и другое изобрѣтеніе Леонардо — камера-обскура: когда на листѣ бѣлой бумаги явилась живая картина, гдѣ можно было отчетливо видѣть, какъ вертятся колеса мельницы, стоя галокъ кружится надъ церковью, сѣрый осликъ дровосѣка Пеппо, навьюченный хвостомъ перебираетъ ногами по грязной дорогѣ, и верхушки тополей склоняются подъ вѣтромъ,—Франческо не выдержалъ—захлопалъ въ ладоши отъ восторга.

Но болѣе всего плѣнялъ его «дождемѣръ», состоявшій изъ мѣднаго кольца съ дѣленіями, палочки, подобной коромыслу вѣсовъ, и двухъ подвѣшанныхъ къ ней шариковъ, одного обернутаго воскомъ, другого—хлопчатой бумагой; когда воздухъ насыщался влагою, хлопокъ впитывалъ ее, обернутый имъ шарикъ тяжелѣлъ и, опускаясь, наклонялъ коромысло вѣсовъ на нѣсколько дѣлений круга, по которымъ можно было съ точностью измѣрить степень влажности, между тѣмъ какъ восковой — оставался для нея непроницаемымъ, попрежнему легкимъ. Такимъ образомъ движенія коромысла предвѣщали погоду за день или за два. Мальчикъ устроилъ свой собственный дождемѣръ и радовался, когда, къ удивленію домашнихъ, исполнялись его предсказанія.

Въ сельской школѣ стараго аббата сосѣдней каноники, домъ-Лоренцо, Франческо учился лѣниво: латинскую грамматику зубрилъ съ отвращеніемъ; при видѣ замазаннаго чернилами зеленаго корешка ариѳметики лицо его вытягивалось. Не такова была наука Леонардо; она казалась ребенку любопытною какъ сказка. Приборы механики, оптики, акустики, гидравлики манили его къ себѣ, словно живыя волшебныя игрушки. Съ утра до вечера не уставалъ онъ слушать рассказы Леонардо. Со взрослыми художникъ былъ скрытенъ, ибо зналъ, что всякое неосторожное слово можетъ навлечь на него подозрѣнія или насмѣшку. Съ Франческо говорилъ обо всемъ довѣрчиво и просто. Не только училъ, но и самъ учился у него. И, вспоминая слово Господне: «истинно, истинно говорю вамъ, ежели не обратитесь и не станете какъ дѣти, не можете войти въ царствіе небес-

ное»,—прибавлялъ: «не можете войти и въ царствіе познанія».

Въ то время писалъ онъ книгу о звѣздахъ.

Въ мартовскія ночи, когда первое дыханіе весны уже вѣяло въ еще холодномъ воздухѣ, стоя на крышѣ виллы, вмѣстѣ съ Франческо, наблюдалъ онъ теченіе звѣздъ, срисовывалъ пятна луны, чтобы впослѣдствіи, сравнивъ ихъ, узнать, не мѣняются ли они своихъ очертаній. Однажды мальчикъ спросилъ его, правда ли то, что говоритъ о звѣздахъ Пачіоли, будто бы какъ алмазы вставлены онѣ Богомъ въ хрустальныя сферы небесъ, которыя, вращаясь, увлекаютъ ихъ въ своемъ движеніи и производятъ музыку. Учитель объяснилъ, что, по закону тренія, сферы, вращаясь въ продолженіе столькихъ тысячъ лѣтъ съ неимовѣрной быстротою, разрушились бы, хрустальные края ихъ истерлись бы, музыка прекратилась бы, и «неугомонныя плясуньи» остановились бы въ своемъ движеніи.

Проколовъ иглою листъ бумаги, онъ далъ ему посмотреть сквозь отверстіе. Франческо увидѣлъ звѣзды, лишеныя лучей, похожія на свѣтлыя круглыя, безконечно-малыя точки или шарики.

— Эти точки, — сказала Леонардо, — огромныя, многіе изъ нихъ въ сотни, въ тысячи разъ бѣльшіе міры, чѣмъ нашъ, который, впрочемъ, отнюдь не хуже, не презрѣннѣе, чѣмъ всѣ небесныя тѣла. Законы механики, царящей на землѣ, открываемые разумомъ человѣческимъ, управляютъ мірами и солнцами.

Такъ возстановлялъ онъ «благородство нашего міра».

— Такою же нетлѣнною звѣздою, — говорилъ учитель, — такою же свѣтлою пылинкою кажется земля обитателямъ другихъ планетъ, какъ намъ — эти міры.

Многаго изъ словъ его не понималъ Франческо. Но когда, закинувъ голову, смотрѣлъ въ звѣздное небо, — ему дѣлалось страшно.

— Что же тамъ, за звѣздами? — спрашивалъ онъ.

— Другіе міры, Франческо, другія звѣзды, которыхъ мы не видимъ.

— А за ними?

— Еще другіе.

— Ну, а въ концѣ, въ самомъ концѣ?

— Нѣтъ конца.

— Нѣтъ конца...—повторилъ мальчикъ, и Леонардо почувствовалъ, что въ рукѣ его рука Франческо дрогнула,— при свѣтѣ недвижнаго пламени лампы, горѣвшей на маленькомъ столикѣ среди астрономическихъ приборовъ, онъ увидѣлъ, что лицо ребенка покрылось внезапно блѣдностью.

— А гдѣ же,—медленно, съ возрастающимъ недоумѣніемъ произнесъ онъ,—гдѣ же рай, мессэръ Леонардо,—ангелы, угодники, Мадонна и Богъ Отецъ, сидящій на престолѣ, и Сынъ, и Духъ Святой?

Учитель хотѣлъ было возразить, что Богъ — вездѣ, во всѣхъ песчинкахъ земли, такъ же какъ въ солнцахъ и вселенныхъ, но промолчалъ, жалѣя дѣтскую вѣру.

IX.

Когда деревья стали распускаться, Леонардо и Франческо, проводя цѣлые дни въ саду виллы или въ сосѣднихъ рощахъ, наблюдали воскресающую жизнь растеній. Порою художникъ срисовывалъ какое-нибудь дерево или цвѣтокъ, стараясь уловить, какъ въ портретѣ, живое сходство — то особенное, единственное лицо его, которое уже никогда нигдѣ не повторится.

Онъ объяснялъ Франческо, какъ по числу круговъ въ стволѣ разрубленнаго дерева узнавать, сколько ему лѣтъ, и по толщинѣ каждаго изъ этихъ круговъ степень влажности соотвѣтственнаго года,—и въ какомъ направленіи росли вѣтви, ибо круги, обращенные къ сѣверу—толще, а сердцевина ствола всегда находится къ южной сторонѣ дерева, нагрѣваемой солнцемъ, ближе, чѣмъ къ сѣверной.

Разсказывалъ ему, какъ вешній сокъ, собираясь между внутренней зеленой кожицей ствола—«рубашечкою» и на-

ружною корою, уплотняетъ, распираетъ, морщить ее, образуя въ прошлогоднихъ трещинахъ новыя, болѣе глубокія, и такимъ образомъ, увеличиваетъ объемъ растенія. Ежели срѣзать сукъ или содрать кору, врачующая сила жизни стягиваетъ къ больному мѣсту большее обиліе питательной влаги, чѣмъ во всѣ другія мѣста, такъ что въ послѣдствіи на залѣченной язвѣ кора утолщается. И столь могущественно это стремленіе соковъ, что, достигнувъ пораненія, не могутъ они остановиться съ разбѣгу, поднимаются выше больного мѣста и проступаютъ наружу разными почкованіями — узловатыми наростами, «наподобіе пузырей кипящей воды».

Сдержанно, какъ будто холодно и сухо, заботясь только о научной ясности, говорилъ Леонардо о природѣ. Нѣжную подробность весенней жизни растенія опредѣлялъ съ безстрастною точностью, словно рѣчь шла о мертвой машинѣ: «уголь вѣтви и ствола тѣмъ острѣе, чѣмъ вѣтвь моложе и тоньше». Къ отвлеченной математикѣ сводилъ таинственные законы кристаллически-правильнаго, конусообразнаго расположенія хвойныхъ иглъ на пихтахъ, соснахъ и еляхъ.

А между тѣмъ, подъ этимъ безстрастіемъ и холодомъ, Франческо угадывалъ любовь его ко всему живому—и къ жалобно сморщенному, какъ личико новорожденнаго, листику, который природа помѣстила подъ шестымъ верхнимъ листомъ, нарочно такъ, чтобы первому было свѣтло, чтобы ничѣмъ не задерживалась капля дождя, стекающая къ нему по стеблю,—и къ древнимъ могучимъ вѣтвямъ, которыя тянутся изъ тѣни къ солнцу, какъ молящія руки, и къ силѣ растительныхъ соковъ, которые устремляются на помощь къ раненому мѣсту, какъ живая кипящая кровь.

Порою въ чащѣ лѣса останавливался онъ и долго съ улыбкой глядѣлъ, какъ изъ-подъ увядшихъ прошлогоднихъ листьевъ пробивается зеленая былинка, какъ въ чашечку нераспустившагося подснежника съ трудомъ пролѣзаетъ пчела, слабая отъ зимней спячки. Кругомъ было такъ тихо, что Франческо слышалъ удары собственнаго сердца. Робко подымалъ онъ глаза на учителя: солнце сквозь полупро-

зрачныя вѣтви озаряло бѣлокурые волосы, длинную бороду и густыя нависшія брови Леонардо, окружая голову его сіяніемъ; лицо было спокойно и прекрасно; въ эти минуты походилъ онъ на древняго Пана, который прислушивается, какъ трава растетъ, какъ подземные родники лепечуть, и таинственныя силы жизни пробуждаются.

Все было для него живымъ: вселенная—однимъ великимъ тѣломъ, какъ тѣло человѣка—малою вселенною.

Въ каплѣ росы видѣлъ онъ подобіе водной сферы, объемлющей землю. На шлюзахъ, въ мѣстечкѣ Треццо, близъ Вапріо, гдѣ начинался каналъ Мартезана, изучалъ онъ водопады, водовороты рѣки, которые сравнивалъ съ волнами женскихъ кудрей.

— Замѣть,—говорилъ онъ,—какъ волосы слѣдуютъ по двумъ теченіямъ—одному прямому, главному, по которому влечетъ ихъ собственная тяжесть, другому—возвратному, которое завиваетъ ихъ въ кольца кудрей. Такъ и въ движеніи воды одна часть устремляется внизъ, а другая образуетъ водовороты, извивы струй, подобные локонамъ.

Художника привлекали эти загадочныя сходства, созвучія въ явленіяхъ природы, какъ бы изъ разныхъ міровъ перекликающіеся голоса.

Изслѣдуя происхожденіе радуги, замѣтилъ онъ, что тѣ же переливы красокъ встрѣчаются и въ перьяхъ птицъ, и въ стоячей водѣ около гнилыхъ корней, и въ драгоценныхъ камняхъ, и въ жирѣ на поверхности воды, и въ старыхъ мутныхъ стеклахъ. Въ узорахъ инея на деревьяхъ, на замерзшихъ окнахъ находилъ онъ сходство съ живыми листьями, цвѣтами и травами,—какъ будто уже въ мірѣ ледяныхъ кристалловъ природѣ сняты вѣще сны о растительной жизни.

И порою чувствовалъ, что подходитъ къ великому новому міру познанія, который, можетъ-быть, откроется только грядущимъ вѣкамъ. Такъ, о силѣ магнита и янтаря, натертаго сукномъ, писалъ въ дневникѣ: «я не вижу способа, которымъ бы умъ человѣческій могъ объяснить это явленіе. Полагаю что сила магнита есть одна изъ многихъ неизвѣст-

ныхъ людямъ силъ. Міръ полонъ безчисленными возможно-стями, никогда не воплощенными».

Однажды пріѣхалъ къ нимъ въ гости поэтъ, жившій близъ Вапріо, въ Бергамо, Джьюдотто Престинари. За ужиномъ, обидѣвшись на Леонардо, который недостаточно хвалилъ стихи его,—затѣялъ онъ споръ о преимуществахъ поэзіи передъ живописью. Художникъ молчалъ. Но, наконецъ, ожесточеніе стихотворца разсмѣшило его; онъ сталъ возражать ему, полушутя:

— Живопись, — сказалъ, между прочимъ, Леонардо, — выше поэзіи уже потому, что изображаетъ дѣла Бога, а не человѣческіе вымыслы, которыми довольствуются поэты, по крайней мѣрѣ, нашихъ дней: они не изображаютъ, а только описываютъ, заимствуя у другихъ все, что имѣютъ,—торгуя чужими товарами; они только сочиняютъ—собираютъ старый хламъ различныхъ наукъ; ихъ можно бы сравнить съ продавцами краденыхъ вещей...

Фра Лука, Мельци и Галеотто стали возражать, Леонардо мало-по-малу увлекся и заговорилъ, уже безъ шутки:

— Глазь даетъ человѣку болѣе совершенное знаніе природы, чѣмъ ухо. Видѣнное достовѣрнѣе слышаннаго. Вотъ почему живопись, нѣмая поэзія, ближе къ точной наукѣ, чѣмъ поэзія, слѣпая живопись. Въ словесномъ описаніи—только рядъ отдѣльныхъ образовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ; въ картинѣ же всѣ образы, всѣ краски являются вмѣстѣ, сливаясь въ одно, подобно звукамъ въ созвучіи, что дѣлаетъ въ живописи, такъ же какъ и въ музыкѣ, возможной бѣольшую степень гармоніи, чѣмъ въ поэзіи. А тамъ, гдѣ нѣтъ высшей гармоніи, нѣтъ и высшей прелести.— Спросите любовника, что ему пріятнѣе, портретъ возлюбленной или описаніе, сдѣланное хотя бы величайшимъ поэтомъ.

Всѣ невольно улынулись этому доводу.

— Вотъ какой случай былъ со мною,—продолжалъ Леонардо.—Одному флорентинскому юношѣ такъ понравилось женское лицо въ моей картинѣ, что онъ купилъ ее и хотѣлъ уничтожить тѣ признаки, по которымъ видно было,

что картина священная, дабы цѣловать безъ страха любимый образъ. Но совѣсть преодолѣла желанія любви. Онъ удалил картину изъ дома, такъ какъ иначе не было ему покоя. Ну-ка, стихотворцы, попробуйте, описывая прелесть женщины, возбудить въ человѣкѣ такую силу страсти! Да, мессэры, скажу не о себѣ,—я знаю, сколь многого не достаетъ мнѣ,—но о такомъ художникѣ, который достигъ совершенства: воистину, по силѣ созерцанія, онъ уже не человѣкъ. Захочетъ быть зрителемъ небесной прелести, или образовъ чудовищныхъ, смѣшныхъ, плачевныхъ, ужасныхъ—надо всѣмъ онъ—владыка, какъ Богъ!

Фра Лука пенялъ учителю за то, что онъ не собираетъ и не печатаетъ сочиненій своихъ. Монахъ предлагалъ найти издателя. Но Леонардо упорно отказывался.

Онъ остался вѣренъ себѣ до конца: ни одна строка его не была напечатана при жизни. А между тѣмъ онъ писалъ свои замѣтки такъ, какъ будто велъ бесѣду съ читателемъ. Въ началѣ одного изъ дневниковъ извинялся въ безпорядкѣ своихъ записокъ, въ частыхъ повтореніяхъ: «не брани меня за это, читатель, потому что предметы безчисленны, и память моя не можетъ вмѣстить ихъ, такъ чтобы знать, о чемъ было и о чемъ не было говорено въ прежнихъ замѣткахъ, тѣмъ болѣе, что я пишу съ большими перерывами, въ разные годы жизни».

Однажды, желая представить развитіе человѣческаго духа, нарисовалъ онъ рядъ кубовъ: первый, падая, валить второй, второй—третій, третій—четвертый, и такъ безъ конца. Внизу надпись: «одинъ толкаетъ другого». И еще прибавлено: «эти кубы обозначаютъ поколѣнія и познанія человѣческія».

На другомъ рисункѣ изобразилъ плугъ, взрывающій землю, съ надписью: *Упрямая суровость*.

Онъ вѣрилъ, что очередь и до него дойдетъ въ ряду падающихъ кубовъ,—что когда-нибудь люди откликнутся и на его призывъ.

Онъ подобенъ былъ человѣку, проснувшемуся въ темотѣ, слишкомъ рано, когда всѣ еще спятъ. Одинокій среди

ближнихъ, писалъ онъ свои дневники сокровенными пись-
менами для дальняго брата, и для него, въ предутренней
мглѣ, пустынный пахарь, вышелъ въ поле пролагать таин-
ственныя борозды плугомъ, съ «упрямою суровостью».

Х.

Въ послѣднихъ числахъ марта на виллу Мельци стали
приходить все болѣе тревожныя вѣсти. Войско Людо-
вика XII, подъ начальствомъ сира де-ла-Тремуйля, перева-
лило черезъ Альпы. Моро, подозрѣвая измѣну солдатъ,
уклонялся отъ битвы и, томимый суевѣрными предчув-
ствіями, сдѣлался «трусливѣ женщины».

Слухи о войнѣ и политикѣ доходили, какъ слабый,
заглушенный гуль, на виллу Вапріо.

Не думая ни о французскомъ королѣ, ни о герцогѣ,
Леонардо съ Франческо блуждали по окрестнымъ холмамъ,
долинамъ и рощамъ. Иногда уходили вверхъ по теченію
рѣки въ лѣсистыя горы. Здѣсь нанималъ онъ рабочихъ и
дѣлалъ раскопки, отыскивая допотопныя раковины, окаме-
нѣлыя морскія животныя и водоросли.

Однажды, возвращаясь съ прогулки, сѣли они отдох-
нуть подъ старою липою, на крутомъ берегу Адды, надъ
обрывомъ. Безконечная равнина, съ рядами придорожныхъ
тополей и вязовъ, разстилалась у ногъ ихъ. Въ свѣтѣ вечер-
няго солнца виднѣлись привѣтные бѣлые домики Бергамо.
Снѣжныя громады Альпъ, казалось, рѣяли въ воздухѣ. Все
было ясно. Только вдали, почти на самомъ краю неба, между
Тревилю, Кастель-Роццоне и Бриньяно, клубилось дымное
облачко.

— Что это?—спросилъ Франческо.

— Не знаю,—отвѣтилъ Леонардо.—Можетъ-быть, сра-
женіе... Вонъ, видишь, огоньки. Какъ будто пушечные
выстрѣлы. Не стычка ли французовъ съ нашими?

Въ послѣдніе дни такія случайныя перестрѣлки все
чаще виднѣлись то здѣсь, то тамъ на равнинѣ Ломбардіи.

Нѣсколько мгновений глядѣли они молча на облачко. Потомъ, забывъ о немъ, стали разсматривать добычу послѣднихъ раскопокъ. Учитель взялъ въ руки большую кость, острую, какъ игла, еще покрытую землею, должно-быть, изъ плавника допотопной рыбы.

— Сколько народовъ,—произнесъ онъ задумчиво, какъ будто про себя, и лицо его озарилось тихою улыбкою, — сколько царей уничтожило время съ тѣхъ поръ, какъ эта рыба съ дивнымъ строеніемъ тѣла уснула въ глубокихъ извилинахъ пещеры, гдѣ мы нашли ее сегодня! Сколько тысячелѣтій пронеслось надъ міромъ, какіе перевороты совершились въ немъ, пока лежала она въ тайникѣ, отовсюду закрытомъ, подпирая тяжелыя глыбы земли голыми костями острова, разрушеннаго терпѣливымъ временемъ!

Онъ обвелъ рукою разстилавшуюся передъ ними равнину.

— Все, что ты видишь здѣсь, Франческо, было нѣкогда дномъ океана, покрывавшаго большую часть Европы, Африки и Азіи. Морскія животныя, которыхъ мы находимъ въ здѣшнихъ горахъ, свидѣтельствуютъ о тѣхъ временахъ, когда вершины Апеннинъ были островами великаго моря, и надъ равнинами Италіи, гдѣ нынѣ рѣютъ птицы, плавали рыбы...

Они взглянули опять на далекій дымокъ съ искрами пушечныхъ выстрѣловъ. Теперь показался онъ имъ такимъ маленькимъ въ безконечной дали, такимъ безмятежнымъ и розовымъ въ лампадномъ сіяніи вечерняго солнца, что трудно было повѣрить, что тамъ—сраженіе, и люди убиваютъ другъ друга.

Стая птицъ пролетѣла по небу. Слѣдя за ними взоромъ, Франческо старался вообразить себѣ рыбу, нѣкогда плававшихъ здѣсь, въ волнахъ великаго моря, такого же глубокаго и пустыннаго, какъ небо.

Они молчали. Но въ это мгновенье оба чувствовали одно и то же: не все ли равно, кто кого побѣдитъ — французы ломбардцевъ или ломбардцы французовъ, король или герцогъ, свои или чужіе? Отечество, политика, слава,

война, паденіе царствъ, возмущеніе народовъ—все, что людямъ кажется великимъ и грознымъ, не похоже ли на это маленькое въ вечернемъ свѣтѣ тающее облачко — среди вѣчной ясности природы?

XI.

На виллѣ Вапріо окончилъ Леонардо картину, которую началъ много лѣтъ назадъ, еще во Флоренціи.

Матерь Божія, среди скалъ, въ пещерѣ, обнимая правою рукою младенца Іоанна Крестителя, осѣняетъ лѣвою Сына, какъ будто желая соединить обоихъ—человѣка и Бога—въ одной любви. Іоаннъ, сложивъ благоговѣнно руки, преклонилъ колѣно передъ Іисусомъ, Который благословляетъ его двуперстнымъ знаменіемъ. По тому, какъ Спаситель-Младенецъ, голый на голой землѣ, сидитъ, подогнувъ одну пухлую съ ямочками ножку подъ другую, опираясь на толстую ручку съ растопыренными пальчиками, видно, что Онъ еще не умѣетъ ходить—только ползаетъ. Но въ лицѣ Его—уже совершенная мудрость, которая есть въ то же время и дѣтская простота. Колѣнопреклоненный ангелъ, одной рукою поддерживая Господа, другой указывая на Предтечу, обращаетъ къ зрителю полное скорбнымъ предчувствіемъ лицо свое съ нѣжной и странной улыбкой. Вдали, между скалами, влажное солнце сіяетъ сквозь дымку дождя надъ туманно голубыми, тонкими и острыми горами, вида необычайнаго, неземнаго, похожими на сталактиты. Эти скалы, какъ будто изглоданныя, источенныя соленою волною, напоминаютъ высохшее дно океана. И въ пещерѣ—глубокая тѣнь, какъ подъ водою. Глазъ едва различаетъ подземный родникъ, круглые лапчатые листья водяныхъ растений, слабыя чашечки блѣдныхъ ирисовъ. Кажется, слышно, какъ медленныя капли сырости падаютъ сверху, съ нависшаго свода черныхъ слоистыхъ скалъ доломита, прососавшись между корнями ползучихъ травъ, хвощей и плауновъ. Только лицо Мадонны, полудѣтское, полудѣвичье, свѣтится въ мракѣ какъ тонкій алебастръ съ огнемъ внутри. Царица Небесная является

людямъ впервые въ сокровенномъ сумракѣ, въ подземной пещерѣ, быть-можетъ, убѣжищѣ древняго Пана и нимфъ, у самаго сердца природы, какъ тайна всѣхъ тайнъ,—Матерь Богочеловѣка въ нѣдрахъ матери земли.

Это было созданіе великаго художника и великаго ученаго вмѣстѣ. Сліяніе тѣни и свѣта, законы растительной жизни, строеніе человѣческаго тѣла, строеніе земли, механика складокъ, механика женскихъ кудрей, которые вьются, какъ струи водоворотовъ, такъ что уголъ паденія равенъ углу отраженія,—все, что ученый изслѣдовалъ съ «упрямою суровостью», пыталъ и мѣрилъ съ безстрастной точностью, разсѣкалъ, какъ безжизненный трупъ,—художникъ вновь соединилъ въ божественное цѣлое, превратилъ въ живую прелесть, въ нѣмую музыку, въ таинственный гимнъ Пречистой Дѣвѣ, Матери Сущаго. Съ равною любовью и знаніемъ изобразилъ онъ тонкія жилки въ лепесткахъ ириса, и ямочку въ пухломъ локоткѣ Младенца, и тысячелѣтнюю морщину въ доломитовомъ утесѣ, и трепеть глубокой воды въ подземномъ источникѣ, и трепеть глубокой печали въ улыбкѣ ангела.

Онъ зналъ все и все любилъ, потому что великая любовь есть дочь великаго познанія.

ХІІ.

Алхимикъ Галеотто Сакробоско задумалъ сдѣлать опытъ съ «тростью Меркурія». Такъ назывались палки изъ миртоваго, миндальнаго, тамариноваго или какого-либо иного «астрологическаго» дерева, имѣющаго, будто бы, сродство съ металлами. Палки эти служили для указанія въ горахъ мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ жилъ.

Съ этою цѣлью отправился онъ съ мессэромъ Джироламо на восточный берегъ озера Лекко, гдѣ было много пріисковъ. Леонардо сопровождалъ ихъ, хотя не вѣрилъ въ трость Меркурія и смѣялся надъ нею такъ же, какъ надъ прочими бреднями алхимиковъ.

Недалеко отъ селенія Манделло, у подножія горы Кампіоне, былъ желѣзный рудникъ. Окрестные жители рассказывали, что нѣсколько лѣтъ назадъ обвалъ похоронилъ въ немъ множество рабочихъ, что въ самой глубинѣ его сѣрные пары вырываются изъ щели, и камень, брошенный въ нее, летитъ съ безконечнымъ, постепенно замирающимъ гуломъ, не достигая дна, ибо у пропасти нѣтъ дна.

Эти рассказы возбудили любопытство художника. Онъ рѣшилъ, пока товарищи будутъ заняты опытами съ тростью Меркурія, изслѣдовать покинутый рудникъ. Но поселяне, полагая, что въ немъ обитаетъ нечистая сила, отказывались проводить его. Наконецъ одинъ старый рудокопъ согласился.

Крутой, темный, наподобіе колодца, подземный ходъ съ полуразвалившимися скользкими ступенями, спускаясь по направленію къ озеру, велъ въ шахты. Проводникъ съ фонаремъ шелъ впереди; за нимъ — Леонардо, неся на рукахъ Франческо. Мальчикъ, несмотря на просьбы отца и отговорки учителя, умолилъ взять его съ собою.

Подземный ходъ становился все уже и круче. Насчитали болѣе двухсотъ ступеней, а спускъ продолжался и, казалось, конца ему не будетъ. Снизу вѣяло душную сыростью. Леонардо ударялъ заступомъ въ стѣны, прислушиваясь къ звуку, разсматривая камни, слои почвы, яркія слюдяныя блестки въ жилахъ гранита.

— Страшно?—спросилъ онъ съ ласковой улыбкой, чувствуя, какъ Франческо прижимается къ нему.

— Нѣтъ, ничего,—съ вами я не боюсь.

И помолчавъ, прибавилъ тихо:

— Правда ли, мессэръ Леонардо, — отецъ говоритъ, будто бы вы скоро уѣдете?

— Да, Франческо!

— Куда?

— Въ Романью, на службу къ Цезарю, герцогу Валентино.

— Въ Романью? Это далеко?

— Въ нѣсколькихъ дняхъ пути отсюда.

— Въ нѣсколькихъ дняхъ!—повторилъ Франческо. — Значить, мы больше не увидимся?

— Нѣтъ, отчего же? Я приѣду къ вамъ, какъ только можно будетъ.

Мальчикъ задумался; потомъ вдругъ обѣими руками съ порывистою нѣжностью обнялъ шею Леонардо, прижался къ нему еще крѣпче и прошепталъ:

— О, мессэръ Леонардо, возьмите, возьмите меня съ собою!

— Что ты, мальчикъ? Развѣ тебѣ можно? Тамъ война...

— Пусть война! Я же говорю, что съ вами ничего не боюсь!.. Вотъ вѣдь какъ страшно здѣсь, а если и еще страшнѣе, я не боюсь!.. Я буду вашимъ слугою, платье буду чистить, комнаты мести, лошадямъ кормъ задавать, еще, вы знаете, я раковины умѣю находить и растенія углемъ печатать на бумагѣ. Вѣдь вы же сами напередъ говорили, что я хорошо печатаю. Я все, все, какъ большой, буду дѣлать, что вы прикажете... О, только возьмите меня, мессэръ Леонардо, не покидайте!..

— А какъ же мессэръ Джироламо? Или, ты думаешь, онъ тебя отпустить со мною?..

— Отпустить, отпустить! Я упрошу его. Онъ добрый. Не откажетъ, если буду плакать... Ну, а не отпустить, такъ я потихоньку уйду... Только скажите, что можно... Да?

— Нѣтъ, Франческо, я вѣдь знаю, ты только такъ говоришь, а самъ не уйдешь отъ отца. Онъ старый, бѣдный, и ты его жалѣешь...

— Жалѣю, конечно, я жалѣю... Но вѣдь и васъ. О, мессэръ Леонардо, вы не знаете,—думаете, я маленькій. А я все знаю! Тетка Бона говоритъ, что вы колдунъ, и школьный учитель домъ-Лоренцо тоже говоритъ, будто бы вы злой, и съ вами я душу могу погубить. Разъ, когда онъ нехорошо говорилъ о васъ, я ему такое отвѣтилъ, что онъ меня чуть не высѣкъ. И всѣ они боятся васъ. А я не боюсь, потому что вы лучше всѣхъ, и я хочу всегда быть съ вами!..

Леонардо молча гладилъ его по головѣ, и почему-то вспоминалось ему, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ такъ же

несъ онъ въ объятіяхъ своихъ того маленькаго мальчика, который изображалъ Золотой Вѣкъ на праздникъ Моро.

Вдругъ ясные глаза Франческо померкли, углы губъ опустились, и онъ прошепталъ:

— Ну, что же? И пусть, пусть! Я вѣдь знаю, почему вы не хотите взять меня съ собою. Вы не любите... А я... Онъ зарыдалъ неудержимо.

— Перестань, мальчикъ! Какъ тебѣ не стыдно? Лучше послушай, что я тебѣ скажу. Когда ты вырастешь, я возьму тебя въ ученики, и мы славно заживемъ вмѣстѣ и уже никогда не разстанемся.

Франческо поднялъ на него глаза, съ еще блестящими на длинныхъ рѣсницахъ слезами, и посмотрѣлъ пытливымъ, долгимъ взоромъ.

— Правда, возьмете? Можетъ - быть, вы только такъ говорите, чтобы утѣшить меня, а потомъ забудете?..

— Нѣтъ, общаю тебѣ, Франческо!

— Общаете? А черезъ сколько лѣтъ?

— Ну, черезъ восемь-девять, когда тебѣ будетъ пятнадцать...

— Девять,—пересчиталъ онъ по пальцамъ.—И мы ужъ больше никогда не разстанемся?

— Никогда, до самой смерти.

— Ну, хорошо,—если навѣрное, только ужъ навѣрное—черезъ восемь лѣтъ?

— Да, будь спокоенъ.

Франческо улыбнулся ему счастливою улыбкою, ласкаясь особенной, имъ изобрѣтенною ласкою, которая состояла въ томъ, чтобы тереться, какъ это дѣлаютъ кошки, о лицо его щекою.

— А знаете, мессэръ Леонардо, какъ это удивительно! Мнѣ снилось разъ, будто я спускаюсь въ темнотѣ по длиннымъ, длиннымъ лѣстницамъ, вотъ такъ же точно, какъ теперь, и будто это всегда было и будетъ, и нѣтъ имъ конца. И кто-то несетъ меня на рукахъ. Лица я не вижу. Но знаю, что это матушка. Вѣдь я ея не помню: она умерла, когда я былъ очень маленькій. И вотъ теперь—этотъ сонъ наяву.

Только—вы, а не матушка. Но съ вами мнѣ такъ же хорошо, какъ съ нею. И не страшно...

Леонардо взглянулъ на него съ безконечною нѣжностью.

Въ темнотѣ глаза ребенка сіяли таинственнымъ свѣтомъ. Онъ протянулъ къ нему свои губы довѣрчиво, точно, въ самомъ дѣлѣ, къ матери. Учитель поцѣловалъ ихъ — и ему казалось, что въ этомъ поцѣлуѣ Франческо отдаетъ ему душу свою.

Чувствуя, какъ у сердца его бьется сердце ребенка, — твердымъ шагомъ, съ неутолимою пытливостью, за тусклымъ фонаремъ, по страшной лѣстницѣ желѣзнаго рудника Леонардо спускался все ниже и ниже въ подземный мракъ.

XIII.

Возвратившись домой, обитатели Вапріо были встревожены вѣстью, что французскія войска приближаются.

Разгнѣванный король въ отмщеніе за измѣну и бунтъ отдавалъ Миланъ на разграбленіе наемникамъ. Кто могъ, спасался въ горы. По дорогамъ тянулись возы, нагруженные скарбомъ, съ плачущими дѣтьми и женщинами. Ночью изъ оконъ виллы виднѣлись на равнинѣ «красные пѣтухи» — зарева пожаровъ. Со дня на день ожидали сраженія подъ стѣнами Новары, которое должно было рѣшить участь Ломбардіи.

Однажды фра Лука Пачіоли, вернувшись на виллу изъ города, сообщилъ о послѣднихъ страшныхъ событіяхъ.

10 апрѣля назначена была битва. Утромъ, когда герцогъ, выйдя изъ Новары, уже въ виду непріятеля строилъ войска, главная сила его, швейцарскіе наемники, подкупленные маршаломъ Тривульціо, отказались итти въ сраженіе. Герцогъ со слезами умолялъ ихъ не губить его и клялся отдать имъ, въ случаѣ побѣды, часть своихъ владѣній. Они остались непреклонны. Моро переодѣлся монахомъ и хотѣлъ бѣжать. Но одинъ швейцарецъ изъ Люцерна, по имени Шаттенхальбъ, указалъ на него французамъ. Герцога

схватили и отвели къ маршалу, который заплатилъ швейцарцамъ тридцать тысячъ дукатовъ—«тридцать сребренниковъ Иуды-предателя».

Людовикъ XII поручилъ сиру де-ла-Тремуйлю доставить плѣнника во Францію. Того, кто, по выраженію придворныхъ поэтовъ, «первый послѣ Бога правилъ колесомъ Фортуны, кормиломъ вселенной», повезли на телѣгѣ, въ рѣшетчатой клѣткѣ, какъ пойманнаго звѣря. Рассказывали, будто бы герцогъ просилъ у тюремщиковъ, какъ особой милости, позволенія взять съ собою во Францію «Божественную Комедію» Данте.

Пребываніе на виллѣ съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе; Французы опустошали Ломеллину, ландскнехты—Сеприо, венеціанцы—область Мартезаны. Разбойничьи шайки бродили по окрестностямъ Вапріо. Мессэръ Джироламо съ Франческо и теткою Боною собирался въ Кіавенну.

Леонардо проводилъ послѣднюю ночь на виллѣ Мельци. По обыкновенію, отмѣчалъ онъ въ дневникѣ все, что слышалъ и видѣлъ любопытнаго въ теченіе дня.

«Когда хвостъ у птицы маленькій,—писалъ онъ въ ту ночь,—а крылья широкія,—она сильно взмахиваетъ ими, повертываясь такъ, чтобы вѣтеръ дулъ ей прямо подъ крылья и подымалъ ее вверхъ, какъ я наблюдалъ это въ полетѣ молодого ястреба надъ каноникой Вапріо, слѣва отъ дороги въ Бергамо, утромъ 14 апрѣля 1500 года».

И рядомъ на той же страницѣ:

«Моро потерялъ государство, имущество, свободу, и всѣ дѣла его кончились ничѣмъ».

Болѣе ни слова—какъ будто гибель человѣка, съ которымъ провелъ онъ шестнадцать лѣтъ—низверженіе великаго дома Сфорца для него были менѣе важны и любопытны, чѣмъ пустынный полетъ хищной птицы.

ОДИННАДЦАТАЯ КНИГА.

Будутъ крылья.

I.

Въ Тосканѣ, между Пизой и Флоренціей, недалеко отъ города Эмполи, на западномъ склонѣ Монте-Альбано находилось селеніе Винчи—родина Леонардо.

Устроивъ дѣла свои во Флоренціи, художникъ пожелалъ передъ отъѣздомъ въ Романью на службу къ Цезарю Борджіа посѣтить это селеніе, гдѣ жилъ старый дядя его, Сэръ-Франческо да-Винчи, братъ отца, разбогатѣвшій на шелковомъ промыслѣ. Одинъ изъ всей семьи любилъ онъ племянника. Художнику хотѣлось повидать его и, если возможно, поселить въ домѣ Сэръ-Франческо ученика своего, механика Зороастро да-Перетола, который все еще не оправился отъ послѣдствій страшнаго паденія. Ему грозила опасность остаться на всю жизнь калѣкою. Горный воздухъ, сельская тишина и спокойствіе, надѣялся учитель, помогутъ больному лучше всякаго лѣченія.

Леонардо выѣхалъ изъ Флоренціи одинъ, верхомъ на мулѣ, черезъ ворота Аль-Прато, внизъ по теченію Арно. У города Эмполи, покинувъ долину рѣки съ большою Пизанскою дорогою, свернулъ на узкую проселочную, извивавшуюся по невысокимъ однообразнымъ холмамъ.

День былъ не жаркій, облачный. Мутно-бѣлое, заходящее въ туманѣ солнце, съ жидкимъ, разсѣяннымъ свѣтомъ, предвѣщало сѣверный вѣтеръ.

Кругозоръ по обѣимъ сторонамъ дороги ширился. Холмы незамѣтно и плавно, какъ волны, подымались. За ними чувствовались горы. На лужайкахъ росла не густая и не яркая весенняя трава. И все кругомъ было не яркое, тихое, зеленовато-сѣрое, простое, почти бѣдное, напоминающее сѣверъ — поля съ блѣдными колосьями, безконечные виноградники съ каменными стѣнами и, въ равномъ разстояніи одна отъ другой, оливы съ колѣнчатыми, крѣпкими стволами, бросавшія на землю тонкія, переплетенныя, паукообразныя тѣни. Кое-гдѣ, передъ одинокою часовнею, пустыннымъ загороднымъ домомъ съ гладкими желтыми стѣнами, съ рѣдкими, неправильно расположенными рѣшетчатыми окнами и черепичными навѣсами для земледѣльческихъ орудій, на тихой ровной дали уже показавшихся, тоже сѣроватыхъ горъ, рѣзко и стройно выдѣлялись ряды угольно-черныхъ, кругло-острыхъ, какъ веретена, кипарисовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе можно видѣть на картинахъ старыхъ флорентинскихъ мастеровъ.

Горы выростали. Чувствовался медленный, но непрерывный подъемъ. Дышалось легче. Путникъ миновалъ Сантъ-Аузано, Калистри, Лукарди, капеллу Сантъ-Джіованни.

Темнѣло. Облака разсѣялись. Замигали звѣзды. Вѣтеръ свѣжѣлъ. Это было начало пронзительно-холоднаго и звонко-яснаго сѣвернаго вѣтра—трамонтано.

Вдругъ, за послѣднимъ крутымъ поворотомъ, сразу открылось селеніе Винчи. Тутъ уже почти не было ровнаго мѣста. Холмы перешли въ горы, равнина—въ холмы. И къ одному изъ нихъ, небольшому, острому, прилѣпилось каменное тѣсное селеніе. На сумрчномъ небѣ тонко и легко подымалась черная башня старой крѣпости. Въ окнахъ домовъ мерцали огни.

У подножія горы, на перекресткѣ двухъ дорогъ, лампада освѣщала въ углубленіи стѣны съ дѣтства знакомое художнику изваяніе Божіей Матери изъ глины, покрытой глянцевитой бѣлой и синей глазурью. Передъ Мадонною стояла на колѣняхъ, согнувшись и закрывъ лицо руками,

женщина въ бѣдномъ темномъ платьѣ, должно-быть, по-селянка.

— Катерина,—прошепталъ Леонардо имя своей покойной матери, тоже простой поселянки изъ Винчи.

Переѣхавъ черезъ мостъ надъ быстрою горною рѣчкою, взялъ онъ вправо, узкою тропинкою между садовыми оградами. Здѣсь было уже совсѣмъ темно. Вѣтвь розоваго куста, свѣсившаяся черезъ ограду, тихонько задѣла его по лицу, какъ будто поцѣловавъ въ темнотѣ, и пахнула душистою свѣжестью.

Передъ ветхими деревянными воротами въ стѣнѣ онъ спѣшился, поднялъ камень и ударилъ въ желѣзную скобу. Это былъ домъ, нѣкогда принадлежавшій дѣду его, Антоніо да-Винчи—нынѣ дядѣ Франческо, гдѣ Леонардо провелъ свои дѣтскіе годы.

Никто не откликнулся. Въ тишинѣ слышалось журчаніе потока Молине-ди-Гатте, на днѣ оврага. Наверху, въ селеніи, разбуженныя стукомъ собаки залаяли. Имъ отвѣтилъ на дворѣ хриплымъ, надтреснутымъ лаемъ, должно-быть, очень дряхлый песъ.

Наконецъ вышелъ съ фонаремъ сѣдой сгорбленный старикъ. Онъ былъ тугъ на ухо и долго не могъ понять, кто такой Леонардо. Но когда узналъ его, то заплакалъ отъ радости, едва не выронилъ фонарь, кинулся цѣловать руки господина, котораго лѣтъ сорокъ или болѣе назадъ носилъ на собственныхъ рукахъ,—и все повторялъ сквозь слезы: «О, синьоръ, синьоръ, мой Леонардо!» Дворовый песъ лѣниво, видимо только изъ угожденія старому хозяину, вилялъ опущеннымъ хвостомъ. Джіанъ-Батисто,—такъ звали старика-садовника,—сообщилъ, что Сэръ-Франческо уѣхалъ въ свой виноградникъ у Мадонны дель-Эрта, оттуда хотѣлъ быть въ Марчильяну, гдѣ знакомый монахъ лѣчилъ его отъ боли въ поясницѣ златотысячной настойкой, и что вернется онъ дня черезъ два. Леонардо рѣшилъ подождать, тѣмъ болѣе, что на слѣдующій день утромъ должны были пріѣхать изъ Флоренці Зороастро и Джіованни Бельтраффіо.

Старикъ повелъ его въ домъ, гдѣ въ это время никого не было,—дѣти Франческо жили въ Флоренціи,—засуетился, позвалъ хорошенькую бѣлокурую шестнадцатилѣтнюю внучку и началъ заказывать ужинъ. Но Леонардо попросилъ только винчiанскаго вина, хлѣба и родниковой воды, которой славилось имѣніе дяди. Сэръ-Франческо, несмотря на достатокъ, жилъ такъ же, какъ отецъ его, дѣдъ и прадѣдъ, съ простотою, которая могла бы казаться бѣдностью человѣку, привыкшему къ удобствамъ большихъ городовъ.

Художникъ вступилъ въ столь ему знакомую нижнюю комнату, въ одно и то же время пріемную и кухню, съ многими неуклюжими стульями, скамьями и сундуками изъ потемнѣвшаго, зеркально-гладкаго отъ старости, точенаго дерева, съ поставцомъ для тяжелой оловянной посуды, съ продольными закоптѣлыми балками потолка, съ подвѣшенными къ нимъ пучками сушеныхъ лѣкарственныхъ травъ, съ голыми бѣлыми стѣнами, огромнымъ закоптѣлымъ очагомъ и кирпичнымъ поломъ. Единственною новизною были толстыя, мутно-зеленыя, съ ячейкообразными круглыми гранями, стекла въ окнахъ. Леонардо помнилъ, что въ дѣтскіе годы его окна были затянуты, какъ и во всѣхъ домахъ тосканскихъ поселянъ, навощеннымъ холстомъ, такъ что въ комнатахъ и днемъ былъ сумракъ. А въ верхнихъ покояхъ, служившихъ спальнями, закрывались они лишь деревянными ставнями, и нерѣдко по утрамъ въ зимнюю стужу, которая въ этихъ мѣстахъ бываетъ суровою, вода въ рукомойникахъ замерзала.

Садовникъ развелъ огонь изъ душистаго горнаго вереска и можжевельника—джинепри, зажегъ маленькую, висѣвшую внутри камина на мѣдной цѣпочкѣ глиняную лампаду съ длиннымъ узкимъ горломъ и ручкою, подобною тѣмъ, какія находятся въ древнихъ этрусскихъ гробницахъ. Ея изящный, нѣжный обликъ, въ простой, бѣдной комнатѣ, казался еще прелестнѣе. Здѣсь, въ полудикомъ уголкѣ Тосканы, въ крови, въ языкѣ, въ домашней утвари, въ обычаяхъ народа, сохранялись отпечатки незапамятной древности—слѣды Этрусскаго племени.

Пока молодая дѣвушка хлопотала, ставя на столъ круглый прѣсный хлѣбъ, плоскій, похожій на лепешку, блюдо съ латуковымъ салатомъ въ укусу, кувшинъ съ виномъ и сушенныя фіги, Леонардо взошелъ по скрипучей лѣстницѣ въ верхніе покои. И здѣсь было все по-старому. Посрединѣ просторной, низкой горницы—та же громадная четырехугольная кровать, гдѣ могло помѣститься цѣлое семейство, и гдѣ добрая бабушка, мона Лучіа, жена Антоніо да-Винчи, нѣкогда спала вмѣстѣ съ маленькимъ Леонардо. Теперь семейное свято хранимое ложе досталось по наслѣдству дядѣ Франческо. Такъ же у изголовья на стѣнѣ висѣло распятіе, образокъ Мадонны, раковина для святой воды, пучокъ сѣрой сухой травы, называвшейся «туманомъ»—«неббіа», и ветхій листикъ съ латинскою молитвою.

Онъ вернулся внизъ, сѣлъ у огня, выпилъ воды съ виномъ изъ деревянной круглой чашки,—у нея былъ свѣжій запахъ оливы, который также напомнилъ ему самое далекое дѣтство, и оставшись одинъ, когда Джьянь-Баттисто съ внучкою ушли спать, погрузился въ ясныя, тихія думы.

II.

Онъ думалъ объ отцѣ своемъ, нотаріусѣ Флорентинской Коммуны, Сэръ-Пьеро да-Винчи, котораго видѣлъ на-дняхъ во Флоренціи, въ его собственномъ благопріобрѣтенномъ домѣ на бойкой улицѣ Джибеллино,—семидесятилѣтнемъ еще бодромъ старикѣ съ краснымъ лицомъ и бѣлыми курчавыми волосами. Леонардо не встрѣчалъ во всю свою жизнь человѣка, который бы любилъ жизнь такую простодушною любовью, какъ Сэръ-Пьеро. Въ былые годы нотаріусъ питалъ отеческую нѣжность къ своему незаконнорожденному первенцу. Но когда подросли двое младшихъ законныхъ сыновей, Антоніо и Джульяно,—опасаясь, какъ бы отецъ не выдѣлилъ старшему часть наслѣдства, они старались поссорить Леонардо съ отцомъ. Въ послѣднее свиданіе онъ чувствовалъ себя чужимъ въ семьѣ. Особенное сокрушеніе по поводу

распространявшихся въ то время слуховъ объ его безбожіи, выказаль братъ Лоренцо, почти мальчикъ по лѣтамъ, но уже дѣловитый—ученикъ Савонаролы, «плакса», добродѣтельный и скопидомный лавочный сидѣлецъ цеха флорентинскихъ шерстниковъ. Нерѣдко заговариваль онъ съ художникомъ при отцѣ о христіанской вѣрѣ, о необходимости покаянія, смиренномудрія, о еретическихъ мнѣніяхъ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ философовъ и на прощаніе подарилъ ему душеспасительную книжку собственнаго сочиненія.

Теперь, сидя у камина въ старинной семейной комнатѣ, вынулъ Леонардо эту книжку, исписанную мелкимъ, старательнымъ лавочнымъ почеркомъ:

«Книга Исповѣдальная, сочиненная мною, Лоренцо ди Сэръ-Пьеро-да-Винчи, флорентинцемъ, посланная Наннѣ, невѣсткѣ моей, наиполезнѣйшая всѣмъ исповѣдаться въ грѣхахъ своихъ желающимъ. Возьми книгу и читай: когда увидишь въ перечнѣ свой грѣхъ, записывай, а въ чемъ повиненъ, пропускай, оное будетъ для другого пользительно, ибо о таковой матеріи, будь увѣренъ, даже тысячи языковъ всего не могли бы пересказать».

Слѣдовалъ подробный, составленный юнымъ шерстникомъ съ истинною торговою щепетильностью, перечень грѣховъ и восемь благочестивыхъ размышлений, «кои долженъ имѣть въ душѣ своей каждый христіанинъ, приступая къ таинству исповѣди».

Съ богословскою важностью разсуждалъ Лоренцо, грѣхъ или не грѣхъ носить сукна и другіе шерстяные товары, за которые не уплачены пошлины. «Что касается души,—рѣшалъ онъ,—то такое ношеніе чужеземныхъ тканей никакого вреда причинить не можетъ, ежели пошлина несправедлива. А посему да не смущается совѣсть ваша, возлюбленные братья и сестры мои, но будьте благонадежны! А если кто скажетъ: Лоренцо, на чемъ ты утверждаешься, полагая такъ о заграничныхъ сукнахъ?—я отвѣчу: въ прошломъ, 1499 году, находясь по торговымъ дѣламъ въ городѣ Пизѣ, слышалъ я въ церкви Санъ-Микеле проповѣдь монаха ордена св. Доминика, нѣкоего брата Заноби, съ удивительнымъ и почти невѣроятнымъ

обиліемъ ученыхъ доказательствъ утверждавшаго то самое о заграничныхъ сукнахъ, что и я нынѣ».

Въ заключеніе, все съ тѣмъ же унылымъ, тягучимъ многословіемъ, рассказывалъ онъ, какъ діаволь долго удерживалъ его отъ написанія душеполезной книги, между прочимъ, подъ предлогомъ, будто бы онъ, Лоренцо, не обладаетъ потребною къ сему ученостью и краснорѣчіемъ, и что болѣе приличествуетъ ему, какъ доброму шерстнику, заботиться о дѣлахъ своей лавки, нежели о писаніи духовныхъ книгъ. Но, побѣдивъ искушенія діавола и придя къ заключенію, что въ этомъ дѣлѣ не столь научныя познанія и краснорѣчіе, сколь христіанское любомудріе и богомысліе потребны,—съ помощью Господа и Приснодѣвы Маріи окончилъ онъ «книгу сію, посвящаемую невѣсткѣ Наннѣ, такъ же, какъ всѣмъ братьямъ и сестрамъ во Христѣ».

Леонардо обратилъ вниманіе на изображенія четырехъ добродѣтелей христіанскихъ, которыя Лоренцо, быть-можетъ, не безъ тайной мысли о братѣ своемъ, знаменитомъ художникѣ, совѣтовалъ живописцамъ представлять со слѣдующими аллегоріями: Благоразуміе—съ тремя лицами, въ знакъ того, что оно созерцаетъ настоящее, прошлое и будущее; Справедливость—съ мечомъ и вѣсами; Силу—облокотившеюся на колонну; Умѣренность—съ циркулемъ въ одной рукѣ, съ ножницами—въ другой, «коиими обрѣзаетъ и пресѣкаетъ она всякое излишество».

Отъ книги этой вѣяло на Леонардо знакомымъ духомъ того мѣщанскаго благочестія, которое окружало дѣтскіе годы его и царило въ семьѣ, передаваемое изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Уже за сто лѣтъ до его рожденія родоначальники дома Винчи были такими же честными, скопидомными и богобоязненными чиновниками на службѣ Флорентинской Коммуны, какъ отецъ его Сэръ-Пьеро. Въ 1339 году въ дѣловыхъ записяхъ впервые упоминался прапращуръ художника, нотарій Синьоріи, нѣкій Сэръ-Гвидо-ди-Сэръ-Микеле-да-Винчи.

Какъ живой вставалъ предъ нимъ дѣдъ Антоніо. Житейская мудрость дѣда была точь-въ-точь такая же, какъ

мудрость внука, Лоренцо. Онъ училъ дѣтей не стремиться ни къ чему высокому—ни къ славѣ, ни къ почестямъ, ни къ должностямъ государственнымъ и военнымъ, ни къ чрезмѣрному богатству, ни къ чрезмѣрной учености.

«Держаться середины во всемъ,—говаривалъ онъ,—есть наиболѣе вѣрный путь».

Леонардо помнилъ спокойный и важный старческій голосъ, которымъ преподавалъ онъ это краеугольное правило жизни—*середину во всемъ*:

— О, дѣти мои, берите примѣръ съ муравьевъ, которые заботятся сегодня о нуждахъ завтрашняго дня. Будьте бережливы, будьте умѣренны. Съ кѣмъ сравню я добраго хозяина, отца семейства? Съ паукомъ сравню его въ средоточіи широко раскинутой паутины, который, чувствуя колебаніе тончайшей нити, спѣшитъ къ ней на помощь.

Онъ требовалъ, чтобы каждый день къ вечернему колоколу Ave Maria всѣ члены семьи были въ сборѣ. Самъ обходилъ домъ, запиралъ ворота, относилъ ключи въ спальню и пряталъ подъ подушку. Никакая мелочь въ хозяйствѣ не ускользала отъ недремлющаго глаза его: сѣна ли мало задано воламъ, свѣтильня ли въ лампадѣ черезчуръ припущена служанкою, такъ что лишнее масло сгораетъ,—все замѣчалъ, обо всемъ заботился. Но скарденности не было въ немъ. Онъ самъ употреблялъ и дѣтямъ совѣтовалъ выбирать для платья лучшее сукно, не жалѣя денегъ, ибо оно прочнѣе,—рѣже приходится мѣнять, а потому одежда изъ добраго сукна не только почетнѣе, но и дешевле.

Семья, по мнѣнію дѣда, должна жить, не раздѣляясь, подъ одною кровлею: «ибо, говорилъ онъ, когда всѣ ѣдятъ за однимъ столомъ, — одной скатерти, одной свѣчи хватаетъ, а за двумя, — нужно двѣ скатерти и два огня; когда грѣетъ всѣхъ одинъ очагъ, довольно одной вязанки дровъ, а для двухъ нужны двѣ, — и такъ во всемъ».

На женщинъ смотрѣлъ свысока: «имъ слѣдуетъ заботиться о кухнѣ и дѣтяхъ, не вмѣшиваясь въ мужнины дѣла; глупецъ—кто вѣритъ въ женскій умъ».

Мудрость Сэръ-Антоніо не лишена была хитрости.

— Дѣти мои, — повторялъ онъ, — будьте милосердны, какъ того требуетъ святая мать наша церковь; но все же друзей счастливыхъ предпочитайте несчастнымъ, богатыхъ — бѣднымъ. Въ томъ и заключается высшее искусство жизни, чтобы, оставаясь добродѣтельнымъ, перехитрить хитреца.

Онъ училъ ихъ сажать плодовые деревья на пограничной межѣ своего и чужого поля такъ, чтобы они кидали тѣнь на ниву сосѣда; училъ просящему взаимы отказывать съ любезностью.

— Тутъ корысть двойная, — прибавлялъ онъ, — и деньги сохраните и получите удовольствіе посмѣяться надъ тѣмъ, кто желалъ васъ обмануть. И ежели проситель умный человѣкъ, онъ пойметъ васъ и станетъ еще больше уважать за то, что вы сумѣли отказать ему съ благопристойностью. Плутъ—кто беретъ, глупъ—кто даетъ. Роднымъ же и домашнимъ помогайте не только деньгами, но и по́томъ, кровью, честью, — всѣмъ, что имѣете, не жалѣя самой жизни для благополучія рода, ибо, помните, возлюбленные мои: гораздо бóльшая слава и прибыль человѣку—дѣлать благо своимъ, нежели чужимъ.

Послѣ тридцатилѣтняго отсутствія, сидя подъ кровлею отчаго дома, слушая завываніе вѣтра и слѣдя, какъ потухаютъ угли въ очагѣ, художникъ думалъ о томъ, что вся его жизнь была великимъ нарушеніемъ этой скопидомной, древней, какъ мѣрь, паучьей и муравьиной, дѣдовской мудрости—была тѣмъ буйнымъ избыткомъ, незаконнымъ излишествомъ, которое, по мнѣнію брата Лоренцо, богиня Умѣренности должна обрѣзать своими желѣзными ножницами.

III.

На слѣдующій день рано утромъ вышелъ онъ изъ дома, не разбудивъ садовника, и, пройдя черезъ бѣдное селеніе Винчи съ высокими и узкими домиками, тѣсно лѣпившимися по склону холма вокругъ крѣпости, сталъ подыматься

въ сосѣдній поселокъ Анкіано крутою дорогою, все время въ гору.

Опять, какъ вчера, свѣтило печальное, бѣлое, точно зимнее солнце, небеса были безоблачны и холодны, съ мутно-лиловыми краями, даже въ это раннее утро. Трамонтано за ночь усилился. Но вѣтеръ не рвалъ и не металъ, какъ вчера, а дулъ ровно, прямо съ сѣвера, какъ будто падая съ неба, однообразно свистя въ ухахъ. Опять — тѣ же блѣдныя, тихія нивы съ рѣдкими колосьями—здѣсь, на этой высотѣ, еще болѣе напоминавшія сѣверъ, расположенныя по склонамъ холмовъ полукруглыми ярусами—лунками, какъ выражались поселяне Винчи,—тошіе виноградники, не густыя и не яркія травы, облетающіе маки, пыльно-сѣрыя оливы, крѣпкіе черные сучья которыхъ коротко и болѣзненно вздрагивали отъ вѣтра.

Войдя въ поселокъ Анкіано, Леонардо остановился, не узнавая мѣсть. Онъ помнилъ, что нѣкогда здѣсь были развалины замка Адимари и въ одной изъ уцѣлѣвшихъ башенъ—маленькая сельская харчевня. Теперь на этомъ мѣстѣ, на такъ называемомъ Кампо-дѣлла-Торраччіа, виднѣлся новый, съ гладко-выбѣленными стѣнами, домъ среди виноградника. За низкою каменною оградю поселянинъ окапываль заступомъ лозы. Онъ объяснилъ художнику, что владѣлецъ харчевни умеръ, а наслѣдники продали землю богатому овцеводу изъ Орбиньяно, который, очистивъ вершину холма, развелъ на немъ виноградникъ и рощу оливъ.

Не даромъ разспрашиваль Леонардо объ анкіанскомъ кабачкѣ: онъ родился въ немъ.

Здѣсь при самомъ вѣздѣ въ бѣдный горный поселокъ, надъ большою дорогою, которая, переваливая черезъ Монте-Альбано, вела изъ долины Неволле въ Прато и Пистойю, въ мрачномъ остовѣ рыцарской башни Адимари, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, ютилась веселая сельская харчевня—остерія. Вывѣска на скрипучихъ заржавленныхъ петляхъ съ надписью «Боттильерія»—распивочная, открытая дверь, съ виднѣвшимися рядами бочекъ, оловянныхъ кружекъ и пузатыхъ глиняныхъ кувшиновъ, два подслѣповатыхъ, точно

лукаво подмигивающихъ рѣшетчатыхъ окошка безъ стеколь съ почернѣвшими ставнями и гладко-вытертыя ногами постѣтителей ступеньки крылечка выглядывали изъ-подъ свѣжаго навѣса виноградныхъ лозъ, сквозившихъ на солнцѣ. Жители окрестныхъ селеній по пути на ярмарку въ Санъ-Миньято или Фучеккіо, охотники за дикими козами, погонщики муловъ, доганьеры — стражники флорентинской пограничной таможи и другой невзыскательный людъ заходили сюда покалякать, распить фiasco дешеваго терпкаго вина, сыграть въ шашки, карты, зернь, цару или тарокку.

Служанкою въ кабацѣ была дѣвушка лѣтъ шестнадцати, круглая сирота, бѣдная контадина—поселянка изъ Винчи, по имени Катерина.

Однажды весною, въ 1451 году, молодой флорентинскій нотаріусъ Пьеро ди-Сэръ-Антоніо-да-Винчи, пріѣхавъ погостить къ отцу на виллу изъ Флоренціи, гдѣ проводилъ онъ большую часть года въ дѣлахъ, былъ приглашенъ въ Анкіано, для заключенія договора по долгосрочному найму шестой части каменнаго масличнаго точила. Скрѣпивъ условія законнымъ порядкомъ, поселяне пригласили нотаріуса вспрыснуть договоръ въ сосѣднемъ кабацкѣ на Кампо-дэлла-Торраччіа. Сэръ-Пьеро, человекъ простой, любезный и обходительный даже съ простыми людьми, охотно согласился. Имъ прислуживала Катерина. Молодой нотаріусъ, какъ самъ признавался впоследствии, съ перваго взгляда влюбился въ нее. Подъ предлогомъ охоты на перепеловъ отложилъ до осени отъѣздъ во Флоренцію и, сдѣлавшись завсегдатаемъ кабачка, сталъ ухаживать за Катериною, которая оказалась дѣвушкою болѣе недоступною, чѣмъ онъ предполагалъ. Но Сэръ-Пьеро не даромъ слылъ побѣдителемъ сердецъ. Ему было двадцать четыре года; онъ одѣвался щеголемъ; былъ красивъ, ловокъ, силенъ и обладалъ самонадѣяннымъ любовнымъ краснорѣчіемъ, которое плѣняетъ простыхъ женщинъ. Катерина долго сопротивлялась, молила помощи у Пречистой Дѣвы Маріи, но, наконецъ, не устояла. Къ тому времени, когда тосканскіе перепела, разжирѣвшіе

на сочныхъ осеннихъ гроздьяхъ, улетаютъ изъ долины Неволе,—она забеременѣла.

Слухъ о связи Сэръ-Пьера съ бѣдною сиротою, служанкой анкіанской харчевни, дошелъ до Сэръ-Антоніо-да-Винчи. Пригрозивъ сыну отцовскимъ проклятіемъ, снарядилъ онъ его немедленно во Флоренцію и въ ту же зиму, чтобы, по собственному выраженію, «остепенить малаго», женилъ на мадоннѣ Альбьерѣ ди-Сэръ-Джіованни-Амадори, дѣвушкѣ не молодой, не красивой, но изъ почтеннаго семейства, съ хорошимъ приданымъ, а Катерину выдалъ замужъ за поденщика своего бѣднаго поселянина изъ Винчи, нѣкоего Аккаттабригу ди-Пьеро-дель-Вакка, человѣка пожилого, угрюмаго, съ тяжелымъ нравомъ, который, рассказывали, заколотилъ въ гробъ побоями подъ пьяную руку первую жену. Позарившись на обѣщанные тридцать флориновъ и маленькій клочокъ оливковой роши, Аккаттабрига не побрезгалъ покрыть чужой грѣхъ своею честью. Катерина покорилась безропотно, но заболѣла отъ горя и едва не умерла послѣ родовъ. Молока у нея не было. Чтобы кормить маленькаго Леонардо,—такъ назвали ребенка,—взяли козу съ Монте-Альбано. Пьеро, несмотря на свою любовь и печаль о Катеринѣ, тоже покорился, но упросилъ отца взять Леонардо въ свой домъ на воспитаніе. Въ тѣ времена побочныхъ дѣтей не стыдились, почти всегда воспитывали наравнѣ съ законными и даже нерѣдко оказывали имъ предпочтеніе. Дѣдъ согласился, тѣмъ болѣе, что первый бракъ сына былъ бездѣтнымъ, и поручилъ мальчика заботамъ жены своей, доброй старой бабушки моны Лучіи ди-Пьеро-Зози-да-Бакаретто.

Такъ Леонардо, сынъ незаконной любви двадцатичетырехлѣтняго флорентинскаго нотариуса и соблазненной служанки анкіанскаго кабачка, вошелъ въ добродѣтельное, богобоязненное семейство да-Винчи.

Въ государственномъ архивѣ города Флоренціи въ переписи—катасто, отъ 1457 года хранилась отмѣтка, сдѣланная рукою дѣда, нотариуса Антоніо да-Винчи:

«Леонардо сынъ вышереченнаго Пьера, незаконнорожденный, отъ его и отъ Катерины, нынѣ жены Аккат-

табриги ди-Пьеро-дель-Вакка да-Винчи, пяти лѣтъ от-роду».

Леонардо помнилъ мать, какъ сквозь сонъ, въ особен-ности ея улыбку, нѣжную, неуловимую-скользящую, пол-ную тайны, какъ будто немного лукавую, странную въ этомъ простомъ, печальномъ, строгомъ, почти сурово прекрасномъ лицѣ. Однажды во Флоренціи, въ музеѣ Медичейскихъ са-довъ Санъ-Марко, увидѣлъ онъ изваяніе, найденное въ Ареццо, старинномъ городѣ Этруріи,—маленькую мѣдную Кибелу, незапамятно-древнюю богиню земли, съ такою же странною улыбкою, какъ у молодой поселянки изъ Винчи, его матери.

О Катеринѣ думалъ художникъ, когда писалъ въ своей «Книгѣ о живописи»:

«Не замѣчалъ ли ты, какъ женщины горь, одѣтыя въ грубыя и бѣдныя ткани, побѣждаютъ красотою тѣхъ, ко-торыя наряжены?»

Знавшіе мать его въ молодости увѣряли, что Леонардо похожъ на нее. Въ особенности тонкія длинныя руки, мягкія, какъ шелкъ, золотистыя кудри и улыбка его напо-минали Катерину. Отъ отца унаслѣдовалъ онъ могуществен-ное тѣлосложеніе, силу здоровья, любовь къ жизни; отъ ма-тери—женственную прелесть, которою все существо его было проникнуто.

Домикъ, гдѣ жила Катерина съ мужемъ, находился неподалеку отъ виллы Сэръ-Антоніо. Въ полдень, когда дѣдъ почивалъ, и Аккаттабрига уходилъ съ волами въ поле на работу, мальчикъ пробирался по винограднику, пере-лѣзалъ черезъ стѣну и бѣжалъ къ матери. Она поджидала, сидя на крыльцѣ съ веретеномъ въ рукахъ. Завидѣвъ его издали, протягивала руки. Онъ бросался къ ней, и она покрывала поцѣлуями его лицо, глаза, губы, волосы.

Еще болѣе нравились имъ ночныя свиданія. Въ празд-ничные вечера старый Аккаттабрига уходилъ въ кабакъ или къ кумовьямъ метать кости. Ночью Леонардо тихонько вставалъ съ широкой семейной постели, гдѣ спалъ рядомъ съ бабушкой Лучіей; полуодѣвшись, неслышно отворялъ

ставни, вылѣзаль изъ окна, по сучьямъ развѣсистаго фигаваго дерева спускался на землю и бѣжалъ къ дому Катерины. Сладки были ему холодъ росистой травы, крики ночныхъ коростелей, ожоги кропивы, острые камни, рѣзавшіе босыя ноги, и блескъ далекихъ звѣздъ, и страхъ, чтобы бабушка, проснувшись, не хватилась его, и тайна какъ будто преступныхъ объятій, когда, забравшись въ постель Катерины, во мракѣ, подъ одѣяломъ, прижимался онъ къ ней всѣмъ своимъ тѣломъ.

Мона Лучіа любила и баловала внука. Онъ помнилъ всегда одинаковое темно-коричневое платье бабушки, бѣлый платокъ вокругъ темнаго, покрытаго морщинками, добраго лица ея, тихія колыбельныя пѣсни и лакомый запахъ сельскаго печенія—берлингоццо, съ поджаренной въ сметанѣ корочкой, которое она готовила.

Но съ дѣдомъ они не поладили. Сначала Сэръ-Антоніо самъ училъ внука. Мальчикъ слушалъ уроки неохотно. Когда ему исполнилось семь лѣтъ, поступилъ онъ въ школу при церкви св. Петрониллы, рядомъ съ Винчи. Латинская грамота также не шла ему въ прокъ.

Нерѣдко, выйдя по утру изъ дому, вмѣсто школы, забирался онъ въ дикій оврагъ, поросшій тростникомъ, ложился на спину и, закинувъ голову, цѣлыми часами слѣдилъ за пролетавшими станицами журавлей, съ мучительною завистью. Или, не срывая, а только бережно, такъ, чтобы не повредить, развертывая лепестки цвѣтовъ, дивился ихъ нѣжному строенію, опушеннымъ рыльцамъ, влажнымъ отъ меда тычинкамъ и пыльникамъ. Когда Сэръ-Антоніо уѣзжалъ въ городъ по дѣламъ, маленькій Нардо, пользуясь добротой бабушки, убѣгалъ на цѣлые дни въ горы и по каменнымъ кручамъ, надъ пропастями, никому невѣдомыми тропинками, гдѣ лазаютъ лишь козы, взбирался на голыя вершины Монте-Альбано, откуда видны необозримые луга, рощи, нивы, болотное озеро Фучеккіо, Пистойя, Прато, Флоренція, снѣжныя Апуанскія Альпы и, въ ясную погоду, узкая туманно-голубая полоса Средиземнаго моря. Возвращался домой исцарапанный, пыльный, загорѣлый,

но такой веселый, что мона Лучіа не имѣла духа браниться и жаловаться дѣдушкѣ.

Мальчикъ жилъ одиноко. Съ ласковымъ дядей Франческо и отцомъ, дарившимъ ему городскія лакомства, — оба проводили большую часть года во Флоренці, — видѣлся рѣдко, со школьными товарищами не сходилъ вовсе. Ихъ игры были ему чужды. Когда обрывали они крылья бабочкѣ, любясь, какъ она ползаетъ, — болѣзненно морщился, блѣднѣлъ и уходилъ. Увидѣвъ разъ, какъ на скотномъ дворѣ старая ключница рѣзала къ празднику откормленнаго молочнаго поросенка, который бился и пронзительно визжалъ, — долго и упорно, не объясняя причины, отказывался отъ мяса, къ негодованію Сэра-Антоніо.

Однажды школьники, подъ предводительствомъ нѣкого Россо, смѣлаго, умнаго и злого шалуна, поймали крота и, насладившись его мученіями, полуживого, привязали за лапку, чтобы отдать на растерзаніе овчаркамъ. Леонардо бросился въ толпу дѣтей, повалилъ трехъ мальчиковъ, — онъ былъ силенъ и ловокъ, — пользуясь остолбенѣніемъ школьниковъ, которые не ожидали такой выходки отъ всегда тихаго Нардо, схватилъ крота и во весь духъ помчался въ поле. Опомнившись, товарищи устремились за нимъ, съ крикомъ, смѣхомъ, свистомъ и бранью, швыряя камнями. Долговязый Россо, — онъ былъ лѣтъ на пять старше Нардо, — вцѣпилъ ему въ волосы, и началась драка. Если бы не подоспѣлъ дѣдушкинъ садовникъ Джіанъ-Баттисто, они избили бы его жестоко. Но мальчикъ достигъ своей цѣли. Во время свалки кротъ убѣжалъ и спасся. Въ пылу борьбы, защищаясь отъ нападавшаго Россо, Леонардо подбилъ ему глазъ. Отецъ шалуна, поваръ жившаго на сосѣдней виллѣ вельможи, пожаловался дѣдушкѣ. Сэръ-Антоніо такъ разсердился, что хотѣлъ высѣчь внука. Заступничество бабушки отклонило казнь. Нардо былъ только запертъ на нѣсколько дней въ чуланъ подъ лѣстницей.

Впослѣдствіи, вспоминая объ этой несправедливости, первой въ безконечномъ ряду другихъ, которыя суждено ему было испытать, онъ спрашивалъ себя въ дневникѣ своемъ:

«Если уже въ дѣтствѣ тебя сажали въ тюрьму, когда ты поступалъ какъ слѣдуетъ, — что же сдѣлають съ тобой теперь, со взрослымъ?»

Сидя въ темномъ чуланѣ, мальчикъ смотрѣлъ, какъ паукъ въ сердцѣ паутины, отливавшей радугою въ лучѣ солнца, высасывалъ муху. Жертва билась въ лапахъ его, съ тонкимъ, постепенно замирающимъ жужжаніемъ. Нардо могъ бы спасти ее, какъ спасъ крота. Но смутное, непобѣдимое чувство остановило его: не мѣшая пауку пожирать добычу, наблюдалъ онъ алчность чудовищнаго насѣкомаго, съ такимъ же безстрастнымъ и невиннымъ любопытствомъ, какъ тайны нѣжнаго строенія цвѣтовъ.

IV.

Неподалеку отъ Винчи строилась большая вилла для сеньора Пандольфо Ручеллаи флорентинскимъ зодчимъ Біаджіо да-Равенна, ученикомъ великаго Альберти. Леонардо, часто бывая на мѣстѣ постройки, смотрѣлъ, какъ рабочіе выводятъ стѣны, ровняютъ кладку камней угломѣромъ, поднимають ихъ машинами. Однажды Сэръ-Біаджіо, заговоривъ съ мальчикомъ, былъ удивленъ его яснымъ умомъ. Сначала мимоходомъ, полушутя, потомъ мало-по-малу увлекшись, сталъ онъ учить его первымъ основамъ ариѳметики, алгебры, геометріи, механики. Невѣроятной, почти чудесной казалась учителю легкость, съ которой ученикъ схватывалъ все на-лету, какъ будто вспоминая то, что и прежде зналъ самъ безъ него.

Дѣдъ смотрѣлъ косо на причуды внука. Не нравилось ему и то, что онъ лѣвшя: это считалось недобрымъ знакомъ. Полагали, что люди, заключающіе договоръ съ дьяволомъ, колдуны и чернокнижники, рождаются лѣвшями. Непріязненное чувство къ ребенку усилилось въ Сэръ-Антоніо, когда опытная знахарка изъ Фальтуньяно увѣрила его, что старуха съ Монте-Альбано, изъ глухого мѣстечка Форнелло, которой принадлежала черная коза, кормилица Нардо.—

была вѣдьмою. Легко могло статься, что колдунья, въ угоду дьяволу, очаровала молоко Нардовой козы.

«Что правда, то правда, — думаль дѣдь. — Какъ волка ни корми, все въ лѣсъ глядитъ. Ну, да, видно, воля Господня! Въ семьѣ не безъ уroda».

Съ нетерпѣніемъ ждалъ старикъ, чтобы любимый сынъ Пьеро осчастливилъ его рожденіемъ законнаго внука, достойнаго наслѣдника, ибо Нардо былъ какъ бы случайный подкидышъ, воистину «незаконнорожденный» въ этой семьѣ.

Жители Монте-Альбано рассказывали объ одной особенноти тѣхъ мѣсть, нигдѣ болѣе не встрѣчающейся, — бѣлой окраскѣ многихъ растений и животныхъ: тотъ, кто не видѣлъ собственными глазами, не повѣрилъ бы этимъ рассказамъ; но путнику, бродившему по альбанскимъ рощамъ и лугамъ, хорошо извѣстно, что въ самомъ дѣлѣ попадаются тамъ перѣдко бѣлыя фіалки, бѣлая земляника, бѣлые воробьи и даже въ гнѣздахъ черныхъ дроздовъ — бѣлые птенчики. Вотъ почему, — увѣряютъ обитатели Винчи, — вся эта гора еще въ незапамятной древности получила названіе Бѣлой — Монте-Альбано.

Маленькій Нардо былъ однимъ изъ чудесъ Бѣлой Горы, уродомъ въ добродѣтельной и будничной семьѣ флорентинскихъ нотаріусовъ — бѣлымъ птенцомъ въ гнѣздѣ черныхъ дроздовъ.

V.

Когда мальчику исполнилось тринадцать лѣтъ, отецъ взялъ его изъ Винчи въ свой домъ во Флоренцію. Съ тѣхъ поръ Леонардо рѣдко посѣщаль родину.

Отъ 1494 года — въ это время былъ онъ на службѣ Миланскаго герцога — въ одномъ изъ дневниковъ художника сохранилась краткая и по обыкновенію загадочная записъ: «Катерина прибыла 16 іюля 1493 года».

Можно было подумать, что рѣчь идетъ о служанкѣ, принятой въ домъ по хозяйственной надобности. На самомъ дѣлѣ это была мать Леонардо.

Послѣ кончины мужа, Аккаттабриги-ди-Пьеро-дель-Вакка, Катерина, чувствуя, что и ей остается жить недолго, пожелала передъ смертью увидѣть сына.

Присоединившись къ странницамъ, которыя отправлялись изъ Тосканы въ Ломбардію для поклоненія мощамъ св. Амвросія и честнѣйшему гвоздю Господню, пришла она въ Миланъ. Леонардо принялъ ее съ благоговѣйной нѣжностью.

Онъ попрежнему чувствовалъ себя съ нею маленькимъ Нардо, какимъ, бывало, тайно ночью съ босыми ножками прибѣгалъ и, забравшись въ постель, подъ одѣяло, прижимался къ ней.

Старушка, послѣ свиданія съ сыномъ, хотѣла вернуться въ родное селеніе; но онъ удержалъ ее, нанялъ ей и заботливо устроилъ покойную келью въ сосѣднемъ дѣвичьемъ монастырѣ Санта-Кьяра у Верчельскихъ воротъ. Она заболѣла, слегла, но упорно отказывалась перейти къ нему въ домъ, чтобы не причинить безпокойства. Онъ помѣстилъ ее въ лучшей, построенной герцогомъ Франческо Сфорца, похожей на великолѣпный дворецъ, больницѣ Милана—Оспedale Маджіоре и навѣщалъ каждый день. Въ послѣдніе дни болѣзни не отходилъ отъ нея. А между тѣмъ никто изъ друзей, даже изъ учениковъ не зналъ о пребываніи Катерины въ Миланѣ. Въ дневникахъ своихъ онъ почти не говорилъ о ней. Только разъ упомянулъ, и то вскользь, по поводу любопытнаго, какъ онъ выражался, «сказочнаго» лица одной молодой дѣвушки, измученной тяжкимъ недугомъ, которую наблюдалъ въ то самое время, въ той самой больницѣ, гдѣ мать его умирала:

«Giovannina—viso fantastico—sta, asca Chatarina, allospedale».—«Джіованнина—сказочное лицо—спроси Катерину, больницѣ».

Когда въ послѣдній разъ прикоснулся онъ губами къ ея холодѣющей рукѣ, ему казалось, что этой бѣдной поселанкѣ изъ Винчи, смиренной обитательницѣ горъ, обязанъ онъ всѣмъ, что есть у него. Онъ почтилъ ее великолѣпными

похоронами, какъ будто Катерина была не скромною служанкою анкіанскаго кабачка, а знатною женщиной. Съ такою же точностью, унаслѣдованною отъ отца, нотаріуса, съ какою, бывало, безъ всякой нужды, записывалъ цѣны пуговицъ, серебряныхъ галуновъ и розоваго атласа для новаго наряда Андреа Салаино, записалъ и счетъ похоронныхъ издержекъ.

Черезъ шесть лѣтъ, въ 1500 году, въ Миланѣ, уже послѣ гибели Моро, укладывая вещи передъ отъѣздомъ во Флоренцію, нашелъ онъ въ одномъ изъ шкаповъ своихъ тщательно перевязанный, небольшой узелокъ. Это былъ сельскій гостинецъ, принесенный ему изъ Винчи Катериною, — двѣ рубахи грубаго сѣраго холста, тканаго ея собственными руками, и три пары чулокъ изъ козьяго пуха, тоже самодѣльныхъ. Онъ не надѣвалъ ихъ, потому что привыкъ къ тонкому бѣлью. Но теперь, вдругъ увидѣвъ этотъ узелокъ, забытый среди научныхъ книгъ, математическихъ приборовъ и машинъ, почувствовалъ, какъ сердце наполнилось жалостью.

Впослѣдствіи, во время долголѣтнихъ, одинокихъ и унылыхъ скитаній изъ края въ край, изъ города въ городъ, никогда не забывалъ онъ брать съ собою ненужный, бѣдный узелокъ съ чулками и рубахами, и каждый разъ, пряча его отъ всѣхъ, стыдливо и старательно укладывалъ съ тѣми вещами, которыя были ему особенно дороги.

VI.

Эти воспоминанія проносились въ душѣ Леонардо, когда по крутой, знакомой съ дѣтства, тропинкѣ онъ всходилъ на Монте-Альбано.

Подъ уступомъ скалы, гдѣ меньше было вѣтра, присѣлъ на камень отдохнуть и оглянулся: малорослые непадающіе корявые дубы съ прошлогодними сухими листьями, мелкіе пахучіе цвѣты тускло-зеленаго вереска, который здѣшніе поселяне называли «скопа» — метелка, блѣдныя

дикія фіалки, и надо всѣмъ неуловимый свѣжій запахъ, не то полыни, не то весны, не то какихъ-то горныхъ невѣдомыхъ травъ. Волнистые горизонты уходили, понижаясь къ долинѣ Арно. Направо возносились голыя каменные горы съ извилистыми тѣнями, змѣевидными трещинами и сѣролиловыми пропастями. У самыхъ ногъ его Анкіано бѣлѣло на солнцѣ. Глубже въ долинѣ, къ заостренно-круглому холму лѣпилось маленькое, похожее на осиный улей, селеніе Винчи, съ башнею крѣпости, такую же острою и черною, какъ два кипариса на Анкіанской дорогѣ.

Ничто не измѣнилось: казалось, вчера еще карабкался онъ по этимъ тропинкамъ; и теперь, какъ сорокъ лѣтъ назадъ, росла здѣсь обильная скопка и бѣловатая фіалка; сухо шелестѣли дубы сморщенными, темно-коричневыми листьями; сумрачно синѣло Монте-Альбано; и такое же все кругомъ было простое, тихое, бѣдное, блѣдное, напоминающее сѣверъ. А между тѣмъ сквозь эту тишину и блѣдность порою тонкая, едва уловимая прелесть благороднѣйшей въ мірѣ земли, нѣкогда древней Этруріи, нынѣ Тосканы, вѣчно весенней земли Возрожденія, сквозила, подобная странной и нѣжной улыбкѣ въ строгомъ, почти сурово-прекрасномъ лицѣ молодой поселянки изъ Винчи, Леонардовой матери.

Онъ всталъ и пошелъ дальше круто подымавшеюся въ гору тропинкою. Чѣмъ выше, тѣмъ холоднѣе и злѣе становился вѣтеръ.

Опять воспоминанія обступили его—теперь о первыхъ годахъ юности.

VII.

Дѣла нотаріуса Сэръ-Пьеро да-Винчи процвѣтали. Ловкій, веселый и добродушный, одинъ изъ тѣхъ, у которыхъ въ жизни все идетъ какъ по маслу, которые сами живутъ и другимъ жить не мѣшаютъ,—умѣлъ онъ ладить со всѣми. Въ особенности лица духовнаго званія благоволили къ нему. Сдѣлавшись довѣреннымъ богатаго монастыря святѣйшей

Аннунціаты и многихъ другихъ богоугодныхъ учреждений, Сэръ-Пьеро округлялъ свое имущество, пріобрѣталь новые участки, дома, виноградники въ окрестностяхъ Винчи, не измѣняя прежняго скромнаго образа жизни, согласно съ житейскою мудростью Сэръ-Антоніо. Только на украшенія церковей охотно жертвовалъ и, заботясь о чести рода, положилъ могильную плиту на семейную гробницу Винчи во Флорентинской Бадіи.

Когда умерла первая жена его, Альбьера Амадори, быстро утѣшившись, тридцативосьмилѣтній вдовецъ женился на совсѣмъ молоденькой прелестной дѣвушкѣ, почти ребенкѣ, Франческѣ ди-Сэръ-Джіованни-Ланфредини. Дѣтей и отъ второй жены у него не было. Въ это время Леонардо жилъ съ отцомъ во Флоренціи, въ наняемомъ у нѣкоего Микеле Брандолини домѣ, на площади Санъ-Фиренце, близъ Палаццо Веккіо. Сэръ-Пьеро намѣревался незаконнорожденному первенцу своему дать хорошее воспитаніе, не жалѣя денегъ, чтобы, можетъ-быть, въ послѣдствіи, за неимѣніемъ законныхъ дѣтей, сдѣлать наслѣдникомъ—тоже, конечно, флорентинскимъ нотаріусомъ, какъ и всѣ старшіе сыновья въ родѣ Винчи.

Во Флоренціи жилъ тогда знаменитый естествоиспытатель, математикъ, физикъ и астрономъ Паоло даль-Поццо-Тосканелли. Онъ обратился къ Христофору Колумбу съ письмомъ, въ которомъ вычисленіями доказывалъ, что морской путь въ Индію черезъ страны антиподовъ не такъ далекъ, какъ предполагаютъ, ободрялъ къ путешествію и предрекалъ успѣхъ. Безъ помощи и напутствія Тосканелли Колумбъ не совершилъ бы своего открытія: великій мореплаватель былъ только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ неподвижнаго созерцателя,—исполнилъ то, что было задумано и расчитано въ уединенной кельѣ флорентинскаго ученаго. Въ сторонѣ отъ блестящаго двора Лоренцо Медичи, отъ изящныхъ и бесплодныхъ болтуновъ-неоплатониковъ, подражателей древности, Тосканелли «жилъ, какъ святой», по выраженію современниковъ,—молчальникъ, безсребренникъ, постникъ, никогда не вкушавшій отъ мяса,

и совершенный дѣвственникъ. Лицо имѣлъ безобразное, почти отталкивающее; только свѣтлые, тихіе и младенчески простые глаза его были прекрасны.

Когда однажды ночью въ 1470 году постучался въ двери дома его у палаццо Питти молодой незнакомецъ, почти мальчикъ, Тосканелли принялъ его сурово и холодно, подозрѣвая въ гостѣ обычное праздное любопытство. Но, вступивъ въ бесѣду съ Леонардо, онъ, такъ же какъ нѣкогда Сэръ-Біаджіо да-Равенна, пораженъ былъ математическимъ геніемъ юноши. Сэръ-Паоло сдѣлался его учителемъ. Въ ясныя лѣтнія ночи подымались они на одинъ изъ холмовъ близъ Флоренціи, Поджіо-аль-Пино, покрытый верескомъ, пахучимъ можжевельникомъ и смолистыми черными соснами, гдѣ полуразвалившаяся отъ ветхости деревянная сторожка служила обсерваторіей великому астроному. Онъ рассказывалъ ученику все, что зналъ самъ о законахъ природы.

Въ этихъ бесѣдахъ Леонардо почерпнулъ вѣру въ новое, еще невѣдомое людямъ, могущество знанія.

Отецъ не стѣснялъ его, только совѣтовалъ выбрать какое-либо доходное занятіе. Видя, что онъ постоянно лѣпитъ или рисуетъ, Сэръ-Пьеро отнесъ нѣкоторыя изъ этихъ работъ старому пріятелю своему, золотыхъ дѣлъ мастеру, живописцу и скульптору Андрѣа дэль-Вероккіо.

Вскорѣ Леонардо поступилъ къ нему въ мастерскую на выучку.

VIII.

Вероккіо, сынъ бѣднаго кирпичника, былъ старше Леонардо на семнадцать лѣтъ.

Когда съ очками на носу и съ лупой въ рукахъ сидѣлъ онъ за прилавкомъ въ полутемной мастерской—боттегѣ своей, недалеко отъ Понте Веккіо, въ одномъ изъ тѣхъ старинныхъ, покосившихся домиковъ, съ гнилыми подпорками, стѣны которыхъ купаются въ мутно-зеленыхъ водахъ Арно,—Сэръ-Андрѣа былъ скорѣе похожъ на обыкновеннаго

флорентинскаго лавочника, чѣмъ на великаго художника. Лицо имѣлъ неподвижное, плоское, бѣлое, круглое и пухлое, съ двойнымъ подбородкомъ; лишь въ тонкихъ, плотно сжатыхъ губахъ и въ пронзительно-остромъ, какъ игла, взорѣ крошечныхъ глазъ виденъ былъ умъ, холодный, точный и безстрашно-любопытный.

Учителемъ своимъ Андрѣа считалъ древняго мастера Паоло Учелло. Разсказывали, будто бы, занимаясь отвлеченной математикой, которую онъ примѣнялъ къ искусству, и головоломными задачами перспективы, презрѣнный и покинутый всѣми, Учелло впалъ въ нищету и едва не сошелъ съ ума; цѣлые дни проводилъ безъ пищи, цѣлыя ночи безъ сна; порою, лежа въ постели съ открытыми глазами въ темнотѣ, будилъ жену восклицаніемъ:

— О, сколь сладостная вещь перспектива!

Умеръ осмѣянный и непонятый.

Вероккіо, такъ же какъ Учелло, полагалъ математику общею основою искусства и науки, говорилъ, что геометрія, будучи частью математики — «матери всѣхъ наукъ», есть въ то же время «мать рисунка—отца всѣхъ искусствъ». Совершенное знаніе и совершенное наслажденіе красотою было для него одно и то же. Когда встрѣчалъ онъ рѣдкое по уродству или прелести лицо или другую часть тѣла человѣческаго, то не отворачивался съ брезгливостью, не забывался въ мечтательной нѣгѣ, подобно такимъ художникамъ, какъ Сандро Ботичелли, а изучалъ, дѣлалъ анатомическіе слѣпки изъ гипса, чего никто изъ мастеровъ не дѣлалъ до него. Съ безконечнымъ терпѣніемъ, сравнивалъ, мѣрилъ, испытывалъ, предчувствуя въ законахъ красоты законы математической необходимости. Еще неутомимѣе, чѣмъ Сандро, искалъ новой прелести—но не въ чудѣ, не въ сказкѣ, не въ соблазнительныхъ сумеркахъ, гдѣ Олимпъ сливается съ Голговою, какъ Сандро, — а въ такомъ проникновеніи въ тайны природы, на какое не дерзалъ еще никто, ибо не чудо было для Вероккіо истиной, а истина—чудомъ.

Въ тотъ день, какъ Сэръ-Пьеро да-Винчи привелъ къ нему въ мастерскую своего восемнадцатилѣтняго сына,

участь обоихъ была рѣшена. Андрѣа сдѣлался не только учителемъ, но и ученикомъ ученика своего, Леонардо.

Въ картинѣ, заказанной Вероккіо монахами Валломброзы, изображавшей крещеніе Спасителя, Леонардо написалъ колѣнопреклоненнаго ангела. Все, что Вероккіо смутно предчувствовалъ и чего искалъ ошупью, какъ слѣпой,— Леонардо увидѣлъ, нашелъ и воплотилъ въ этомъ образѣ. Впослѣдствіи рассказывали, будто бы учитель, приведенный въ отчаяніе тѣмъ, что мальчикъ превзошелъ его, — отказался отъ живописи. На самомъ дѣлѣ, вражды между ними не было. Они дополняли другъ друга: ученикъ обладалъ тою легкостью, которою природа не одарила Вероккіо, учитель — тѣмъ сосредоточеннымъ упорствомъ, котораго не доставало слишкомъ разнообразному и непостоянному Леонардо. Но, завидуя и не соперничая, они часто сами не знали, кто у кого заимствуетъ.

Въ это время Вероккіо отливалъ изъ мѣди Христа съ Оомою для Орѣ-Санѣ-Микеле.

На смѣну райскимъ видѣніямъ фра Беато и сказочному бреду Ботичелли, впервые, въ образѣ Оомы, влагающаго пальцы въ язвы Господа, явилось людямъ еще небывалое на землѣ дерзновеніе человѣка передъ Богомъ—испытующаго разума передъ чудомъ.

IX.

Первымъ произведеніемъ Леонардо былъ рисунокъ для шелковой завѣсы, тканой золотомъ во Фландріи, подарка флорентинскихъ гражданъ королю Португаліи. Рисунокъ изображалъ грѣхопаденіе Адама и Евы. Колѣнчатый стволъ одной изъ райскихъ пальмъ изображенъ былъ съ такимъ совершенствомъ, что, по словамъ очевидца, «умъ помрачался при мысли о томъ, какъ могло быть у человѣка столько терпѣнія». Женоподобный ликъ демона-змѣя дышалъ соблазнительной прелестью, и, казалось, слышались слова его:

«Нѣтъ, не умрете, но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вкусите ихъ, откроются глаза ваши, и вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло».

И жена протягивала руку къ дереву Познанія, съ тою же улыбкою дерзновеннаго любопытства, съ которою въ изваяніи Верокіо Тома Невѣрный влагалъ персты свои въ язвы Распятаго.

Однажды Сэръ-Пьеро, по порученію сосѣда своего, поселнина изъ Винчи, услугами котораго пользовался для рыбной ловли и охоты, попросилъ Леонардо изобразить что либо на кругломъ деревянномъ щитѣ, такъ называемой «ротеллѣ». Подобные щиты съ аллегорическими картинами и надписями употреблялись для украшенія домовъ.

Художникъ задумалъ изобразить чудовище, которое внушало бы зрителю ужасъ, подобно головѣ Медузы.

Въ комнату, куда никто не входилъ, кромѣ него, собралъ онъ ящерицъ, змѣй, сверчковъ, пауковъ, сороконожекъ, ночныхъ бабочекъ, скорпіоновъ, летучихъ мышей и множество другихъ безобразныхъ животныхъ. Выбирая, соединяя, увеличивая разныя части ихъ тѣлъ, образовалъ онъ сверхъестественное чудовище, не существующее и дѣйствительное, — постепенно вывелъ то, чего нѣтъ, изъ того что есть, съ такою же ясностью, съ какою Евклидъ или Пифагоръ выводять одну теорему изъ другой.

Видно было, какъ животное выползаетъ изъ расщелины утеса, и казалось, слышно, какъ шуршитъ по землѣ кольчатымъ черно-блестящимъ скользкимъ брюхомъ. Зіяющая пасть выхаркивала смрадное дыханіе, очи — пламя, ноздри — дымъ. Но всего изумительнѣе было то, что ужасъ чудовища плѣнялъ и притягивалъ, подобно прелести.

Цѣлые дни и ночи проводилъ Леонардо въ запертой комнатѣ, гдѣ невыносимое зловоніе издохшихъ гадовъ такъ заражало воздухъ, что трудно было дышать. Но въ другое время чрезмѣрно, почти изнѣженно-чувствительный ко всякому дурному запаху, теперь не замѣчалъ онъ его. Наконецъ объявилъ отцу, что картина готова, и что онъ можетъ взять ее. Когда Сэръ-Пьеро пришелъ, Леонардо попросилъ

его подождать въ другой комнатѣ, вернулся въ мастерскую, поставилъ картину на деревянный поставъ, окружилъ ее черной тканью, притворилъ ставни такъ, что одинъ лишь лучъ падалъ прямо на ротеллу, и позвалъ Сэръ-Пьеро. Тотъ вошелъ, взглянулъ, вскрикнулъ и отступилъ въ испугѣ: ему показалось, что онъ видитъ передъ собою живое чудовище. Пристальнымъ взоромъ слѣдя, какъ страхъ на лицѣ его смѣняется удивленіемъ, художникъ молвилъ съ улыбкою:

— Картина достигаетъ цѣли: дѣйствуетъ именно такъ, какъ я того хотѣлъ. Возьмите ее — она готова.

Въ 1481 году отъ монаховъ Санъ-Донато-а-Скопето получилъ Леонардо заказъ написать запрестольную икону Поклоненія Волхвовъ.

Въ наброскѣ для этой иконы обнаружилъ онъ такое знаніе анатоміи и выраженія человѣческихъ чувствъ въ движеніяхъ тѣла, какого до него не было ни у одного изъ мастеровъ.

Въ глубинѣ картины виднѣются, какъ бы образы древней эллинской жизни — веселыя игры, единоборства наѣздниковъ, голыя тѣла прекрасныхъ юношей, пустынный развалины храма съ полуразрушенными арками и лѣстницами. Въ тѣни оливы на камнѣ сидитъ Матерь Божія съ Младенцемъ Иисусомъ и улыбается робкою дѣтскою улыбкою, какъ будто удивляясь тому, что царственные пришельцы невѣдомыхъ странъ приносятъ сокровища — ладанъ, мирру и золото, всѣ дары земного величія — въ ясляхъ Рожденному. Усталые, согбенные подъ бременемъ тысячелѣтней мудрости, склоняютъ они свои головы, заслоняя ладонями полуослѣпшія очи, смотрятъ на чудо, которое больше всѣхъ чудесъ, — на явленіе Бога въ человѣкѣ, и падаютъ ницъ передъ Тѣмъ, Кто скажетъ: «истинно, истинно говорю вамъ, ежели не обратитесь и не станете какъ дѣти, не можете войти въ царствіе Божіе».

Въ этихъ первыхъ двухъ созданіяхъ Леонардо какъ бы очертилъ весь кругъ своего созерцанія: въ Грѣхопадении — змѣиную мудрость въ дерзновеніи разума; въ Поклоненіи Волхвовъ — голубиную простоту въ смиреніи вѣры.

Онъ, впрочемъ, не кончилъ этой картины, какъ впоследствии не кончалъ почти ни одной изъ своихъ работъ. Въ погонѣ за совершенствомъ недосягаемымъ, создавалъ себѣ трудности, которыхъ кисть не могла побѣдить: «утоленію, по слову Петрарки, мѣшала чрезмѣрность желанія».

Вторая жена Сэръ-Пьеро, мадонна Франческа, умерла въ юности. Онъ женился въ третій разъ на Маргеритѣ, дочери Сэръ-Франческо-ди-Гульельмо, взявъ за нею въ приданое 365 флориновъ. Мачеха не влюбилась Леонардо, особенно съ тѣхъ поръ, какъ осчастливила мужа рожденіемъ двухъ сыновей, Антоніо и Джульяно.

Леонардо былъ расточитель. Сэръ-Пьеро, хотя и не щедро, помогалъ ему. Мона Маргерита поѣдомъ ѣла мужа за то, что онъ отнимаетъ имущество у законныхъ наслѣдниковъ и «отдаетъ подкидышу, пащенку, питомцу вѣдьминой козы», какъ называла Леонардо.

Среди товарищей въ боттегѣ Вероккіо и въ другихъ мастерскихъ было у него также много враговъ. Одинъ изъ нихъ, ссылаясь на необычайную дружбу между учителемъ и ученикомъ, составилъ безымянный доносъ, гдѣ обвинялъ ихъ въ содоміи. Клевета пріобрѣтала подобіе вѣроятія, благодаря тому, что молодой Леонардо, будучи прекраснѣйшимъ изъ юношей Флоренціи, удалялся отъ женщинъ. «Во всей его наружности, — говорилъ современникъ, — было такое сіяніе красоты, что при видѣ его всякая печальная душа прояснялась».

Въ томъ же году, покинувъ мастерскую Вероккіо, онъ поселился одинъ. Тогда уже ходили слухи и объ «еретическихъ мнѣніяхъ», о «безбожій» Леонардо. Пребываніе во Флоренціи становилось для него все болѣе тягостнымъ.

Сэръ-Пьеро доставилъ сыну выгодный заказъ у Лоренцо Медичи. Но Леонардо не сумѣлъ ему угодить. Отъ своихъ приближенныхъ Лоренцо прежде всего требовалъ хотя и высшаго, утонченнаго, но все же подобострастнаго поклоненія. Слишкомъ смѣлыхъ и свободныхъ людей не долюбивалъ.

Тоска бездѣйствія овладѣвала Леонардо. Онъ даже вступилъ было въ тайные переговоры съ однимъ вельможею — діодаріемъ Сирійскимъ черезъ посольство египетскаго султана Каитъ-бея, которое прибыло во Флоренцію, — чтобы поступить на службу къ діодарію главнымъ строителемъ, хотя зналъ, что для этого долженъ былъ отречься отъ Христа и перейти въ мусульманскую вѣру.

Ему было все равно куда, только бы прочь изъ Флоренціи. Онъ чувствовалъ, что погибнетъ, если останется въ ней.

Случай спасъ его. Онъ изобрѣлъ многострунную серебряную лютню, наподобіе лошадиного черепа. Лоренцо Великолѣпному, большому любителю музыки, понравился необычайный видъ и звукъ этой лютни. Онъ предложилъ изобрѣтателю поѣхать въ Миланъ, чтобы поднести ее въ даръ герцогу Ломбардіи, Лодовико Сфорца Моро.

Въ 1482 году, тридцати лѣтъ отроду, Леонардо покинулъ Флоренцію и отправился въ Миланъ, не въ качествѣ художника или ученаго, а только придворнаго музыканта. Передъ отъѣздомъ написалъ герцогу Моро:

«Изучивъ и обсудивъ, синьоръ мой славнѣйшій, работы нынѣшнихъ изобрѣтателей военныхъ машинъ, я нашель, что въ нихъ нѣтъ ничего такого, чѣмъ бы онѣ отличались отъ находящихся во всеобщемъ употребленіи. А посему рѣшаюсь обратиться къ вашей свѣтлости, дабы открыть ей тайны моего искусства».

И перечислялъ свои изобрѣтенія: мосты чрезвычайно легкіе и несгораемые; новый способъ разрушать, безъ помощи бомбардъ, всякую крѣпость или замокъ, ежели только основанія ихъ не высѣчены въ камнѣ; подземные ходы и подкопы, пролагаемые безшумно и быстро подъ рвами и рѣками; крытыя повозки, врѣзающіяся во вражій строй, такъ что никакія силы не могутъ имъ противиться; бомбарды, пушки, мортиры, пассаволанты новаго «весьма прекраснаго и полезнаго устройства»; осадные тараны, исполинскіе метательные снаряды и другія орудія «дѣйствія изумительнаго»; и для каждаго отдѣльнаго случая изобрѣтеніе новыхъ машинъ;

также для морскихъ сраженій всевозможное оборонительное и наступательное оружіе, корабли, стѣны которыхъ выдерживаютъ каменные и чугунные ядра; никому неизвѣстные взрывчатые составы.

«Въ мирное время, — заключалъ онъ, — надѣюсь удовлетворить вашу свѣтлость въ зодчествѣ, въ сооруженіи частныхъ и общественныхъ зданій, въ устройствѣ каналовъ и водопроводовъ.

«Также въ искусствѣ ваянія изъ мрамора, мѣди, глины, и въ живописи могу исполнить какіе угодно заказы не хуже всякаго другого, кто бы ни былъ.

«И еще могу принять на себя работу по отливкѣ изъ бронзы Коня, долженствующаго быть вѣчною славою блаженной памяти синьора вашего отца и всего именитѣйшаго дома Сфорца

«А ежели какія-либо изъ вышеозначенныхъ изобрѣтеній покажутся невѣроятными, предлагаю сдѣлать опытъ въ паркѣ вашего замка или во всякомъ другомъ мѣстѣ, которое угодно будетъ назначить вашей свѣтлости, милостивому вниманію коей поручаетъ себя вашего высочества всепокорнѣйшій слуга.

Леонардо да-Винчи».

Когда надъ зеленою равниною Ломбардіи увидѣлъ онъ впервые снѣжныя вершины Альпъ, то почувствовалъ, что начинается новая жизнь, и что эта чужая земля будетъ для него родною.

Х.

Такъ, подымаясь на Монте-Альбано, вспоминалъ Леонардо полвѣка своей жизни.

Онъ уже близокъ былъ къ вершинѣ Бѣлой Горы — къ перевалу. Теперь тропинка шла вверхъ прямо, безъ извилинъ, между сухимъ кустарникомъ и тощими корявыми дубами съ прошлогодними листьями. Горы, мутно-лиловыя

подъ дыханіемъ вѣтра, казались дикими, страшными и пустынными — точно не на землѣ, а на другой планетѣ. Вѣтеръ билъ въ лицо, колоть его льдистыми иглами, слѣпилъ глаза. Порою камень, сорвавшійся изъ-подъ ноги, катился съ гуломъ въ пропасть.

Онъ поднимался все выше и выше — и странная, знакомая съ дѣтства, отрада была въ этомъ усилии подъема: какъ будто побѣждалъ онъ суровыя, нахмуренныя горы, облитыя вѣтромъ, и съ каждымъ шагомъ взоръ становился длиннѣе, острѣе, необъятнѣе, потому что съ каждымъ шагомъ даль открывалась все шире и шире.

Весны уже не было: на деревьяхъ—ни почки; даже трава едва зеленѣла. Пахло только пронзительно-влажными мхами. А еще выше, тамъ, куда онъ шелъ, были одни камни и блѣдное небо. Противоположной долины, гдѣ находилась Флоренція, не было видно. Но все необозримое пространство до Эмполи разстилалось передъ глазами: сначала — горы, холодныя, мутно-лиловыя, съ широкими тѣнями, уступами и провалами; потомъ — безконечныя волны холмовъ, отъ Ливорно черезъ Кастелину-Маритиму и Вольтерано до Санъ-Джиминьяно. И вездѣ — пространство, пустота, воздушность, — какъ будто узкая тропинка уходила изъ-подъ ногъ, и медленно, съ неощутимою плавностью, онъ летѣлъ надъ этими волнистыми, падающими далями на исполинскихъ крыльяхъ. Здѣсь крылья казались естественными, нужными, и то, что ихъ нѣтъ, вызывало въ душѣ удивленіе и страхъ, какъ у человѣка, сразу лишившагося ногъ.

Онъ вспомнилъ, какъ, будучи ребенкомъ, слѣдилъ за полетомъ журавлей и, когда доносилось до него чуть слышное курлыканіе, какъ будто призывъ: «полетимъ! полетимъ!»— плакалъ отъ зависти. Вспомнилъ, какъ выпускалъ тайкомъ скворцовъ и малиновокъ изъ дѣдушкиныхъ клѣтокъ, любуясь радостью освобожденныхъ плѣнницъ; какъ однажды школьный учитель-монахъ разсказалъ ему о сынѣ Дедала, Икарѣ, который задумалъ летѣть на крыльяхъ, сдѣланныхъ изъ воска, упалъ и погибъ, и какъ впоследствии, на вопросъ учителя, кто самый великій изъ героевъ древности, онъ

отвѣтилъ безъ колебанія: «Икаръ, сынъ Дедала!» Вспомнилъ также свое удивленіе и радость, когда въ первый разъ на Кампанилль — колокольнѣ флорентинскаго собора Маріи дэль-Фіоре, среди барельефовъ Джіотто, изображавшихъ всѣ искусства и науки, увидѣлъ смѣшного, неуклюжаго человѣка, летящаго механика Дедала, съ головы до ногъ покрытаго птичьими перьями. Было у него и еще одно воспоминаніе самаго перваго дѣтства, изъ тѣхъ, которыя кажутся другимъ нелѣпыми, а тому, кто хранитъ ихъ въ душѣ,—полными тайною, какъ вѣщіе сны.

«Должно-быть, подробно писать о Коршунѣ — судьба моя,—говорилъ онъ объ этомъ воспоминаніи въ одномъ изъ дневниковъ, — ибо помню, однажды, въ раннемъ дѣтствѣ, снилось мнѣ, что я лежу въ колыбели, и нѣкій Коршунъ прилетѣлъ ко мнѣ и открылъ мнѣ уста, и много разъ провель по нимъ перьями, какъ бы въ знакъ того, что всю жизнь я буду говорить о крыльяхъ».

Пророчество исполнилось: человѣческія крылья стали послѣднею цѣлью всей его жизни.

И теперь опять, на томъ же склонѣ Бѣлой Горы, какъ ребенку сорокъ лѣтъ назадъ, нестерпимою обидою и невозможностью казалось ему то, что люди безкрылы.

«Кто знаетъ все, тотъ можетъ все, — думалъ онъ. — Только бы знать — и крылья будутъ!»

XI.

На одномъ изъ послѣднихъ поворотовъ тропинки почувствовалъ, что кто-то схватилъ его сзади за край одежды, — обернулся и увидѣлъ ученика своего, Джіованни Бельтраффіо.

Зажмуривъ глаза, наклонивъ голову, придерживая рукою шляпу, Джіованни боролся съ вѣтромъ. Видно было, что давно уже кричалъ и звалъ но вѣтромъ относило голосъ. Когда же учитель обернулся, — на этой пустынной мертвой высотѣ, съ развѣвающимися длинными волосами, съ длинной

бородой, откинутой вѣтромъ за плечи, съ выраженіемъ непреклонной, какъ бы безпощадной, воли и мысли въ глазахъ, въ глубокихъ морщинахъ лба, въ сурово сдвинутыхъ бровяхъ, — лицо его показалось такимъ чужимъ и страшнымъ, что ученикъ едва узналъ его. Широкія, бившіяся по вѣтру, складки темно-краснаго плаща походили на крылья исполинской птицы.

— Только что изъ Флоренціи, — кричалъ Джіованни, но въ шумѣ вѣтра крикъ его казался шопотомъ, и можно было разобрать только отдѣльныя слова: «письмо... важное... велѣно передать... сейчасъ...»

Леонардо понялъ, что получено письмо отъ Цезаря Борджіа.

Джіованни передалъ его учителю. Художникъ узналъ почеркъ мессера Агапито, секретаря герцога.

— Ступай внизъ! — крикнулъ онъ, взглянувъ на посиѣлое отъ холода лицо Джіованни. — Я сейчасъ..

Бельтраффіо началъ спускаться по кручѣ, цѣпляясь за вѣтви кустарниковъ, скользя по камнямъ, согнувшись, съжившись, — такой маленькій, хилый и слабый, что вотъ-вотъ, казалось, буря подыметъ и умчитъ его какъ былинку.

Леонардо смотрѣлъ ему вслѣдъ, и жалобный видъ ученика напомнилъ учителю собственную слабость его — проклятье безсилія, тяготѣвшее надъ всей его жизнью, — безконечный рядъ неудачъ: безмысленную гибель Колосса, Тайной Вечери, паденіе механика Астро, несчастія всѣхъ, кто любилъ его, ненависть Чезаре, болѣзнь Джіованни, суевѣрный ужасъ въ глазахъ Майи и страшное, вѣчное одиночество.

«Крылья! — подумалъ онъ. — Неужели и это погибнетъ, какъ все, что я дѣлаю?..»

И ему пришли на память слова, которыя больной механикъ Астро шепталъ въ бреду, — отвѣтъ Сына Человѣческаго тому, кто соблазнялъ Его ужасомъ бездны и восторгомъ полета: «Не искушай Господа Бога твоего».

Онъ поднялъ голову, еще суровѣе сжалъ тонкія губы, сдвинулъ брови и снова сталъ подыматься, побѣждая вѣтеръ и гору.

Тропинка исчезла; онъ шелъ теперь безъ дороги, по голому камню, гдѣ, можетъ-быть, никто никогда не ходилъ до него.

Еще одно усиліе, одинъ послѣдній шагъ — и онъ остановился на краю обрыва. Дальше итти было некуда, можно было только летѣть. Скала окончилась, оборвалась, и по ту сторону открылась доселѣ невидимая, противоположная бездна. Воздушная, мгlistая, мутно-лиловая, зіяла она, какъ будто внизу, подъ ногами, была не земля, а такое же небо, пустота, безконечность, какъ вверху, надъ головою.

Вѣтеръ превратился въ ураганъ, гудѣлъ и грохоталъ въ ушахъ, подобно оглушающему грому, — точно невидимыя, быстрыя, злыя птицы пролетали мимо, рой за роемъ, трепеща и свистя исполинскими крыльями.

Леонардо наклонился, заглянулъ въ бездну, и вдругъ опять, но съ такою силою, какъ еще никогда, знакомое съ дѣтства чувство естественной необходимости, неизбѣжности полета охватило его.

— Будутъ, — прошепталь онъ, — будутъ крылья! Не я, такъ другой, все равно — человѣкъ полетитъ. Духъ не солгалъ: познавшіе, крылатые, будутъ какъ боги!

И ему представился царь воздуха, побѣдитель всѣхъ предѣловъ и тяжестей, сынъ человѣческой, во славу и силъ своей, Великій Лебедь, летящій на крыльяхъ, исполинскихъ, бѣлыхъ, сверкающихъ, какъ снѣгъ, въ лазури неба.

И душу его наполнила радость, подобная ужасу.

XII.

Когда онъ спускался съ Монте-Альбано, солнце уже близко было къ закату. Кипарисы, подъ густыми желтыми лучами, казались черными, какъ уголь, удалявшіяся горы нѣжными и прозрачными, какъ аметистъ. Вѣтеръ слабѣлъ.

Онъ подошелъ къ Анкиано. Вдругъ изъ-за поворота, внизу, въ глубокой, уютной долину, похожей на колыбель, открылось маленькое темное селеніе Винчи — оси-

ный улей, съ острою, какъ черные кипарисы, башнею крѣпости.

Остановился, вынулъ памятную книжку и записаль:

«Съ Горы, которая получила имя свое отъ Побѣдителя»,—
Vinci-vincere значитъ *побѣждать*, — «предприметь свой первый полетъ Великая Птица — человѣкъ на спинѣ большого Лебеда, наполняя міръ изумленіемъ, наполняя всѣ книги своимъ безсмертнымъ именемъ. — И вѣчная слава гнѣзду, гдѣ онъ родился!»

Взглянувъ на родное селеніе у подножія Бѣлой Горы, онъ повторилъ:

— Вѣчная слава гнѣзду, гдѣ родился Великій Лебедь!

Письмо Агапито требовало немедленнаго прибытія новаго герцогскаго механика въ лагерь Цезаря для сооруженія осадныхъ машинъ къ предстоящему приступу Фаэнцы.

Черезъ два дня Леонардо выѣхалъ изъ Флоренціи въ Романью къ Цезарю Борджіа.

ДВѢНАДЦАТАЯ КНИГА.

Или Цезарь — или ничто.

I.

«Мы, Цезарь Борджіа де-Франція, Божьей милостью герцогъ Романьи, князь Андриі, повелитель Піомбино и прочее, и прочее, Святѣйшей Римской Церкви Знаменосецъ и главный Капитанъ.

«Всѣмъ намѣстникамъ, кастелланамъ, военачальникамъ, Кондоттьерамъ, Оффиціаламъ, солдатамъ и подданнымъ нашимъ повелѣваемъ: подателя сего, именитѣйшаго и возлюбленнѣйшаго, главнаго при особѣ нашей Строителя и Зодчаго, Леонардо Винчи, дружественно принимать, ему и всѣмъ, кто съ нимъ, пропускъ чинить безошлинный, — мѣрять, осматривать и всякую по желанію видѣнную вещь въ крѣпостяхъ и замкахъ нашихъ обсуждать дозволяя, потребныхъ людей немедленно наряжая, всякую помощь и содѣйствіе усердно оказывая. Съ волей же вышереченнаго Леонардо, коему надзоръ за крѣпостями и замками во владѣніяхъ нашихъ поручаемъ, остальнымъ строителямъ нашимъ по всякому дѣлу въ соглашеніе входитъ приказываемъ.

«Дано въ Павіи, августа 18 дня, года отъ Рождества Христова 1502, правленія же нашего въ Романьи лѣта второго. Цезарь Герцогъ Романьи. *Cesar Dux Romandiolaе*.

Таковъ былъ пропускъ Леонардо для предстоявшаго осмотра крѣпостей.

Въ это время, при помощи обмановъ и злодѣяній, совершаемыхъ подъ верховнымъ покровительствомъ римскаго

первосвященника и христіаннѣйшаго короля Франціи, Цезарь Борджіа завоевывалъ древнюю Церковную Область, полученную, будто бы, папами въ подарокъ отъ императора Константина Равноапостольнаго. Отнявъ городъ Фаэнцу у законнаго государя, восемнадцатилѣтняго Асторре Манфреді, городъ Форли у Катерины Сфорца, — обоихъ, ребенка и женщину, довѣрившихся рыцарской чести его, бросилъ онъ въ римскую тюрьму св. Ангела. Съ герцогомъ Урбино заключилъ союзъ для того, чтобы, обезоруживъ его, предательски напасть, какъ нападаютъ разбойники на большихъ дорогахъ, и ограбить.

Осенью 1502 года задумалъ походъ на Бентиволіо, правителя Болоньи, дабы, овладѣвъ этимъ городомъ, сдѣлать его столицею новаго государства. Ужасъ напалъ на сосѣднихъ правителей, которые поняли, что каждый изъ нихъ, въ свою очередь, рано или поздно будетъ жертвою Цезаря, и что онъ мечтаетъ, — уничтоживъ соперниковъ, объявить себя единымъ самодержавнымъ повелителемъ Италіи

28 сентября враги Валентино, кардиналъ Паголо, герцогъ Гравина Орсини, Виттелоццо Вителли, Оливеротто да-Фермо, Джіанъ-Паоло Бальони, правитель Перуджіи, и Антоніо Джіордани-да-Венафро, посоль правителя Сіены, Пандольфо Петруччи собрались въ городѣ Маджіонѣ, на равнинѣ Карпійской, и заключили тайный союзъ противъ Цезаря. Между прочимъ, на этомъ собраніи Виттелоццо Вителли поклялся клятвою Ганнибала — въ теченіе года умертвить, заточить или выгнать изъ Италіи общаго врага.

Только что распространилась вѣсть о маджіонскомъ заговорѣ — къ нему присоединились безчисленные государи, обиженные Цезаремъ. Герцогство Урбино возмутилось и отпало. Собственныя войска измѣняли ему. Король Франціи медлилъ помощію. Цезарь былъ на краю гибели. Но, преданный и покинутый, почти безоружный, онъ былъ все еще страшень. Пропустивъ въ малодушныхъ перекорахъ и колебаніяхъ самое выгодное время, чтобы уничтожить его, враги вступили съ нимъ въ переговоры и согласились на перемиріе. Хитростями, угрозами и обѣщаніями обольстилъ онъ

ихъ, опуталь и разъединилъ. Со свойственнымъ ему глубокимъ искусствомъ лицемѣрія, очаровывая любезностями новыхъ друзей, звалъ ихъ въ только что сдавшійся городъ Синигаллію, будто бы для того, чтобы уже не на словахъ, а на дѣлѣ, въ общемъ походѣ, доказать свою преданность.

Леонардо былъ однимъ изъ главныхъ приближенныхъ Цезаря Борджіа.

По порученію герцога, украшалъ завоеванные города великолѣпными зданіями, дворцами, школами, книгохранилищами, строилъ обширныя казармы для Цезаревыхъ войскъ на мѣстѣ разрушенной крѣпости Капель-Болоньезе, вырылъ гавань Порто-Чезенатико, лучшую на всемъ западномъ берегу Адриатическаго моря, и соединилъ ее каналомъ съ Чезеною; заложилъ могущественную крѣпость въ Піомбино; сооружалъ боевыя машины, рисовалъ военныя карты и, слѣдуя всюду за герцогомъ, присутствуя во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершались кровавыя подвиги Цезаря—въ Урбино, Пезаро, Имолѣ, Фаэнцѣ, Чезенѣ, Форли, по обыкновенію велъ краткій, точный дневникъ. Но ни единымъ словомъ не упоминалъ въ этихъ замѣткахъ о Цезарѣ, какъ будто не видя, или не желая видѣть того, что совершалось вокругъ. Записывалъ каждую мелочь, встрѣчавшуюся на пути: способъ, которымъ земледѣльцы Чезены соединяли плодовые деревья висячими лозами, устройство рычаговъ, приводившихъ въ движеніе соборные колокола въ Сіенѣ, странную, тихую музыку въ звукахъ падающихъ струй городского фонтана Римини. Срисовывалъ голубятню и башню съ витою лѣстницей въ замкѣ Урбино, откуда только что бѣжалъ злополучный герцогъ Гвидобальдо, ограбленный Цезаремъ, по выраженію современниковъ, «въ одной нижней сорочкѣ». Наблюдалъ, какъ въ Романѣ, у подножія Апеннинъ, пастухи, чтобы усилить звучность рога, вставляютъ его широкимъ концомъ въ узкое отверстіе глубокихъ пещеръ — и громopodobный звукъ, наполняющій долину, повторяемый эхомъ, становится такъ силенъ, что стада, пасущіяся на самыхъ далекихъ горахъ, слышатъ

его. Одинъ, на берегу пустыннаго моря въ Піомбино, цѣлыми днями слѣдилъ, какъ набѣгаетъ волна на волну, то выбрасывая, то всасывая щепень, щепки, камни водоросли. «Такъ сражаются волны изъ-за добычи, которая достается побѣдителю», писалъ Леонардо. И между тѣмъ какъ вокругъ него нарушались всѣ законы справедливости человѣческой— не осуждая, не оправдывая, созерцалъ онъ въ движеніи волнъ, по виду—случайномъ и прихотливомъ, на самомъ дѣлѣ—неизмѣнномъ и правильномъ, ненарушимые законы справедливости божественной механики, установленной первымъ Двигателемъ.

9-го іюня 1502 года, близъ Рима, въ Тибрѣ, найдены были мертвыя тѣла юнаго государя Фаэнцы, Асторре, и брата его, удушенныхъ, съ веревками и камнями на шеѣ, выброшенныхъ въ рѣку изъ тюрьмы св. Ангела. Тѣла эти, по словамъ современниковъ, столь прекрасныя, что «подобныхъ имъ не нашлось бы среди тысячи», хранили знаки противоестественнаго насилія. Народною молвою злодѣяніе было приписано Цезарю.

Въ это время Леонардо отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ:

«Въ Романьи употребляются повозки на четырехъ колесахъ; два переднихъ — маленькія, два заднихъ — большія; устройство нелѣпое, ибо, по законамъ физики — смотри пятый параграфъ моихъ Элементовъ — вся тяжесть упирается въ переднія колеса».

Такъ умалчивая о величайшихъ нарушеніяхъ законовъ духовнаго равновѣсія, возмущался онъ нарушеніемъ законовъ механики въ устройствѣ романьольскихъ телѣгъ.

II.

Во второй половинѣ декабря 1502 года герцогъ Валентино со всѣмъ своимъ дворомъ и войскомъ переѣхалъ изъ Чезены въ городъ Фано, на берегу Адриатическаго моря, на рѣчкѣ Арциллѣ, миляхъ въ двадцати отъ Синигалліи, гдѣ назначено было свиданіе съ бывшими заговорщиками, Оли-

вератто да-Фермо, Орсини и Вителли. Въ концѣ этого же мѣсяца къ Цезарю выѣхалъ Леонардо изъ Пезаро.

Отправившись утромъ, онъ думалъ быть на мѣстѣ къ сумеркамъ. Но поднялась вьюга. Горы покрыты были непроходимыми снѣгами. Мулы то и дѣло спотыкались. Копыта скользили по обледянѣлымъ камнямъ. Внизу, слѣва отъ узкой, надъ самой кручею, горной тропинки, шумѣли волны Адриатики, черныя, разбивавшіяся о бѣлый снѣжный берегъ. Къ ужасу проводника, мулъ его шарахнулся, почуявъ тѣло висѣльщика, качавшееся на суку осины.

Стемнѣло. Поѣхали наудачу, отпустивъ повода, довѣрившись умнымъ животнымъ. Вдали замерцалъ огонекъ. Проводникъ узналъ большой постоянный дворъ подъ Новиларою, мѣстечкомъ въ горахъ, какъ разъ на полпути между Фано и Пезаро.

Долго пришлось имъ стучаться въ громадныя двери, обитыя желѣзными гвоздями, похожія на ворота крѣпости. Наконецъ вышелъ заспанный конюхъ съ фонаремъ, потомъ хозяинъ гостиницы. Онъ отказалъ въ ночлегѣ, объявивъ, что не только всѣ комнаты, но и конюшни биткомъ набиты—нѣтъ, будто бы, ни одной постели, на которой не спало бы въ эту ночь человѣка по три, по четыре, и все люди знатные—военные и придворные изъ свиты герцога.

Когда Леонардо назвалъ ему себя и показалъ пропускъ съ печатью и подписью герцога, хозяинъ разсыпался въ извиненіяхъ, предложилъ свою собственную комнату, занятую пока лишь тремя начальниками ратныхъ людей изъ французскаго союзнаго отряда Ивъ-д'Аллегра, которые, напившись, спали мертвымъ сномъ, а самъ съ женою звывался лечь въ каморкѣ, рядомъ съ кузницей.

Леонардо вошелъ въ комнату, служившую столовой и кухней, точно такую же, какъ во всѣхъ гостиницахъ Романьи, — закоптѣлую, грязную, съ пятнами сырости на голыхъ облупленныхъ стѣнахъ, съ курами и цесарками, дремавшими тутъ же, на шестѣ, поросятами, визжавшими въ рѣшетчатой закутѣ, рядами золотистыхъ луковицъ, кровавыхъ колбасъ и окороковъ, подвѣшенныхъ къ почернѣ-

лымъ брусьямъ потолка. Въ огромномъ очагѣ съ нависшею кирпичною трубою пылалъ огонь, и на вертелѣ шипѣла свиная туша. Въ красномъ отблескѣ пламени, за длинными столами, гости ѣли, пили, кричали, спорили, играли въ зернь, шашки и карты. Леонардо присѣлъ къ огню, въ ожиданіи заказаннаго ужина.

За сосѣднимъ столомъ, гдѣ среди слушателей художникъ узналъ стараго капитана герцогскихъ копейщиковъ Бальдзарре Счипіоне, главнаго придворнаго казначея, Алессандро Спаноккія и Феррарскаго посла, Пандольфо Коленуччіо, неизвѣстный человѣкъ, размахивая руками, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, говорилъ тонкимъ, визгливымъ голосомъ:

— Примѣрами изъ новой и древней исторіи могу я это доказать, синьоры, съ точностью математическою! Вспомните только государства, которыя пріобрѣли военную славу, — римлянъ, лакедемонянъ, афинянъ, этолійцевъ, ахейянъ и множество племенъ по ту сторону Альпъ. Всѣ великіе завоеватели набирали войска изъ гражданъ собственнаго народа: Нинъ — изъ ассирійцевъ, Киръ — изъ персовъ, Александръ — изъ македонянъ... Правда, Пирръ и Ганнибаль одерживали побѣды съ наемниками; но тутъ уже все дѣло въ необычайномъ искусствѣ вождей, сумѣвшихъ вдохнуть въ чужеземныхъ солдатъ мужество и доблесть народнаго ополченія. Къ тому же, не забывайте главнаго положенія, краеугольнаго камня военной науки: въ пѣхотѣ, говорю я, и только въ пѣхотѣ рѣшающая сила войска, а не въ конницѣ, не въ огнестрѣльныхъ орудіяхъ и порохѣ — этой нелѣпой выдумкѣ новыхъ временъ!..

— Увлекаетесь, мессэръ Никколò, — съ вѣжливой улыбкой возразилъ капитанъ копейщиковъ, — огнестрѣльныя орудія пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ все большее значеніе. Что бы вы ни говорили о спартанцахъ и римлянахъ, смѣю думать, что нынѣшнія войска гораздо лучше вооружены, чѣмъ древнія. Не въ обиду будь сказано вашей милости, эскадронъ французскихъ рыцарей или артиллеріи съ тридцатью бомбардами опрокинулъ бы скалу, а не только отрядъ вашей римской пѣхоты!

— Софизмы! Софизмы! — горячился мессэръ Никколó.— Я узнаю въ словахъ вашихъ, синьоре, пагубное заблужденіе, которымъ лучшіе военные люди нашего вѣка извращаютъ истину. Погодите, когда-нибудь полчища сѣверныхъ варваровъ протрутъ итальянцамъ глаза, и увидятъ они жалкое безсиліе наемниковъ, убѣдятся въ томъ, что конница и артиллерія выѣденнаго яйца не стоятъ передъ твердой правильной пѣхоты, — но будетъ поздно... И какъ только люди спорятъ противъ очевидности? Хоть бы о томъ подумали, что съ ничтожнымъ отрядомъ пѣхоты Лукуллъ разбилъ сто пятьдесятъ тысячъ конницы Тиграна, среди которой были когорты всадниковъ точь-въ-точь такія же, какъ эскадроны нынѣшнихъ французскихъ рыцарей!..

Съ любопытствомъ посмотрѣлъ Леонардо на этого чело-вѣка, говорившаго о побѣдахъ Лукулла такъ, какъ будто видѣлъ ихъ собственными глазами.

На незнакомцѣ было длинное платье изъ темно-краснаго сукна, величаваго покроя, съ прямыми складками, какое носили почтенные государственные люди Флорентинской Республики, между прочимъ, секретари посольства. Но платье имѣло видъ поношенный: кое-гдѣ, правда, на мѣстахъ не очень замѣтныхъ, были пятна; рукава лоснились. Судя по краю рубашки, которая обыкновенно выставялась наружу тонкою полоскою на шеѣ изъ-подъ плотно застегнутаго ворота, бѣлье было сомнительной свѣжести. Большія узловатая руки съ мозолью на среднемъ пальцѣ, какъ у людей, которые много пишутъ, замараны чернилами. Представительнаго, внушающаго людямъ почтеніе мало было въ наружности этого чело-вѣка, еще не стараго, лѣтъ сорока, худощаваго, узкоплечаго, съ поразительно-живыми, рѣзкими, угловатыми чертами лица, странными до необычайности. Иногда, во время разговора, поднявъ вверхъ плоскій и длинный, точно утиный носъ, закинувъ маленькую голову назадъ, прищуривъ глаза и задумчиво выставивъ впередъ оттопыренную нижнюю губу, смотрѣлъ онъ поверхъ головы собесѣдника, какъ будто вдаль, дѣлаясь похожимъ на зоркую птицу, которая вглядывается въ очень

далекій предметъ, вся насторожившись и вытянувъ тонкую, длинную шею. Въ безпокойныхъ движеніяхъ, въ лихорадочномъ румянцѣ на выдающихся, широкихъ скулахъ надъ смуглыми и впалыми бритыми щеками, и особенно въ большихъ сѣрыхъ, тяжко-пристальныхъ глазахъ угадывался внутренней огонь. Эти глаза хотѣли быть злыми; но пороку сквозъ выраженіе холодной горечи, ѣдкой насмѣшки мелькало въ нихъ что-то робкое и жалобное.

Мессэръ Никколó продолжалъ развивать свою мысль о военной силѣ пѣхоты, и Леонардо удивлялся смѣшенію правды и лжи, безграничной смѣлости и рабскаго подражанія древнимъ въ словахъ этого человѣка. Доказывая бесполезность огнестрѣльнаго оружія, упомянулъ онъ, между прочимъ, о томъ, какъ труденъ прицѣлъ пушекъ большого размѣра, ядра которыхъ проносятся или черезчуръ высоко надъ головами враговъ, или черезчуръ низко, не долетая до нихъ. Художникъ оцѣнилъ острогу и мѣткость этого наблюденія, зная самъ по опыту несовершенства тогдашнихъ бомбардъ. Но тотчасъ же затѣмъ, высказавъ мнѣніе, что крѣпости не могутъ защитить государства, сослался Никколó на римлянъ, не строившихъ крѣпостей, и жителей Лакедемона, не позволявшихъ укрѣплять Спарту, дабы имѣть оплотомъ лишь мужество гражданъ, и, какъ будто все, что дѣлали и думали древніе, было истиною непререкаемою, привелъ знаменитое въ школахъ изреченіе спартанца о стѣнахъ Аѳинъ: «онѣ были бы полезны, если бы въ городѣ обитали только женщины».

Окончаніе спора Леонардо не слышалъ, потому что хозяинъ повелъ его наверхъ въ комнату, приготовленную для ночлега.

III.

Къ утру вьюга разыгралась. Проводникъ отказывался ѣхать, увѣряя, что въ такую погоду добрый человѣкъ и собаки изъ дома не выгонить. Художникъ долженъ былъ остаться еще на день.

Отъ нечего дѣлать онъ сталъ прилаживать въ кухонномъ очагѣ самовращающійся вертель собственнаго изобрѣтенія — большое колесо съ наискось расположенными лопастями, приводимое въ движеніе тягою нагрѣтаго воздуха въ трубѣ и, въ свою очередь, двигавшее вертель.

— Съ такою машиною, — объяснилъ Леонардо удивленнымъ зрителямъ, — повару нечего бояться, что жаркое пригоритъ, ибо степень жара остается равномерною: когда онъ увеличивается, вертель ускоряетъ, когда уменьшается — замедляетъ движеніе.

Совершенный кухонный вертель устраивалъ художникъ съ такою же любовью и вдохновеніемъ, какъ человѣческія крылья.

Въ той же комнатѣ мессэръ Никколó объяснялъ молодымъ французскимъ сержантамъ артиллеріи, отчаяннымъ игрокамъ, найденное, будто бы, имъ въ законахъ отвлеченной математики правило выигрывать въ кости навѣрняка, побѣждая прихоти «фортуны-блудницы», какъ онъ выражался. Умно и краснорѣчиво излагалъ онъ это правило, но каждый разъ, какъ пытался доказать его на дѣлѣ, — проигрывалъ, къ немалому удивленію своему и злорадству слушателей, утѣшаясь, впрочемъ, тѣмъ, что допустилъ ошибку въ примѣненіи вѣрнаго правила. Игра кончилась объясненіемъ, неприятнымъ для мессэра Никколó: когда наступило время расплачиваться, оказалось, что кошелекъ его пустъ и что онъ игралъ въ долгъ.

Поздно вечеромъ пріѣхала съ огромнымъ количествомъ тюковъ и ящиковъ съ многочисленными слугами, пажами, конюхами, шутами, арапками и разными потѣшными животными гельможная венеціанская кортезана, «великолѣпная блудница» Лена Гриффа, та самая, которая нѣкогда во Флоренціи едва не подверглась нападенію Священнаго воинства маленькихъ инквизиторовъ брата Джироламо Савонаролы.

Года два назадъ, по примѣру многихъ подругъ своихъ, мона Лена покинула свѣтъ, превратилась въ кающуюся Магдалину и постриглась въ монахини для того, чтобы впоследствии возвысить себѣ цѣну въ знаменитомъ «Тарифѣ

кортезанъ, или Разсужденіи для знатнаго иностранца, въ коемъ обозначены цѣны и качества всѣхъ кортезанъ Венеціи съ именами ихъ сведень». Изъ темной монашеской куколки выпорхнула блестящая бабочка. Лена Гриффа быстро пошла въ гору: по обыкновенію кортезанъ высшаго полета, уличная венеціанская «маммола»—«душка» сочинила себѣ пышное родословное древо, изъ коего явствовало, что она ни болѣе, ни менѣе, какъ незаконная дочь брата Миланскаго герцога, кардинала Асканіо Сфорца. Въ то же время сдѣлалась главною наложницей одного дряхлаго, наполовину выжившаго изъ ума и несмѣтно богатаго кардинала. Къ нему-то Лена Гриффа и ѣхала теперь изъ Венеціи въ городъ Фано, гдѣ монсиньоръ ожидалъ ее при дворѣ Цезаря Борджіа.

Хозяинъ былъ въ затрудненіи: отказать въ ночлегѣ такой знатной особѣ—«ея преподобію», наложницѣ кардинала, не смѣлъ, а свободныхъ комнатъ не было. Наконецъ удалось ему войти въ соглашеніе съ анконскими купцами, которые за обѣщанную скидку въ счетъ перешли ночевать въ кузницу, уступивъ свою спальню свитѣ вельможной блудницы. Для самой госпожи потребовалъ онъ комнату у мессэра Никколó и его сожителей, французскихъ рыцарей Ивъ-д'Аллегра, предложивъ имъ лечь тоже въ кузницѣ, вмѣстѣ съ купцами.

Никколó разсердился и началъ было горячиться, спрашивая хозяйина, въ своемъ ли онъ умѣ, понимаетъ ли, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, позволяя себѣ такія дерзости съ порядочными людьми изъ-за первой встрѣчной потаскухи. Но тутъ вступилась хозяйка, женщина словоохотливая и воинственная, которая «жиду языка не закладывала». Она замѣтила мессэру Никколó, что, прежде чѣмъ браниться и буянить, слѣдовало бы заплатить по счету за свой собственный харчъ, слугу и трехъ лошадей, кстати же отдать и четыре дуката, которые мужъ ея ссудилъ ему по добротѣ сердечной еще въ прошлую пятницу. И какъ будто про себя, но достаточно громко, чтобы всѣ присутствовавшіе могли ее слышать, пожелала злую Пасху тѣмъ шарамыжникамъ,

прощелыгамъ, что шляются по большимъ дорогамъ, выдають себя невѣсть за какихъ важныхъ господъ, а живутъ на даровщинку и туда же носъ еще задирають передъ честными людьми.

Должно-быть, въ словахъ этой женщины была доля правды; по крайней мѣрѣ, Никколó неожиданно притихъ, потупилъ глаза подъ ея обличительнымъ взоромъ и видимо размышлялъ, какъ бы отступить поприличнѣе.

Слуги уже выносили вещи его изъ комнаты, и безобразная мартышка, любимица мадонны Лены, полузамерзшая во время путешествія, корчила жалобныя рожи, вскочивъ на столъ съ бумагами, перьями и книгами мессэра Никколó, среди которыхъ были Декады Тита Ливія и Жизни знаменитыхъ людей—Плутарха.

— Мессэре, — обратился къ нему Леонардо съ любезной улыбкой, — если бы вамъ угодно было раздѣлить со мною ночлегъ, я счелъ бы за большую честь для себя оказать вашей милости эту незначительную услугу.

Никколó обернулся къ нему съ нѣкоторымъ удивленіемъ и еще болѣе смутился, но тотчасъ оправился и поблагодарилъ съ достоинствомъ.

Они перешли въ комнату Леонарда, гдѣ художникъ позаботился отвести своему новому сожителю лучшее мѣсто.

Чѣмъ больше наблюдалъ онъ его, тѣмъ привлекательнѣе и любопытнѣе казался ему этотъ странный человѣкъ.

Онъ сообщилъ ему свое имя и званіе—Никколó Макіавелли, секретарь Совѣта Десяти Флорентинской Республики.

Мѣсяца три назадъ, лукавая и осторожная Синьорія отправила Макіавелли для переговоровъ къ Цезарю Борджіа, котораго надѣялась перехитрить, отвѣчая на всѣ его предложенія оборонительнаго союза противъ общихъ враговъ, Бентиволіо, Орсини и Вителли, платоническими и двусмысленными изъясненіями дружбы. На самомъ дѣлѣ Республика, опасаясь герцога, не желала имѣть его ни врагомъ, ни другомъ. Мессэру Никколó Макіавелли, лишен-

ному всякихъ дѣйствительныхъ полномочій, поручено было выхлопотать только пропускъ флорентинскимъ купцамъ черезъ владѣнія герцога по берегу Адриатическаго моря—дѣло, впрочемъ, немаловажное для торговли, «этой кормилицы Республики», какъ выражалась напутственная грамота синьоровъ.

Леонардо также назвалъ ему себя и свой чинъ при дворѣ Валентино. Они разговорились съ естественной легкостью и довѣрjemъ, свойственнымъ людямъ противоположнымъ, одинокимъ и созерцательнымъ.

— Мессэре,—тотчасъ признался Никколó, и эта откровенность понравилась художнику,—я слышалъ, конечно, что вы великій мастеръ. Но долженъ васъ предупредить, въ живописи я ничего не смыслю и даже не люблю ея, хотя полагаю, что искусство это могло бы мнѣ отвѣтить то же, что Данте нѣкогда отвѣтилъ зубоскалу, который на улицѣ показалъ ему фигу: одной моей я не дамъ тебѣ за сто твоихъ. Но я слышалъ также, что герцогъ Валентино считаетъ васъ глубокимъ знатокомъ военной науки, и вотъ о чемъ хотѣлось бы мнѣ когда-нибудь побесѣдовать съ вашею милостью. Всегда казалось мнѣ, что это—предметъ, тѣмъ болѣе важный и достойный вниманія, что гражданское величiе народовъ зиждется на могуществѣ военномъ, на количествѣ и качествѣ постоянного войска, какъ я докажу въ моей книгѣ о монархiяхъ и республикахъ, гдѣ естественные законы, управляющiе жизнью, ростомъ, упадкомъ и смертью всякаго государства, будутъ опредѣлены съ такою же точностью, съ какою математикъ опредѣляетъ законы чисель, естествоиспытатель—законы физики и механики. Ибо, надо вамъ сказать, до сихъ поръ всѣ, кто писалъ о государствѣ...

Но тутъ онъ остановился и перебилъ себя съ добродушною улыбкою:

— Виноватъ, мессэре! Я, кажется, злоупотребляю вашею любезностью: можетъ-быть, политика васъ такъ же мало занимаетъ, какъ живопись меня?..

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ,—молвилъ художникъ,—или вотъ что: я скажу вамъ такъ же откровенно, какъ вы, мес-

сэръ Никколò. Я, въ самомъ дѣлѣ, не люблю обычныхъ толковъ людей о войнѣ и дѣлахъ государственныхъ, потому что эти разговоры лживы и суетны. Но ваши мнѣнія такъ непохожи на мнѣнія большинства, такъ новы и необычайны, что, повѣрьте, я слушаю васъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Ой, берегитесь, мессэръ Леонардо!—разсмѣялся Никколò еще добродушнѣе.—Какъ бы не пришлось вамъ раскаяться: вы меня еще не знаете; вѣдь это мой конекъ—сяду на него и ужъ не слѣзу, пока вы сами не прикажете мнѣ замолчать! Хлѣбомъ не корми меня, только съ умнымъ человѣкомъ дай поговорить о политикѣ! Но вотъ бѣда, гдѣ ихъ возьмешь, умныхъ людей? Наши великолѣпные синьоры знать ничего не хотятъ, кромѣ рыночныхъ цѣнъ на шерсть да на шелкъ, а я, — прибавилъ онъ съ гордой и горькой усмѣшкой, — я, видно, ужъ такимъ уродился по волѣ судьбы, что, не умѣя разсуждать ни объ убыткахъ, ни о прибыляхъ, ни о шерстяномъ, ни о шелковомъ промыслѣ, долженъ выбрать одно изъ двухъ: или молчать, или говорить о дѣлахъ государственныхъ.

Художникъ еще разъ успокоилъ его, и чтобы возобновить бесѣду, которая въ самомъ дѣлѣ казалась ему любопытною, спросилъ:

— Вы только что сказали, мессэре, что политика должна быть точнымъ знаніемъ, такимъ же какъ науки естественныя, основанныя на математикѣ, почерпающія свою достоверность изъ опыта и наблюденія надъ природою. Такъ ли я васъ понялъ?

— Такъ, такъ! — произнесъ Макиавелли, сдвинувъ брови, прищуривъ глаза, смотря поверхъ головы Леонардо, весь насторожившись и сдѣлавшись похожимъ на зоркую птицу, которая вглядывается въ очень далекій предметъ, вытянувъ тонкую длинную шею.

— Можетъ-быть, я не сумѣю этого сдѣлать,—продолжалъ онъ, — но я хочу сказать людямъ то, чего никто никогда еще не говорилъ о дѣлахъ человѣческихъ. Платонъ въ своей «Республикѣ», Аристотель въ «Политикѣ», св.

Августинъ въ «Градѣ Господнемъ» — всѣ, кто писали о государствѣ, не видѣли самаго главнаго — законовъ естественныхъ, управляющихъ жизнью всякаго народа и находящихся внѣ человѣческой воли, внѣ зла и добра. Всѣ говорили о томъ, что кажется добрымъ и злымъ, благороднымъ и низкимъ, воображая себѣ такія правленія, какія должны быть, но какихъ нѣтъ и не можетъ быть въ дѣйствительности. Я же хочу не того, что должно быть, и не того, что кажется, а лишь того, что есть на самомъ дѣлѣ. Я хочу изслѣдовать природу великихъ тѣлъ, именуемыхъ республиками и монархіями, — безъ любви и ненависти, безъ хвалы и порицанія, какъ математикъ изслѣдуетъ природу чиселъ, анатомъ — строеніе тѣла. Знаю, что это трудно и опасно, ибо люди нигдѣ такъ не боятся истины и не мстятъ за нее, какъ въ политикѣ, но я все-таки скажу имъ истину, хотя бы потомъ они сожгли меня на кострѣ, какъ брата Джироламо!

Съ невольной улыбкой слѣдилъ Леонардо за выраженіемъ пророческой и въ то же время легкомысленной, словно школьнической, дерзости въ лицѣ Макиавелли, въ глазахъ его, блестящихъ страннымъ, почти безумнымъ, блескомъ, — и думалъ:

«Съ какимъ волненіемъ говорить онъ о спокойствіи, съ какою страстью—о безстрастіи!»

— Мессэръ Никколò,—молвилъ художникъ,—ежели вамъ удастся исполнить этотъ замыселъ, открытія ваши будутъ имѣть не менѣе великое значеніе, чѣмъ Евклидова геометрія или изслѣдованіе Архимеда въ механикѣ.

Леонардо, въ самомъ дѣлѣ, былъ удивленъ новизною того, что слышалъ отъ мессэра Никколò. Онъ вспомнилъ, какъ, еще тринадцать лѣтъ назадъ, окончивъ книгу съ рисунками, изображавшими внутренніе органы человѣческаго тѣла, приписалъ сбоку на поляхъ:

«Да поможетъ мнѣ Всевышній изучить природу людей, ихъ нравовъ и обычаевъ такъ же, какъ я изучаю внутреннее строеніе человѣческаго тѣла».

IV.

Они бесѣдовали долго. Леонардо, между прочимъ, спросилъ его, какъ могъ онъ во вчерашнемъ разговорѣ съ капитаномъ копейщиковъ отрицать всякое боевое значеніе крѣпостей, пороха, огнестрѣльнаго оружія; не было ли это простою шуткою?

— Древніе спартанцы и римляне, — возразилъ Никколó, — непогрѣшимые учителя военного искусства, не имѣли понятія о порохѣ.

— Но развѣ опытъ и познаніе природы, — воскликнулъ художникъ, — не открыли намъ многого, и каждый день не открываютъ еще бóльшаго, о чемъ и помышлять не смѣли древніе?

Макиавелли упрямо стоялъ на своемъ:

— Я думаю, — твердилъ онъ, — въ дѣлахъ военныхъ и государственныхъ новые народы впадаютъ въ ошибки, уклоняясь отъ подражанія древнимъ.

— Возможно ли такое подражаніе, мессэръ Никколó?

— Отчего же нѣтъ? Развѣ люди и стихіи, небо и солнце измѣнили движеніе, порядокъ и силы свои, стали иными, чѣмъ въ древности?

И никакіе доводы не могли его разубѣдить. Леонардо видѣлъ, какъ смѣлый до дерзости во всемъ остальномъ, становился онъ вдругъ суевѣрнымъ и робкимъ, словно школьный педантъ, только что рѣчь заходила о древности.

«У него великіе замыслы, но какъ-то исполнить онъ ихъ?» подумалъ художникъ, невольно вспомнивъ игру въ кости, во время которой Макиавелли такъ остроумно излагалъ отвлеченныя правила, но каждый разъ, какъ пытался доказать ихъ на дѣлѣ — проигрывалъ.

— А знаете ли, мессэре? — воскликнулъ Никколó среди спора съ искрою неудержимой веселости въ глазахъ, — чѣмъ больше я слушаю васъ, тѣмъ больше удивляюсь — ушамъ своимъ не вѣрю!.. Ну, подумайте только, какое нужно было

рѣдкое соединеніе звѣздъ, чтобы мы съ вами встрѣтились! Умы человѣческіе, говорю я, бываютъ трехъ родовъ: первые — тѣ, кто самъ все видитъ и угадываетъ; вторые видятъ, когда имъ другіе указываютъ; послѣдніе сами не видятъ и того, на что имъ указываютъ, не понимаютъ. Первые — лучшіе и наиболѣе рѣдкіе; вторые — хорошіе, средніе; послѣдніе обычные и никуда негодные. Вашу милость... ну, да, пожалуй, и себя, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ чрезмѣрной скромности, я причисляю къ первому роду людей. Чему вы смѣтаетесь? Развѣ не правда? Воля ваша—думайте, что хотите, а я вѣрю, что это не даромъ, что тутъ воля верховныхъ судебъ совершается, и для меня не скоро въ жизни повторится такая встрѣча, какъ сегодня съ вами, ибо я знаю, какъ мало на свѣтѣ умныхъ людей. А чтобы достойно увѣнчать нашу бесѣду, позвольте мнѣ прочесть одно прекраснѣйшее мѣсто изъ Ливія и послушайте мое объясненіе.

Онъ взялъ со стола книгу, придвинулъ заплывшій сальный огарокъ, надѣлъ желѣзные, сломанные и тщательно перевязанные ниткою очки съ большими круглыми стеклами и придалъ лицу своему выраженіе строгое, благоговѣйное, какъ во время молитвы или священнодѣйствія.

Но только что поднялъ онъ брови и указательный палецъ, готовясь искать ту главу, изъ коей явствуетъ, что побѣды и завоеванія ведутъ государства неблагоустроенныя скорѣе къ гибели, чѣмъ къ величію, и произнесъ первыя, звучащія какъ мѣдь, слова торжественнаго Ливія, — дверь тихонько отворилась, и въ комнату, крадучись, вошла маленькая, сторбленная и сморщенная старушка.

— Синьоры мои, — прошамкала она, кланяясь низко, — извините за безпокойство. Госпожи моей, яснѣйшей мадонны Лены Гриффы, любимый звѣрокъ сбѣжалъ — кроликъ съ голубою ленточкой на шейкѣ. Ищемъ, ищемъ, весь домъ обшарили, съ ногъ сбились, ума не приложимъ, куда запропастился...

— Никакого здѣсь кролика нѣтъ, — сердито прервала ее мессэръ Николло, — ступайте прочь!

И всталъ, чтобы выпроводить старуху, но вдругъ посмотрѣлъ на нее внимательно сквозь очки, потомъ, опустивъ ихъ на кончикъ носа, посмотрѣлъ еще разъ поверхъ стекло, всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Мона Альвиджія! Ты ли это, старая хрычовка? А я-то думалъ, что давно уже черти крючьями стащили падаль твою въ пекло!..

Старуха прищурила подслѣповатые, хитрые глаза и ослабилась, отвѣчая на ласковыя ругательства беззубою улыбкой, отъ которой сдѣлалась еще безобразнѣе:

— Мессэръ Никколò! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Вотъ не гадала, не чаяла, что Богъ приведетъ еще встрѣтиться...

Макиавелли извинился передъ художникомъ и пригласилъ мону Альвиджію въ кухню покалякать, вспомнить доброе старое время. Но Леонардо увѣрилъ его, что они ему не мѣшаютъ, взялъ книгу и сѣлъ въ сторонѣ. Никколò позвалъ слугу и велѣлъ подать вина съ такимъ видомъ, точно былъ въ домѣ почетнѣйшимъ гостемъ.

— Скажи-ка, братецъ, этому мошеннику хозяину, чтобы не смѣлъ угощать насъ той кислятиной, что подаль мнѣ намедни, ибо мы съ моной Альвиджіей не любимъ сквернаго вина, такъ же какъ священникъ Арлотто, который, говорятъ, и передъ святыми Дарами изъ плохого вина ни за что бы не сталъ на колѣни, полагая, что оно не можетъ претвориться въ кровь Господню!..

Мона Альвиджія забыла кролика, мессэръ Никколò — Тита Ливія, и за кувшиномъ вина разговорились они, какъ старые друзья.

Изъ бесѣды этой Леонардо понялъ, что старуха нѣкогда сама была кортезаною, потомъ содержательницей дома терпимости во Флоренціи, своднею въ Венеціи и теперь служила главною ключницей, завѣдующей гвардаробою мадонны Лены Гриффы. Макиавелли разспрашивалъ ее объ общихъ знакомыхъ, о пятнадцатилѣтней голубоглазой Аталантѣ, которая однажды, говоря о любовномъ грѣхѣ, воскликнула съ невинною улыбкою: «Развѣ это хула на Духа Святого? Монахи и священники могутъ проповѣдывать, что имъ

угодно, — никогда не повѣрю я, будто бы доставлять бѣднымъ людямъ удовольствіе—смертный грѣхъ!»—о прелестной мадоннѣ Риччіи, мужъ которой замѣчалъ съ равнодушіемъ философа, когда ему сообщали объ измѣнахъ супруги: жена въ домѣ, что огонь въ очагѣ — давай сосѣдямъ, сколько хочешь, не убудеть. Вспомнили и толстую рыжую Мармилію, которая каждый разъ, бывало, склоняясь на мольбы своихъ поклонниковъ, набожно опускала завѣсу передъ иконою, «чтобы Мадонна не увидала».

Никколó въ этихъ сплетняхъ и непристойностяхъ, по видимому, чувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ. Леонардо удивлялся превращенію государственнаго мужа, секретаря Флорентинской Республики, тихаго и мудраго собесѣдника въ безпутнаго гуляку, завсегдатая притоновъ. Впрочемъ, истинной веселости не было въ Макіавелли, и художникъ угадывалъ тайную горечь въ его циническомъ смѣхѣ.

— Такъ-то, государь мой! Молодое растетъ, старое старится,—заклчила Альвиджія, впадая въ чувствительность и качая головой, какъ дряхлая парка любви.—Времена уже нынче не тѣ...

— Врешь, старая вѣдьма, чортова угодница!—лукаво подмигнулъ ей Никколó.—Не гнѣви-ка ты Бога, кума! Кому другому, а вашей сестрѣ нынче масленица. Теперь у хорошенькихъ женщинъ ревнивыхъ и бѣдныхъ мужей не бываетъ вовсе, и, вступивъ въ дружбу съ такими мастерицами, какъ ты, живутъ онѣ припѣваючи. Самыя гордые синьоры охотно сдаютъ за деньги—по всей Италіи свальный грѣхъ да непотребство. Распутную женщину отъ честной только развѣ и отличишь, что по желтому знаку...

Упомянутый желтый знакъ былъ особою, шафраннаго цвѣта, головною повязкою, которую законъ обязывалъ носить блудницъ, съ тою цѣлью, чтобы не смѣшивали ихъ въ толпѣ съ честными женщинами.

— Охъ, не говорите, мессэре!—сокрушенно вздохнула старуха.—Куда же нынѣшнему вѣку противъ прежняго? Да хоть бы то взять: не такъ давно еще въ Италіи о французской болѣзни никто и не слыхивалъ—жили мы, какъ у

Христа за пазухой. Или опять же насчетъ этого желтаго знака—и, Боже ты мой, просто бѣда! Вѣрите ли, въ прошлый карнаваль госпожу мою едва въ тюрьму не упрятали. Ну, посудите сами, статочное ли дѣло мадоннѣ Ленѣ желтый знакъ носить?

— А почему бы ей не носить?

— Что вы, что вы, какъ можно, помилуйте! Развѣ яснѣйшая мадонна—какая-нибудь уличная дѣвчонка изъ тѣхъ, что со всякою сволочью шляются? Да извѣстно ли милости вашей, что одѣяло на ея постели великолѣпнѣе папскихъ облачений въ день св. Пасхи? Что же касается до ума и учености, тутъ ужъ она, полагаю, и самихъ докторовъ Болонскаго университета за поясъ заткнетъ. Послушали бы вы только, какъ разсуждаетъ она о Петраркѣ, о Лаурѣ, о безконечности небесной любви!..

— Еще бы,—усмѣхнулся Никколó,—кому же и знать безконечность любви, какъ не ей!..

— Да ужъ смѣйтесь, смѣйтесь, мессэре, а вѣдь вотъ ей-Богу, чтобъ мнѣ съ этого мѣста не встать: намедни, какъ читала она свое посланіе въ стихахъ одному бѣдному юношѣ, которому совѣтуетъ обратиться къ упражненію въ добродѣтеляхъ, слушала я, слушала, да и расплакалась, ну, такъ за душу и хватаетъ, точь-въ-точь какъ бывало въ Санта-Марія-дель-Фиоре на проповѣдяхъ брата Джироламо, царствіе ему небесное. Воистину новый Туллій Цицеронъ! И то сказать, не даромъ же знатнѣйшіе господа платятъ ей за одинъ разговоръ о тайнахъ платонической любви развѣ что на два или на три дуката менѣе, чѣмъ другимъ за цѣлую ночь. А вы говорите—желтый знакъ!

Въ заключеніе мона Альвиджія разсказала про собственную молодость: и она была прекрасна, и за нею ухаживали; всѣ ея прихоти исполнялись; и чего только она, бывало, ни выдѣлывала. Однажды, въ городѣ Падуѣ, въ соборной ризницѣ сняла митру съ епископа и надѣла на свою рабыню. Но съ годами красота поблекла, поклонники разсѣялись, и пришлось ей жить сдачею комнатъ внаймы да стиркою бѣлья. А тутъ еще заболѣла и дошла да такой ни-

щеты, что хотѣла на церковной паперти просить подающія, чтобы купить яду и отравиться. Только Пречистая Дѣва спасла ее отъ смерти: съ легкой руки одного стараго аббата, влюбленнаго въ ея сосѣдку, жену кузнеца, вступила мона Альвиджія на торный путь, занявшись болѣе выгоднымъ промысломъ, чѣмъ стирка бѣлья.

Разсказъ о чудесной помощи Матери Господа, ея особливою Заступницы, прерванъ былъ служанкою мадонны Лены, прибѣжавшею сказать, что госпожа требуетъ у ключницы баночки съ мазью для мартышки, отморожившей лапу, и Декамерона Боккачіо, котораго вельможная блудница читала передъ сномъ и прятала подъ подушку, вмѣстѣ съ молитвенникомъ.

По уходѣ старухи, Никколó вынулъ бумагу, очинилъ перо и сталъ сочинять донесеніе великолѣпнымъ синьорамъ Флоренціи о замыслахъ и дѣйствіяхъ герцога Валентино— посланіе, полное государственною мудростью, несмотря на легкій, полушутливый слогъ.

— Мессэре,—молвилъ онъ вдругъ, поднимая глаза отъ работы и взглядывая на художника,—а признайтесь-ка, удивились вы, что я такъ внезапно перешелъ отъ бесѣды о самыхъ великихъ и важныхъ предметахъ, о добродѣтеляхъ древнихъ спартанцевъ и римлянъ къ болтовнѣ о дѣвчонкахъ со сводней? Но не осуждайте меня слишкомъ строго и вспомните, государь мой, что этому разнообразію насъ учить сама природа въ своихъ вѣчныхъ противоположностяхъ и превращеніяхъ. А вѣдь главное—безстрашно слѣдовать природѣ во всемъ! Да и къ чему притворяться? Всѣ мы люди, всѣ человѣки. Знаете старую басню о томъ, какъ философъ Аристотель въ присутствіи ученика своего Александра Великаго, по прихоти распутной женщины, въ которую влюбленъ былъ безъ памяти, сталъ на четвереньки и взялъ ее къ себѣ на спину, и безстыдная, голая, поѣхала верхомъ на мудрецѣ, какъ на мулѣ? Конечно, это только басня, но смыслъ ея глубокъ. Ужъ если самъ Аристотель рѣшился на такую глупость изъ-за смазливой дѣвчонки,—гдѣ же намъ, грѣшнымъ, устоять?..

Часть былъ поздній. Всѣ давно спали. Было тихо. Только сверчокъ пѣлъ въ углу, и слышалось, какъ за деревянной перегородкой въ сосѣдней комнатѣ мона Альвиджія что-то лепечеть, бормочетъ, натирая лѣкарственной мазью отмороженную лапку обезьяны.

Леонардо легъ, но долго не могъ заснуть и смотрѣлъ на Макиавелли, прилежно склоненнаго надъ работою съ обгрызеннымъ гусинымъ перомъ въ рукахъ. Пламя огарка бросало на голую бѣлую стѣну огромную тѣнь отъ головы его съ угловатыми рѣзкими очертаніями, съ оттопыренною нижнею губою, непомерно длинною, тонкою шейю и длиннымъ птичьимъ носомъ. Кончивъ донесенія о политикѣ Цезаря, запечатавъ обертку сургучомъ и сдѣлавъ обычную на спѣшныхъ посылкахъ надпись—*cito, citissime, celerrime!*—скорое, самое скорое, наискорѣйшее!—открылъ онъ книгу Тита Ливія и погрузился въ любимый многолѣтній трудъ—составленіе объяснительныхъ примѣчаній къ Декадамъ.

«Юній Брутъ, притворившись дуракомъ,—писалъ онъ,—пріобрѣлъ больше славы, чѣмъ самые умные люди. Разсматривая всю его жизнь, прихожу я къ тому заключенію, что онъ дѣйствовалъ такъ, дабы избѣгнуть подозрѣній и тѣмъ легче низвергнуть тирана,—примѣръ достойный подражанія для всѣхъ цареубійцъ. Ежели могутъ они возстать открыто, то, конечно, это благороднѣе. Но когда силъ не хватаетъ для явной борьбы, слѣдуетъ дѣйствовать тайно, вкрадываясь въ милость государя и не брезгая ничѣмъ, чтобы ее заслужить, дѣля съ монархомъ всѣ его пороки и будучи ему сообщникомъ въ распутствѣ, ибо такое сближеніе, во-первыхъ, спасетъ жизнь мятежника, во-вторыхъ, позволить ему, при удобномъ случаѣ, погубить государя. Итакъ, говорю я, должно притворяться дуракомъ, подобно Юнію Бруту—хваля, порицая и утверждая обратное тому, что думаешь, дабы вовлечь тирана въ погибель и возвратить свободу отечеству».

Леонардо слѣдилъ, какъ при свѣтѣ потухающаго огарка странная черная тѣнь на бѣлой стѣнѣ плясала и корчила безстыдныя рожи, между тѣмъ какъ лицо секретаря Фло-

рентинской Республики хранило торжественное спокойствіе, словно отблескъ величія древняго Рима. Только въ самой глубинѣ глазъ да въ углахъ извилистыхъ губъ сквозило порой выраженіе двусмысленное, лукавое и горько-насмѣшливое, почти такое же циническое, какъ во время бесѣды о дѣвочкахъ со своднею.

V.

На слѣдующее утро вьюга утихла. Солнце искрилось въ заиндивѣлыхъ мутно-зеленыхъ стеклахъ маленькихъ окошекъ постоялаго двора, какъ въ блѣдныхъ изумрудахъ. Снѣжныя поля и холмы сіяли, мягкіе, какъ пухъ, ослѣпительно бѣлые подъ голубыми небесами.

Когда Леонардо проснулся, сожителя его уже не было въ комнатѣ. Художникъ сошелъ внизъ, въ кухню. Здѣсь въ очагѣ пылалъ большой огонь, и на новомъ самовращающемся вертелѣ шипѣло жаркое. Хозяинъ не могъ налюбоваться машиною Леонардо, а дряхлая старушка, пришедшая изъ глухого горнаго селенія, смотрѣла, выпучивъ глаза, въ суевѣрномъ ужасѣ, на баранью тушу, которая сама себя подрумянивала, ходила, какъ живая, повертывая бока такъ, чтобы не пригорѣть.

Леонардо велѣлъ проводнику сѣдлатъ муловъ и присѣлъ къ столу, чтобы закусить на дорогу. Рядомъ мессэръ Никколó въ чрезвычайномъ волненіи разговаривалъ съ двумя новыми пріѣзжими. Одинъ изъ нихъ былъ гонецъ изъ Флоренціи, другой—молодой человѣкъ безукоризненной свѣтской наружности, съ лицомъ, какъ у всѣхъ, не глупымъ, не умнымъ, не злымъ и не добрымъ, незапоминаемымъ лицомъ толпы, — нѣкій мессэръ Лучіо, какъ впоследствии узналъ Леонардо, двоюродный племянникъ Франческо Веттори, знатнаго гражданина, имѣвшаго большія связи и дружески расположеннаго къ Макіавелли, родственникъ самого гонфалоньера, Пьеро Содерини. Отправляясь по семейнымъ дѣламъ въ Анкону, Лучіо взялся отыскать Никколó

въ Романъѣ и передать ему письма флорентинскихъ друзей. Приѣхалъ онъ вмѣстѣ съ гонцомъ.

— Напрасно изволите беспокоиться, мессэръ Никколó,— говорилъ Лучіо.— Дядя Франческо увѣряетъ, что деньги скоро будутъ высланы. Еще въ прошлый четвергъ синьоры обѣщали ему...

— У меня, государь мой,— злобно перебилъ его Макиавелли,— двое слугъ да три лошади, которыхъ обѣщаніями великолѣпныхъ синьоровъ не накормишь! Въ Имолѣ получилъ я 60 дукатовъ, а долговъ заплатилъ на 70. Если бы не состраданіе добрыхъ людей, секретарь Флорентинской Республики умеръ бы съ голоду. Нечего сказать, хорошо заботятся синьоры о чести города, принуждая довѣренное лицо свое при чужомъ дворѣ выпрашивать по три, по четыре дуката на бѣдность...

Онъ зналъ, что жалобы тщетны. Но ему было все равно, только бы излить накипѣвшую горечь. Въ кухнѣ почти никого не было: они могли говорить свободно.

— Нашъ соотечественникъ, мессэръ Леонардо да-Винчи— гонфалоньеръ долженъ его знать,— продолжалъ Макиавелли, указывая на художника, и Лучіо вѣжливо поклонился ему,— мессэръ Леонардо вчера еще былъ свидѣтелемъ оскорбленій, которымъ я подвергаюсь...

— Я требую, слышите, не прошу, а требую отставки!— закончилъ онъ, все болѣе горячась и, видимо, воображая въ лицѣ молодого флорентинца всю Великолѣпную Синьорію.— Я человекъ бѣдный. Дѣла мои въ разстройствѣ. Я, наконецъ, боленъ. Если такъ будетъ продолжаться, меня привезутъ домой въ гробу! Къ тому же все, что можно было сдѣлать съ данными мнѣ полномочіями, я здѣсь уже сдѣлалъ. А затягивать переговоры, ходить вокругъ да около, шагъ впередъ, шагъ назадъ, и хочется, и колется—слуга покорный! Я считаю герцога слишкомъ умнымъ для такой ребяческой политики. Я, впрочемъ, писалъ вашему дядѣ...

— Дядя, — возразилъ Лучіо, — конечно, сдѣлаетъ для васъ, мессэре, все, что въ силахъ,—но вотъ бѣда: Совѣтъ Десяти считаетъ донесенія ваши столь необходимыми для

блага Республики, проливающими такой свѣтъ на здѣшнія дѣла, что никто и слышать не хочетъ о вашей отставкѣ. Мы бы-де и рады, да замѣнить его некъмъ. Единственный, говорятъ, золотой человѣкъ, ухо и око нашей Республики. Могу васъ увѣрить, мессэръ Никколó,—письма ваши имѣютъ такой успѣхъ во Флоренціи, что бóльшого вы сами не могли бы желать. Всѣ восхищаются неподражаемымъ изяществомъ и легкостью вашего слога. Дядя мнѣ говорилъ, что намедни въ залѣ Совѣта, когда читали одно изъ шуточныхъ вашихъ посланій, синьоры такъ и покатывались со смѣху...

— А, такъ вотъ оно что!—воскликнулъ Макиавелли, и лицо его вдругъ передернулось.—Ну, теперь я все понимаю: синьорамъ письма мои по вкусу пришлись. Слава Богу, хоть на что-нибудь да пригодился мессэръ Никколó! Они тамъ, изволите ли видѣть, со смѣху покатываются, изящества слога моего оцѣниваютъ, пока я здѣсь живу, какъ собака, мерзну, голодаю, дрожу въ лихорадкѣ, терплю униженія, бьюсь какъ рыба объ ледъ — все для блага Республики, чортъ бы ее побралъ вмѣстѣ съ гонфалоньеромъ, этою слезливою старою бабою! Чтобъ вамъ всѣмъ ни гроба, ни савана...

Онъ разразился площадною бранью. Привычное безсильное негодованіе наполняло его при мысли объ этихъ вождяхъ народа, которыхъ онъ презиралъ, и у которыхъ былъ на посылкахъ.

Желая перемѣнить разговоръ, Лучіо подалъ Никколó письмо отъ молодой жены его, моны Маріетты.

Макиавелли пробѣжалъ нѣсколько строкъ, нацарапанныхъ дѣтскимъ крупнымъ почеркомъ на сѣрой бумагѣ.

«Я слышала,—писала, между прочимъ, Маріетта,—что въ тѣхъ краяхъ, гдѣ вы находитесь, свирѣпствуютъ лихорадки и другія болѣзни. Можете себѣ представить, каково у меня на душѣ. Мысли о васъ ни днемъ, ни ночью не даютъ мнѣ покоя.—Мальчикъ, слава Богу, здоровъ. Онъ становится удивительно похожъ на васъ. Личико бѣлое какъ снѣгъ, а головка въ густыхъ черныхъ-пречерныхъ волосикахъ, точь-въ-точь какъ у вашей милости. Онъ кажется мнѣ

красивымъ, потому что похожъ на васъ. И такой живой, веселый, какъ будто ему уже годъ. Вѣрите ли, только что родился, открылъ глазенки и закричалъ на весь домъ.—А вы не забывайте насъ, и очень, очень прошу, пріѣзжайте скорѣе, потому что я болѣе ждать не могу и не буду. Ради Бога, пріѣзжайте! А пока да сохранить васъ Господь, Приснодѣва Марія и великомощный мессэръ Антоніо, коему непрестанно о здравіи вашей милости молюсь».

Леонардо замѣтилъ, что во время чтенія этого письма лицо Макиавелли озарилось доброю улыбкой, неожиданной для рѣзкихъ, угловатыхъ чертъ его, какъ будто изъ-за нихъ выглянуло лицо другого человѣка. Но оно тотчасъ же скрылось. Презрительно пожавъ плечами, скомкалъ онъ письмо, сунулъ въ карманъ и проворчалъ сердито:

— И кому только понадобилось сплетничать о моей болѣзни?

— Невозможно было скрыть,—возразилъ Лучіо. — Каждый день мона Маріетта приходитъ къ одному изъ вашихъ друзей или членовъ Совѣта Десяти, спрашиваетъ, выпытываетъ, гдѣ вы и что съ вами..

— Да ужъ знаю, знаю, не говорите,—бѣда мнѣ съ нею! Онъ нетерпѣливо махнулъ рукой и прибавилъ:

— Дѣла государственныя должно поручать людямъ холостымъ. Одно изъ двухъ—или жена или политика!

И, немного отвернувшись, рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ продолжалъ:

— Не имѣете ли намѣренія жениться, молодой человѣкъ?

— Пока нѣтъ, мессэръ Никколó,—отвѣтилъ Лучіо.

— И никогда, слышите, никогда не дѣлайте этой глупости. Сохрани васъ Богъ. Женитесь, государь мой, это все равно, что искать угря въ мѣшкѣ со змѣями! Супружеская жизнь—бремя для спины Атласа, а не обыкновеннаго смертнаго. Не такъ ли, мессэръ Леонардо?

Леонардо смотрѣлъ на него и угадывалъ, что Макиавелли любитъ мону Маріетту съ глубокою нѣжностью, но, стыдясь этой любви, скрываетъ ее подъ маскою безстыдства.

Гостиница опустѣла. Постояльцы, вставшіе спозаранку, разъѣхались. Собрался въ путь и Леонардо. Онъ пригласилъ Макиавелли ѣхать вмѣстѣ. Но тотъ грустно покачалъ головою и отвѣтилъ, что ему придется ждать изъ Флоренціи денегъ, чтобы расплатиться съ хозяиномъ и нанять лошадей. Отъ недавней напускной развязности въ немъ и слѣда не оставалось. Онъ весь вдругъ поникъ, опустился, казался несчастнымъ и больнымъ. Скука неподвижности, слишкомъ долгаго пребыванія на одномъ и томъ же мѣстѣ была для него убійственна. Не даромъ въ одномъ письмѣ члены Совѣта Десяти упрекали его за слишкомъ частые, безпричинные переѣзды, которые производили путаницу въ дѣлахъ: «видишь, Никколó, до чего доводитъ насъ этотъ твой непосѣдливый духъ, столь жадный къ перемѣнѣ мѣстъ».

Леонардо взялъ его за руку, отвелъ въ сторону и предложилъ денегъ займа. Никколó отказался.

— Не обижайте меня, другъ мой,—молвилъ художникъ.—Вспомните то, что сами вчера говорили: какое нужно рѣдкое соединеніе звѣздъ, чтобы встрѣтились такіе люди, какъ мы. Зачѣмъ же лишаете вы меня и себя этого благодѣянія судьбы? И развѣ вы не чувствуете, что не я вамъ, а вы мнѣ оказали бы сердечную услугу?..

Въ лицѣ и голосѣ художника была такая доброта, что Никколó не имѣлъ духу огорчить его и взялъ тридцать дукатовъ, которые обѣщалъ возвратить, какъ только получить деньги изъ Флоренціи. Тотчасъ расплатился онъ въ гостиницѣ съ щедростью вельможи.

VI.

Выѣхали. Утро было тихое, нѣжное, съ почти весеннею теплотою и капелью на солнцѣ, съ душисто-морозною свѣжестью въ тѣни. Глубокій снѣгъ съ голубыми тѣнями хрустѣлъ подъ копытами. Между бѣлыми холмами сверкало блѣдно-зеленое зимнее море, и желтые косые паруса, по-

добные крыльямъ золотистыхъ бабочекъ, кое-гдѣ мелькали на немъ.

Никколó болталъ, шутилъ и смѣялся. Каждая мелочь вызывала его на неожиданно-забавныя или печальныя мысли.

Проѣзжая бѣдное селеніе рыбаковъ на берегу моря и горной рѣчки Арциллы, увидѣли путники на маленькой церковной площади жирныхъ веселыхъ монаховъ въ толпѣ молодыхъ поселянокъ, которыя покупали у нихъ крестики, четки, кусочки мощей, камешки отъ дома Лореттской Богоматери и перышки изъ крыльевъ архангела Михаила.

— Чего зѣваете?—крикнулъ Никколó мужьямъ и братьямъ поселянокъ, стоявшимъ тутъ же на площади. — Не подпускайте монаховъ къ женщинамъ! Развѣ вы не знаете, какъ жиръ легко зажигается огнемъ, и какъ любятъ святыя отцы, чтобы красавицы не только называли ихъ, но и дѣлали отцами?

Заговоривъ со спутникомъ о римской церкви, онъ сталъ доказывать, что она погубила Италію.

— Клянусь Вакхомъ,—воскликнулъ онъ, и глаза его загорѣлись негодованіемъ,—я полюбилъ бы какъ себя самого того, кто принудилъ бы всю эту сволочь—поповъ и монаховъ, отречься или отъ власти, или отъ распутства!

Леонардо спросилъ его, что думаетъ онъ о Савонаролѣ. Никколó признался, что одно время былъ пламеннымъ его приверженцемъ, надѣялся, что онъ спасетъ Италію, но скоро понялъ безсиліе пророка.

— Опротивѣла мнѣ до тошноты вся эта ханженская лавочка. И вспоминать не хочется. Ну ихъ къ чорту! — заключилъ онъ брезгливо.

VII.

Около полудня вѣхали они въ ворота города Фано. Всѣ дома переполнены были солдатами, военачальниками и свитою Цезаря. Леонардо, какъ придворному зодчему, отвели двѣ комнаты близъ дворца на площади. Одну изъ нихъ

предложилъ онъ спутнику, такъ какъ достать другое помѣщеніе было трудно.

Макиавелли пошелъ во дворецъ и вернулся съ важною новостью: главный герцогскій намѣстникъ донъ Рамиро ди-Лорква былъ казненъ. Утромъ въ день Рождества, 25-го декабря, народъ увидѣлъ на Пьяцеттѣ между замкомъ и Роккою Чезены обезглавленный трупъ, валявшійся въ лужѣ крови, рядомъ—топоръ, и на копѣѣ, воткнутомъ въ землю, отрубленную голову Рамиро.

— Причины казни никто не знаетъ,—заклучилъ Никколó.—Но теперь объ этомъ только и говорятъ по всему городу. И мнѣнія прелюбопытныя! Я нарочно зашелъ за вами. Пойдемте-ка на площадь, послушаемъ. Право же, грѣшно пренебрегать такимъ случаемъ изученія на опытѣ естественныхъ законовъ политики!

Передъ древнимъ соборомъ Санто-Фортунато толпа ожидала выхода герцога. Онъ долженъ былъ проѣхать въ лагерь для смотра войскъ. Разговаривали о казнѣ намѣстника. Леонардо и Макиавелли вмѣшались въ толпу.

— Какъ же, братцы? Я въ толкъ не возьму,—допытывался молодой ремесленникъ съ добродушнымъ и глуповатымъ лицомъ,—какъ же сказывали, будто бы болѣе всѣхъ вельможъ любилъ онъ и жаловалъ намѣстника?

— Потому-то и взыскалъ, что любилъ,—наставительно молвилъ кузнецъ благообразной, почтенной наружности, въ бѣличьей шубѣ.—Донъ Рамиро обманывалъ герцога. Именемъ его народъ угнеталъ, въ тюрьмахъ и пыткахъ морилъ, лихоимствовалъ. А передъ государемъ овечкой прикидывался. Думалъ—шито да крыто. Не тутъ-то было! Часъ пришелъ, исполнилась мѣра долготерпѣнія государева, и перваго вельможу своего не пощадилъ онъ для блага народа, приговора не дождавшись, голову на плахѣ отрубилъ, какъ послѣднему злодѣю, чтобы другимъ не повадно было. Теперь, небось, всѣ, у кого рыльце въ пуху, хвосты поджали—видятъ, страшень гнѣвъ его, праведень судъ. Смиреннаго милуетъ, гордаго сокрушаетъ!

— Regas eos in virga ferrea,—привель монахъ слова Откровенія: «будешь пасти ихъ жезломъ желѣзнымъ».

— Да, да, жезломъ бы ихъ всѣхъ желѣзнымъ, собачьихъ дѣтей, мучителей народа!

— Умѣеть казнить—умѣеть миловать.

— Лучшаго государя не надо!

— Истинно такъ!—молвилъ поселянинъ. — Сжалился, видно, Господь надъ Романьей. Прежде, бывало, съ живого и съ мертваго шкуру деруть, поборами разоряють. И такъ-то ѣсть нечего, а тутъ за недоимки послѣднюю пару воловъ со двора уводятъ. Только и вздохнули при герцогѣ Валентино—пошли ему Господь здоровья!

— Тоже и суды,—продолжалъ купецъ. — Бывало, таскають, таскають—всю душу вымотають. А теперь мигомъ рѣшатъ, такъ что скорѣе не надо.

— Сироту защитилъ, вдовицу утѣшилъ, — прибавилъ монахъ.

— Жалѣеть, что говорить, жалѣеть народъ!

— Никому въ обиду не дасть!

— О, Господи, Господи!—всхлипывая отъ умиленія, залепетала дряхлая старушка-нищенка.—Отецъ ты нашъ, благодѣтель, кормилецъ, сохрани тебя Матерь Царица Небесная, солнышко наше ясное!..

— Слышите, слышите? — шепнулъ Макиавелли на ухо спутнику. — Гласъ народа — гласъ Божій! Я всегда говорилъ: надо быть въ долинѣ, чтобы видѣть горы — надо быть съ народомъ, чтобы знать государя. Вотъ куда привель бы я тѣхъ, кто считаютъ герцога извергомъ! Утаилъ сіе отъ премудрыхъ, неразумнымъ открылъ.

Зазвучала военная музыка. Толпа заволновалась.

— Онъ... Онъ... Ёдетъ... Смотрите...

Приподымались на цыпочки, вытягивали шеи. Изъ оконъ высовывались любопытныя головы. Молодая дѣвушка и женщины съ влюбленными глазами выбѣгали на балконы и лоджии, чтобы видѣть героя—«Цезаря бѣлокураго, прекраснаго»—«Cesare biondo e bello». Это было рѣдкое счастье, ибо герцогъ почти никогда не показывался народу.

Впереди шли музыканты съ оглушительно-звонкимъ бряцаніемъ литавровъ, сопровождавшимъ тяжелую поступь солдатъ. За ними романьольская гвардія герцога—все отборныя молодые красавцы, съ трехлоктевыми алебардами, въ желѣзныхъ шлемахъ и панцыряхъ, въ двухцвѣтной одеждѣ: правая половина желтая, лѣвая—красная. Никколó налюбоваться не могъ истинно-древнею римскою стройностью этого войска, созданнаго Цезаремъ. За гвардіей выступали пажы и стрелянные, въ одеждахъ невиданной роскоши—въ камзолахъ золотой парчи, въ накидкахъ пунцоваго бархата, съ вытканными золотомъ листьями папоротника; ножны и пояса мечей—изъ змѣиной чешуи съ пряжками, изображавшими семь головъ ехидны, мечущихъ къ небу свой ядъ,—знаменья Борджіа. На груди выткано было серебромъ по черному шелку: «Caesar». Далѣе—тѣлохранители герцога, албанскіе страдіоты въ зеленыхъ турецкихъ чалмахъ, съ кривыми ятаганамы. Маэстро-дель-кампо—начальникъ лагеря, Бартоломео Капраника несъ поднятый вверхъ, обнаженный мечъ Знаменоносца Римской Церкви. За нимъ, на черномъ берберійскомъ жеребцѣ съ брилліантовымъ солнцемъ въ челкѣ, ѣхалъ самъ повелитель Романьи, Цезарь Борджіа, герцогъ Валентино, въ блѣдно-лазоревои шелковой мантии, съ бѣлыми жемчужными лиліями Франціи, въ гладкихъ, какъ зеркало, бронзовыхъ латахъ, съ разинутою львиною пастью на панцырѣ, въ шлемѣ, изображавшемъ морское чудовище или дракона, съ колючими перьями, крыльями и плавниками изъ кованой, тонкой, при каждомъ движеніи звонко-трепещущейся мѣди.

Лицо Валентино—ему было двадцать шесть лѣтъ—похудѣло и осунулось съ тѣхъ поръ, какъ Леонардо увидѣлъ его впервые при дворѣ Людовика XII въ Миланѣ. Черты сдѣлались рѣзче. Глаза съ черно-синимъ блескомъ вороненой стали—тверже и непроницаемѣе. Бѣлокурыя волосы, все еще густые, и раздвоенная борода потемнѣли. Удлинившійся носъ напоминалъ клювъ хищной птицы. Но совершенная ясность, какъ прежде, царила въ этомъ безстрастномъ лицѣ. Только теперь въ немъ было выраженіе еще бо-

лѣе стремительной отваги и ужасающей остроты, какъ въ обнаженномъ отточенномъ лезвѣе.

За герцогомъ слѣдовала артиллерія, лучшая во всей Италіи—тонкіе мѣдные кулеврины, фальконеты, черботаны, толстыя чугунныя мортиры, стрѣлявшія каменными ядрами. Запряженные волами, катились онѣ съ глухимъ, потрясающимъ гуломъ и грохотомъ, который сливался со звуками трубъ и литавровъ. Въ багровыхъ лучахъ заходящаго солнца, пушки, панцири, шлемы, копыя вспыхивали молніями, и казалось, Цезарь ѣхалъ въ царственномъ пурпурѣ зимняго вечера, какъ триумфаторъ, прямо къ этому огромному, низкому и кровавому солнцу.

Толпа смотрѣла на героя, молча, затаивъ дыханіе, желая и не смѣя привѣтствовать его криками, въ благоговѣннѣи, подобномъ ужасу. Слезы текли по щекамъ старой нищенки.

— Святые угодники!.. Матерь Пречистая! — лепетала она, крестясь. — Привелъ-таки Господь увидѣть свѣтлое личико твое, солнышко ты наше красное!..

И сверкающій мечъ, врученный папою Цезарю для защиты церкви Господней, казался ей огненнымъ мечомъ самого архангела Михаила.

Леонардо невольно усмѣхнулся, замѣтивъ одинаковое выраженіе простодушнаго восторга въ лицѣ Никколó и полоумной нищенки.

VIII.

Вернувшись домой, художникъ нашель подписанное главнымъ секретаремъ герцога, Агапито, приказаніе на слѣдующій день явиться къ его высочеству.

Лучіо, который, продолжая путь въ Анкону, остановился отдохнуть въ городѣ Фано и долженъ былъ выѣхать утромъ, пришелъ къ нимъ проститься. Никколó заговорилъ о казни Рамира ди-Лорква. Лучіо спросилъ его, что думать онъ о дѣйствительной причинѣ этой казни.

— Угадывать причины дѣйствій такого государя, какъ Цезарь, трудно, почти невозможно, — возразилъ Макіа-

велли.—Но ежели угодно вамъ знать, что я думаю,—извольте. До завоеванія герцогомъ, Романья, какъ вамъ извѣстно, находясь подъ игомъ множества отдѣльныхъ ничтожныхъ тирановъ, полна была буйствами, грабежами и насиліями. Цезарь, чтобы положить имъ сразу конецъ, назначилъ главнымъ намѣстникомъ умнаго и вѣрнаго слугу своего, дона Рамиро ди-Лорква. Лютыми казнями, пробудившими въ народѣ спасительный страхъ передъ закономъ, въ короткое время прекратилъ онъ безпорядокъ и водворилъ совершенное спокойствіе въ странѣ. Когда же государь увидѣлъ, что цѣль достигнута, то рѣшилъ истребить орудіе жестокости своей: велѣлъ схватить намѣстника подъ предлогомъ лихоимства, казнить и выставить на площади трупъ. Это ужасное зрѣлище въ одно и то же время удовлетворило и оглушило народъ. А герцогъ извлекъ три выгоды изъ дѣйствія, полного глубокою и достойною подражанія мудростью: во-первыхъ, съ корнемъ вырвалъ плевелы раздоровъ, посѣянные въ Романьѣ прежними слабыми тиранами; во-вторыхъ, увѣривъ народъ, будто бы жестокости совершены были безъ вѣдома государя, умывъ руки во всемъ и сваливъ бремя отвѣтственности на голову намѣстника, воспользовался добрыми плодами его свирѣпости; въ-третьихъ, принося въ жертву народу своего любимаго слугу, явилъ образецъ высокой и неподкупной справедливости.

Онъ говорилъ спокойнымъ, тихимъ голосомъ, сохраняя безстрастную неподвижность въ лицѣ, какъ будто излагалъ выводы отвлеченной математики; только въ самой глубинѣ глазъ дрожала, то потухая, то вспыхивая, искра шаловливой, дерзкой, почти школьнически-задорной веселости.

— Хороша справедливость, нечего сказать! — воскликнулъ Лучіо.—Да вѣдь изъ вашихъ словъ, мессэръ Никколô, выходитъ, что это мнимое правосудіе—величайшая гнусность!

Секретарь Флоренціи опустилъ глаза, стараясь потушить ихъ рѣзвый огонь.

— Можетъ-быть,—прибавилъ онъ холодно,—очень можетъ быть, мессэре; но что же изъ того?

— Какъ, что изъ того? Неужели гнусность считаете вы достойною подражанія, государственною мудростью?

Макиавелли пожалъ плечами.

— Молодой человѣкъ, когда вы приобретете нѣкоторую опытность въ политикѣ, то сами увидите, что между тѣмъ, какъ люди поступаютъ, и тѣмъ, какъ должно поступать, такая разница, что забывать ее значить обрекать себя на вѣрную гибель, ибо всѣ люди по природѣ своей злы и порочны, ежели выгода или страхъ не принуждаетъ ихъ къ добродѣтели. Вотъ почему, говорю я, государь, чтобы избѣгнуть гибели, долженъ прежде всего научиться искусству казаться добродѣтельнымъ, но быть или не быть имъ, смотря по нуждѣ, не страшась укоровъ совѣсти за тѣ тайные пороки, безъ коихъ сохраненіе власти невозможно, ибо, съ точностью изслѣдуя природу зла и добра, приходишь къ заключенію, что многое кажущееся доблестью уничтожаетъ, а кажущееся порокомъ возвеличиваетъ власть государей.

— Помилуйте, мессэръ Никколó!—возмутился, наконецъ, Лучіо.— Да вѣдь если такъ разсуждать, то все позволено, нѣтъ такого злодѣйства и низости, которыхъ бы нельзя оправдать...

— Да, все позволено, — еще холоднѣе и тише произнесъ Никколó, и, какъ бы углубляя значеніе этихъ словъ, поднялъ руку и повторилъ: — все позволено тому, кто хочетъ и можетъ властвовать!

— Итакъ,—продолжалъ онъ,—возвращаясь къ тому, съ чего мы начали, я заключаю, что герцога Валентино, объединившій Романью при помощи дона Рамиро, прекратившій въ ней грабежи и насилія — не только разумнѣе, но и милосерднѣе въ своей жестокости, чѣмъ, на примѣръ, флорентинцы, допускающіе постоянные мятежи и буйства въ подчиненныхъ имъ земляхъ, ибо лучше жестокость, поражающая немногихъ, чѣмъ милосердіе, отъ котораго гибнуть въ мятежахъ народы.

— Позвольте, однако,—видимо запуганный и ошеломленный, спохватился Лучіо.—Какъ же такъ? Развѣ не было

великихъ государей, чуждыхъ всякой жестокости? Ну, хотя бы императоръ Антонинъ или Маркъ Аврелій—да мало ли другихъ въ лѣтописяхъ древнихъ и новыхъ народовъ?..

— Не забывайте, мессэре, — возразилъ Никколó, — что я пока имѣлъ въ виду не столько наслѣдственныя, сколько завоеванныя монархіи, не столько сохраненіе, сколько пріобрѣтеніе власти. Конечно, императоры Антонинъ и Маркъ Аврелій могли быть милосердными безъ особеннаго вреда для государства, потому что въ прошлые вѣка совершенно было достаточно свирѣпыхъ и кровавыхъ дѣяній. Вспомните только, что при основаніи Рима одинъ изъ братьевъ, вскормленныхъ волчицею, умертвилъ другого—злодѣяніе ужасное,—но, съ другой стороны, какъ знать, если бы не совершилось братоубійство, необходимое для установленія единодержавія—существовалъ ли бы Римъ, не погибъ ли бы онъ среди неизбѣжныхъ раздоровъ двоевластія? И кто посмѣетъ рѣшить, какая чаша вѣсовъ перевѣситъ, если на одну положить братоубійство, на другую — всѣ добродѣтели и мудрость Вѣчнаго Города? Конечно, слѣдуетъ предпочитать самую темную долю величію царей, основанному на подобныхъ злодѣяніяхъ. Но тотъ, кто разъ покинулъ путь добра, долженъ, если не хочетъ погибнуть, вступить на эту роковую стезю безъ возврата, чтобы итти по ней до конца, ибо люди мстятъ только за малыя и среднія обиды, тогда какъ великія отнимаютъ у нихъ силы для мщенія. Вотъ почему государь можетъ причинять своимъ подданнымъ только безмѣрныя обиды, воздерживаясь отъ малыхъ и среднихъ. Но большею частью, выбирая именно этотъ средній путь между зломъ и добромъ, самый пагубный, люди не смѣютъ быть ни добрыми, ни злыми до конца. Когда злодѣйство требуетъ величія духа, они отступаютъ передъ нимъ и съ естественною легкостью совершаютъ только обычныя подлости.

— Волосы дыбомъ встаютъ отъ того, что вы говорите, мессэръ Никколó!—ужаснулся Лучіо, и такъ какъ свѣтское чувство подсказывало ему, что всего приличнѣе отдѣлаться шуткою, прибавилъ, стараясь улыбнуться:

— Впрочемъ, воля ваша, я все-таки представить себѣ не могу, чтобы вы въ самомъ дѣлѣ думали такъ. Мнѣ кажется невѣроятнымъ...

— Совершенная истина почти всегда кажется невѣроятною,—прервалъ его Макиавелли сухо.

Леонардо, внимательно слушавшій, давно уже замѣтилъ, что, притворяясь равнодушнымъ, Никколó бросалъ на собесѣдника украдкою испытующіе взоры, какъ бы желая измѣрить силу впечатлѣнія, которое производятъ мысли его,—удивляетъ ли, пугаетъ ли новизна ихъ и необычайность? Въ этихъ косвенныхъ, неувѣренныхъ взорахъ было тщеславіе. Художникъ чувствовалъ, что Макиавелли не владетъ собою, и что умъ его, при всей своей остротѣ и тонкости, не обладаетъ спокойною побѣждающей силой. Изъ нежеланія думать, какъ всѣ, изъ ненависти къ общимъ мѣстамъ, впадалъ онъ въ противоположную крайность—въ преувеличеніе, въ погоню за рѣдкими, хотя бы неполными, но, во что бы то ни стало, поражающими истинами. Онъ игралъ неслыханными сочетаніями противорѣчивыхъ словъ—напримѣръ, *добродѣтель* и *свирѣпость*, какъ фокусникъ играетъ обнаженными шпагами, съ безстрашною ловкостью. У него была цѣлая оружейная палата этихъ отточенныхъ, блестящихъ, соблазнительныхъ и страшныхъ полуистинъ, которыми онъ металъ, словно ядовитыми стрѣлами, во враговъ своихъ, подобныхъ мессэру Лучіо,—людей толпы, мѣщански-благопристойныхъ и здравомыслящихъ. Онъ мстилъ имъ за ихъ торжествующую пошлость, за свое непонятое превосходство, кололъ, язвилъ—но не убивалъ, даже не панилъ.

И художнику вспомнилось вдругъ его собственное чудовище, которое нѣкогда изобразилъ онъ на деревянномъ щитѣ—ротеллѣ, по заказу Сэръ-Пьеро да-Винчи, создавъ его изъ разныхъ частей отвратительныхъ гадовъ. Не образовалъ ли и мессэръ Никколó такъ же безцѣльно и безкорыстно своего богоподобнаго изверга, не существующаго и невозможнаго Государя, противоестественное и плѣнительное чудовище, голову Медузы—на страхъ толпѣ?

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ этою безопасною прихотью и шалостью воображенія, подъ безстрастіемъ художника, Леонардо угадывалъ въ немъ дѣйствительно великое страданіе—какъ будто фокусникъ, играя мечами, нарочно рѣзалъ себя до крови: въ прославленіи чужихъ жестокостей была жестокость къ самому себѣ.

«Не изъ тѣхъ ли онъ жалкихъ больныхъ, которые ищутъ утоленія боли, растравляя собственныя раны?» думалъ Леонардо.

И все-таки послѣдней тайны этого темнаго, сложнаго, столь близкаго и чуждаго сердца онъ еще не зналъ.

Въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на Макиавелли съ глубокимъ любопытствомъ, мессэръ Лучіо беспомощно, какъ въ нелѣпомъ снѣ, боролся съ призрачною головою Медузы.

— Что жъ? Я спорить не буду,—отступалъ онъ въ послѣднюю твердыню здраваго смысла.—Можетъ-быть, есть нѣкоторая доля правды въ томъ, что говорите вы о необходимой жестокости государей, если примѣнить это къ великимъ людямъ прошедшихъ вѣковъ. Имъ простится многое, потому что добродѣтель и подвиги ихъ выше всякой мѣры. Но помилуйте, мессэръ Никколó, при чемъ же тутъ герцогъ Романьи? *Quod licet Jovi, non licet bovi*. Что позволено Александру Великому и Юлію Цезарю, позволено ли Александру VI и Цезарю Борджіа, о которомъ пока вѣдь еще не извѣстно, что онъ такое—Цезарь или ничто? Я, по крайней мѣрѣ, думаю, и со мною всѣ согласятся...

— О, конечно, съ вами всѣ согласятся!—уже явно теряя самообладаніе, перебилъ Никколó.—Только это еще не доказательство, мессэръ Лучіо! Истина обитаетъ не на большихъ дорогахъ, по которымъ ходятъ всѣ. А чтобы кончить споръ, вотъ вамъ послѣднее слово мое: наблюдая дѣйствія Цезаря, я нахожу ихъ совершенными и полагаю, что тѣмъ, кто пріобрѣтаетъ власть оружіемъ и удачей, можно указать на него, какъ на лучший образецъ для подражанія. Такая свирѣпость съ такою добродѣтелью соединились въ немъ, онъ такъ умѣетъ ласкать и уничтожать людей, такъ прочны основанія власти, заложенные имъ въ столь короткое время, что уже и теперь

это—самодержецъ, единственный въ Италіи, можетъ-быть, въ Европѣ, а что ожидаетъ его въ будущемъ, и представить себѣ трудно...

Голосъ его дрожалъ. Красныя пятна выступили на впалыхъ щекахъ. Глаза горѣли какъ въ лихорадкѣ. Онъ былъ похожъ на ясновидящаго. Изъ-подъ насмѣшливой маски циника выглядывало лицо бывшего ученика Савонаролы.

Но только что Лучіо, утомленный споромъ, предложилъ заключить мировую двумя, тремя бутылками въ сосѣдномъ погребкѣ,—ясновидецъ исчезъ.

— Знаете ли что?—возразилъ Никколó,—пойдемте-ка лучше въ другое мѣстечко. У меня на это нюхъ собачій! Здѣсь нынче, полагаю, должны быть прехорошенькія дѣвочки...

— Ну, какія могутъ быть дѣвочки въ этомъ дрянномъ городишкѣ?—усомнился Лучіо.

— Послушайте, молодой человекъ,—остановилъ его секретарь Флоренціи съ важностью,—никогда не брезгайте дрянными городишками. Боже васъ упаси! Въ этихъ самыхъ грязненькихъ предмѣстьяхъ, въ темненькихъ переулочкахъ можно иногда такое откопать, что пальчики оближешь!..

Лучіо развязно потрепалъ Макиавелли по плечу и назвалъ его шалуномъ.

— Темно, — отнѣкивался онъ, — да и холодно, замерзнемъ...

— Фонари возьмемъ, — настаивалъ Никколó, — шубы надѣнемъ, капли на лицо. По крайней мѣрѣ, никто не узнаетъ. Въ такихъ похиженіяхъ, чѣмъ таинственнѣе, тѣмъ пріятнѣе.—Мессэръ Леонардо, вы съ нами?

Художникъ отказался.

Онъ не любилъ обычныхъ грубыхъ мужскихъ разговоровъ о женщинахъ, избѣгалъ ихъ съ чувствомъ непреодолимой стыдливости. Этотъ пятидесятилѣтній человекъ, безрепетный испытатель тайнъ природы, провожавшій людей на смертную казнь, чтобы слѣдить за выраженіемъ послѣдняго ужаса въ лицахъ, иногда терялся отъ легкомысленной шутки, не зналъ, куда дѣвать глаза и краснѣлъ какъ мальчикъ.

Никколó увлекъ мессэра Лучіо.

IX.

На слѣдующій день рано утромъ пришелъ изъ дворца камерьере узнать, доволенъ ли главный герцогскій строитель отведеннымъ ему помѣщеніемъ, не терпитъ ли недостатка въ городѣ, переполненномъ такимъ множествомъ иностранцевъ, и передалъ ему съ привѣтствіемъ герцога подарокъ, состоявшій, по гостепріимному обычаю тѣхъ временъ, изъ хозяйственныхъ припасовъ—куля съ мукою, боченка съ виномъ, бараньей туши, восьми паръ каплуновъ и куръ, двухъ большихъ факеловъ, трехъ пачекъ восковыхъ свѣчей и двухъ ящичковъ конфетти. Видя вниманіе Цезаря къ Леонардо, Никколó попросилъ его замолвить за него словечко у герцога—выхлопотать ему свиданіе.

Въ одиннадцать часовъ ночи, обычное время приѣма у Цезаря, отправились они во дворець.

Образъ жизни герцога былъ страненъ. Когда однажды феррарскіе послы жаловались папѣ на то, что не могутъ добиться приѣма у Цезаря, его святѣйшество отвѣтилъ имъ, что онъ и самъ недоволенъ поведеніемъ сына, который обращаетъ день въ ночь, и по два, по три мѣсяца откладываетъ дѣловыя свиданія.

Время его распредѣлялось такъ: лѣтомъ и зимою ложился онъ спать въ четыре или пять часовъ утра, въ три пополудни для него только что брезжила утренняя заря, въ четыре вставало солнце, въ пять вечера онъ одѣвался, тотчасъ обѣдалъ, иногда лежа въ постели,—во время обѣда и послѣ занимался дѣлами. Всю свою жизнь окружалъ тайною непроницаемой, не только по естественной скрытности, но и по расчету. Изъ дворца выѣзжалъ рѣдко, почти всегда въ маскѣ. Народу показывался во дни великихъ торжествъ, войску—во время сраженія, въ минуты крайней опасности. Зато каждое изъ его явленій было поражающимъ, какъ явленіе полубога: онъ любилъ и умѣлъ удивлять.

О щедрости его ходили слухи невѣроятные. На содержаніе Главнаго Капитана Церкви не хватало золота, непрерывно стекавшася въ казну св. Петра со всего христіанскаго міра. Послы увѣряли государей, будто бы онъ тратитъ не менѣе тысячи восьмисотъ дукатовъ въ день. Когда Цезарь проѣзжалъ по улицамъ городовъ, толпа бѣжала за нимъ, зная, что онъ подковываетъ лошадей своихъ особыми, легко спадающими серебряными подковами, чтобы нарочно терять ихъ по пути, въ подарокъ народу.

Чудеса рассказывали и о тѣлесной силѣ его: однажды, будто бы, въ Римѣ, во время боя быковъ, юный Цезарь, бывшій тогда кардиналомъ Валенцы, разрубилъ черепъ быку ударомъ палаша. Въ послѣдніе годы французская болѣзнь только потрясла, но не сокрушила его здоровья. Пальцами прекрасной, женственной тонкой руки гнулъ онъ лошадиныя подковы, скручивалъ желѣзные прутья, разрывалъ корабельные канаты. Недоступнаго собственнымъ вельможамъ и посламъ великихъ державъ, можно было видѣть его на холмахъ въ окрестностяхъ Чезены, присутствующимъ на кулачныхъ бояхъ полудикихъ горныхъ пастуховъ Романьи. Порою и самъ принималъ онъ участіе въ этихъ играхъ.

Въ то же время—совершенный кавальери, законодатель свѣтскихъ модъ. Однажды ночью, въ день свадьбы сестры своей, мадонны Лукреціи, покинувъ осаду крѣпости, прямо изъ лагеря, прискакалъ во дворецъ жениха, Альфонса д'Эсте, герцога Феррарскаго; никѣмъ не узнаанный, весь въ черномъ бархатѣ, въ черной маскѣ, прошелъ толпу гостей, поклонился, и, когда они разступились передъ нимъ, одинъ, подъ звуки музыки, началъ пляску, и сдѣлалъ нѣсколько круговъ по залѣ съ такимъ изяществомъ, что тотчасъ все его узнали. «Цезарь! Цезарь! Единственный Цезарь!» пронесся восторженный шопотъ въ толпѣ. Не обращая вниманія на гостей и хозяина, онъ отвелъ невѣсту въ сторону и, наклонившись, сталъ что-то шептать ей на ухо. Лукреція потупила глаза, вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, какъ полотно, и сдѣлалась еще прекраснѣе, вся нѣжная, блѣдная, какъ жемчужина, быть-можетъ, невинная, но слабая, безко-

нечно-покорная страшной волѣ брата, покорная, какъ увѣ-
ряли, даже до кровосмѣшенія.

Онъ заботился объ одномъ: чтобы не было явныхъ уликъ. Можетъ-быть, молва преувеличивала злодѣянія герцога, можетъ-быть, дѣйствительность была еще ужаснѣе молвы. Во всякомъ случаѣ, онъ умѣлъ прятать концы въ воду.

Х.

Дворцомъ его высочеству служила старинная готическая ратуша Фано.

Пройдя черезъ большую, унылую и холодную залу, общую пріемную для менѣ знатныхъ посѣтителей, Леонардо и Макиавелли вступили въ маленькій внутренній покой, должно-быть, нѣкогда часовню, съ цвѣтными стеклами въ стрѣльчатыхъ окнахъ, высокими сѣдалищами церковнаго хора, гдѣ въ тонкой дубовой рѣзбѣ изображены были двѣнадцать апостоловъ и учителя первыхъ вѣковъ христіанства. Въ увядшей фрескѣ на потолкѣ, среди облаковъ и ангеловъ, рѣялъ голубь Духа Святого. Здѣсь находились приближенные. Разговаривали полушопотомъ: близость государя чувствовалась черезъ стѣны.

Плѣшивый старичокъ, злополучный посоль Римини, уже третій мѣсяць дожидавшійся свиданія съ герцогомъ, видимо усталый отъ многихъ бессонныхъ ночей, дремалъ въ углу на церковномъ сѣдалищѣ.

Иногда дверь пріотворялась, секретарь Агапито, съ озабоченнымъ видомъ, съ очками на носу и перомъ за ухомъ, просовывалъ голову и приглашалъ къ его высочеству когонибудь изъ присутствовавшихъ.

При каждомъ его появленіи посоль Римини болѣзненно вздрагивалъ, приподымался, но, видя, что очередь не за нимъ, тяжело вздыхалъ и опять погружался въ дремоту, подъ звукъ аптекарскаго пестика въ мѣдной ступѣ.

За неимѣніемъ другихъ удобныхъ комнатъ въ тѣсной ратушѣ, часовня превращена была въ походную аптеку. Передъ окномъ, гдѣ было мѣсто алтаря, на столѣ, загро-

можденномъ бутылками, колбами и банками врачебной лабораторіи, епископъ Санта-Джюста, Гаспаре Торелла, главный врачъ—архіартось его святѣйшества папы и Цезаря, приготавливалъ недавно вошедшее въ моду лѣкарство отъ «французской болѣзни»—сифилиса, настойку изъ такъ называемаго «святого дерева»—*гвайяко*, привозимаго съ ново-открытыхъ Колумбомъ полуденныхъ острововъ. Растирая въ красивыхъ рукахъ остро-пахучую, шафранно-желтую сердцевину гвайяко, слипавшуюся въ жирные комки, врачъ-епископъ объяснялъ съ любезною улыбкою природу и свойства цѣлительнаго дерева.

Всѣ слушали съ любопытствомъ: многіе изъ присутствовавшихъ знали по опыту страшную болѣзнь.

— И откуда только взялась она?—въ горестномъ недоумѣніи покачивалъ головою кардиналъ Санта-Бальбина.

— Испанскіе жида и мавры, говорятъ, занесли,—молвилъ епископъ Эльна.—Теперь, какъ издали законы противъ богохульниковъ,—еще, слава Богу, поутихла. А лѣтъ пять, шесть назадъ—не только люди, но и животныя, лошади, свиньи, собаки заболѣвали, даже деревья и хлѣба на поляхъ.

Врачъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы французскою болѣзнью могли заболѣвать пшеница и овесъ.

— Покаралъ Господь,—сокрушенно вздохнулъ епископъ Трани,—за грѣхи послалъ намъ бичъ гнѣва Своего!

Собесѣдники умолкли. Раздавался лишь мѣрный звонъ пестика въ ступѣ, и казалось, что учителя первыхъ вѣковъ христіанства, изображенные въ хорахъ по стѣнамъ, съ удивленіемъ внимаютъ этой странной бесѣдѣ новыхъ пастырей церкви Господней. Въ часовнѣ, озаренной мерцающимъ свѣтомъ аптекарской лампочки, гдѣ удушливый камфарный запахъ лѣкарственнаго дерева смѣшивался съ едва уловимымъ благоуханіемъ прежняго ладана, собраніе римскихъ прелатовъ какъ будто совершало тайное священнодѣйствіе.

— Монсиньоре,—обратился къ врачу герцогскій астрологъ Вальгуліо,—правда ли, будто бы эта болѣзнь передается черезъ воздухъ?

Врачъ сомнительно пожалъ плечами.

— Конечно, черезъ воздухъ!—подтвердилъ Макиавелли съ лукавой усмѣшкой.—Какъ же иначе могла бы она распространиться не только въ мужскихъ, но и въ женскихъ обителяхъ.

Всѣ усмѣхнулись.

Одинъ изъ придворныхъ поэтовъ, Баттисто Орфино, торжественно, какъ молитву, прочелъ посвященіе герцогу новой книги епископа Тореллы о французской болѣзни, гдѣ онъ, между прочимъ, увѣряя, будто бы Цезарь добродѣтелями своими затмилъ великихъ древнихъ мужей: Брута—справедливостью, Деція—постоянствомъ, Сципіона—воздержаніемъ, Марка Регула—вѣрностью и Павла Эмилиа—великодушіемъ, прославлялъ Знаменосца Римской Церкви какъ основателя ртутнаго лѣченія.

Во время этой бесѣды секретарь Флоренціи, отводя то одного, то другого придворнаго въ сторону, ловко разспрашивалъ ихъ о предстоящей политикѣ Цезаря, выпытывалъ, выслѣживалъ и нюхалъ воздухъ, какъ ищейка. Подошелъ и къ Леонардо, и, опустивъ голову на грудь, приложивъ указательный палецъ къ губамъ, поглядывая на него исподлобья, проговорилъ нѣсколько разъ въ глубокой задумчивости.

— Съѣмъ артишокъ... съѣмъ артишокъ...

— Какой артишокъ?—удивился художникъ.

— Въ томъ-то и штука—какой артишокъ?.. Недавно герцогъ загадалъ загадку посланнику Феррары, Пандольфо Коленуччіо: я, говоритъ, съѣмъ артишокъ, листь за листомъ. Можетъ-быть, это означаетъ союзъ враговъ его, которыхъ онъ, раздѣливъ, уничтожитъ, а можетъ-быть, и что-нибудь совсѣмъ другое. Вотъ уже цѣлый часъ ломаю голову!

И, наклонившись къ уху Леонардо, прошепталъ:

— Тутъ все загадки да ловушки! О всякомъ вздорѣ болтають, а только что заговоришь о дѣлѣ—нѣмѣютъ, какъ рыбы или монахи за ѣдою. Ну, да меня не проведешь! Я чую—что-то у нихъ готовится. Но что именно? Что? Вѣрите ли, мессэре,—душу заложилъ бы дьяволу, только бы знать, что именно!

И глаза у него заблестѣли, какъ у отчаяннаго игрока.

Изъ пріотворенной двери высунулась голова Агапито. Онъ сдѣлалъ знакъ художнику.

Черезъ длинный, полутемный ходъ, занятый тѣлохранителями—албанскими страдіотами, вступилъ Леонардо въ опочивальню герцога, уютный покой съ шелковыми коврами по стѣнамъ, на которыхъ выткана была охота за единорогомъ,—съ лѣпною работою на потолкѣ, изображавшею басню о любви царицы Пазифаи къ быку. Этотъ быкъ, багряный или золотой телець, геральдическій звѣрь дома Борджіа, повторялся во всѣхъ украшеніяхъ комнаты, вмѣстѣ съ папскими трехвѣчными тіарами и ключами св. Петра.

Въ комнатѣ было жарко натоплено: врачи совѣтовали больнымъ послѣ ртутнаго втиранія беречься сквозняка, грѣясь на солнцѣ или у огня. Въ мраморномъ очагѣ пылалъ благовонный можжевельникъ; въ лампадахъ горѣло масло съ примѣсью фіалковыхъ духовъ: Цезарь любилъ ароматы.

По обыкновенію, лежалъ онъ, одѣтый, на низкомъ ложѣ безъ полога, по срединѣ комнаты. Только два положенія тѣла были ему свойственны: или въ постели, или верхомъ. Неподвижный, безстрастный, облокотившись на подушки, слѣдилъ онъ, какъ двое придворныхъ играютъ въ шахматы, рядомъ съ постелью, на яшмовомъ столикѣ, и слушалъ докладъ секретаря: Цезарь обладалъ способностью раздѣлять вниманіе на нѣсколько предметовъ сразу. Погруженный въ задумчивость, медленнымъ, однообразнымъ движеніемъ перекачивалъ онъ изъ одной руки въ другую золотой шаръ, наполненный благоуханіями, съ которымъ никогда не разставался, такъ же какъ со своимъ дамасскимъ кинжаломъ.

XI.

Онъ принялъ Леонардо со свойственной ему очаровательной любезностью. Не позволяя преклонить колѣно, дружески пожалъ художнику руку и усадилъ его въ кресло.

Пригласилъ его, чтобы посовѣтоваться о планахъ Браманте для новаго монастыря въ городѣ Имолѣ, такъ назы-

ваемой *Валентины*, съ богатою часовнею, больницею и страннопріимнымъ домомъ. Цезарь желалъ сдѣлать эти благотворительныя учрежденія памятникомъ своего христіанскаго милосердія.

Послѣ чертежей Браманте показаль ему новые, только что вырѣзанные образчики буквъ для печатнаго станка Иеронимо Сончино, въ городѣ Фано, которому покровительствовавь, заботясь о процвѣтаніи искусствъ и наукъ въ Романьи.

Агапито представиль государю собраніе хвалебныхъ гимновъ придворнаго поэта Франческо Уберти. Его высокочество благосклонно приняль ихъ и велѣль щедро наградить поэта.

Затѣмъ, такъ какъ онъ требоваль, чтобы ему представляли не только хвалебные гимны, но и сатиры, секретарь подалъ ему эпиграмму неополитанскаго поэта Манчіони, схваченнаго въ Римѣ и посаженнаго въ тюрьму св. Ангела—сонеть, полный жестокою бранью, гдѣ Цезарь назывался лошакомъ, отродіемъ блудницы и папы, возсѣдающаго на престолѣ, которымъ нѣкогда владѣль Христось, нынѣ же владѣеть сатана,—туркомъ, обрѣзанцемъ, кардиналомъ—разстригою, кровосмѣсителемъ, братоубійцею и богоотступникомъ.

«Чего ты ждешь, о Боже терпѣливый,—восклицаль поэтъ,—или не видишь, что святую церковь онъ въ стойло муловъ обратиль и въ непотребный домъ?»

— Какъ прикажете поступить съ негодеемъ, ваше высокочество?—спросиль Агапито.

— Оставь до моего возвращенія,—тихо молвилъ герцогъ.—Я съ нимъ самъ расправлюсь.

Потомъ прибавиль еще тише:

— Я сумѣю научить писателей вѣжливости.

Извѣстенъ былъ способъ, которымъ Цезарь «училь писателей вѣжливости»: за менѣ тяжкія обиды отрубаль имъ руки и прокалываль языки раскаленнымъ желѣзомъ.

Кончивъ докладъ, секретарь удалился.

Къ Цезарю подошелъ главный придворный астрологъ Вальгуліо съ новымъ гороскопомъ. Герцогъ выслушалъ его

внимательно, почти благоговѣйно, ибо вѣрилъ въ неизбежность рока, въ могущество звѣздъ. Между прочимъ, объяснилъ Вальгуліо, что послѣдній припадокъ французской болѣзни у герцога зависѣлъ отъ дурного дѣйствія сухой планеты Марсъ, вступившей въ знакъ влажнаго Скорпіона; но только что соединится Марсъ съ Венерою, при восходящемъ Тельцѣ,—болѣзнь пройдетъ сама собою. Затѣмъ посоветоваль, въ случаѣ если его высочество намѣренъ предпринять какое-либо важное дѣйствіе, выбрать 31 число декабря, послѣ полудня, такъ какъ соединеніе свѣтилъ въ этотъ день знаменуетъ счастье Цезаря. И, поднявъ указательный палецъ, наклонившись къ уху герцога, молвилъ онъ трижды таинственнымъ шопотомъ:

— Сдѣлай такъ! Сдѣлай такъ! Сдѣлай такъ!

Цезарь потупилъ глаза и ничего не отвѣтилъ. Но художнику показалось, что по лицу его промелькнула тѣнь.

Движеніемъ руки отпустивъ звѣздочета, обратился онъ снова къ придворному строителю.

Леонардо разложилъ передъ нимъ военные чертежи и карты. Это были не только изслѣдованія ученаго, объяснявшія строеніе почвы, теченіе воды, преграды, образуемая горными цѣпями, исходы рѣкъ, открываемые долинами, но и произведенія великаго художника — картины мѣстностей, какъ бы снятыя съ высоты птичьяго полета. Море обозначено было синею краскою, горы — коричневою, рѣки — голубою, города темно-алюю, луга — блѣдно-зеленою; и съ безконечнымъ совершенствомъ исполнена каждая подробность — площади, улицы, башни городовъ, такъ что ихъ сразу можно было узнать, не читая названій, приписанныхъ сбоку. Казалось, будто бы леишь надъ землею и съ головокругительной высоты видишь у ногъ своихъ необозримую даль. Съ особеннымъ вниманіемъ разсматриваль Цезарь карту мѣстности, ограниченной съ юга озеромъ Больсенскимъ, съ сѣвера — долиною рѣчки, впадающей въ Арно, Валь д'Эмою, съ запада — Ареццо и Перуджіей, съ востока — Сиеною и приморскою областью. Это было сердце Италіи, родина Леонардо, земля Флоренціи, о

которой герцогъ давно уже мечталъ, какъ о самой лако-
мой добычѣ.

Углубленный въ созерцаніе, наслаждался Цезарь этимъ чувствомъ полета. Словами не сумѣлъ бы онъ выразить того, что испытывалъ, но ему казалось, что онъ и Леонардо понимаютъ другъ друга, что они—сообщники. Онъ смутно угадывалъ великую новую власть надъ людьми, которую можетъ дать наука, и хотѣлъ для себя этой власти, этихъ крыльевъ для побѣдоноснаго полета. Наконецъ поднялъ глаза на художника и пожалъ ему руку съ обворожительно-любезною улыбкою:

— Благодарю тебя, мой Леонардо! Служи мнѣ, какъ до сихъ поръ служилъ, и я сумѣю тебя наградить.

— Хорошо ли тебѣ? — прибавилъ заботливо. — Доволенъ ли жалованьемъ? Можетъ-быть, есть у тебя какое-либо желаніе? Ты знаешь, я радъ исполнить всякую просьбу твою.

Леонардо, пользуясь случаемъ, замолвилъ слово за мессера Никколó—попросилъ для него свиданія у герцога.

Цезарь пожалъ плечами съ добродушною усмѣшкою.

— Станный человѣкъ этотъ мессэръ Никколó! Добивается свиданій, а когда принимаю его, говорить намъ не о чемъ. И зачѣмъ только прислали мнѣ этого чудака?

Помолчавъ, спросилъ, какого мнѣнія Леонардо о Макіавелли.

— Я полагаю, ваше высочество, что это одинъ изъ самыхъ умныхъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ въ моей жизни.

— Да, умень,—согласился герцогъ,—пожалуй, кое-что и въ дѣлахъ разумѣть. А все таки... нельзя на него положиться. Мечтатель, вѣтреникъ. Мѣры не знаетъ ни въ чемъ. Я, впрочемъ, всегда ему желалъ добра, а теперь, когда узналъ, что онъ твой другъ,—тѣмъ болѣе. Онъ вѣдь добрякъ! Нѣтъ въ немъ никакого лукавства, хотя онъ и воображаетъ себя коварнѣйшимъ изъ людей и старается меня обмануть, какъ будто я врагъ вашей Республики. Я, впрочемъ, не сержусь: понимаю, что онъ это дѣлаетъ потому, что любить

отечество больше, чѣмъ душу свою.—Ну, что же, пусть придетъ ко мнѣ, ежели ему такъ хочется... Скажи, что я радъ.—А кстати, отъ кого это намереніи я слышалъ, будто бы мессэръ Никколó задумалъ книгу о политикѣ или о военной наукѣ, что ли?

Цезарь опять усмѣхнулся своею тихою усмѣшкою, какъ будто вспомнилъ вдругъ что-то веселое.

— Говорилъ онъ тебѣ о своей македонской фалангѣ? Нѣтъ? Такъ слушай. Однажды изъ этой самой книги о военной наукѣ объяснялъ Никколó моему начальнику лагеря, Бартоломео Капраника и другимъ капитанамъ правило для расположенія войскъ въ порядкѣ, подобномъ древней македонской фалангѣ, съ такимъ краснорѣчіемъ, что всѣмъ захотѣлось увидѣть ее на опытѣ. Вышли въ поле передъ лагерьемъ, и Никколó началъ командовать. Бился, бился съ двумя тысячами солдатъ, часа три продержалъ ихъ на холодѣ, подъ вѣтромъ и дождемъ, а хваленной фаланги не выстроилъ. Наконецъ Бартоломео потерялъ терпѣніе, вышелъ тоже къ войску, и хотя отроду ни одной книги о военной наукѣ не читывалъ — во мгновеніе ока, подъ звукъ тамбурина, расположилъ пѣхоту въ прекрасный боевой порядокъ. И тогда-то всѣ еще разъ убѣдились, сколь великая разница между дѣломъ и словомъ.—Только смотри, Леонардо, ему ты объ этомъ не сказывай: Никколó не любитъ, чтобы ему напоминали македонскую фалангу.

Было поздно, около трехъ часовъ утра. Герцогу принесли легкій ужинъ—блюдо овощей, форежь, немного бѣлаго вина: какъ настоящій испанецъ, отличался онъ умеренностью въ пищѣ.

Художникъ простился. Цезарь еще разъ съ плѣнительной любезностью поблагодарилъ его за военныя карты и велѣлъ тремъ пажамъ проводить съ факелами, въ знакъ почта.

Леонардо разсказалъ Макиавелли о свиданіи съ герцогомъ.

Узнавъ о картахъ, снятыхъ имъ для Цезаря съ окрестностей Флоренціи, Никколó ужаснулся.

— Какъ? Вы — гражданинъ Республики — для злѣйшаго врага отечества?..

— Я полагаю, — возразилъ художникъ, — что Цезарь считается нашимъ союзникомъ...

— Считается!—воскликнулъ секретарь Флоренціи, и въ глазахъ его блеснуло негодованіе.

— Да знаете ли вы, мессэре, что, если только это дойдетъ до свѣдѣнія великолѣпныхъ синьоровъ, васъ могутъ обвинить въ измѣнѣ?..

— Неужели? — простодушно удивился Леонардо. — Вы, впрочемъ, не думайте, Никколó, — я въ самомъ дѣлѣ ничего не смыслю въ политикѣ — точно слѣпой...

Они молча посмотрѣли другъ другу въ глаза и вдругъ оба почувствовали, что въ этомъ они до послѣдней глубины сердца навѣки различны, чужды другъ другу и никогда не сговорятся: для одного какъ будто вовсе не было родины; другой любилъ ее, по выраженію Цезаря, «больше, чѣмъ душу свою».

XII.

Въ ту ночь уѣхалъ Никколó, не сказавъ, куда и зачѣмъ.

Вернулся на слѣдующій день послѣ полудня, усталый, озябшій, вошелъ въ комнату Леонардо, тщательно заперъ двери, объявилъ, что давно уже хотѣлось ему поговорить съ нимъ о дѣлѣ, которое требуетъ глубокой тайны, и повелъ рѣчь издалека.

Однажды, три года назадъ, въ сумерки, въ пустынной мѣстности Романьи, между городами Червіей и Порто-Чезенатико, вооруженные всадники въ маскахъ напали на конный отрядъ, провожавшій изъ Урбино въ Венецію жену Баттисто Карачіоло, капитана пѣхоты Яснѣйшей Республики, мадонну Доротеею, отбили ее и ѣхавшую съ ней двоюродную сестру ея, Марію, пятнадцатилѣтнюю послушницу Урбинскаго дѣвичьяго монастыря, усадили на коней и ускакали. Съ того дня Доротей и Марія пропали безъ вѣсти.

Совѣтъ и Сенатъ Венеціи почли оскорбленной Республику въ лицѣ своего капитана и обратились къ Людовику XII, къ испанскому королю и папѣ съ жалобами на герцога Романьи, обвиняя его въ похищеніи Доротей. Но уликъ не было, и Цезарь отвѣтилъ съ насмѣшкою, что, не терпя недостатка въ женщинахъ, не имѣетъ нужды отбивать ихъ по большимъ дорогамъ.

Ходили слухи, будто бы мадонна Доротея быстро утѣшилась, слѣдуя за герцогомъ во всѣхъ его походахъ и не слишкомъ горя о мужѣ.

У Маріи былъ братъ, мессэръ Діониджіо, молодой капитанъ на службѣ Флоренціи, въ Пизанскомъ лагерѣ. Когда всѣ ходатайства флорентинскихъ синьоровъ оказались столь же бесполезными, какъ жалобы Яснѣйшей Республики, Діониджіо рѣшилъ самъ попытать счастья, пріѣхалъ въ Романью подъ чужимъ именемъ, представился герцогу, заслужилъ его довѣріе, проникъ въ башню Чезенской крѣпости и бѣжалъ съ Маріей, переодѣтой мальчикомъ. Но на границѣ Перуджіи настигла ихъ погоня. Брата убили. Марію вернули въ крѣпость.

Макиавелли, какъ секретарь Флорентинской Республики, принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Мессэръ Діониджіо подружился съ нимъ, довѣрилъ ему тайну отважнаго замысла, рассказалъ все, что могъ узнать о сестрѣ своей отъ тюремщиковъ, которые считали ее святою и увѣряли, будто бы она творитъ исцѣленія, пророчествуетъ, будто бы руки и ноги ея запечатлѣны кровавыми крестными язвами, подобными «стигматамъ» святой Катерины Сиенской.

Когда Цезарю наскучила Доротея, онъ обратилъ свое вниманіе на Марію. Знаменитый обольститель женщинъ, зная за собою очарованіе, которому самыя чистыя не могли противиться, былъ увѣренъ, что, рано или поздно, Марія окажется такою же покорною, какъ всѣ. Но ошибся. Воля его встрѣтила въ сердцѣ этого ребенка непобѣдимое сопротивление. Молва гласила, что въ послѣднее время герцогъ часто бывалъ въ ея тюремной кельѣ, подолгу оставался съ ней

наединѣ, но то, что происходило на этихъ свиданіяхъ, для всѣхъ было тайною.

Въ заключеніе Никколó объявилъ, что намѣренъ освободить Марію.

— Если бы вы, мессэръ Леонардо,—прибавилъ онъ,—согласились помочь мнѣ, я повелъ бы это дѣло такъ, что никто ничего не узналъ бы о вашемъ участіи. Я, впрочемъ, хотѣлъ просить у васъ лишь нѣкоторыхъ свѣдѣній о внутреннемъ расположеніи и устройствѣ крѣпости Санъ-Микеле, гдѣ находится Марія. Вамъ, какъ придворному строителю, было бы легче проникнуть туда и все разузнать.

Леонардо смотрѣлъ на него молча, съ удивленіемъ, и подъ этимъ испытующимъ взоромъ Никколó разсмѣялся вдругъ неестественнымъ, рѣзкимъ, почти злобнымъ смѣхомъ.

— Смѣю надѣяться,—воскликнулъ онъ,—въ излишней чувствительности и въ рыцарскомъ великодушіи вы меня не заподозрите! Соблазнить ли герцога эту дѣвочку, или нѣтъ, мнѣ, конечно, все равно. Изъ-за чего же хлопочу я, угодно вамъ знать? Да хотя бы изъ-за того, чтобы доказать великолѣпнымъ синьорамъ, что и я могу на что-нибудь пригодиться, кромѣ шутовства. А главное, надо же чѣмъ-нибудь позабавиться. Человѣческая жизнь такова, что если не позволять себѣ изрѣдка глупостей, околѣешь отъ скуки. Надоѣло мнѣ болтать, играть въ кости, ходить въ непотребные дома и писать ненужныя донесенія флорентинскимъ шерстникамъ! Вотъ и придумалъ я это дѣло—все-таки не слова вѣдь, а дѣло!.. Да и жаль пропустить случай. Весь планъ готовъ съ чудеснѣйшими хитростями!..

Онъ говорилъ поспѣшно, какъ бы въ чемъ-то оправдываясь. Но Леонардо уже понялъ, что Никколó мучительно стыдится доброты своей и, по обыкновенію, скрываетъ ее подъ цинической маскою.

— Мессэре,—остановилъ его художникъ,—прошу васъ, рассчитывайте на меня, какъ на себя, въ этомъ дѣлѣ—съ однимъ условіемъ — чтобы, въ случаѣ неудачи, отвѣтилъ я такъ же, какъ вы.

Никколó, видимо тронутый, отвѣтилъ на пожатіе руки его и тотчасъ изложилъ ему свой планъ.

Леонардо не возражалъ, хотя въ глубинѣ души сомнѣвался, чтобы столь же легкимъ оказался на дѣлѣ, какъ на словахъ, этотъ планъ, въ которомъ было что-то слишкомъ тонкое и хитрое, непохожее на дѣйствительность.

Освобожденіе Маріи назначили на 30-е декабря — день отъѣзда герцога изъ Фано.

Дня за два передъ тѣмъ прибѣжалъ къ нимъ поздно вечеромъ одинъ изъ подкупленныхъ тюремщиковъ предупредить о грозящемъ доносѣ. Никколó не было дома. Леонардо отправился искать его по городу.

Послѣ долгихъ поисковъ нашелъ онъ секретаря Флоренціи въ игорномъ вертепѣ, гдѣ шайка негодяевъ, большею частью испанцевъ, служившихъ въ войскѣ Цезаря, обирала неопытныхъ игроковъ.

Въ кружкѣ молодыхъ кутилъ и развратниковъ объяснялъ Макиавелли знаменитый сонетъ Петрарки:

Ferito in mezzo di core di Laura—

Пораженный Лаурою въ самое сердце—

открывая непристойное значеніе въ каждомъ словѣ и доказывая, что Лаура заразила Петрарку французскою болѣзнью. Слушатели хохотали до-упаду.

Изъ сосѣдней комнаты послышались крики мужчинъ, визги женщинъ, стукъ опрокинутыхъ столовъ, звонъ шпагъ, разбитыхъ бутылокъ и разсыпанныхъ денегъ: поймали шулера. Собесѣдники Никколó бросились на шумъ. Леонардо шепнулъ ему, что имѣетъ сообщить важную новость по дѣлу Маріи. Они вышли.

Ночь была тихая, звѣздная. Дѣвственный, только что выпавшій снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Послѣ духоты игорнаго дома Леонардо съ наслажденіемъ вдыхалъ морозный воздухъ, казавшійся душистымъ.

Узнавъ о доносѣ, Никколó рѣшилъ съ неожиданною безопасностью, что пока еще беспокоиться не о чемъ.

— Удивились вы, найдя меня въ этомъ притонѣ? — обратился онъ къ спутнику. — Секретарь Флорентинской

Республики—чуть не въ должности шута придворной сволочи! Что же дѣлать? Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ. Они, хоть и мерзавцы, а щедрѣе нашихъ великолѣпныхъ синьоровъ!..

Такая жестокость къ самому себѣ была въ этихъ словахъ Никколó, что Леонардо не выдержалъ, остановилъ его.

— Неправда! Зачѣмъ вы такъ о себѣ говорите, Никколó? Развѣ не знаете, что я вашъ другъ и сужу не какъ всѣ?..

Макиавелли отвернулся и, немного помолчавъ, продолжалъ тихимъ измѣнившимся голосомъ:

— Знаю... Не сердитесь на меня, Леонардо! Порой, когда на сердцѣ слишкомъ тяжело—я шучу и смѣюсь, вмѣсто того, чтобы плакать...

Голосъ его оборвался, и опустивъ голову, проговорилъ онъ еще тише:

— Такова судьба моя! Я родился подъ несчастною звѣздою. Между тѣмъ, какъ сверстники мои, ничтожнѣйшіе люди, преуспѣваютъ во всемъ, живутъ въ довольствѣ, въ почестяхъ, приобрѣтаютъ деньги и власть,—я одинъ остаюсь позади всѣхъ, затертый глупцами. Они считаютъ меня человекомъ легкомысленнымъ. Можетъ-быть, они правы. Да, я не боюсь великихъ трудовъ, лишеній, опасностей. Но терпѣть всю жизнь мелкія и подлыя оскорбленія, сводить концы съ концами, дрожать надъ каждымъ грошомъ—я, въ самомъ дѣлѣ, не умѣю. Э, да что говорить!..—безнадежно махнулъ онъ рукою, и въ голосѣ его задрожали слезы.

— Проклятая жизнь! Ежели Богъ надо мною не сжадется, я, кажется, скоро брошу все, дѣла, мону Мариетту, мальчика,—вѣдь, я имъ только въ тягость, пусть думаютъ, что я умеръ, — убѣгу на край свѣта, спрячусь въ какую-нибудь дыру, гдѣ никто меня не знаетъ, къ подестѣ въ писмоводители, что ли, наймусь, или дѣтей буду учить азбукѣ въ сельской школѣ, чтобы не околѣть съ голоду, пока не отупѣю, не потеряю сознанія,—ибо всего ужаснѣе, другъ мой, сознавать, что силы есть, что могъ бы что-нибудь сдѣлать и что никогда ничего не сдѣлаешь—погибнешь бессмысленно!..

XIII.

Время шло, и по мѣрѣ того, какъ приближался день освобожденія Маріи, Леонардо замѣчалъ, что Никколó, несмотря на самоувѣренность, слабѣетъ, теряетъ присутствіе духа, то медлитъ неосторожно, то суетится безтолку. По собственному опыту, художникъ угадывалъ то, что происходило въ душѣ Макиавелли. Это была не трусость, а та непонятная слабость, нерѣшительность людей, не созданныхъ для дѣйствія, та мгновенная измѣна воли въ послѣднюю минуту, когда нужно рѣшать не сомнѣваясь и не колеблясь, которыя ему самому, Леонардо, были такъ знакомы.

Наканунѣ рокового дня Никколó отправился въ мѣстечко по сосѣдству съ башней Санъ-Микеле, чтобы все окончательно приготовить къ побѣгу Маріи. Леонардо долженъ былъ утромъ пріѣхать туда же.

Оставшись одинъ, ожидалъ онъ съ минуты на минуту плачевныхъ извѣстій, теперь уже не сомнѣваясь, что дѣло кончится глупою неудачею, какъ шалость школьниковъ.

Тусклое зимнее утро брежжило въ окнахъ. Постучали въ дверь. Художникъ отперъ. Вошелъ Никколó, блѣдный и растерянный.

— Кончено!—произнесъ онъ, въ изнеможеніи опускаясь на стулъ.

— Такъ я и зналъ,—безъ удивленія молвилъ Леонардо.— Я говорилъ вамъ Никколó, что попадемся.

Макиавелли посмотрѣлъ на него разсѣянно.

— Нѣтъ, не то,—продолжалъ онъ.—Мы-то не попались, а птичка изъ клѣтки улетѣла. Опоздали...

— Какъ улетѣла?

— Да такъ. Сегодня передъ разсвѣтомъ нашли Марію на полу тюрьмы съ перерѣзаннымъ горломъ.

— Кто убійца?—спросилъ художникъ.

Неизвѣстно, но, судя по виду ранъ, едва ли герцогъ. На что другое, а на это Цезарь и его палачи—мастера: сумѣли бы перерѣзать горло ребенку. Говорятъ, умерла дѣвственницей. Я думаю, сама...

— Не можетъ быть! Такая, какъ Марія—ее вѣдь считали святою?..

— Все можетъ быть,—продолжалъ Никколó, — вы ихъ еще не знаете! Этотъ извергъ...

Онъ остановился и поблѣднѣлъ, но кончилъ съ неудержимымъ порывомъ:

— Этотъ извергъ на все способенъ! Должно-быть, и святую сумѣли довести до того, что сама на себя наложила руки...— Въ прежнее время,—прибавилъ онъ,—когда еще ее не такъ стерегли, я видѣлъ ее раза два. Худенькая, тоненькая, какъ былинка. Личико дѣтское. Волосы рѣдкіе, свѣтлые, какъ ленъ, точно у мадонны Филиппино Липпи въ Бадіи Флорентинской, чтó является св. Бернарду. И красоты-то въ ней особенной не было. Чѣмъ только герцогъ прельстился... О, мессэръ Леонардо, если бы вы знали, какой это былъ жалкій и милый ребенокъ!..

— Никколó отвернулся и художнику показалось, что на рѣсницахъ его заблестѣли слезы.

Но тотчасъ спохватившись, докончилъ онъ рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ:

— Я всегда говорилъ: честный человекъ при дворѣ, все равно, что рыба на сковородѣ. Довольно съ меня! Я не созданъ быть слугою тирановъ. Добьюсь наконецъ, чтобы Синьорія отозвала меня въ другое посольство — все равно куда, лишь бы подальше отсюда!

Леонардо жалѣлъ Марію, и ему казалось, что онъ не остановился бы ни передъ какою жертвою, чтобы спасти ее, но въ то же время въ самой тайной глубинѣ сердца его было чувство облегченія, освобожденія при мысли о томъ, что не надо больше дѣйствовать. И онъ угадывалъ, что Никколó испытываетъ то же самое.

XIV.

30 декабря, съ разсвѣтомъ, главныя боевыя силы Валентино, около десяти тысячъ пѣхоты и двухъ тысячъ конницы, выступили изъ города Фано и расположились лагеремъ по дорогѣ въ Синигаллію, на берегу рѣчки Метавръ, въ ожиданіи герцога, который долженъ былъ выѣхать на слѣдующій день, назначенный астрологомъ Вальгуліо — 31 декабря.

Заклучивъ миръ съ Цезаремъ, маджіонскіе заговорщики, по соглашенію съ нимъ, предприняли общій походъ на Синигаллію. Городъ сдался, но кастелланъ объявилъ, что не откроетъ воротъ никому, кромѣ герцога. Бывшіе враги его, теперешніе союзники, въ послѣднюю минуту, предчувствуя недоброе, уклонялись отъ свиданія. Но Цезарь обманулъ ихъ еще разъ и успокоилъ, какъ впослѣдствіи выразился Макиавелли, — «чаруя ласками подобно василиску, который манитъ жертву сладкимъ пѣніемъ».

Сгоравшій любопытствомъ Никколó не захотѣлъ дожидаться Леонардо и отправился тотчасъ вслѣдъ за герцогомъ.

Черезъ нѣсколько часовъ художникъ выѣхалъ одинъ.

Дорога шла на югъ, такъ же какъ отъ Пезаро, по самому берегу моря. Справа были горы. Ихъ подножія иногда такъ близко подступали къ берегу, что едва оставалось узкое пространство для дороги.

День былъ сѣрый, тихій. Море такое же сѣрое, ровное, какъ небо. Бездыханный воздухъ окованъ дремотою. Карканье воронъ предвѣщало оттепель. вмѣстѣ съ каплями едва моросившаго дождя или талаго снѣга, падали раннія сумерки.

Показались черно-красныя кирпичныя башни Синигалліи.

Городъ, стиснутый между двумя преградами—водой и горами, какъ настоящая западня, находился на разстояніи мили отъ плоскаго взморья и арбалетнаго выстрѣла отъ

подножія Апеннинъ. Достигнувъ рѣчки Мизы, дорога круто заворачивала влѣво. Здѣсь былъ мостъ, построенный наискось черезъ рѣку, и противъ него—городскія ворота. Передъ ними небольшая площадь съ низкими домиками предмѣстія—большею частью кладовыми венеціанскихъ купцовъ.

Въ то время Синигаллія была обширнымъ полуазіатскимъ рынкомъ, гдѣ купцы Италіи обмѣнивались товарами съ турками, армянами, греками, персами, славянами изъ Черногоріи и Албаніи. Но теперь даже самыя многолюдныя улицы — Кипра, Занте, Кандіи, Кефалоніи—были пусты. Леонардо никого не встрѣчалъ, кромѣ солдатъ, Кой-гдѣ въ безконечно-длинныхъ, однообразно тянувшихся по обѣимъ сторонамъ улицъ, сводчатыхъ навѣсахъ торговыхъ рядовъ съ кладовыми и фундаками, замѣтилъ онъ слѣды грабежа—разбитыя стекла въ окнахъ, сорванные замки и запоры, выломанныя двери, разбросанныя тюки товаровъ. Пахло гарью. Полуобгорѣвшія зданія еще дымились, и по угламъ старинныхъ кирпичныхъ дворцовъ, на толстыхъ кольцахъ чугунныхъ факельныхъ подсвѣчниковъ, виднѣлись трупы висѣльниковъ.

Темнѣло, когда на главной площади города, между палаццо Дукале и круглою, приземистою, съ грозными зубцами синигалльскою крѣпостью, окруженною глубокимъ ровомъ, среди войска, при свѣтѣ факеловъ, увидѣлъ Леонардо Цезаря.

Онъ казнилъ солдатъ, виновныхъ въ грабежѣ. Мессэръ Агапито читалъ приговоръ.

По знаку Цезаря осужденныхъ повели на висѣлицу.

Въ то время, какъ художникъ искалъ глазами въ толпѣ придворныхъ, кого бы разспросить о томъ, что здѣсь произошло, увидѣлъ онъ секретаря Флоренціи.

— Знаете? Слышали?—обратился къ нему Никколó.

— Нѣтъ, ничего не знаю и радъ, что встрѣтилъ васъ. Расскажите.

Макиавелли повелъ его въ сосѣднюю улицу, потомъ, черезъ нѣсколько тѣсныхъ и темныхъ переулковъ, занесенныхъ снѣжными сугробами, въ глухое предмѣстье на взморьѣ,

около верфи, гдѣ въ одинокой покривившейся лачугѣ, у вдовы корабельнаго мастера, удалось ему въ это утро, послѣ долгихъ поисковъ, найти единственное свободное помѣщеніе въ городѣ—двѣ маленькія каморки, одну для себя, другую для Леонардо.

Безмолвно и поспѣшно засвѣтилъ Никколó свѣчу, вынулъ изъ походнаго погребка бутылку вина, раздулъ головни въ очагѣ и усѣлся противъ собесѣдника, вперивъ въ него горящій взоръ.

— Такъ вы еще не знаете?—произнесъ торжественно.— Слушайте. Событіе необычайное и достопамятное! Цезарь отмстилъ врагамъ. Заговорщики схвачены. Оливеротто, Орсини и Вителли ожидаютъ смерти.

Онъ откинулся на спинку стула и посмотрѣлъ на Леонардо молча, наслаждаясь его изумленіемъ. Потомъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы казаться спокойнымъ и безстрастнымъ, какъ лѣтописецъ, излагающій событія давнихъ временъ, какъ ученый, описывающій явленіе природы—началъ разсказъ о знаменитой «синигалльской западнѣ».

Пріѣхавъ рано поутру въ лагерь на рѣкѣ Метаврѣ, Цезарь отправилъ впередъ двѣсти всадниковъ, двинулъ пѣхоту и слѣдомъ за нею выѣхалъ самъ съ остальною конницей. Онъ зналъ, что союзники встрѣтятъ его, и что главныя силы ихъ удалены въ сосѣднія съ городомъ крѣпости, чтобы очистить мѣсто для новыхъ войскъ.

Подъѣзжая къ воротамъ Синигалліи, тамъ, гдѣ дорога, заворачивая влѣво, идетъ по берегу Мизы, велѣлъ конницѣ остановиться и выстроилъ ее въ два ряда—одинъ задомъ къ рѣкѣ, другой задомъ къ полю, оставивъ между ними проходъ для пѣхоты, которая, не останавливаясь, переходила черезъ мостъ и вступала въ ворота Синигалліи.

Союзники—Вителоццо Вителли, Гравина и Паголо Орсини—выѣхали ему навстрѣчу верхомъ на мулахъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ всадниковъ.

Какъ будто предчувствуя гибель, Вителоццо казался такимъ печальнымъ, что на него дивились тѣ, кто зналъ его прошлое счастье и храбрость. Впослѣдствіи разсказы-

вали, что передъ отъѣздомъ въ Синигаллію онъ простился съ домашними, какъ будто предвидѣлъ, что идетъ на-смерть.

Сюзники спѣшились, сняли береты и привѣтствовали герцога. Онъ также сошелъ съ коня, сначала подаль руку по очереди каждому, потомъ обнялъ и поцѣловалъ ихъ, называя милыми братьями.

Въ это время военачальники Цезаря, какъ заранѣе было условлено, окружили Орсини и Вителли такъ, что каждый изъ нихъ оказался между двумя приближенными герцога, который, замѣтивъ отсутствіе Оливеротто, подаль знакъ своему капитану, дону Микелю Корелла. Тотъ поскакалъ впередъ и нашелъ его въ Борго. Оливеротто присоединился къ поѣзду, и всѣ вмѣстѣ, дружески бесѣдуя о военныхъ дѣлахъ, направились во дворецъ передъ крѣпостью.

Въ сѣняхъ союзники хотѣли было проститься, но герцогъ, все съ тою же плѣнительной любезностью, удержалъ ихъ и пригласилъ войти во дворецъ.

Только что вступили въ пріемную, какъ двери заперлись, восемь вооруженныхъ людей бросились на четырехъ, подвое на каждого, схватили ихъ, обезоружили и связали. Таково было изумленіе несчастныхъ, что они почти не сопротивлялись.

Ходили слухи, будто бы герцогъ намѣренъ покончить съ врагами въ ту же ночь, удавивъ ихъ въ тайникахъ дворца.

— О, мессэръ Леонардо,—заклучилъ Макиавелли свой рассказъ,—если бы вы только видѣли, какъ онъ обнималъ ихъ, какъ цѣловалъ! Одинъ невѣрный взглядъ, одно движеніе могли его погубить. Но такая искренность была въ лицѣ его и въ голосѣ, что—вѣрите ли?—до послѣдней минуты я не подозрѣвалъ ничего — отдалъ бы руку на отсѣченіе, что онъ не притворяется. Я полагаю, что изъ всѣхъ обмановъ, какіе совершались въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ политика, это прекраснѣйшій!

Леонардо усмѣхнулся.

— Конечно,—молвилъ онъ,—нельзя отказать герцогу въ отвагѣ и хитрости, но все же, признаюсь, Никколó, я

такъ мало посвященъ въ политику, что не понимаю, чѣмъ собственно вы такъ восхищаетесь въ этомъ предательствѣ?

— Предательствѣ?—остановиль его Макиавелли.—Когда дѣло, мессэре, идетъ о спасеніи отечества, не можетъ быть рѣчи о предательствѣ и вѣрности, о злѣ и добрѣ, о милосердіи и жестокости,—но всѣ средства равны, только бы цѣль была достигнута.

— При чемъ же тутъ спасеніе отечества, Никколѣ? Мнѣ кажется, герцогъ думалъ только о собственной выгодѣ...

— Какъ? И вы, и вы не понимаете? Но вѣдь это же ясно, какъ день! Цезарь—будущій объединитель и самодержецъ Италіи. Развѣ вы не видите?.. Никогда еще не было столь благопріятнаго времени для пришествія героя, какъ теперь. Ежели нужно было Израилю томиться въ египетскомъ рабствѣ, дабы возсталъ Моисей, персамъ—подъ игомъ мидійскимъ, дабы возвеличился Киръ, аэинянамъ погибать въ междоусобіяхъ, дабы прославился Тезей,—то такъ же точно и въ наши дни нужно было, чтобы Италія дошла до такого позора, въ которомъ находится нынѣ, испытала худшее рабство, чѣмъ евреи, тягчайшее иго, чѣмъ персы, бѣльшіе раздоры, чѣмъ аэиняне, — безъ главы, безъ вождя, безъ правленія, опустошенная, растоптанная варварами, претерпѣвшая всѣ бѣдствія, какія только можетъ претерпѣть народъ,—дабы явился новый герой, спаситель отечества! И хотя въ былыя времена какъ будто мелькала для нея надежда въ людяхъ, казавшихся избранныками Божіими, но каждый разъ судьба измѣняла имъ, на самой высотѣ величія, передъ совершеніемъ подвига. И полумертвая, почти бездыханная, все еще ожидаетъ она того, кто уврачуеетъ ея раны — прекратитъ насилія въ Ломбардіи, грабежи и лихоимства въ Тосканѣ и Неаполѣ, исцѣлитъ эти смрадные, отъ времени гноющіяся язвы. И днемъ, и ночью взываетъ къ Богу, молить объ Избавителѣ...

Голосъ его зазвенѣлъ, какъ слишкомъ натянутая струна—и оборвался. Онъ былъ блѣденъ; весь дрожалъ; глаза горѣли. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ внезапномъ порывѣ

было что-то судорожное и бессильное, похожее на припадокъ.

Леонардо вспомнилъ, какъ нѣсколько дней назадъ, по поводу смерти Маріи, называлъ онъ Цезаря «извергомъ».

Художникъ не указалъ ему на это противорѣчіе, зная, что онъ теперь отречется отъ жалости къ Маріи, какъ отъ постыдной слабости.

— Поживемъ — увидимъ, Никколó, — молвилъ Леонардо. — А только вотъ о чемъ я хотѣлъ бы спросить васъ: почему именно сегодня вы какъ будто окончательно увѣрились въ божественномъ избраніи Цезаря? Или западня синигалльская, съ большою ясностью, чѣмъ всѣ его прочія дѣйствія, убѣдила васъ въ томъ, что онъ герой?

— Да, — отвѣтилъ Никколó, уже овладѣвъ собою и опять притворяясь безстрастнымъ. — Совершенство этого обмана больше, чѣмъ прочія дѣйствія герцога, показываетъ въ немъ столь рѣдкое въ людяхъ соединеніе великихъ и противоположныхъ качествъ. Замѣтите, я не хвалю, не порицаю — я только изслѣдую. И вотъ моя мысль: для достиженія какихъ бы то ни было цѣлей существуетъ два способа дѣйствій — законный, или насильственный. Первый — человѣческій, второй — звѣрскій. Желаящій властвовать долженъ обладать обоими способами — умѣніемъ быть по произволу человѣкомъ и звѣремъ. Таковъ сокровенный смыслъ древней басни о томъ, какъ царь Ахиллесъ и другіе герои вскормлены были кентавромъ Хирономъ, полубогомъ, полувзвѣремъ. Государи, питомцы кентавра, такъ же, какъ онъ, соединяютъ въ себѣ обѣ природы — звѣрскую и божескую. Обыкновенные люди не выносятъ свободы, боятся ея больше, чѣмъ смерти, и, совершивъ преступленіе, падаютъ подъ бременемъ раскаянія. Только герой, избранникъ судьбы, имѣетъ силу вынести свободу — переступаетъ законъ безъ страха, безъ угрызения, оставаясь невиннымъ во злѣ, какъ звѣри и боги. Сегодня въ первый разъ увидѣлъ я въ Цезарѣ эту послѣднюю свободу — печать избранія!

— Да. Теперь я васъ понимаю, Никколó, — въ глубокой задумчивости проговорилъ художникъ. — Только мнѣ ка-

жется, не тотъ свободенъ, кто, подобно Цезарю, смѣетъ все, потому что не знаетъ и не любитъ ничего, а тотъ, кто смѣетъ, потому что знаетъ и любитъ. Только такую свободою люди побѣдятъ зло и добро, верхъ и низъ, всѣ преграды и предѣлы земные, всѣ тяжести, стануть, какъ боги, и—полетятъ...

— Полетятъ?—изумился Макиавелли.

— Когда у нихъ,—пояснилъ Леонардо,—будетъ совершенное знаніе, они создадутъ крылья, изобрѣтутъ такую машину, чтобы летать. Я много думалъ объ этомъ. Можетъ-быть, ничего не выйдетъ—все равно, не я такъ другой,—но человѣческія крылья будутъ.

— Ну, поздравляю!—разсмѣялся Никколó.—Договорились мы до крылатыхъ людей. Хорошъ будетъ мой государь, полубогъ, полузвѣрь—съ птичьими крыльями. Вотъ ужъ подлинно химера!

Прислушавшись къ бою часовъ на сосѣдней башнѣ, онъ вскочилъ и заторопился. Ему надо было поспѣть во дворецъ, чтобы узнать о предстоящей казни заговорщиковъ.

XV.

Итальянскіе государи поздравляли Цезаря съ «прекраснѣйшимъ обманомъ». Людовикъ XII, узнавъ о западнѣ синигалльской, назвалъ ее «подвигомъ, достойнымъ древняго римлянина». Маркиза Мантуанская, Изабелла Гонзага, прислала въ подарокъ Цезарю къ предстоявшему карнавалу сотню разноцвѣтныхъ шелковыхъ масокъ.

«Знаменитѣйшая синьора, досточтимая кума и сестрица наша,—отвѣчалъ ей герцогъ,—присланную вашею свѣтлостью въ даръ сотню масокъ мы получили, и онѣ весьма для насъ пріятны, по причинѣ рѣдкаго изящества и разнообразія, особливо же потому, что прибыли ко времени и мѣсту, лучше коихъ нельзя было выбрать—точно синьорія ваша заранѣе предугадала значеніе и порядокъ нашихъ дѣйствій, ибо милостью Божіей мы въ теченіе одного

дня городомъ и старою Синигалліи со всѣми крѣпостями овладѣли, праведною казнью коварныхъ измѣнниковъ, супостатовъ нашихъ казнили, Каstellо, Фермо, Чистерну, Монтоне и Перуджіо отъ ига тирановъ освободили и въ должное повиновеніе святѣйшему отцу, намѣстнику Христову привели. Всего же болѣе сердцу нашему личины сіи любезны, какъ нелицемѣрное свидѣтельство братскаго къ намъ благоволенія вашей свѣтлости».

Никколó, смѣясь, увѣрялъ, что нельзя себѣ представить лучшаго дара мастеру всѣхъ притворствъ и личинъ — лисицъ Борджіа отъ лисицы Гонзага, чѣмъ эта сотня масокъ.

XVI.

Въ началѣ марта 1503 года Цезарь вернулся въ Римъ.

Папа предложилъ кардиналамъ наградить героя знакомъ высшаго отличія, даруемымъ церковью ея защитникамъ — золотою розою. Кардиналы согласились, и черезъ два дня назначенъ былъ обрядъ.

Въ первомъ ярусѣ Ватикана, въ залѣ Первосвященниковъ, выходившей окнами на дворъ Бельведера, собралась Римская Курія и послы великихъ державъ

Сія драгоцѣнными камнями плувіала, въ трехвѣчной тиарѣ, обвѣваемый павлиньими опахалами, по ступенямъ трона взошелъ тучный бодрый семидесятилѣтній старикъ съ добродушно-величавымъ и благообразнымъ лицомъ—папа Александръ VI.

Прозвучали трубы герольдовъ, и по знаку главнаго церемоніере, нѣмца Іоаганна Бурхарда, въ залу вступили оруженосцы, пажи, скороходы, тѣлохранители герцога и начальникъ лагеря, мессэръ Бартоломео Капраника, державшій поднятый вверхъ остреемъ обнаженный мечъ Знаменосца Римской Церкви.

Третья нижняя часть меча была вызолочена, и по ней вырѣзаны тонкіе рисунки: богиня Вѣрности на престолѣ, съ надписью: *Вѣрность сильнѣе оружія*; Юлій Цезарь триум-

фаторъ на колесницѣ, съ надписью: *Или Цезарь, или ничто*. Переходъ черезъ Рубиконъ со словами: *Жребій брошенъ*, и, наконецъ, жертвоприношеніе Быку, или Апису, рода Борджіа, съ нагими юными жрицами, которыя жгутъ еиміамъ надъ только что заколотою человѣческой жертвою; на алтарѣ надпись: «*Deo Optimo Maximo Hostia*»—*Богу Всеблагому Всемогущему Жертва*. И внизу другая: «*In pumine Cesaris omen*».—*Имя Цезаря—счастье Цезаря*. Человѣческая жертва богу-звѣрю приобрѣтала тѣмъ болѣе ужасный смыслъ, что эти рисунки и надписи были заказаны въ то время, когда Цезарь замышлялъ убійство брата своего, Джіованни Борджіа, чтобы получить въ наслѣдство мечъ Капитана и Знаменоносца Римской Церкви.

За мечомъ шель герой. На головѣ его былъ высокій герцогскій беретъ, осѣненный жемчужнымъ голубемъ Духа Святого.

Онъ приблизился къ папѣ, снялъ беретъ, сталъ на колѣни и поцѣловалъ рубиновый крестъ на туфлѣ первосвященника.

Кардиналь Монреале подаль его святѣйшеству золотую розу, чудо ювелирнаго искусства, со спрятаннымъ въ главномъ среднемъ цвѣткѣ, внутри золотыхъ лепестковъ, маленькимъ сосудцемъ, изъ котораго сочилось муро, распространяя какъ бы дыханіе безчисленныхъ розъ.

Папа всталъ и произнесъ дрожащимъ отъ умиленія голосомъ:

— Прими, возлюбленное чадо мое, розу сію, знаменующую радость обоихъ Іерусалимовъ, земного и небеснаго, церкви воинствующей и торжествующей, цвѣтъ неизглаголаный, блаженство праведныхъ, красу нетлѣнныхъ вѣнцовъ, дабы и твоя добродѣтель цвѣла во Христѣ, подобно розѣ на брегѣ многихъ водъ прозябающей. Аминь.

Цезарь принялъ изъ рукъ отца таинственную розу. Папа не выдержалъ; по выраженію очевидца — «плоть одолѣла его»: къ негодованію чопорнаго Бурхарда, нарушая чинъ обряда, склонился онъ, протянулъ трепещущія руки къ сыну, и лицо его сморщилось, все тучное тѣло заколы-

халось. Выпятивъ толстыя губы и старчески захлебываясь, онъ пролепеталь:

— Дитя мое... Цезарь... Цезарь!..

Герцогъ долженъ былъ передать розу стоявшему рядомъ кардиналу Климента. Папа порывисто обнялъ сына и прижалъ къ своей груди, смѣясь и плача.

Снова прозвучали трубы герольдовъ, загудѣлъ колоколь на соборѣ Петра—и ему отвѣтили колокола со всѣхъ церквей Рима и съ крѣпости святого Ангела грохотъ пушечной пальбы.

— Да здравствуетъ Цезарь!—кричала романьольская гвардія на дворѣ Бельведера.

Герцогъ вышелъ къ войску на балконъ.

Подъ голубыми небесами, въ блескѣ утренняго солнца, въ пурпурѣ и золотѣ царственныхъ одеждъ, съ жемчужнымъ голубемъ Духа Святого надъ головою, съ таинственною розою въ рукахъ—радостью обоихъ Іерусалимовъ—казался онъ толпѣ не человѣкомъ, а богомъ.

XVII.

Ночью устроено было великолѣпное шествіе въ маскахъ, по рисунку на мечѣ Валентино—Тріумфъ Юлія Цезаря.

На колесницѣ съ надписью *Божественный Цезарь* возсѣдалъ герцогъ Романьи, съ пальмовой вѣтвью въ рукахъ, съ головой, обвитой лаврами. Колесницу окружали солдаты, переодѣтые въ древне-римскихъ легіонеровъ, съ желѣзными орлами и связками копій. Все исполнено было съ точностью по книгамъ, памятникамъ, барельефамъ и медалямъ.

Передъ колесницею шель человѣкъ въ длинной бѣлой одеждѣ египетскаго іерофанта, держа въ рукахъ священную хоругвь съ геральдическимъ, позолоченнымъ червленнымъ золотомъ, багрянымъ быкомъ рода Борджіа, Аписомъ, богомъ-покровителемъ папы Александра VI. Отроки въ серебряныхъ туникахъ, съ тимпанами, пѣли:

Vive diu Bos! Vive diu Bos! Borgia vive!
Слава Быку! Слава Быку! Борджіа слава!

И высоко надъ толпою въ звѣздномъ небѣ, озаренный мерцаніемъ факеловъ, колебался идолъ звѣря, огненно-красный, какъ восходящее солнце.

Въ толпѣ былъ ученикъ Леонардо, Джіованни Бельтраффіо, только что пріѣхавшій къ учителю въ Римъ изъ Флоренціи. Онъ смотрѣлъ на багрянаго звѣря и вспоминалъ слова Апокалипсиса:

«И поклонились Звѣрю, говоря: кто подобенъ Звѣрю сему? И кто можетъ сразиться съ нимъ?»

«И я увидѣлъ Жену, сидящую на Звѣрѣ Багряномъ, преисполненномъ именами богохульными, съ семью головами и десятью рогами.

«И на челѣ ея написано имя: Тайна, Вавилонъ великій мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ».

И такъ же, какъ нѣкогда писавшій эти слова, Джіованни, глядя на звѣря—«дивился удивленіемъ великимъ».

ТРИНАДЦАТАЯ КНИГА.

Багрыйный звърь.

I.

У Леонардо былъ виноградникъ близъ Флоренці, на холмѣ Фіезоле. Сосѣдъ, желая отнять кусокъ земли, затѣялъ съ нимъ тяжбу. Будучи въ Романьи, художникъ поручилъ это дѣло Джіованни Бельтраффіо, и въ концѣ марта 1503 года вызвалъ его къ себѣ въ Римъ.

По дорогѣ заѣхалъ Джіованни въ Орвіетто взглянуть на знаменитыя, недавно оконченныя фрески Луки Синьорелли въ соборѣ. Одна изъ фресокъ изображала пришествіе Антихриста.

Лицо Антихриста поразило Джіованни. Сначала показалось ему злымъ, но когда онъ взглядѣлся, то увидѣлъ, что оно не злое, а только безконечно-страдальческое. Въ ясныхъ глазахъ съ тяжелымъ, кроткимъ взоромъ отражалось послѣднее отчаяніе мудрости, отрекшейся отъ Бога. Несмотря на уродливыя острия уши сатира, искривленные пальцы, напоминавшіе когти звѣря—онъ былъ прекрасенъ. И передъ Джіованни изъ-подъ этого лица выступало точно такъ же, какъ нѣкогда въ горячечномъ бреду, иное, до ужаса сходное, Божественное Лицо, которое онъ хотѣлъ и не смѣлъ узнать.

Слѣва, на той же картинѣ, изображена была гибель Антихриста. Взлетѣвъ къ небесамъ на невидимыхъ крыльяхъ, чтобы доказать людямъ, что онъ Сынъ Человѣческой, грядущій на облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ, врагъ Господень падалъ въ бездну, пораженный ангеломъ. Этотъ

неудавшейся полетъ, эти человѣческія крылья пробудили въ Джіованни знакомыя страшныя мысли о Леонардо.

Вмѣстѣ съ Бельтраффіо разсматривали фрески тучный, откормленный монахъ лѣтъ пятидесяти и спутникъ его, долговязый человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ голоднымъ и веселымъ лицомъ, въ платьѣ кочующаго клерка изъ тѣхъ, которыхъ въ старину звали бродячими школярами, вагантами и голиардами.

Они познакомились съ Джіованни и поѣхали вмѣстѣ. Монахъ былъ нѣмецъ изъ Нюренберга, ученый бібліотекаръ августинскаго монастыря, по имени Томасъ Швейницъ. Въ Римъ ѣхалъ онъ хлопотать о спорныхъ бенефіціяхъ и пребендахъ. Спутникъ его, тоже нѣмецъ, изъ города Зальцбурга, Гансъ Платеръ, служилъ ему не то секретаремъ, не то шутомъ и конюхомъ.

По дорогѣ бесѣдовали о дѣлахъ церкви.

Спокойно, съ научною ясностью, доказывалъ Швейницъ бессмыслицу догмата папской непогрѣшимости, увѣряя, будто бы двадцать лѣтъ не пройдетъ, какъ вся Германія возстанетъ и свергнетъ иго Римской церкви.

«Этотъ не умретъ за вѣру,—думалъ Джіованни, глядя на сытое, круглое лицо нюренбергскаго монаха,—не пойдетъ въ огонь, какъ Савонарола. Но, какъ знать, можетъ-быть, онъ опаснѣе для церкви».

Однажды вечеромъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Римъ, Джіованни встрѣтился на площади Санъ-Пьетро съ Гансомъ Платеромъ. Школяръ повелъ его въ сосѣдній переулокъ Синибальди, гдѣ было множество нѣмецкихъ постоянныхъ дворовъ для чужеземныхъ богомольцевъ—въ маленькой винный погребъ подъ вывѣской Серебрянаго Ежа, принадлежавшій чеху гусситу, Яну Хромому, который охотно принималъ и угощалъ отборными винами своихъ единомышленниковъ—тайныхъ враговъ папы, съ каждымъ днемъ размножавшихся вольнодумцевъ, чаявшихъ великаго обновленія церкви.

За первую общую комнату была у Яна другая, завѣтная, куда допускались лишь избранные. Здѣсь собралось

цѣлое общество. Томась Швейницъ сидѣлъ на верхнемъ почетномъ концѣ стола, прислонившись къ бочкѣ спиною, сложивъ толстыя руки на толстомъ животѣ. Пухлое лицо его съ двойнымъ подбородкомъ было неподвижно; крохотные осовѣлые глазки слипались: онъ, должно-быть, выпилъ лишнее. Изрѣдка подымалъ онъ стаканъ въ уровень съ пламенемъ свѣчи, любуясь блѣднымъ золотомъ рейнскаго въ граненомъ хрусталѣ.

Захожіи монашекъ, фра Мартино, изливалъ свое негодованіе на лихоимство Куріи въ однообразныхъ жалобахъ:

— Ну, возьми разъ, возьми два, но вѣдь и честь, говорю, надо знать, а то, помилуйте, что же это такое? Лучше разбойникамъ въ руки попасть, чѣмъ здѣшнимъ прелатамъ. Дневной грабежъ! Пенитенціарію дай, протонотарію дай и кубикюларію, и остіарію, и конюху, и повару, и тому, кто ведро съ помоями выносить у ея преподобія, кардинальской наложницы, прости Господи! Какъ въ пѣснѣ поется:

Продаютъ они Христа,
Новые Іуды.

Гансъ Платеръ всталъ, принявъ торжественный видъ и, когда всѣ умолкли, обративъ на него взоры,—возгласилъ протяжнымъ голосомъ, подражая церковному чтенію:

— Приступили къ папѣ ученики его кардиналы и спросили: что намъ дѣлать, чтобы спастись. И сказалъ Александръ: что спрашиваете меня? въ законѣ написано, и я говорю вамъ: любите золото и серебро всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою своею, и любите богатаго, какъ самого себя. Сіе творите и живы будете. И возсѣлъ папа на престолѣ своемъ и сказалъ: блаженны имущіе, ибо узрять лицо мое, блаженны приносящіе, ибо нарекутся сынами моими, блаженны грядущіе во имя серебра и золота, ибо тѣхъ есть Курія папская. Горе бѣднымъ, приходящимъ съ пустыми руками, лучше было бы имъ, если бы навѣсили имъ жерновъ на шею и ввергли въ море. Кардиналы отвѣтили: сіе исполнимъ. И сказалъ папа: дѣти, примѣръ вамъ даю, чтобы, какъ я грабилъ, такъ и вы грабили съ живого и мертваго.

Всѣ размѣялись. Органный мастеръ Отто Марпургъ, сѣдѣнкій, благообразный старичокъ съ дѣтскою улыбкою, до сихъ поръ сидѣвшій молча въ углу, вынулъ изъ кармана сложенные тщательно листочки и предложилъ прочесть только что полученную въ Римѣ и ходившую по рукамъ во множествѣ списковъ сатиру на Александра VI, въ видѣ безымяннаго письма одному вельможѣ, Паоло Савелли, бѣжавшему отъ преслѣдованій папы къ императору Максимилиану. Здѣсь, въ длинномъ перечнѣ, обличались злодѣйства и мерзости, происходившія въ домѣ римскаго первосвященника, начиная отъ симоніи, кончая братоубійствомъ Цезаря и кровосмѣшеніемъ папы съ Лукреціей, собственной дочерью. Посланіе заключалось ко всѣмъ государямъ и правителямъ Европы увѣщаніемъ соединиться, дабы уничтожить «этихъ изверговъ, звѣрей въ человѣческомъ образѣ».

«Антихристъ пришелъ, ибо воистину у вѣры и церкви Божьей никогда еще не было такихъ враговъ, какъ папа Александръ VI и сынъ его, Цезарь».

Послѣ чтенія, всѣ заговорили, обсуждая, дѣйствительно ли папа Антихристъ.

Мнѣнія были различныя. Органщикъ Отто Марпургъ признался, что давно уже мысли эти не даютъ ему покоя, и что онъ полагаетъ, что не папа настоящій Антихристъ, а сынъ его, Цезарь, который, какъ думаютъ многіе, послѣ смерти отца сдѣлается папою. Фра Мартино доказывалъ, ссылаясь на одно мѣсто изъ книги «Восхожденіе Іесево», что Антихристъ, имѣя образъ человѣческой, въ дѣйствительности будетъ не человѣкомъ, а только безплотнымъ призракомъ, ибо, по словамъ святого Кирилла Александрійскаго, — «сынъ погибели, грядущій во тьмѣ, именуемый Антихристомъ, есть не что иное, какъ самъ Сатана, великій Змій, ангелъ Веліардъ, князь міра сего, пришедшій въ міръ».

Томасъ Швейницъ покачалъ головою:

— Ошибаетесь, фра Мартино, Іоаннъ Златоустъ прямо говоритъ: «кто сей? не сатана ли?—Отнюдь. Но *человѣкъ*, всю силу его пріавшій, ибо два естества въ немъ, одно дьявольское, другое человѣческое». Впрочемъ, ни папа, ни

Цезарь не могутъ быть Антихристомъ: сыномъ Дѣвы надлежитъ ему быть...

И Швейницъ привелъ выдержку изъ Ипполитовой книги «О кончинѣ міра» и слова Ефрема Сирина: «Дьяволь осѣнить дѣву изъ колѣна Данова и внидеть во чрево ея Змѣй похотливый—и зачнетъ, и родить».

Всѣ приступили къ Швейницу съ вопросами и недоумѣніями. Ссылаясь на св. Іеронима, Кипріана, Иренея и многихъ другихъ отцовъ церкви, монахъ разсказалъ имъ о пришествіи Антихриста.

— Одни утверждаютъ, что родится онъ въ Галилеѣ, какъ Христось, другіе—въ великомъ градѣ, именуемомъ духовно Вавилонъ или Содомъ и Гоморра. Лицо у него будетъ, какъ лицо оборотня, и многимъ будетъ казаться похожимъ на лицо Христа. И сотворитъ онъ великія знаменія: скажетъ морю,—утихнетъ, скажетъ солнцу,—померкнетъ; и горы сдвинутся, и камни обратятся въ хлѣбы, и насытитъ голодныхъ, и больныхъ исцѣлитъ, и нѣмыхъ, и слѣпыхъ, и разслабленныхъ. Воскреситъ ли мертвыхъ, не знаю, ибо въ третьей книгѣ сибилловой сказано: воскреситъ; но святые отцы сомнѣваются. «Надъ духами, говоритъ Ефремъ, власти не имѣеть,—*non habet potestatem in spiritibus*». И притекутъ къ нему всѣ племена и народы съ четырехъ вѣтровъ неба—Гогъ и Магогъ, такъ что земля убѣлится палатками, море — парусами. И соберетъ ихъ, и возсядетъ во Іерусалимѣ, во храмѣ Бога Всевышняго и скажетъ: я есмь Сущій, я—Сынъ и Отецъ.

— Ахъ ты, песъ окаянный!—воскликнулъ фра Martino, не выдержавъ, и ударилъ кулакомъ по столу.—Кто же повѣритъ ему? Я такъ полагаю, фра Томась, младенцевъ неразумныхъ, и тѣхъ не обманетъ?

Швейницъ опять покачалъ головою:

— Повѣрятъ, многіе повѣрятъ, фра Martino, и соблазнятся личиною святости, ибо плоть свою умертвить, чистоту соблюдетъ, съ женами не осквернится, отъ мяса не вкусить, и не только людей, но и всякую живую тварь, всякое дыха-

ніе будетъ миловать. Какъ лѣсная куропатка, созоветъ чужой выводокъ обманчивымъ голосомъ: придите ко мнѣ, скажете, всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ...

— Если такъ,—проговорилъ Джіованни,—кто же узнаетъ его, кто обличить?

Монахъ посмотрѣлъ на него глубокимъ, проникновеннымъ взоромъ и отвѣтилъ:

— Человѣку сіе невозможно—развѣ Богу. Великіе праведники, и тѣ не узнаютъ, ибо разумъ ихъ помутится, и мысли раздвоятся, такъ что не увидятъ, гдѣ свѣтъ и тьма. И будетъ на землѣ уныніе народовъ и недоумѣніе, какихъ еще не было отъ начала міра. И скажутъ люди горамъ: падите и скройте насъ. И будутъ издыхать отъ страха и ожиданія бѣдствій, грядущихъ на вселенную, ибо силы небесныя поколеблются. И тогда сидящій на престолѣ во храмѣ Бога Всевышняго скажетъ: «О чемъ смущаетесь и чего хотите? Овцы ли не узнали голоса Пастыря? О, родъ невѣрный и лукавый! Знаменья хотите—и будетъ вамъ знаменье. Се узрите Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ». И возьметъ великія крылья, устроенныя хитростью бѣсовскою, и вознесетъ на небо въ громахъ и молніяхъ, окруженный учениками своими, въ образѣ ангеловъ—и полетитъ...

Джіованни слушалъ, блѣднѣя, съ неподвижными глазами, полными ужаса: ему вспоминались широкія складки въ одеждѣ Антихриста, низвергаемаго ангеломъ въ бездну, на картинѣ Луки Синьорелли, и точно такія же складки, бившіяся по вѣтру, похожія на крылья исполинской птицы, за плечами Леонардо да-Винчи, стоявшаго у края пропасти, на пустынной вершинѣ Монте-Альбано.

Въ это время за дверью, въ сосѣдней общей комнатѣ, куда скрылся школяръ, потому что не любилъ слишкомъ долгихъ ученыхъ бесѣдъ, послышались крики, дѣвичій смѣхъ, бѣготня, стукъ падающихъ стульевъ, звонъ разбитаго стакана: то подвыпившій Гансъ шалилъ съ хорошенькою трактирною служанкою.

Вдругъ все затихло,—должно-быть, онъ поймалъ ее, поцѣловалъ и усадилъ къ себѣ на колѣни.

Подъ рокоть струнъ зазвучала старинная пѣсня:

Дѣва винныхъ погребовъ,
Сладостная роза,
Ave, ave, я пою,
Virgo gloriosa!
Нашъ трактирщикъ трезвый плутъ,
Съ хитрой лисьей рожей,—
Все же погребъ твой люблю
Больше церкви Божьей.
Отъ Кипридиныхъ сѣтей
И отъ стрѣль Амура
Не спасаютъ клобуки,
Четки и тонзура.
За единый поцѣлуй
Я пойду на плаху.
Нацѣди же мнѣ вина,
Доброму монаху.
Не боюсь святыхъ отцовъ;
Знаемъ мы законы:
Въ Римѣ золотомъ звучать,—
И молчать каноны.
Римъ—разбойничій вертепъ,
Путь въ геенну торный.
Папа—Божьей церкви столпъ,
Только столпъ позорный.
Ну же, дѣва, поцѣлуй!
Dum vinum rotamus—
Богу Вакху пропоемъ:
Te Deum laudamus!

Томась Швейницъ прислушался, и жирное лицо его расплылось въ блаженную улыбку. Онъ поднялъ стаканъ, въ которомъ искрилось блѣдное золото рейнскаго, и тонкимъ дребезжающимъ голосомъ отвѣтилъ на старую пѣсню бродячихъ школяровъ, вагантовъ и голіардовъ, первыхъ мятежниковъ, возставшихъ на Римскую церковь:

Богу Вакху пропоемъ:
Te Deum laudamus!

II.

Леонардо занимался анатоміей въ больницѣ Санъ-Спирито. Бельтраффіо помогаль ему.

Однажды, замѣтивъ постоянную грусть Джіованни и желая чѣмъ-нибудь развлечь его, учитель предложилъ ему пойти вмѣстѣ съ нимъ во дворецъ папы.

Въ это время испанцы и португальцы обратились къ Александру VI за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ о владѣніи новыми землями и островами, которые были недавно открыты Христофоромъ Колумбомъ. Папа долженъ былъ окончательно освятить пограничную черту, раздѣлявшую шаръ земной, проведенную имъ десять лѣтъ назадъ, при первомъ извѣстїи объ открытіи Америки. Леонардо приглашенъ былъ вмѣстѣ съ другими учеными, съ которыми папа желалъ посовѣтоваться.

Джіованни сперва отказался, но потомъ любопытство превозмогло: ему хотѣлось увидѣть того, о комъ онъ такъ много слышалъ.

На слѣдующее утро отправились они въ Ватиканъ и, пройдя большую залу Первосвященниковъ, ту самую, гдѣ Александръ VI вручилъ Цезарю золотую розу, вступили во внутренніе покои — въ прїемную, такъ называемую залу Христа и Божьей Матери, потомъ—въ рабочую комнату папы. Своды и полукруги—простѣночныя лунки между арками украшены были фресками Пинтуриккіо, картинами изъ Новаго завѣта и житіями святыхъ.

Рядомъ, на тѣхъ же сводахъ, изобразилъ художникъ языческія таинства. Сынъ Юпитера—Озирисъ, богъ солнца, сходитъ съ неба и обручается съ богинею земли, Изидою, учитъ людей воздѣлывать землю, собирать плоды, насаждать лозу. Люди убиваютъ его. Онъ воскресаетъ, выходитъ изъ земли и снова является подъ видомъ бѣлаго быка, непорочнаго Аписа.

Какъ ни странно было здѣсь, въ покояхъ римскаго первосвященника, сосѣдство картинъ изъ Новаго завѣта

съ обожествленіемъ золотого быка рода Борджіа, подъ видомъ Аписа,—единая всепроникающая радость жизни примирляла оба таинства—сына Іеговы и сына Юпитера: тонкіе молодые кипарисы гнулись подъ вѣтромъ между уютными холмами, подобными холмамъ пустынной Умбріи, и въ небѣ рѣявшія птицы играли въ весеннія игры любви; рядомъ со св. Елизаветой, обнимавшей Матерь Божію съ привѣтствіемъ: «Благословенъ плодъ чрева Твоего», — крошечный пажъ училъ собачку стоять на заднихъ лапкахъ; а въ обрученіи Озириса съ Изидою такой же точно шалунъ ѣхалъ голый верхомъ на жертвенномъ гусѣ: все дышало единою радостью; во всѣхъ украшеніяхъ, между цвѣточными гирляндами, ангелами съ крестами и кадильницами, козлоногими пляшущими фавнами съ тирсами и корзинами плодовъ, являлся таинственный быкъ, златобагрный звѣрь—и отъ него - то, казалось, какъ свѣтъ отъ солнца, изливалась эта радость.

«Что это?—думалъ Джіованни.—Кошунство или дѣтская невинность? Не то же ли святое умиленіе въ лицѣ Елизаветы, у которой младенецъ взыгралъ во чревѣ, и въ лицѣ Изиды, плачущей надъ растерзанными членами бога Озириса? Не тотъ же ли молитвенный восторгъ въ лицѣ Александра VI, склонившаго колѣна передъ Господомъ, выходящимъ изъ гроба, и въ лицѣ египетскихъ жрецовъ, принимающихъ бога солнца, убитаго людьми и воскресшаго подъ видомъ Аписа?»

И тотъ богъ, передъ которымъ люди падаютъ ницъ, поютъ славословія, жгутъ еиміамъ на алтаряхъ, геральдическій быкъ рода Борджіа, преобразенный золотой телецъ, былъ не кто иной, какъ самъ римскій первосвященникъ, обожествленный поэтами:

*Caesare magna fuit, nunc Roma est maxima: Sextus
Regnat Alexander, ille vir, iste Deus.*

Римъ былъ великимъ при Цезарѣ, нынѣ же сталъ величайшимъ: Царствуетъ въ немъ Александръ: тотъ—человѣкъ, этотъ—богъ.

И страшнѣ всякаго противорѣчія казалось Джіованни это беззаботное примиреніе Бога и звѣря.

Разсматривая живопись, въ то же время прислушивался онъ къ разговорамъ вельможъ и прелатовъ, наполнявшихъ залы въ ожиданіи папы.

— Откуда вы, Бельтрандо?—спрашивалъ феррарскаго посланника кардиналъ Арбореа.

— Изъ собора, монсиньоре!

— Ну, что? Какъ его святѣйшество? Не утомился ли?

— Нисколько. Такъ пропѣлъ обѣдню, что лучшаго желать нельзя. Величіе, святость, благолѣпіе ангелоподобное! Мнѣ казалось, что я не на землѣ, а на небѣ, среди святыхъ Божьихъ угодниковъ. И не я одинъ, многіе плакали, когда папа возносилъ чашу съ Дарами...

— Отъ какой болѣзни умеръ кардиналъ Микіеле? — полюбопытствовалъ недавно пріѣхавшій французскій посланникъ.

— Отъ пищи или питья, которыя оказались вредными его желудку, — отвѣтилъ вполголоса датарій, донъ-Жуанъ Лопецъ, родомъ испанецъ, какъ большинство приближенныхъ Александра VI.

— Говорятъ, — молвилъ Бельтрандо, — будто бы въ пятницу, какъ разъ на слѣдующій день послѣ смерти Микіеле, его святѣйшество отказалъ въ пріемъ испанскому послу, котораго ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, — извиняясь горемъ и заботою, причиненными ему смертью кардинала.

Въ этой бесѣдѣ, кромѣ явнаго, былъ тайный смыслъ: такъ, недосугъ и забота, причиненные папѣ смертью кардинала Микіеле, заключались въ томъ, что онъ весь день пересчитывалъ деньги покойнаго; пища, вредная для желудка его преподобія, былъ знаменитый ядъ Борджіа — сладкій бѣлый порошокъ, убивавшій постепенно, въ какіе угодно заранѣе назначаемые сроки, или же настойка изъ высушенныхъ, протертыхъ сквозь сито, шпанскихъ мухъ. Папа избрѣлъ этотъ быстрый и легкій способъ доставать деньги: въ точности слѣдя за доходами всѣхъ кардиналовъ, въ случаѣ надобности, перваго, кто казался ему достаточно разбогатѣвшимъ, отправлялъ на тотъ свѣтъ и объявлялъ себя наслѣдникомъ. Говорили, что онъ откармливаетъ ихъ,

какъ свиней на убой. Нѣмецъ Иоганнъ Бурхардъ, церемоніймейстеръ, то и дѣло отмѣчалъ въ дневникѣ своемъ среди описаній церковныхъ торжествъ внезапную смерть того или другого прелата съ невозмутимою краткостью:

«Испилъ чашу.—Viberat calicem».

— А правда ли, монсиньоры, — спросилъ камерарій, — тоже испанецъ Педро Каранца, — правда ли, будто бы сегодня ночью заболѣлъ кардиналъ Монреале?

— Неужели? — воскликнулъ Арбореа. — Что же съ нимъ такое?

— Не знаю навѣрное. Тошнота, говорятъ, рвота...

— О, Господи, Господи! — тяжело вздохнулъ Арбореа и пересчиталъ по пальцамъ: — кардиналы Орсини, Феррари, Микіеле, Монреале...

— Не здѣшній ли воздухъ, или, можетъ-быть, тибрская вода имѣютъ столь вредныя свойства для здоровья вашихъ преподобій? — лукаво замѣтилъ Бельтрандо.

— Одинъ за другимъ! Одинъ за другимъ! — шепталъ Арбореа, блѣднѣя. — Сегодня живъ человѣкъ, а завтра...

Всѣ притихли.

Новая толпа вельможъ, рыцарей, тѣлохранителей, подъ начальствомъ внучатнаго племянника папы, донъ-Родригеца Борджіа, камераріевъ, кубикуларіевъ, датаріевъ и другихъ сановниковъ Апостолической Куріи хлынули въ покои изъ обширныхъ сосѣднихъ залъ Папагалло.

«Святой отецъ, святой отецъ!» прошелестѣлъ и замеръ почтительный шопоть.

Толпа заволновалась, раздвинулась, двери распахнулись — и въ приѣмную вступилъ папа Александръ VI Борджіа.

III.

Въ молодости онъ былъ хорошъ собою. Увѣряли, что ему достаточно взглянуть на женщину, чтобы воспламенить ее страстью, какъ будто въ глазахъ его сила, которая притягиваетъ къ нему женщинъ какъ магнитъ — желѣзо. До сихъ

поръ черты его, хотя расплылись въ чрезмѣрной тучности, сохранили величавое благообразіе: смуглый цвѣтъ лица, черепъ голый, съ остатками сѣдыхъ волосъ на затылкѣ, большой орлиный носъ, отвислый подбородокъ, маленькіе, быстрые глазки, полные живостью необыкновенною, мясистыя мягкія губы, выдававшіяся впередъ, съ выраженіемъ сластолюбивымъ, лукавымъ и въ то же время почти дѣтски-простодушнымъ.

Напрасно Джіованни искалъ въ наружности этого чело-вѣка чего-либо страшнаго или жестокаго. Александръ Борджіа обладалъ въ высшей степени даромъ свѣтскихъ приличій — врожденнымъ изяществомъ. Чтò бы ни говорилъ и ни дѣлалъ, казалось, что такъ именно слѣдуетъ сказать и сдѣлать — нельзя иначе.

«Папѣ семьдесятъ лѣтъ, — писалъ одинъ посланникъ, — но съ каждымъ днемъ онъ молодѣетъ; самыя тяжкія горести его длятся не болѣе сутокъ; природа у него веселая; все, за что онъ берется, служитъ къ пользѣ его, да онъ, впрочемъ, и не думаетъ ни о чемъ, кромѣ славы и счастья дѣтей своихъ».

Борджіа выводили свой родъ отъ кастильскихъ мавровъ, выходцевъ изъ Африки, и, въ самомъ дѣлѣ, судя по смуглому цвѣту кожи, толстымъ губамъ, огненному взору Александра VI, въ жилахъ его текла африканская кровь.

«Нельзя себѣ представить, — думалъ Джіованни, — лучшаго ореола для него, чѣмъ эти фрески Пинтуриккіо, изображающія славу древняго Аписа—рожденнаго солнцемъ быка».

Самъ старый Борджіа, несмотря на семьдесятъ лѣтъ, здоровый и могучій, какъ матерой быкъ, казался потомкомъ своего геральдическаго звѣря, златобагрянаго быка, бога солнца, веселья, сладострастья и плодородья.

Александръ VI вошелъ въ залу, разговаривая съ евре-емъ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ Саломоне да-Сессо, тѣмъ самымъ, который изобразилъ тріумфъ Юлія Цезаря на мечѣ Валентино. Особой милости его святѣйшества заслужилъ онъ, вырѣзавъ на плоскомъ, большомъ изумрудѣ, въ подра-

жаніе древнимъ камнямъ, Венеру Каллипигу; она такъ понравилась папѣ, что этотъ камень онъ велѣлъ вставить въ крестъ, которымъ благословлялъ народъ во время торжественныхъ службъ въ соборѣ Петра, и такимъ образомъ, цѣлуя распятіе, цѣловалъ прекрасную богиню.

Онъ, впрочемъ, не былъ безбожникомъ: не только исполнялъ всѣ внѣшніе обряды церкви, но и въ тайнѣ сердца своего былъ набоженъ; особливо же чтилъ Пречистую Дѣву Марію и полагалъ Ее своею нарочитою Заступницей, всегдашнюю теплою Молитвенницей передъ Богомъ.

Лампада, которую теперь заказывалъ онъ жиду Саломоне, была даромъ, обѣщаннымъ Маріи-дель-Пополо за исцѣленіе мадонны Лукреціи.

Сидя у окна, разсматривалъ папа драгоценные камни. Онъ любилъ ихъ до страсти. Длинными тонкими пальцами красивой руки тихонько трогалъ ихъ, перебиралъ, выпятивъ толстыя губы, съ выраженіемъ лакомымъ и сластолюбивымъ.

Особенно понравился ему большой хризопрасъ, болѣе темный, чѣмъ изумрудъ, съ таинственными искрами золота и пурпура.

Онъ велѣлъ принести изъ собственной сокровищницы шкатулку съ жемчугомъ.

Каждый разъ, какъ открывалъ ее, вспоминалась ему возлюбленная дочь его Лукреція, похожая на блѣдную жемчужину. Отыскавъ глазами въ толпѣ вельможъ посланника феррарскаго герцога Альфонсо д'Эсте, своего зятя, подозвалъ его къ себѣ.

— Смотри же, Бельтрандо, не забудь гостинчика для мадонны Лукреціи. Не добро тебѣ къ ней возвращаться съ пустыми руками отъ дядюшки.

Онъ называлъ себя «дядюшкой», потому что въ дѣловыхъ бумагахъ именовалась мадонна Лукреція не дочерью, а племянницей его святѣйшества: римскій первосвященникъ не могъ имѣть законныхъ дѣтей.

Онъ порылся въ шкатулкѣ, вынулъ огромную, въ лѣсной орѣхъ, продолговатую, розовую индѣйскую жемчужину,

которой не было цѣны, поднялъ къ свѣту и залюбовался: она представилась ему въ глубокомъ вырѣзѣ чернаго платья на матово-бѣлой груди мадонны Лукреціи, и онъ почувствовалъ нерѣшимость, кому отдать ее—герцогинѣ Феррарской или Дѣвѣ Маріи? Но тотчасъ, подумавъ, что грѣшно отнимать у Царицы Небесной обѣщанный даръ, передалъ жемчужину еврею и приказалъ вставить въ лампаду на самое видное мѣсто, между хризопрасомъ и карбункуломъ, подаркомъ султана.

— Бельтрандо,— снова обратился онъ къ посланнику,— когда увидишь герцогиню, скажи ей отъ меня, чтобъ здорова была и усерднѣе молилась Царицѣ Небесной. Мы же, какъ видишь, милостью Господа и Приснодѣвы Маріи, всегдашней Заступницы нашей, въ здравіи совершенномъ обрѣтаемся и ей апостольское шлемъ благословеніе.—А гостинчикъ доставимъ тебѣ на домъ сегодня же вечеромъ.

Испанскій посоль, подойдя къ шкатулкѣ, воскликнулъ почтительно:

— Никогда не видывалъ я такого множества жемчуга! По крайней мѣрѣ, семь пшеничныхъ мѣръ?

— Восемь съ половиною!—поправилъ папа съ гордостью.— Да, можно чести приписать жемчужокъ изрядный! Двадцать лѣтъ коплю. У меня вѣдь дочка до перловъ охотница...

И, прищуривъ лѣвый глазъ, разсмѣялся тихимъ, страннымъ смѣхомъ.

— Знаеть, плутовка, чтó ей къ лицу. Я хочу, — прибавилъ торжественно, — чтобы послѣ смерти моей у Лукреціи были лучшіе перлы въ Италіи!

Погружая обѣ руки въ жемчугъ, забиралъ онъ его пригоршнями и сыпалъ между пальцами, любуясь, какъ тускляя нѣжныя зерна струятся съ шуршаніемъ и матовымъ блескомъ.

— Все, все для нея, дочки нашей возлюбленной! — повторялъ, захлебываясь.

И вдругъ въ горящихъ глазахъ его что-то промелькнуло, отъ чего холодъ ужаса пробѣжалъ по сердцу Джіованни— и вспомнились ему слухи о чудовищной похоти стараго Борджіа къ собственной дочери.

IV.

Его святѣйшеству доложили о Цезарѣ.

Папа пригласилъ его по важному дѣлу: французскій король, выражая черезъ своего посланника при дворѣ Ватикана неудовольствіе на враждебные замыслы герцога Валентино противъ Республики Флорентинской, находившейся подъ верховнымъ покровительствомъ Франціи, обвинялъ Александра VI въ томъ, что онъ поддерживаетъ сына въ этихъ замыслахъ.

Когда доложили о приходѣ сына, папа взглянулъ украдкою на французскаго посланника, подошелъ къ нему, взялъ его подъ руку и, говоря что-то на ухо, подвелъ какъ бы нечаянно къ двери той комнаты, гдѣ ожидалъ Цезарь; потомъ, войдя въ нее, оставилъ дверь, должно-быть, тоже нечаянно, непритворенною, такъ что сказанное въ сосѣднемъ покоѣ могло быть услышано стоявшими у двери, въ томъ числѣ французскимъ посланникомъ.

Скоро послышались оттуда яростные крики папы.

Цезарь началъ было возражать ему спокойно и почтительно. Но старикъ затопалъ на него ногами и закричалъ неистово:

— Прочь съ глазъ моихъ! Чтобъ тебѣ удавиться, собачьему сыну, блудницыну пащенку!..

— Ахъ, Боже мой! Слышите? — шепнулъ французскій посланникъ своему сосѣду, венеціанскому ораторе Антоніо Джустиніани. — Они подерутся, онъ прибѣдетъ его!

Джустиніани только пожалъ плечами: онъ зналъ, что, если кто кого побьетъ, то скорѣе сынъ отца, чѣмъ отецъ сына. Со времени убійства Цезарева брата, герцога Гандіи, папа трепеталъ передъ Цезаремъ, хотя полюбилъ его еще съ большею нѣжностью, въ которой суевѣрный ужасъ соединялся съ гордостью. Всѣ помнили, какъ молоденькаго камерарія Перотто, спрятавшагося отъ разгнѣваннаго гер-

цого подъ одежду папы, Цезарь закололъ на груди его, такъ что въ лицо ему брызнула кровь.

Джустиніани догадывался также, что теперешняя ссора ихъ—обманъ: они хотятъ окончательно сбить съ толку французскаго посланника, доказавъ ему, что если бы даже у герцога были какіе-либо замыслы противъ Республики, папа въ нихъ не участвуетъ. Джустиніани говариваль, что они всегда помогаютъ другъ другу: отецъ никогда не дѣлаетъ того, что говоритъ; сынъ никогда не говоритъ того, что дѣлаетъ.

Погрозивъ вдогонку уходившему герцогу отцовскимъ проклятьемъ и отлученіемъ отъ церкви, папа вернулся въ приѣмную, весь дрожа отъ бѣшенства, задыхаясь и вытирая потъ съ побагровѣвшаго лица. Только въ самой глубинѣ его глазъ блестѣла веселая искра.

Подойдя къ французскому посланнику, снова отвелъ его въ сторону, на этотъ разъ въ углубленіе двери, выходящей на дворъ Бельведера.

— Ваше святѣйшество,—началь было извиняться вѣжливыи французъ,—мнѣ бы не хотѣлось быть причиною гнѣва...

— А развѣ вы слышали?—простодушно изумился папа и, не давая опомниться, отечески-ласковымъ движеніемъ взялъ его за подбородокъ двумя пальцами—знакъ особаго вниманія — и быстро, плавно, съ неудержимымъ порывомъ заговорилъ о своей преданности королю и о чистотѣ намѣреній герцога.

Посланникъ слушалъ, отуманенный, ошеломленный, и, хотя имѣлъ почти неопровержимыя доказательства обмана, готовъ былъ скорѣе не вѣрить собственнымъ глазамъ, чѣмъ выраженію глазъ, лица, голоса папы.

Старый Борджіа лгаль естественно, никогда не обдуриваль заранѣе лжи, которая слагалась на устахъ его сама собою, такъ же невинно, почти произвольно, какъ въ любви у женщинъ. Всю жизнь развиваль онъ въ себѣ упражненіемъ эту способность и, наконецъ, достигъ такого совершенства, что, хотя всѣ знали, что онъ лжетъ, и что, по выраженію Макиавелли, «чѣмъ менѣе было у папы желанія

что-либо исполнить, тѣмъ болѣе давалъ онъ клятвъ»,—всѣ ему, однако, вѣрили, ибо тайна этой лжи заключалась въ томъ, что онъ и самъ себѣ вѣрилъ, какъ художникъ, увлекаясь вымысломъ.

V.

Кончивъ бесѣду съ посланникомъ, Александръ VI обратился къ своему главному секретарю, Франческо Ремолино да-Илерда, кардиналу Перуджии, который нѣкогда присутствовалъ на судѣ и казни брата Джиролама Савонаролы. Онъ ожидалъ съ готовою къ подписи буллою объ учрежденіи духовной цензуры. Папа самъ обдумывалъ и составлялъ ее.

«Признавая, — говорилось въ ней, между прочимъ, — пользу печатнаго станка, изобрѣтеніе, которое увѣковѣчиваетъ истину и дѣлаетъ ее доступною всѣмъ, но желая предотвратить могущее произойти для церкви зло отъ сочиненій вольнодумныхъ и соблазнительныхъ, симъ возбраняемъ печатать какую бы то ни было книгу безъ разрѣшенія начальства духовнаго — окружного викарія или епископа».

Выслушавъ буллу, папа обвелъ взоромъ кардиналовъ съ обычнымъ вопросомъ:

— Quod videtur?—Какъ полагаете?

— Помимо книгъ печатныхъ, — возразилъ Арбореа, — не должно ли принять какія-либо мѣры и противъ такихъ сочиненій рукописныхъ, какъ безымянное письмо къ Паоло Савелли?

— Знаю, — перебилъ папа. — Илерда показывалъ мнѣ.

— Если вашему святѣйшеству уже извѣстно...

Папа посмотрѣлъ кардиналу прямо въ глаза. Тотъ смутился.

— Ты хочешь сказать: какъ же не началъ я розыска, не постарался уличить виновнаго? О, сынъ мой, за что же бѣ я сталъ преслѣдовать моего обвинителя, когда въ словахъ его нѣтъ ничего, кромѣ истины?

— Отче святыи! — ужаснулся Арбореа.

— Да, — продолжалъ Александръ VI голосомъ торжественнымъ и проникновеннымъ, — правъ обвинитель мой! Послѣдній изъ грѣшниковъ есмь азъ—и тать, и лихоимецъ, и прелюбодѣй, и челоувѣкоубійца! Трепещу и не знаю, куда скрыть лицо мое на судѣ челоувѣческомъ — что же будетъ на страшномъ судилищѣ Христовомъ, когда и праведный едва оправдается?.. Но живъ Господь, жива душа моя! И за меня окаяннаго вѣнчанъ былъ терніемъ, битъ по ланитамъ и распятъ, и умеръ Богъ мой на крестѣ! Довольно капли крови Его, дабы убѣлить и такого, какъ я, паче снѣга. Кто же, кто изъ васъ, обличители-братья мои, испыталь глубины милосердія Божьяго такъ, чтобы сказать о грѣшникѣ: осужденъ. Пусть же праведные судомъ оправдаются, мы же, грѣшные — только смиреніемъ и покаяніемъ, ибо знаемъ, что нѣтъ безъ грѣха покаянія, безъ покаянія нѣтъ спасенія. И согрѣшу, и покаюсь, и паки согрѣшу, и паки восплачу о грѣхахъ моихъ, какъ мытарь и блудница. Ей, Господи, какъ разбойникъ на крестѣ, исповѣдую имя Твое! И ежели не только люди, можетъ-быть, столь же грѣшные, какъ я, но и ангелы, силы, начала и власти небесныя осудятъ и отвергнуть меня, — не умолкну, не престану вопить къ Заступницѣ моей, Дѣвѣ Пречистой — и знаю, Она меня помилуетъ, помилуетъ!..

Съ глухимъ рыданіемъ, потрясшимъ все тучное тѣло его, протянулъ онъ руки къ Божьей Матери въ картинѣ Пинтуриккіо надъ дверью залы. Многіе думали, что въ этой фрескѣ, по желанію самого папы, художникъ придалъ Мадоннѣ сходство съ прекрасной римлянкой Джуліей Фарнезе, наложницей его святѣйшества, матерью Цезаря и Лукреціи.

Джіованни глядѣлъ, слушалъ и недоумѣвалъ: что это—шутовство или вѣра? а можетъ-быть, и то и другое вмѣстѣ?

— Одно еще скажу, друзья мои,—продолжалъ папа,—не себѣ въ оправданіе, а во славу Господа. Писавшій посланіе къ Паоло Савелли называетъ меня еретикомъ. Свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ — въ семь неповиненъ! Вы

сами... или нѣтъ, вы въ лицо мнѣ правды не скажете, — но хоть ты, Илерда, я знаю, ты одинъ меня любишь и видишь сердце мое, ты не льстецъ, — скажи же мнѣ, Франческо, скажи, какъ передъ Богомъ, повиненъ ли я въ ереси?

— Отче святой, — произнесъ кардиналъ съ глубокимъ чувствомъ, — мнѣ ли тебя судить? Злѣйшіе враги твои, если читали твореніе папы Александра VI, «Щитъ Святой Римской Церкви», — должны признать, что въ ереси ты повиненъ.

— Слышите, слышите? — воскликнулъ папа, указывая на Илерду и торжествуя какъ ребенокъ. — Если ужъ онъ меня оправдалъ, значить и Богъ оправдаетъ. Въ чемъ другомъ, а въ вольнодумствѣ, въ мятежномъ любомудріи вѣка сего, въ ереси — неповиненъ! Ни единымъ помысломъ, ниже сомнѣніемъ богопротивнымъ не осквернилъ я души моей. Чиста и непоколебима вѣра наша. Да будетъ же булла сія о цензурѣ духовной новымъ щитомъ адамантовымъ церкви Господней!

Онъ взялъ перо и крупнымъ, дѣтски-неуклюжимъ, но величественнымъ почеркомъ вывелъ на пергаментѣ:

«Fiat.—Быть по сему.—Alexander Sextus episcopus servus servorum Dei.—Александръ Шестой, епископъ, рабъ рабовъ Господнихъ».

Два монаха пистерціанца изъ апостолической коллегіи «печатниковъ» — піомбаторе подвѣсили къ буллѣ на шелковомъ шнурѣ, продѣтомъ сквозь отверстие въ толщѣ пергамента, свинцовый шаръ и расплющили его желѣзными щипцами въ плоскую печать съ оттиснутымъ именемъ папы и крестомъ.

— Нынѣ отпускаеши раба Твоего! — прошепталъ Илерда, подымая къ небу впалые глаза, горѣвшіе огнемъ безумной ревности.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣрилъ, что, если бы положить на одну чашу вѣсовъ всѣ злодѣянія Борджіа, а на другую эту буллу о духовной цензурѣ, — она перевѣсила бы.

VI.

Тайный кубикюларій приблизился къ папѣ и что-то сказалъ ему на ухо. Борджіа, съ озабоченнымъ видомъ, прошелъ въ сосѣдную комнату и далѣе, черезъ маленькую дверь, спрятанную ковравыми обоями, въ узкій сводчатый проходъ, озаренный висячимъ фонаремъ, гдѣ ожидалъ его поваръ отравленнаго кардинала Монреале. До Александра VI дошли слухи, будто бы количество яда оказалось недостаточнымъ и больной выздоравливаетъ.

Разспросивъ повара съ точностью, папа убѣдился, что, несмотря на временное улучшение, онъ умретъ черезъ два, три мѣсяца. Это было еще выгоднѣе, такъ какъ отклоняло подозрѣнія.

«А все-таки, — подумалъ онъ, — жаль старика! Веселый былъ, обходительный человѣкъ и добрый сынъ церкви».

Сокрушенно вздохнулъ, понутивъ голову, и добродушно выпятилъ пухлыя, мягкія губы.

Папа не лгалъ: онъ, въ самомъ дѣлѣ, жалѣлъ кардинала, и если бы можно было отнять у него деньги, не причинивъ ему вреда, — былъ бы счастливъ.

Возвращаясь въ пріемную, увидѣлъ въ залѣ Свободныхъ Искусствъ, иногда служившей трапезною для маленькихъ дружескихъ полдниковъ, накрытый столъ и почувствовалъ голодь.

Дѣленіе земного шара отложено было на послѣобѣденное время. Его святѣйшество пригласилъ гостей въ трапезную.

Столъ украшенъ былъ живыми бѣлыми лиліями въ хрустальныхъ сосудахъ, цвѣтами Благовѣщенія, которые папа особенно любилъ, потому что дѣвственная прелесть ихъ напоминала ему Лукрецію.

Блюда не были роскошными: Александръ VI въ пищѣ и питьѣ отличался умѣренностью.

Стоя въ толпѣ камераріевъ, Джіованни прислушивался къ застольной бесѣдѣ.

Датарій, донь-Жуань Лопецъ, навель рѣчь на сегоднешнюю ссору его святѣйшества съ Цезаремъ и, какъ будто не подозрѣвая, что она притворная, началъ усердно оправдывать герцога.

Всѣ присоединились къ нему, превознося добродѣтели Цезаря.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не говорите! — качаль головою папа съ ворчливою нѣжностью. — Не знаете вы, друзья мои, что это за человѣкъ. Каждый день я жду, какую еще штуку выкинетъ. Помяните слово мое, доведетъ онъ насъ всѣхъ до бѣды, да и самъ себѣ шею сломаетъ...

Глаза его блеснули отеческою гордостью.

— И въ кого только уродился, подумаешь? Вы вѣдь меня знаете: я человѣкъ простой, безхитростный. Что на умѣ, то и на языкѣ. А Цезарь, Господь его вѣдаетъ, — все-то онъ молчитъ, все-то прячется. Вѣрите ли, мессэры, иногда кричу на него, ругаюсь, а самъ боюсь, да, да, собственнаго сына боюсь, потому что вѣжливъ онъ, даже слишкомъ вѣжливъ, а какъ вдругъ поглядить—точно ножъ въ сердце...

Гости принялись еще усерднѣе защищать герцога.

— Ну, да ужъ знаю, знаю, — молвилъ папа съ хитрою усмѣшкою, — вы его любите, какъ родного, и намъ въ обиду не дадите...

Всѣ притихли, недоумѣвая, какихъ еще похвалъ ему нужно.

— Вотъ вы всѣ говорите: такой онъ, сякой, — продолжалъ старикъ, и глаза его загорѣлись уже неудержимымъ восторгомъ, — а я вамъ прямо скажу: никому изъ васъ и не снилось, что такое Цезарь! О, дѣти мои, слушайте—я открою вамъ тайну сердца моего. Не себя вѣдь я въ немъ прославляю, а нѣкій высшій Промыселъ. — Два было Рима. Первый собралъ племена и народы земные подъ властью меча. Но взявшій мечъ отъ меча погибнетъ. И Римъ погибъ. Не стало въ мѣрѣ власти единой, и разсѣялись народы, какъ овцы безъ пастыря. Но міру нельзя быть безъ Рима. И новый Римъ хотѣлъ собрать языки подъ властью Духа, и не пошли къ нему, ибо сказано: будешь пасти ихъ жез-

ломъ желѣзнымъ. Единный же духовный жезлъ надъ міромъ власти не имѣеть. Я, первый изъ папъ, далъ церкви Господней сей мечъ, сей жезлъ желѣзный, коимъ пасутся народы и собираются въ стадо единое. Цезарь — мой мечъ. И се, оба Рима, оба меча соединяются, да будетъ папа кесаремъ и кесарь папою, царство Духа—на царствѣ Меча въ послѣднемъ вѣчномъ Римѣ!

Старикъ умолкъ и поднялъ глаза къ потолку, гдѣ золотыми лучами, какъ солнце, сіялъ багряный звѣрь.

— Аминь! Аминь! Да будетъ! — вторили сановники и кардиналы Римской церкви.

Въ залѣ становилось душно. У папы немного кружилась голова не столько отъ вина, сколько отъ опьяняющихъ грезъ о величіи сына.

Вышли на балконъ — рингіеру, выходившую на дворъ Бельведера.

Внизу папскіе конюхи выводили кобыль и жеребцовъ изъ конюшенъ.

— Алонзо, ну-ка, припусти! — крикнулъ папа старшему конюху.

Тотъ понялъ и отдалъ приказъ: случка жеребцовъ съ кобылами была одной изъ любимыхъ потѣхъ его святѣйшества.

Ворота конюшни распахнулись; бичи захлопали; послышалось веселое ржаніе и цѣлый табунъ разсыпался по двору; жеребцы преслѣдовали и покрывали кобыль.

Окруженный кардиналами и вельможами церкви, долго любовался папа этимъ зрѣлищемъ.

Но мало-по-малу лицо его омрачилось: онъ вспомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ любовался этою же самою потѣхою, вмѣстѣ съ мадонной Лукреціей. Образъ дочери всталъ передъ нимъ какъ живой: бѣлокурая, голубоглазая, съ немного толстыми чувственными губами—въ отца, вся свѣжая, нѣжная, какъ жемчужина, безконечно-покорная, тихая, во злѣ не знающая зла, въ послѣднемъ ужасѣ грѣха непорочная и безстрастная. Вспомнилъ онъ также съ возмущеніемъ и ненавистью теперешняго мужа ея, феррарскаго герцога

Альфонсо д'Эсте. Зачѣмъ онъ отдалъ ее, зачѣмъ согласился на бракъ?

.

Тяжело вздохнувъ и понутивъ голову, какъ будто вдругъ почувствовавъ на плечахъ своихъ бремя старости, вернулся папа въ пріемную.

VII.

Здѣсь уже приготовлены были сферы, карты, циркули, компасы для проведенія великаго меридіана, который долженъ былъ пройти въ трехъ стахъ семидесяти португальскихъ «легвахъ» къ западу отъ острововъ Азорскихъ и Зеленаго Мыса. Мѣсто это выбрано было потому, что именно здѣсь, какъ утверждалъ Колумбъ, находился «пупъ земли», отростокъ грушевиднаго глобуса, подобный сосцу женской груди—гора, достигающая лунной сферы небесъ, въ существованіи коей убѣдился онъ по отклоненію магнитной стрѣлки компаса, во время своего перваго путешествія.

Отъ крайней западной точки Португаліи съ одной стороны и береговъ Бразиліи—съ другой отмѣтили равныя разстоянія до меридіана. Впослѣдствіи кормчіе и астрономы должны были съ большею точностью опредѣлить эти разстоянія днями морского пути.

Папа сотворилъ молитву, благословилъ земную сферу тѣмъ самымъ крестомъ, въ который вставленъ былъ изумрудъ съ Венерой Каллипигою, и, обмакнувъ кисточку въ красныя чернила, провелъ по Атлантическому океану отъ сѣвернаго полюса къ южному великую миротворную черту: всѣ острова и земли, открытые или имѣвшіе быть открытыми къ востоку отъ этой черты, принадлежали Испаніи, къ западу—Португаліи.

Такъ, однимъ движеніемъ руки разрѣзалъ онъ шаръ земли пополамъ, какъ яблоко, и раздѣлилъ его между христіанскими народами.

Въ это мгновеніе, казалось Джіованни, Александръ VI, благолѣпный и торжественный, полный сознаниемъ своего

могущества, походилъ на предсказаннаго имъ міродержавнаго Кесаря-Папу, объединителя двухъ царствъ—земного и небеснаго, отъ міра и не отъ міра сего.

Въ тотъ же день вечеромъ, въ своихъ покояхъ въ Ватиканѣ, Цезарь давалъ его святѣйшеству и кардиналамъ пиръ, на которомъ присутствовало пятьдесятъ прекраснѣйшихъ римскихъ «благородныхъ блудницъ»—*meretrices honestae*.

Послѣ ужина закрыли окна ставнями, двери заперли, со столовъ сняли огромные серебряные подсвѣчники и поставили ихъ на полъ. Цезарь, папа и гости кидали жареные каштаны блудницамъ, и онѣ подбирали ихъ, ползая на четверенькахъ, совершенно голыя, между безчисленнымъ множествомъ восковыхъ свѣчей: дрались, смѣялись, визжали, падали; скоро на полу, у ногъ его святѣйшества, зашевелилась цѣлая груда смуглыхъ, бѣлыхъ и розовыхъ тѣлъ въ яркомъ, падавшемъ снизу, блескѣ догоравшихъ свѣчей.

Семидесятилѣтній папа забавлялся какъ ребенокъ, бросалъ каштаны пригоршнями и хлопалъ въ ладоши, называя кортезанъ своими «птичками-трясогузочками».

Но мало-по-малу лицо его омрачилось точно такую же тѣнью, какъ послѣ полдника на рингіерѣ Бельведера: онъ вспомнилъ, какъ въ 1501 году, въ ночь кануна Всѣхъ Святыхъ, любовался вмѣстѣ съ мадонной Лукреціей, возлюбленною дочерью, этою же самою игрою съ каштанами.

Въ заключеніе праздника гости спустились въ собственные покои его святѣйшества, въ залу Господа и Божьей Матери. Здѣсь устроено было любовное состязаніе между кортезанами и сильнѣйшими изъ романьольскихъ тѣлохранителей герцога; побѣдителямъ раздавались награды.

Такъ отпраздновали въ Ватиканѣ достопамятный день Римской церкви, ознаменованный двумя великими событіями—раздѣленіемъ шара земного и учрежденіемъ духовной цензуры.

Леонардо присутствовалъ на этомъ ужинѣ и видѣлъ все. Приглашеніе на подобныя празднества считалось вели-

чайшею милостью, отъ которой невозможно было отказаться.

Въ ту же ночь, вернувшись домой, писалъ онъ въ дневникъ:

«Правду говоритъ Сенека: въ каждомъ человѣкѣ есть Богъ и звѣрь, скованные вмѣстѣ».

И далѣе, рядомъ съ анатомическимъ рисункомъ:

«Мнѣ кажется, что люди съ низкими душами, съ презрѣнными страстями, недостойны такого прекраснаго и сложнаго строенія тѣла, какъ люди великаго разума и созерцанія: довольно съ нихъ было бы мѣшка съ двумя отверстіями, однимъ—чтобы принимать, другимъ—чтобы выбрасывать пищу, ибо воистину они не болѣе, какъ проходъ для пищи, какъ наполнители выгребныхъ ямъ. Только лицомъ и голосомъ похожи на людей, а во всемъ остальномъ хуже скотовъ».

Утромъ Джіованни засталъ учителя въ мастерской за работою надъ св. Іеронимомъ.

Въ пещерѣ, подобной львиному логову, отшельникъ, стоя на колѣняхъ и глядя на распятіе, бьетъ себя камнемъ въ грудь съ такою силою, что прирученный левъ, лежащій у ногъ его, смотритъ ему въ глаза, открывъ пасть, должно-быть, съ протяжнымъ, унылымъ рыканіемъ, какъ будто звѣрю жаль человѣка.

Бельтраффіо вспомнилъ другую картину Леонардо—бѣлую Леду съ бѣлымъ лебедемъ, богиню сладострастія, объятую пламенемъ на кострѣ Савонаролы. И опять, какъ уже столько разъ, спрашивалъ себя Джіованни: какая изъ этихъ двухъ противоположныхъ безднъ ближе сердцу учителя—или обѣ ему одинаково близки?

VIII

Наступило лѣто. Въ городѣ свирѣпствовала гнилая лихорадка Понтійскихъ болотъ—малярія. Въ концѣ іюля и въ началѣ августа не проходило дня, чтобы не умиралъ кто-либо изъ приближенныхъ папы.

Въ послѣдніе дни казался онъ тревожнымъ и печальнымъ. Но не страхъ смерти, а иная, давнишняя тоска грызла его, — тоска по мадоннѣ Лукреціи. У него и прежде бывали такіе припадки неистовыхъ желаній, слѣпыхъ и глухихъ, подобныхъ безумію, и онъ боялся ихъ: ему казалось, что если онъ не утолитъ ихъ тотчасъ, они задушатъ его.

Онъ писалъ ей, умоляя пріѣхать, хотя бы на нѣсколько дней, надѣясь потомъ удержать ее силою. Она отвѣтила, что мужъ не пускаетъ ее. Ни передъ какимъ злодѣяніемъ не остановился бы старый Борджіа, чтобы истребить этого послѣдняго, ненавистнѣйшаго зятя своего, такъ же какъ уже истребилъ онъ всѣхъ остальныхъ мужей Лукреціи. Но съ герцогомъ Феррары шутки были плохи: у него была артиллерія лучшая во всей Италіи.

5 августа отправился папа на загородную виллу кардинала Адриана. За ужиномъ, несмотря на предостереженіе врачей, ѣлъ свои любимыя, пряныя блюда, запивалъ ихъ тяжелымъ сицилійскимъ виномъ и долго наслаждался опасною свѣжестью римскаго вечера.

На слѣдующее утро почувствовалъ недомоганіе. Впослѣдствіи рассказывали, будто бы, подойдя къ открытому окну, папа увидѣлъ сразу два похоронныхъ шествія—одного изъ своихъ камерлинговъ и мессэра Гульельмо Раймондо. Оба покойника были тучными.

— Опасное время года для нашего брата, тучныхъ людей,—молвилъ, будто бы, папа.

И только что онъ это сказалъ, горлинка влетѣла въ окно, ударилась объ стѣну и, оглушенная, упала къ ногамъ его святѣйшества.

— Дурная примѣта! Дурная примѣта!—прошепталъ онъ, блѣднѣя, и тотчасъ удалился въ опочивальню.

Ночью сдѣлалась съ нимъ тошнота и рвота.

Врачи опредѣляли болѣзнь различно: одни называли ее терціаною, третичною лихорадкою, другіе—разлитіемъ желчи, третьи—«кровянымъ ударомъ». По городу ходили слухи объ отравленіи папы.

Съ каждымъ часомъ онъ ослабѣвалъ. 16 августа рѣшили прибѣгнуть къ послѣднему средству—лѣкарству изъ толченыхъ драгоцѣнныхъ камней. Отъ него больному сдѣлалось еще хуже.

Однажды ночью, очнувшись отъ забытья, сталъ шарить на груди, подъ рубашкою. Въ теченіе многихъ лѣтъ Александръ VI носилъ на себѣ маленькій золотой ковчежецъ, натѣльную дароносицу, въ видѣ шарика, съ частицами Крови и Тѣла Господня. Астрологи предсказали ему, что онъ не умретъ, пока будетъ ее имѣть при себѣ. Самъ ли онъ потерялъ ее, или укралъ кто-либо изъ бывшихъ при немъ, желая ему смерти,—осталось тайною. Узнавъ, что нигдѣ не могутъ отыскать ее, смежилъ глаза съ безнадежною покорностью и произнесъ:

— Значить, умру. Кончено!

Утромъ 17 августа, почувствовавъ смертельную слабость, велѣлъ выйти всѣмъ и, подозвавъ къ себѣ любимаго врача своего, епископа Ванозы, напомнилъ ему о способѣ лѣченія, изобрѣтенномъ однимъ евреемъ, врачомъ Иннокентія VIII, перелившимъ, будто бы, въ жилы умирающаго папы кровь трехъ младенцевъ.

— Ваше святѣйшество, — возразилъ епископъ, — вамъ извѣстно, чѣмъ кончился опытъ?

— Знаю, знаю, — пролепеталъ папа. — Но, можетъ-быть, не удалось потому, что дѣти были семи, восьми лѣтъ, а нужно, говорятъ, самыхъ маленькихъ, грудныхъ...

Епископъ ничего не отвѣтилъ. Глаза больного померкли. Онъ уже бредилъ:

— Да, да, самыхъ маленькихъ... бѣленькихъ... Кровь у нихъ чистая, алая... Я дѣтокъ люблю. *Sinite parvulos ad me venire.* — Не возбраняйте малымъ приходите ко мнѣ...

Отъ этого бреда въ устахъ умирающаго намѣстника Христова покоробило даже невозмутимаго, ко всему привыкшаго епископа.

Однообразнымъ, беспомощнымъ, словно утопающій, судорожно-торопливымъ движеніемъ руки папа все еще ша-

рилъ, щупаль, искалъ на груди своей пропавшей дароно-
сицы съ Тѣломъ и Кровью Господнею.

Во время болѣзни ни разу не вспомнилъ о дѣтяхъ.
Узнавъ, что Цезарь тоже при смерти, остался равнодушень.
Когда же спросили, не желаетъ ли, чтобы сыну или дочери
была передана его послѣдняя воля,—отвернулся молча, какъ
будто для него уже не было тѣхъ, кого всю жизнь любилъ
онъ такой неистойвой любовью.

18 августа, въ пятницу, утромъ, исповѣдался духов-
нику своему, епископу Каринола, Пьеро Гамбоа и приоб-
щился.

Къ повечерію стали читать отходную. Нѣсколько разъ
умирающій усиливался что-то сказать или сдѣлать знакъ
рукою. Кардиналъ Илерда наклонился въ нему и по сла-
бымъ звукамъ, выходящимъ изъ устъ его, понялъ, что папа
говорить:

— Скорѣй... скорѣй... читай молитву Заступницѣ...

Хотя по церковному чину надъ умирающими молитву
эту читать не полагалось, Илерда исполнилъ послѣднюю
волю друга и прочелъ: *Stabat Mater Dolorosa*.

На Голгоѣѣ, Матерь Божья,
Ты стояла у подножья
Древа Крестнаго, гдѣ былъ
Распятъ Сынъ Твой,—и, разящій,
Душу Матери Скорбящей
Смертной муки мечъ пронзилъ.
Какъ Онъ умеръ, Сынъ твой нѣжный
Одинокій, безнадежный,
Очи видѣли Твои.

.
Не отринь меня, о Дѣва,
Дай и мнѣ стоять у Древа
Обагренаго,—въ крови,—
Ибо, видишь, сердце жаждетъ,
Пострадать, какъ Сынъ Твой страждетъ.
Дѣва дѣвъ, Родникъ любви,
Дай мнѣ болью ранъ упиться,
Крестной мукой насладиться,
Мукой Сына Твоего,

Чтобъ огнемъ любви сторая
И томясь, и умирая,
Мнѣ увидѣть славу рая
Въ смерти Бога моего!

Невыразимое чувство блеснуло въ глазахъ Александра VI, какъ будто онъ уже видѣлъ передъ собою Заступницу. Съ послѣднимъ усиліемъ протянулъ онъ руки, весь вострепелъ, приподнялся, повторилъ коснѣющимъ языкомъ:

— «Не отринь меня, о Дѣва!»—упалъ на подушки—и его не стало.

IX.

Въ это время Цезарь также былъ между жизнью и смертью.

Врачъ, епископъ Гаспаре Торелла, подвергъ его необычайному способу лѣченія: велѣлъ распороть брюхо мулу и погрузить больного, потрясаемаго ознобомъ, въ окровавленную дымящуюся внутренности; потомъ окунули его въ ледяную воду. Не столько лѣченіемъ, сколько неимовѣрнымъ усиліемъ воли Цезарь побѣдилъ болѣзнь.

Въ эти страшные дни сохранялъ онъ совершенное спокойствіе, слѣдилъ за происходившими событіями, выслушивалъ доклады, диктовалъ письма, отдавалъ приказанія. Когда пришла вѣсть о кончинѣ папы, велѣлъ перенести себя черезъ потайной ходъ изъ Ватикана въ крѣпость св. Ангела.

По городу распространялись цѣлыя сказанія о смерти Александра VI. Венеціанскій посланникъ Марино Сануто доносилъ Республикѣ, будто бы умирающій видѣлъ обезьяну, которая дразнила его, прыгая по комнатѣ, и когда одинъ изъ кардиналовъ предложилъ поймать ее, воскликнулъ въ ужасѣ: «оставь ее, оставь; это—дьяволъ!» Другіе рассказывали, что онъ повторялъ: «иду, иду, только погоди еще немного!» и объясняли это тѣмъ, что, находясь въ конклавѣ, избиравшемъ папу послѣ кончины Иннокентія VIII,—Родриго Борджіа, будущій Александръ VI, заключилъ договоръ съ дьяволомъ, продавъ ему душу свою за двѣнадцать лѣтъ

папства. Увѣряли также, будто бы, за минуту до смерти, у изголовья его появилось семь бѣсовъ. Только что онъ умеръ, тѣло его начало разлагаться, кипѣть, выбрасывая пѣну изо рта, точно котелъ на огнѣ, стало поперекъ себя толще, вздулось горою, утративъ всякій человѣческій образъ, и почернѣло, «какъ уголь или самое черное сукно, а лицо сдѣлалось, какъ лицо эііопа».

По обычаю, передъ погребеніемъ римскаго первосвященника слѣдовало служить заупокойныя обѣдни въ соборѣ св. Петра въ теченіе девяти дней. Но таковъ былъ ужасъ, внушаемый останками папы, что никто не хотѣлъ служить. Вокругъ тѣла не было ни свѣчей, ни ладана, ни чтецовъ, ни стражей, ни молящихся. Долго не могли найти гробовщиковъ. Наконецъ отыскалось шесть негодяевъ, готовыхъ на все за стаканъ вина. Гробъ оказался не впору. Тогда съ головы папы сняли трехвѣчную тіару, набросили на него, вмѣсто покрова, дырявый коверъ и кое-какъ пинками втиснули тѣло въ слишкомъ короткій и узкій ящикъ. Другіе увѣряли, будто бы, не удостоивъ гроба, сволокли его въ яму за ноги, привязавъ къ нимъ веревку, какъ падаль или трупъ зачумленнаго.

Но и послѣ того, какъ тѣло зарыли, не было ему покоя: суевѣрный ужасъ въ народѣ все увеличивался. Казалось, что въ самомъ въздухѣ Рима къ смертоносному дыханію маляріи присоединился новый, невѣдомый, еще болѣе отвратительный и зловѣщій смрадъ. Въ соборѣ св. Петра стала являться черная собака, которая бѣгала съ неимоверною скоростью, правильными расходящимися кругами. Жители Борго не смѣли выходить изъ домовъ съ наступленіемъ сумерекъ. И многіе были твердо увѣрены въ томъ, что папа Александръ VI умеръ не настоящею смертію—воскреснетъ, сядетъ снова на престолъ—и тогда начнется царство Антихриста.

Обо всѣхъ этихъ событіяхъ и слухахъ Джіованни подробно узнавалъ въ переулкѣ Синибальди, въ погребѣ чеха-гуссита Яна Хромого.

Х.

Въ это время Леонардо, вдали отъ всѣхъ, безмятежно работаль надъ картиною, которую началъ давно по заказу монаховъ-сервитовъ для церкви ихъ, Санта-Марія-дель-Аннунціата во Флоренціи, и потомъ, будучи на службѣ Цезаря Борджіа, продолжалъ со своею обычною медлительностью. Картина изображала св. Анну и Дѣву Марію.

Среди пустынного горнаго пастбища, на высотѣ, откуда виднѣются голубыя вершины дальнихъ горъ и тихія озера, Дѣва Марія, по старой привычкѣ, сидя на колѣняхъ матери, удерживаетъ Иисуса Младенца, Который схватилъ ягненка за уши, пригнулъ его къ землѣ и поднялъ ножку съ шаловливою рѣзвостью, чтобы вскочить верхомъ. Св. Анна подобна вѣчно-юной сибиллѣ. Улыбка опущенныхъ глазъ и тонкихъ, извилистыхъ губъ, неуловимо скользящая, полная тайны и соблазна, какъ прозрачно-глубокая вода,— улыбка змѣиной мудрости, напоминала Джіованни улыбку самого Леонардо. Рядомъ съ нею, младенчески ясный ликъ Маріи дышалъ простотою голубиною. Марія была совершенная любовь, Анна—совершенное знаніе. Марія знаетъ, потому что любитъ, Анна любитъ, потому что знаетъ. И Джіованни казалось, что, глядя на эту картину, онъ понялъ впервые слово учителя: великая любовь есть дочь великаго познанія.

Въ то же время Леонардо исполнялъ рисунки разнообразныхъ машинъ, гигантскихъ подъемныхъ лебедокъ, водокачальныхъ насосовъ, приборовъ для вытягиванія проволокъ, пилъ для самага твердаго камня, станковъ, сверлящихъ для выдѣлки желѣзныхъ прутьевъ, ткацкихъ, сукнострижныхъ, канатопрядильныхъ, гончарныхъ.

И Джіованни удивлялся тому, что учитель соединяетъ эти двѣ работы—надъ машинами и надъ св. Анною. Но соединеніе не было случайнымъ.

«Я утверждаю,—писаль онъ въ началахъ Механики,— что сила есть нѣчто духовное, незримое,—духовное потому,

что въ ней жизнь безтѣлесная; незримое потому, что тѣло, въ которомъ рождается сила, не мѣняется ни вѣса, ни вида».

Съ одинаковой радостью созерцалъ онъ, какъ по членамъ прекрасныхъ машинъ — колесамъ, рычагамъ, пружинамъ, дугамъ, приводнымъ ремнямъ, безконечнымъ винтамъ, шурупамъ, стержнямъ, могучимъ желѣзнымъ валамъ и маленькимъ зубчикамъ, спицамъ, тончайшимъ калевкамъ — ходитъ сила, переливается; и точно такъ же — любовь, сила Духа, которою движутся міры, течетъ, переливается отъ неба къ землѣ, отъ матери къ дочери, отъ дочери къ внуку, таинственному Агнцу, чтобы, совершая вѣчный кругъ, вернуться вновь къ Началу Своему.

Участь Леонардо рѣшалась вмѣстѣ съ участью Цезаря. Несмотря на спокойствіе и отвагу, которыя сохранялъ Цезарь, — «великій знатокъ судьбы», по выраженію Макиавелли, чувствовалъ, что счастье отъ него отвернулось. Узнавъ о смерти папы и болѣзни герцога, враги его соединились и захватили земли Римской Кампаньи. Просперо Колонна подступалъ къ воротамъ города; Вителли двигался на Читтади-Кастелло; Джіанъ-Паоло Бальони — на Перуджію; Урбино возмутилось; Камерино, Кальи, Піомбино, одно за другимъ, отпадали; конклавъ, открытый для избранія новаго папы, требовалъ удаленія герцога изъ Рима. Все измѣняло, все рушилось.

И тѣ, кто недавно трепетали передъ нимъ, теперь издѣвались и привѣтствовали гибель его — лягали издыхающаго льва ослинымъ копытомъ. Поэты слагали эпиграммы:

«Или ничто, или Цезарь!» — А если и то, и другое?
Цезаремъ ты уже былъ, будешь ты скоро ничѣмъ.

Однажды, во дворцѣ Ватикана, бесѣдуя съ венеціанскимъ посланникомъ Антоніо Джустиніани, тѣмъ самымъ, который, во дни величія герцога, предсказывалъ, что онъ «сгоритъ, какъ соломенный огонь», Леонардо завелъ рѣчь о мессѣрѣ Никколò Макиавелли.

— Говорилъ ли онъ вамъ про свое сочиненіе о государственной наукѣ?

— Какъ же, бесѣдовали не разъ. Мессэръ Никколо, конечно, изволить шутить. Никогда не выпустить онъ въ свѣтъ этой книги. Развѣ о такихъ предметахъ пишутъ? Давать совѣты правителямъ, разоблачать передъ народомъ тайны власти, доказывать, что всякое государство есть не что иное, какъ насиліе, прикрытое личиною правосудія—да вѣдь это все равно, что куръ учить лисьимъ хитростямъ, вставлять овцамъ волчьи зубы. Сохрани насъ Боже отъ такой политики!

— Вы полагаете, что мессэръ Никколò заблуждается и перемѣнитъ мысли?

— Ничуть. Я съ нимъ совершенно согласенъ. Такъ надо дѣлать, какъ онъ говоритъ, но не говорить. Впрочемъ, если онъ и выпуститъ въ свѣтъ эту книгу, никто не пострадаетъ, кромѣ его самого. Богъ милостивъ, овцы и куры повѣрятъ, какъ вѣрили донинѣ своимъ законнымъ повелителямъ, волкамъ и лисицамъ, которые обвинять его въ дьявольской политикѣ—въ лисьей хитрости, въ волчьей лютости. И все останется попрежнему. По крайней мѣрѣ, на нашъ вѣкъ хватить!

XI.

Осенью 1503 года, пожизненный гонфалоньеръ Флорентинской Республики, Пьеро Содерини, пригласилъ къ себѣ Леонардо на службу, намѣреваясь послать его въ качествѣ военного механика въ Пизанскій лагерь для устройства осадныхъ машинъ.

Художникъ проводилъ въ Римѣ послѣдніе дни.

Однажды вечеромъ бродилъ онъ на холмѣ Палатинскомъ. Тамъ, гдѣ возвышались нѣкогда дворцы императоровъ, Августа, Калигулы, Септимія Севера,—теперь только вѣтеръ шумѣлъ въ развалинахъ, и между сѣрыми оливами слышалось бляніе пасущихся овецъ, да стрекотаніе кузнециковъ. Судя по множеству обломковъ бѣлаго мрамора, изваянія боговъ невѣдомой прелести почивали въ землѣ, какъ мертвецы, ожидающіе воскресенія.

Вечеръ былъ ясный. Кирпичные остовы арокъ, сводовъ и стѣнъ, озаренные солнцемъ, горячо алѣли въ темно-синемъ небѣ. И царственнѣе, чѣмъ пурпуръ и золото, которые нѣкогда украшали чертоги римскихъ императоровъ, были пурпуръ и золото осеннихъ листьевъ.

На сѣверномъ склонѣ холма, недалеко отъ садовъ Капро-ника, Леонардо, стоя на колѣняхъ, раздвигалъ травы и внимательно разсматривалъ осколокъ древняго мрамора съ тонкимъ узоромъ.

По узкой тропинкѣ, изъ кустовъ, вышла челоуѣкъ. Леонардо взглянулъ на него, всталъ, взглянулъ еще разъ, подошелъ и воскликнулъ;

— Вы ли это, мессэръ Никколò? — и, не дожидаясь отвѣта, обнялъ и поцѣловалъ какъ родного.

Одежда секретаря Флоренці казалась еще старѣе и блѣднѣе, чѣмъ въ Романьи: видно было, что правители Республики попрежнему не баловали его—держали въ черномъ тѣлѣ. Онъ похудѣлъ; бритыя щеки осунулись; длинная, тонкая шея вытянулась; плоскій утиный носъ выдавался впередъ еще острѣе, и ярче горѣли глаза лихорадочнымъ блескомъ.

Леонардо сталъ спрашивать его, надолго ли онъ въ Римъ, съ какими порученіями? Когда художникъ упомянулъ о Цезарѣ, Никколò отвернулся, избѣгая взоровъ его и пожимая плечами, возразилъ холодно, съ напускною небрежностью:

— По волѣ судьбы, я былъ въ моей жизни свидѣ-лемъ такихъ событій, что давно уже не удивляюсь ничему...

И, видимо желая перемѣнить разговоръ, спросилъ, въ свою очередь, Леонардо, что онъ подѣлываетъ. Узнавъ, что художникъ поступилъ на службу Флорентинской Респу-блики, Макиавелли только махнулъ рукою:

— Не обрадуетесь! Богъ знаетъ, что лучше—злòдѣянія такого героя, какъ Цезарь, или добродѣтели такого муравейника, какъ наша Республика. Впрочемъ, одно стоитъ дру-гого. Меня спросите: я вѣдь кое-что знаю о прелестяхъ народнаго правленія!—усмѣхнулся онъ своею горькою усмѣшкою.

Леонардо сообщилъ ему слова Антонія Джустиніани о лисьей хитрости, которой, будто бы, онъ, Макиавелли, собирается учить куръ, о волчьихъ зубахъ, которые онъ хочетъ вставить овцамъ.

— Что правда, то правда!—добродушно разсмѣялся Никколò.—Раздразню я гусей—отсюда вижу, какъ честные люди готовы будутъ сжечь меня на кострѣ за то, что я первый заговорилъ о томъ, что дѣлають всѣ. Тираны объявятъ меня бунтовщикомъ народа, народъ—приспѣшникомъ тирановъ, святоши—безбожникомъ, добрые—злымъ, а злые возненавидятъ меня больше всѣхъ, потому что я буду имъ казаться злѣе, чѣмъ сами они.

И прибавилъ съ тихою грустью:

— Помните наши бесѣды въ Романьи, мессэръ Леонардо? Я часто думаю о нихъ, и мнѣ кажется иногда, что у насъ съ вами общая судьба. Открытіе новыхъ истинъ всегда было и будетъ столь же опасно, какъ открытіе новыхъ земель. У тирановъ и толпы, у малыхъ и великихъ—мы съ вами вездѣ чужіе, лишніе—бездомные бродяги, вѣчные изгнанники. Кто не похожъ на всѣхъ, тотъ одинъ противъ всѣхъ, ибо міръ созданъ для черни, и нѣтъ въ немъ никого, кромѣ черни.—Такъ-то, другъ мой,—продолжалъ онъ еще тише и задумчивѣе,—скучно, говорю я, жить на свѣтѣ, и, пожалуй, самое скверное въ жизни не заботы, не болѣзни, не бѣдность, не горе,—а скука...

Молча спустились они по западному склону Палатино и тѣсной грязной улицей вышли въ подножію Капитолія, къ развалинамъ храма Сатурна—мѣсту, гдѣ нѣкогда былъ Римскій Форумъ.

XII.

По обѣимъ сторонамъ древней священной улицы, Сакра-Віа, отъ арки Септимія Севера до амфитеатра Флавіевъ, лѣпились жалкіе, ветхіе домишки. Рассказывали, будто бы основанія многихъ изъ нихъ сложены изъ облом-

ковъ драгоцѣнныхъ изваяній, изъ членовъ олимпійскихъ боговъ: въ теченіе столѣтій Форумъ служилъ каменоломнею. Въ развалинахъ языческихъ капищъ уныло и робко ютились христіанскія церкви. Наслоеніе уличнаго мусора, пыли, навоза возвысили уровень почвы больше, чѣмъ на десять локтей. Но все еще кое-гдѣ возносились древнія колонны съ частями архитравовъ, грозившихъ паденіемъ.

Никколò указалъ спутнику мѣсто Римскаго Сената, Куріи, Народнаго Собранія, теперь называвшееся Коровьимъ Полемъ. Здѣсь былъ скотный рынокъ. Пары бѣлыхъ круторогихъ быковъ и черныхъ буйволовъ лежали на землѣ; свиньи хрюкали въ лужахъ, поросята визжали. И упавшія мраморныя колонны, плиты съ полустертыми надписями, облѣпленныя скотскимъ пометомъ, утопали въ черной жидкой грязи. Къ триумфальной аркѣ Тита Веспасіана прислонилась старая рыцарская башня, нѣкогда разбойничье гнѣздо бароновъ Франджипани. Тутъ же, передъ аркою, была харчевня для земледѣльцевъ, пріѣзжавшихъ на скотный рынокъ. Изъ оконъ слышались крики ругавшихся женщинъ, и вылеталъ клубами чадъ прогорклаго масла и жареной рыбы. На веревкѣ сушились лохмотья. Старый нищій съ лицомъ, изможденнымъ лихорадкой, сидя на камнѣ, завертывалъ въ рубище больную распухшую ногу.

Внутри, по обѣимъ сторонамъ побѣдной арки, были два барельефа: на одномъ—императоръ Титъ Веспасіанъ, завоеватель Іерусалима, въ триумфальномъ шествіи, на колесницѣ, запряженной квадригою; на другомъ—еврейскіе плѣнники въ оковахъ, съ трофеями побѣдителя—жертвенною трапезою Іеговы, хлѣбами предложенія и седмисвѣщниками Соломонова храма; вверху, по срединѣ свода—ширококрылый орелъ, возносящій на Олимпъ обожествленнаго Кесаря. На челѣ воротъ Никколò прочелъ уцѣлѣвшую надпись: «*Senatus populusq̄ue Romanus divo Tito divi Vespasiani filio Vespasiano Augusto*».

Солнце, проникая подъ арку со стороны Капитолія, озарило триумфъ императора послѣдними багровыми лучами

сквозь голубоватых, подобных облакамъ еиміама, смрадныхъ волны кухоннаго чада.

И сердце Никколò болѣзненно сжалось, когда, въ послѣдній разъ оглянувшись на Форумъ, увидѣлъ онъ розовый отблескъ вечерняго свѣта на трехъ одинокихъ колоннахъ изъ бѣлаго мрамора передъ церковью Маріа-Либератриче. Унылый, дряхло-лепечущій звонъ колоколовъ, вечерній благовѣстъ Ave Maria казался похоронной жалобой надъ Римскимъ Форумомъ.

Они вошли въ Колизей.

— Да,—проговорилъ Никколò, глядя на исполинскія глыбы камня въ стѣнахъ амфитеатра,—тѣ, кто умѣли строить такія зданія, не намъ чета. Только здѣсь, въ Римѣ, чувствуешь, какая разница между нами и древними. Куда ужъ намъ соперничать съ ними! Мы и представить себѣ не можемъ, что это были за люди...

— Мнѣ кажется,—возразилъ Леонардо медленно, какъ будто съ усиліемъ, выходя изъ задумчивости,—мнѣ кажется, Никколò, вы неправы. Есть и у нынѣшнихъ людей сила не меньшая, чѣмъ у древнихъ, только иная...

— Ужъ не христіанское ли смиреніе?

— Да, между прочимъ, и смиреніе...

— Можетъ-быть,—произнесъ Макиавелли холодно.

Они присѣли отдохнуть на нижнюю, полуразрушенную ступень амфитеатра.

— Я полагаю, — продолжалъ Никколò съ внезапнымъ порывомъ,—я полагаю, что людямъ слѣдовало бы или принять или отвергнуть Христа. Мы же не сдѣлали ни того, ни другого. Мы не христіане и не язычники. Отъ одного отстали, къ другому не пристали. Быть добрыми силы не имѣемъ, быть злыми страшимся. Мы ни черные, ни бѣлые—только сѣрые; ни холодные, ни горячіе—только теплые. Такъ изолгались, измалодушествовались, виляя, хромая на обѣ ноги между Христомъ и Веліаромъ, что нынче ужъ и сами, кажется, не знаемъ, чего хотимъ, куда идемъ. Древніе, тѣ, по крайней мѣрѣ, знали и дѣлали все до конца—не лицемѣрили, не подставляли правой щеки тому, кто ударялъ ихъ по лѣвой.

Ну, а съ тѣхъ поръ, какъ люди повѣрили, что ради блаженства на небѣ должно терпѣть всякую неправду на землѣ, негодьямъ открылось великое и безопасное поприще. И что же, въ самомъ дѣлѣ, какъ не это новое ученіе обезсилило міръ и отдало его въ жертву мерзавцамъ?..

Голосъ его дрожалъ, глаза горѣли почти безумною ненавистью, лицо исказилось, какъ бы отъ нестерпимой боли.

Леонардо молчалъ. Въ душѣ его проходили ясныя, дѣтскія мысли, такія простыя, что онъ не сумѣлъ бы ихъ выразить: онъ смотрѣлъ на голубое небо, сіявшее сквозь трещины стѣнъ Колизея, и думалъ о томъ, что нигдѣ не кажется лазурь небесъ такой вѣчно-юной и радостной, какъ въ щеляхъ полуразрушенныхъ зданій.

Нѣкогда завоеватели Рима, сѣверные варвары, не умѣвшіе добывать руду изъ земли, вынули желѣзные скрѣпы, соединявшія камни въ стѣнахъ Колизея, чтобы древнее римское желѣзо перековать на новые мечи; и птицы свили себѣ гнѣзда въ отверстіяхъ вынутыхъ скрѣпъ. Леонардо слѣдилъ, какъ черныя галки, слетаясь на ночлегъ съ веселыми криками, прятались въ гнѣзда, и думалъ о томъ, что міродержавные кесари, воздвигавшіе это зданіе, варвары, разрушавшіе его, не подозрѣвали, что трудятся для тѣхъ, о которыхъ сказано: онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, и Отецъ Небесный питаетъ ихъ.

Онъ не возражалъ Макіавелли, чувствуя, что тотъ не пойметъ, ибо все, что для него, Леонардо, было радостью, для Никколó было скорбью; медъ его былъ желчью Никколó; великая ненависть—дочерью великаго познанія.

— А знаете ли, мессэръ Леонардо,—произнесъ Макіавелли, желая, по обыкновенію, кончить разговоръ шуткою,—я теперь только вижу, какъ ошибаются тѣ, кто считаетъ васъ еретикомъ и безбожникомъ. Помните слово мое: въ день Страшнаго суда, какъ раздѣлятъ насъ на овецъ и на козлищъ, быть вамъ со смиренными овечками Христовыми, быть вамъ въ раю со святыми угодниками!

— И съ вами, мессэръ Никколó!—подхватилъ художникъ, смѣясь.—Если ужъ я попаду въ рай, то и вамъ не миновать.

— Ну, нѣтъ, слуга покорный! Заранѣе уступаю мѣсто мое всѣмъ желающимъ. Довольно съ меня скуки земной...

И лицо его вдругъ озарилось добродушною веселостью.

— Послушайте, другъ мой, вотъ какой вѣщій сонъ приснился мнѣ однажды: привели меня, будто бы, въ собраніе голодныхъ и грязныхъ оборванцевъ, монаховъ, блудницъ, рабовъ, калѣкъ, слабоумныхъ и объявили, что это тѣ самые, о коихъ сказано: блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царствіе небесное. Потомъ привели меня въ другое мѣсто, гдѣ увидѣлъ я сонмъ величавыхъ мужей, подобный древнему Сенату; здѣсь были полководцы, императоры, папы, законодатели, философы—Гомеръ, Александръ Великій, Платонъ, Маркъ Аврелій; они бесѣдовали о наукѣ, искусствѣ, дѣлахъ государственныхъ. И мнѣ сказали, что это адъ и души грѣшниковъ, отвергнутыхъ Богомъ за то, что возлюбили они мудрость вѣка сего, которая есть безуміе предъ Господомъ. И спросили, куда я желаю, въ адъ или въ рай? «Въ адъ,—воскликнулъ я,—конечно, въ адъ къ мудрецамъ и героямъ!»

— Да, если все это въ дѣйствительности такъ, какъ вамъ приснилось,—возразилъ Леонардо, то вѣдь и я, пожалуй, не прочь...

— Ну, нѣтъ, поздно! Теперь ужъ не отвертитесь. Насильно потащутъ. За христіанскія добродѣтели награждать васъ и раемъ христіанскимъ.

Когда они вышли изъ Колизея, стемнѣло. Огромный, желтый мѣсяцъ выплылъ изъ-за черныхъ сводовъ базилики Константина, разрѣзая слои облаковъ, прозрачныхъ, какъ перламутръ. Сквозь дымную, сизую мглу, разстилавшуюся отъ арки Тита Веспасіана до Капитолія, три одинокія, блѣдныя колонны передъ церковью Маріа Либератриче, подобныя призракамъ, въ сліяніи луны казались еще прекраснѣе. И дряхло-лепечущій колоколь, сумеречный Angelus еще заунывно звучалъ, какъ похоронный плачь надъ Римскимъ Форумомъ.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ КНИГА.

Мона Лиза Джіоконда.

I.

Леонардо писалъ въ *Книгѣ о живописи*:

«Для портретовъ имѣй особую мастерскую — дворъ продолговатый, четырехугольный, шириною въ десять, длиною въ двадцать локтей, со стѣнами, крашеными въ черную краску, съ кровельнымъ выступомъ по стѣнамъ и полотнянымъ навѣсомъ, устроеннымъ такъ, чтобы, собираясь или распускаясь, смотря по надобности, служилъ онъ защитой отъ солнца. Не натянувъ полотна, пиши только передъ сумерками, или когда облачно и туманно. Это—свѣтъ совершенный».

Такой дворъ для писанія портретовъ устроилъ онъ въ домѣ хозяина своего, знатнаго флорентинскаго гражданина, комиссарія Синьоріи, Сэръ-Пьеро ди-Барто-Мартелли, любителя математики, человѣка умнаго и дружески расположеннаго къ Леонардо,—во второмъ домѣ по лѣвой сторонѣ улицы Мартелли, ежели итти отъ площади Санъ-Джіованни къ Палаццо Медичи.

Однажды, въ концѣ весны 1505 года былъ тихій, теплый и туманный день. Солнце просвѣчивало сквозь влажную дымку облаковъ, тусклымъ, точно подводнымъ, свѣтомъ, съ тѣнями нѣжными, тающими какъ дымъ—любимымъ свѣтомъ Леонардо, дающимъ, какъ онъ утверждалъ, особенную прелесть женскимъ лицамъ.

«Неужели не придетъ?» думаль онъ с той, чей портретъ писалъ почти три года, съ небывалымъ для него постоянствомъ и усердіемъ.

Онъ приготовляль мастерскую для ея приема. Джіовани Бельтраффіо украдкой слѣдилъ за нимъ и удивлялся тревогѣ ожиданія, почти нетерпѣнію, которыя были несвойственны всегда спокойному учителю.

Леонардо привелъ въ порядокъ на полкѣ разнообразныя кисти, палитры, горшечки съ красками, которыя, застывъ, подернулись, какъ будто льдомъ, свѣтлою корою клея; снялъ полотняный покровъ съ портрета, стоявшаго на выдвигномъ треногомъ поставѣ — леджіо; пустиль фонтанъ по срединѣ двора, устроенный имъ для ея забавы, въ которомъ ниспадавшія струи, ударяясь о стеклянныя полушарія, вращали ихъ и производили странную тихую музыку; вокругъ фонтана росли, его рукой посаженные и взлелѣянные, ея любимыя цвѣты — ирисы; принесъ нарѣзаннаго хлѣба въ корзинѣ для ручной лани, которая бродила тутъ же по двору и которую она кормила изъ собственныхъ рукъ; поправиль пушистый коверъ передъ кресломъ изъ гладкаго темнаго дуба съ рѣшетчатою спинкою и налокотниками. На этомъ коврѣ, привычномъ мѣстѣ своемъ, уже свернулся и мурлыкаль бѣлый котъ рѣдкой породы, привезенный изъ Азіи, купленный тоже для ея забавы, съ разноцвѣтными глазами, правымъ — желтымъ какъ топазъ, лѣвымъ — голубымъ какъ сапфиръ.

Андреа Салаино принесъ ноты и началъ настраивать віолу. Пришелъ и другой музыкантъ, Аталанте. Леонардо знаваль его еще въ Миланѣ, при дворѣ герцога Моро. Особенно хорошо играль онъ на изобрѣтенной художникомъ серебряной лютнѣ, имѣвшей сходство съ лошадинымъ черепомъ.

Лучшихъ музыкантовъ, пѣвцовъ, рассказчиковъ, поэтовъ, самыхъ остроумныхъ собесѣдниковъ приглашалъ Леонардо въ свою мастерскую, чтобы они развлекали ея, во избѣжаніе скуки, свойственной лицамъ тѣхъ, съ кого пишутъ портреты. Онъ изучаль въ ея лицѣ игру мыслей и чувствъ, возбуждаемыхъ бесѣдами, повѣствованіями и музыкой.

Впослѣдствіи собранія эти сдѣлались рѣже: онъ зналъ, что они больше не нужны, что она и безъ нихъ не соскучится. Не прекращалась только музыка, которая помогала обоимъ работать, потому что и она принимала участіе въ работѣ надъ своимъ портретомъ.

Все было готово, а она еще не приходила.

«Неужели не придетъ? — думалъ онъ. — Сегодня свѣтъ и тѣни какъ будто нарочно для нея. Не послать ли? Но она вѣдь знаетъ, какъ я жду. Должна притти».

И Джіованни видѣлъ, какъ нетерпѣливая тревога его увеличивалась.

Вдругъ легкое дыханіе вѣтра отклонило струю фонтана; стекло зазвенѣло, лепестки бѣлыхъ ирисовъ подъ водяною пылью вздрогнули. Чуткая лань, вытянувъ шею, насторожилась. Леонардо прислушался. И Джіованни, хотя самъ ничего еще не слышалъ, по лицу его понялъ, что это—она.

Сначала, со смиреннымъ поклономъ, вошла сестра Камилла, монахиня-конвертита, которая жила у нея въ домѣ и каждый разъ сопровождала ее въ мастерскую художника, имѣя свойство стираться и дѣлаться невидимой, скромно усѣвшись въ углу съ молитвенникомъ въ рукахъ не подымая глазъ и не произнося ни слова, такъ что за три года ихъ посѣщеній Леонардо почти не слышалъ ея голоса.

Вслѣдъ за Камиллою вошла та, которую здѣсь ожидали всѣ,—женщина лѣтъ тридцати, въ простомъ темномъ платьѣ, съ прозрачно-темной дымкой, опущенной до середины лба,—мона Лиза Джіоконда.

Бельтраффіо зналъ, что она неаполитанка изъ древняго рода, дочь нѣкогда богатаго, но во время французскаго нашествія въ 1495 году разорившагося вельможи, Антоніо Герардини, жена флорентинскаго гражданина, Франческо дель-Джіокондо. Въ 1481 году вышла за него дочь Маріано Ручеллаи. Черезъ два года она умерла. Онъ женился на Томмазѣ Виллани и послѣ смерти ея уже въ третій разъ—на монѣ Лизѣ. Когда Леонардо писалъ съ нея портретъ, художнику было за пятьдесятъ лѣтъ, а супругу моны Лизы,

мессэру Джіокондо, сорокъ пять. Онъ былъ выбранъ однимъ изъ XII буономини, и скоро долженъ былъ сдѣлаться пріоромъ. Это былъ человѣкъ обыкновенный, какихъ много всегда и вездѣ,—ни очень дурной, ни очень хорошей, дѣловитый, расчетливый, погруженный въ службу и сельское хозяйство. Изящная молодая женщина казалась ему самымъ пристойнымъ украшеніемъ въ домѣ. Но прелесть моны Лизы была для него менѣе понятной, чѣмъ достоинство новой породы сицилійскихъ быковъ или выгода таможенной пошлины на сырыя овечьи шкуры. Разсказывали, что замужъ вышла она не по любви, а только по волѣ отца, и что первый женихъ ея нашель добровольную смерть на полѣ сраженія. Ходили также слухи, можетъ-быть, только сплетни, и о другихъ ея страстныхъ, упорныхъ, но всегда безнадежныхъ поклонникахъ. Впрочемъ, злые языки—а такихъ во Флоренціи было не мало—не могли сказать ничего дурного о Джіокондѣ. Тихая, скромная, благочестивая, строго соблюдавшая обряды церкви, милосердная къ бѣднымъ—была она доброю хозяйкою, вѣрною женою и не столько мачехой для своей двѣнадцатилѣтней падчерицы Діаноры, сколько нѣжною матерью.

Вотъ все, что зналъ о ней Джіованни. Но мона Лиза, приходившая въ мастерскую Леонардо, казалась ему совсемъ другою женщиною.

Въ теченіе трехъ лѣтъ—время не истощало, а, напротивъ, углубляло это странное чувство—при каждомъ ея появленіи онъ испытывалъ удивленіе, подобное страху, какъ передъ чѣмъ-то призрачнымъ. Иногда объяснялъ онъ чувство это тѣмъ, что до такой степени привыкъ видѣть лицо ея на портретѣ, и столь велико искусство учителя, что живая мона Лиза кажется ему менѣе дѣйствительной, чѣмъ изображенная на полотнѣ. Но тутъ еще было и что-то другое, болѣе таинственное.

Онъ зналъ, что Леонардо имѣеть случай видѣть ее только во время работы, въ присутствіи другихъ, порою многихъ приглашенныхъ, порою одной, неразлучной съ нею сестры Камиллы—и никогда наединѣ; а между тѣмъ Джіо-

ванни чувствовалъ, что есть у нихъ тайна, которая сближаетъ и уединяетъ ихъ. Онъ также зналъ, что это—не тайна любви, или, по крайней мѣрѣ, не того, что люди называютъ любовью.

Онъ слышалъ отъ Леонардо, что всѣ художники имѣютъ склонность въ изображаемыхъ ими тѣлахъ и лицахъ подражать собственному тѣлу и лицу. Учитель видѣлъ причину этого въ томъ, что человѣческая душа, будучи создательницей своего тѣла, каждый разъ, какъ ей предстоитъ изобрѣсти новое тѣло, стремится и въ немъ повторить то, что уже нѣкогда было создано ею,—и такъ сильна эта склонность, что порою даже въ портретахъ, сквозь внѣшнее сходство съ изображаемымъ, мелькаетъ, если не лицо, то, по крайней мѣрѣ, душа самого художника.

Происходившее теперь на глазахъ Джіованни было еще поразительнѣе: ему казалось, что не только изображенная на портретѣ, но и сама живая мона Лиза становится все болѣе и болѣе похожей на Леонардо, какъ это иногда бываетъ у людей, постоянно, долгіе годы живущихъ вмѣстѣ. Впрочемъ, главная сила возраставшаго сходства заключалась не столько въ самыхъ чертахъ—хотя и въ нихъ въ послѣднее время она иногда изумляла его—сколько въ выраженіи глазъ и въ улыбкѣ. Онъ вспоминалъ съ неизъяснимымъ удивленіемъ, что эту же самую улыбку видѣлъ у Оомы Невѣрнаго, влагающаго руку въ язвы Господа, въ изваяніи Вероккіо, для котораго служилъ образцомъ молодой Леонардо, и у прародительницы Евы передъ древомъ Познанія въ первой картинѣ учителя, и у ангела *Дѣвы въ скалахъ*, и у Леды съ лебедемъ, и во многихъ другихъ женскихъ лицахъ, которыя писалъ, рисовалъ и лѣпилъ учитель, еще не зная монаы Лизы,—какъ будто всю жизнь, во всѣхъ своихъ созданіяхъ, искалъ онъ отраженія собственной прелести и, наконецъ, нашелъ въ лицѣ Джіоконды.

Порой, когда Джіованни долго смотрѣлъ на эту общую улыбку ихъ, становилось ему жутко, почти страшно, какъ передъ чудомъ: явь казалась сномъ, сонъ явью, какъ будто мона Лиза была не живой человѣкъ, не супруга флорентин-

скаго гражданина, мессэра Джіоконда, обыкновеннѣйшаго изъ людей, а существо, подобное призракамъ, вызванное волей учителя,—оборотень, женскій двойникъ самого Леонардо.

Джіоконда гладила свою любимицу, бѣлую кошку, которая вскочила къ ней на колѣни, и невидимыя искры перебѣгали по шерсти съ чуть слышнымъ трескомъ подъ нѣжными тонкими пальцами.

Леонардо началъ работу. Но вдругъ оставилъ кисть, внимательно всматриваясь въ лицо ея: отъ взоровъ его не ускользала малѣйшая тѣнь или измѣненіе въ этомъ лицѣ.

— Мадонна,—проговорилъ онъ,—вы сегодня чѣмъ-нибудь встревожены?

Джіованни также чувствовалъ, что она менѣе похожа на свой портретъ, чѣмъ всегда.

Лиза подняла на Леонардо спокойный взоръ.

— Да, немного,—отвѣтила она. — Діанора не совсѣмъ здорова. Я всю ночь не спала.

— Можетъ-быть, устали, и вамъ теперь не до моего портрета? Не лучше ли отложить?..

— Нѣтъ, ничего. Развѣ вамъ не жаль такого дня? Посмотрите, какія нѣжныя тѣни, какое влажное солнце: это мой день! Я знала,—прибавила она, помолчавъ,—что вы ждете меня. Пришла бы раньше, да задержали,—мадонна Софонизба...

— Кто такая? Ахъ, да, знаю... Голосъ, какъ у площадной торговли, и пахнетъ, какъ изъ лавки продавца духовъ...

Джіоконда усмѣхнулась.

— Мадоннѣ Софонизбѣ,—продолжала она,—непремѣнно нужно было рассказать мнѣ о вчерашнемъ праздникѣ въ Палаццо Веккіо у яснѣйшей синьоры Арджентины, жены гонфалоньера, и что именно подавали за ужиномъ, и какіе были наряды, и кто за кѣмъ ухаживалъ...

— Ну, такъ и есть! Не болѣзнь Діаноры, а болтовня этой трещетки разстроила васъ.—Какъ странно! Замѣчали вы, мадонна, что иногда какой-нибудь вздоръ, который мы

слышимъ отъ постороннихъ людей, и до котораго намъ дѣла нѣтъ,—обыкновенная человѣческая глупость или пошлость,—внезапно омрачаетъ душу и разстраиваетъ больше, чѣмъ сильное горе?

Она склонила молча голову: видно было, что давно уже привыкли они понимать другъ друга, почти безъ словъ, по одному намеку.

Онъ снова попытался начать работу.

— Разкажите что-нибудь,—проговорила мона Лиза.

— Что?

Немного подумавъ, она сказала:

— О царствѣ Венеры.

У него было нѣсколько любимыхъ ею рассказовъ, большею частью изъ своихъ или чужихъ воспоминаній, путешествій, наблюденій надъ природою, замысловъ картинъ. Онъ рассказывалъ ихъ почти всегда одними и тѣми же словами, простыми, полудѣтскими, подъ звуки тихой музыки.

Леонардо сдѣлалъ знакъ, и когда Андреа Салаино на віолѣ, Аталанте на серебряной люти, подобной лошадиному черепу, заиграли то, что было заранѣе выбрано и неизмѣнно сопровождало рассказъ о *царствѣ Венеры*, началъ своимъ тонкимъ, женственнымъ голосомъ, какъ старую сказку или колыбельную пѣсню.

— Корабельщики, живущіе на берегахъ Киликіи увѣряютъ, будто бы тѣмъ, кому суждено погибнуть въ волнахъ, иногда, во время самыхъ страшныхъ бурь, случается видѣть островъ Кипръ—царство богини любви. Вокругъ бушуютъ волны, вихри, смерчи, и многіе мореходы, привлекаемые прелестью острова, сломали корабли свои объ утесы, окруженные водоворотами. О, сколько ихъ разбилось, сколько потонуло! Тамъ, на берегу, еще виднѣются ихъ жалобные остовы, полузасыпанные пескомъ, обвитые морскими травами: одни выставляютъ носъ, другіе—корму; одни—зіяющія бревна боковъ, подобныя ребрамъ полусгнившихъ труповъ, другіе—обломки руля. И такъ ихъ много, что это похоже на день Воскресенія, когда море отдастъ всѣ погибшіе въ немъ корабли. А надъ самымъ островомъ—вѣчно голу-

бое небо, сіяніе солнца на холмахъ, покрытыхъ цвѣтами, и въ воздухѣ такая тишина, что длинное пламя курильницъ на ступеняхъ передъ храмомъ тянется къ небу столь же прямое, недвижимое, какъ бѣлыя колонны и черные кипарисы, отраженные въ зеркально-гладкомъ озерѣ. Только струи водометовъ, переливаясь черезъ край и стекая изъ одной порфировой чаши въ другую, сладко журчатъ. И утопающіе въ морѣ видятъ это близкое тихое озеро; вѣтеръ приноситъ имъ благовоніе миртовыхъ рощъ—и чѣмъ страшнѣе буря, тѣмъ глубже тишина въ царствѣ Киприды

Онъ умолкъ; струны лютни и віолы замерли, и наступила та тишина, которая прекраснѣе всякихъ звуковъ,—тишина послѣ музыки. Только струи фонтана журчали, удаляясь о стеклянныя полушарія.

И какъ будто убаюканная музыкой, огражденная тишиною отъ дѣйствительной жизни—ясная, чуждая всему, кромѣ воли художника,—мона Лиза смотрѣла ему прямо въ глаза съ улыбкою, полною тайны, какъ тихая вода, совершенно прозрачная, но такая глубокая, что сколько бы взоръ ни погружался въ нее, какъ бы ни испытывалъ, дна не увидитъ,—съ его собственною улыбкою.

И Джіованни казалось, что теперь Леонардо и мона Лиза подобны двумъ зеркаламъ, которыя, отражаясь одно въ другомъ, углубляются до безконечности.

II.

На слѣдующій день утромъ художникъ работалъ въ Палаццо Веккіо надъ *Битвой при Ангіари*.

Въ 1503 году, пріѣхавъ изъ Рима во Флоренцію, получилъ онъ заказъ отъ пожизненнаго гонфалоньера, тогдашняго верховнаго правителя Республики, Пьеро Содерини, изобразить какую-либо достопамятную битву на стѣнѣ новой залы Совѣта, во дворцѣ Синьоріи, въ Палаццо Веккіо. Художникъ выбралъ знаменитую побѣду флорентинцевъ при Ангіари, въ 1440 году, надъ Никколò Пичинино,

военачальникомъ герцога Ломбардіи Филиппо-Марія Висконти.

На стѣнѣ залы Совѣта была уже часть картины: четыре всадника сцѣпились и дерутся изъ-за боевого знамени; на концѣ длинной палки треплется лохмотье; древко сломано. Пять рукъ ухватились за него и съ яростью тащатъ въ разныя стороны. Въ воздухѣ скрещены сабли. По тому, какъ рты разинуты, видно, что неистовый крикъ вылетаетъ изъ нихъ. Искаженныя человѣческія лица не менѣе страшны, чѣмъ звѣриныя морды баснословныхъ чудовищъ на мѣдныхъ панцыряхъ. Люди заразили коней своимъ бѣшенствомъ: они взвились на дыбы, сцѣпились передними ногами и съ прижатыми ушами, сверкая дикоскошеннымъ зрачкомъ, оскаливъ зубы, какъ хищные звѣри, грызутся. Внизу, въ кровавой грязи, подъ копытами, одинъ человѣкъ убиваетъ другого, схвативъ его за волосы, ударяя головой о землю и не замѣчая, что тотчасъ оба они вмѣстѣ будутъ раздавлены.

Это война — во всемъ своемъ ужасѣ, бессмысленная бойня, «самая звѣрская изъ глупостей», — *pazzia bestialissima*, по выраженію Леонардо, которая «не оставляетъ ни одного ровнаго мѣста на землѣ, гдѣ бы не было слѣдовъ, наполненныхъ кровью».

Только что началъ онъ работу, по звонкому, кирпичному полу пустынной залы слышались шаги. Онъ узналъ ихъ и, не оборачиваясь, поморщился.

То былъ Пьеро Содерини, одинъ ихъ тѣхъ людей, о которыхъ Никколò Макиавелли говорилъ, что они — ни холодные, ни горячіе — только теплые; ни черные, ни бѣлые — только сѣрые. Флорентинскіе граждане, потомки разбогатѣвшихъ лавочниковъ, вылѣзшихъ въ знать, избрали его въ вожди Республики, какъ равнаго всѣмъ, какъ совершенную посредственность, безразличную и безопасную для всѣхъ, надѣясь, что онъ будетъ ихъ послушнымъ орудіемъ. Но ошиблись. Содерини оказался другомъ бѣдныхъ, защитникомъ народа. Этому, впрочемъ, никто не придавалъ значенія. Онъ былъ все-таки слишкомъ ничтоженъ: вмѣсто государственныхъ способностей, была у него чиновничья

старательность, вмѣсто ума — благоразуміе, вмѣсто добродѣтели—добродушіе. Всѣмъ было извѣстно, что его супруга, надменная и неприступная мадонна Арджентина, не скрывавшая своего презрѣнія къ мужу, иначе не называла его, какъ «моя крыса». И въ самомъ дѣлѣ, мессэръ Пьеро напоминалъ старую, почтенную крысу канцелярскаго подполья. У него не было даже той ловкости, врожденной пошлости, которыя необходимы правителямъ, какъ сало для колесъ машины. Въ республиканской честности своей онъ былъ сухъ, твердъ, прямъ и плосокъ, какъ доска, — столь неподкупенъ и чистъ, что, по выраженію Макиавелли, отъ него «пахло мыломъ, какъ отъ только что вымытаго бѣлья». Желая всѣхъ примирить, онъ только всѣхъ раздражалъ. Богатымъ не угодилъ, бѣднымъ не помогъ. Вѣчно садился между двумя стульями, попадалъ между двухъ огней. Былъ мученикъ золотой середины. Однажды Макиавелли, которому Содерини покровительствовалъ, сочинилъ на него эпиграмму въ видѣ надгробной надписи:

Въ ту ночь какъ умеръ Пьеро Содерини,
Душа его толкнулась было въ адъ.

«Куда ты, глупая?—Плутонъ ей крикнулъ—

Ступай-ка въ средній кругъ для маленькихъ дѣтей!»

Принимая заказъ, Леонардо долженъ былъ подписать очень стѣснительный договоръ, съ неустойкою, въ случаѣ малѣйшей просрочки. Великолѣпные синьоры отстаивали выгоды свои, какъ лавочники. Большой любитель канцелярской переписки, Содерини докучалъ ему требованіями отчетности во всякомъ грошѣ, выданномъ изъ казначейства, на постройку лѣсовъ, на покупку лака, соды, извести, красокъ, льняного масла и на другія мелочи. Никогда на службѣ «тирановъ», какъ презрительно выражался гонфалоньеръ, — при дворѣ Моро и Цезаря, не испытывалъ Леонардо такого рабства, какъ на службѣ народа, въ свободной Республикѣ, въ царствѣ мѣщанскаго равенства. И хуже всего было то, что, подобно большинству людей въ искусствѣ бездарныхъ и невѣжественныхъ, мессэръ Пьеро имѣлъ страсть давать совѣты художникамъ.

Содерини обратился къ Леонардо съ вопросомъ о деньгахъ, выданныхъ на покупку тридцати пяти фунтовъ александрійскихъ бѣлилъ и не записанныхъ въ отчетѣ. Художникъ признался, что бѣлилъ не покупалъ, забылъ на что истратилъ деньги, и предложилъ возвратить ихъ въ казну.

— Что вы, что вы! Помилуйте, мессэръ Леонардо. Я вѣдь такъ только напоминаю, для порядка и точности. Вы ужъ съ насъ не взыщите. Сами видите: мы люди маленькіе, скромные. Можетъ-быть, въ сравненіи съ щедростью такихъ великолѣпныхъ государей, какъ Сфорца и Борджіа, бережливость наша кажется вамъ скупостью. Но что же дѣлать? По одежкѣ протягивай ножки. Мы вѣдь не самодержцы, а только слуги народа и обязаны ему отчетомъ въ каждомъ сольди, ибо, сами знаете, казенныя деньги дѣло святое, тутъ и лепта вдовицы, и капли пота честнаго труженика, и кровь солдата. Государь одинъ—насъ же много, и всѣ мы равны передъ закономъ. Такъ-то, мессэръ Леонардо! Тираны платили вамъ золотомъ, мы же мѣдью; но не лучше ли мѣдь свободы, чѣмъ золото рабства, и не выше ли всякой награды спокойная совѣсть?..

Художникъ слушалъ молча, дѣлая видъ, что соглашается. Онъ ждалъ, чтобы рѣчь Содерини кончилась, съ унылою покорностью, какъ путникъ на большой дорогѣ, застигнутый вихремъ пыли, ждетъ, наклонивъ голову и зажмуривъ глаза. Въ этихъ обыкновенныхъ мысляхъ обыкновенныхъ людей чувствовалъ Леонардо силу слѣпую, глухую, неумолимую, подобную силамъ природы, съ которыми спорить нельзя, и хотя на первый взглядъ онѣ казались только плоскими, но, глубже вдумываясь въ нихъ, испытывалъ онъ такое ощущеніе, какъ будто заглядывалъ въ страшную пустоту, въ головокружительную бездну.

Содерини увлекся. Ему хотѣлось вызвать противника на споръ. Чтобы задѣть его за живое, заговорилъ онъ о живописи.

Надѣвъ серебряныя круглыя очки, съ важнымъ видомъ знатока, началъ разсматривать оконченную часть картины.

— Превосходно! Удивительно! Что за лѣпка мускуловъ, какое знаніе перспективы! А лошади, лошади — точно живыя!

Потомъ взглянулъ на художника поверхъ очковъ, добродушно и строго, какъ учитель на способнаго, но недостаточно прилежнаго ученика.

— А все-таки, мессэръ Леонардо, я и теперь скажу, что уже много разъ говорилъ: если вы кончите, какъ начали, дѣйствіе картины будетъ слишкомъ тяжелое, удручающее, и вы ужъ на меня не сердитесь, почтеннѣйшій, за мою откровенность, я вѣдь всегда говорю людямъ правду въ глаза,—не на то мы надѣялись...

— На что же вы надѣялись?—спросилъ художникъ съ робкимъ любопытствомъ.

— А на то, что вы увѣковѣчите въ потомствѣ военную славу Республики, изобразите достопамятные подвиги нашихъ героевъ,—что-нибудь такое, знаете, что, возвышая души людей, можетъ имъ подать благой примѣръ любви къ отечеству и доблестей гражданскихъ. Пусть война въ дѣйствительности такова, какъ вы ее представили. Но почему же, спрошу я васъ, мессэръ Леонардо, почему не облагородить, не украсить ими, по крайней мѣрѣ, не смягчить нѣкоторыхъ крайностей, ибо мѣра нужна во всемъ. Можетъ-быть, я ошибаюсь, но кажется мнѣ, что истинное назначеніе художника состоитъ именно въ томъ, чтобы, наставляя и поучая, приносить пользу народу...

Заговоривъ о пользѣ народа, онъ уже не могъ остановиться. Глаза его сверкали вдохновеніемъ здраваго смысла: въ однообразномъ звукѣ словъ было упорство капли, которая точитъ камень.

Художникъ слушалъ молча, въ оцѣпенѣніи, и только порой, когда, очнувшись, старался представить себѣ, что собственно думаетъ этотъ добродѣтельный человекъ объ искусствѣ, — ему дѣлалось жутко, какъ будто входилъ онъ въ тѣсную, темную комнату, переполненную людьми, съ такимъ спертымъ воздухомъ, что нельзя въ немъ пребыть ни мгновенія, не задохнувшись.

— Искусство, которое не приносит пользы народу,— говорил мессэръ Пьеро,— есть забава праздныхъ людей, тщеславная прихоть богатыхъ, или роскошь тирановъ. Не такъ ли, почтеннѣйшій?

— Конечно, такъ, — согласился Леонардо и прибавилъ съ чуть замѣтной усмѣшкой въ глазахъ; — А знаете ли, синьоре? Вотъ что слѣдовало бы сдѣлать намъ, дабы прекратить нашъ давній споръ: пусть бы въ этой самой залѣ Совѣта, на общемъ народномъ собраніи, рѣшили граждане Флорентинской Республики бѣлыми и черными шарами, по большинству голосовъ — можетъ ли моя картина принести пользу народу или не можетъ? Тутъ двойная выгода: во-первыхъ, достовѣрность математическая, ибо стоитъ только сосчитать голоса, чтобы знать истину. А во-вторыхъ, всякому свѣдущему и умному человѣку, ежели онъ одинъ, свойственно заблуждаться, тогда какъ десять, двадцать тысячъ невѣждъ или глупцовъ, сошедшихся вмѣстѣ, ошибиться не могутъ, ибо гласъ народа—гласъ Божій.

Содерини сразу не понялъ. Онъ такъ благоговѣлъ передъ священнодѣйствіемъ бѣлыхъ и черныхъ шаровъ, что ему въ голову не пришло, чтобы кто-нибудь могъ себѣ позволить насмѣшку надъ этимъ таинствомъ. Когда же понялъ, то уставился на художника съ тупымъ удивленіемъ, почти съ испугомъ, и маленькіе, подслѣповатые, круглые глазки его запрыгали, забѣгали, какъ у крысы, почувшей кошку.

Онъ скоро, впрочемъ, оправился. По врожденной склонности ума своего, смотрѣлъ гонфалоньеръ на всѣхъ вообще художниковъ, какъ на людей, лишенныхъ здраваго смысла, и потому шуткой Леонардо не оскорбился.

Но мессэру Пьеро стало грустно: онъ считалъ себя благодѣтелемъ этого человѣка, ибо, несмотря на слухи о государственной измѣнѣ Леонардо, о военныхъ картахъ съ окрестностей Флоренціи, которыя онъ, будто бы, снималъ для Цезаря Борджіа, врага отечества, Содерини великодушно принялъ его на службу Республики, надѣясь на доброе свое вліяніе и на раскаяніе художника.

Переменявъ разговоръ, мессэръ Пьеро, уже съ дѣловымъ начальническимъ видомъ, объявилъ ему, между прочимъ, что Микель-Анжело Буонаротти получилъ заказъ написать военную картину на противоположной стѣнѣ той же залы Совѣта,—сухо простился и ушелъ.

Художникъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ: сѣренькій, сѣденькій, съ кривыми ногами, круглою спиною, издали онъ еще болѣе напоминалъ крысу.

III.

Выходя изъ Палаццо Веккіо, остановился Леонардо на площади, передъ Давидомъ Микель-Анжело.

Здѣсь, у воротъ Флорентинской Ратуши, какъ бы настражѣ, стоялъ онъ, этотъ исполинъ изъ бѣлаго мрамора, выдѣляясь на темномъ камнѣ строгой и стройной башни.

Голое отроческое тѣло худощаво. Правая рука съ пращею свѣсилась, такъ что выступили жилы; лѣвая, поднятая передъ грудью, держитъ камень. Брови сдвинуты, и взоръ устремленъ въ даль, какъ у человѣка, который цѣлится. Надъ низкимъ лбомъ кудри сплелись какъ вѣнецъ.

И Леонардо вспомнилъ слова Первой Книги Царствъ.

«Сказалъ Давидъ Саулу: рабъ твой пасъ овецъ у отца своего и когда, бывало, приходилъ левъ или медвѣдь, и уносилъ овцу изъ стада, то я гнался за нимъ и нападалъ на него, и отнималъ изъ пасти его, а если онъ бросался на меня, то я бралъ его за космы и поражалъ его, и умерщвлялъ его. И льва, и медвѣдя убивалъ рабъ твой, и съ этимъ Филистимляниномъ необрѣзаннымъ будетъ то же, что съ ними.—И взялъ посохъ свой въ руку свою и выбралъ себѣ пять гладкихъ камней изъ ручья, и положилъ ихъ въ пастушескую суму, и съ сумою, и съ пращею въ рукѣ своей выступилъ противъ Филистимлянина. И сказалъ Филистимлянинъ Давиду: что ты идешь на меня съ палкою и камнями—развѣ я собака? И сказалъ Давидъ: нѣтъ, но хуже собаки. Нынѣ предасть тебя Господь въ руку мою, и я убью»

тебя, и сниму съ тебя голову твою, и отдамъ трупъ твой и трупы войска филистимскаго птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ—и узнаеть вся земля, что есть Богъ во Израилѣ».

На площади, гдѣ былъ сожженъ Савонарола, Давидъ Микель-Анжело казался тѣмъ Пророкомъ, котораго тщетно звалъ Джироламо, тѣмъ Героемъ, котораго ждалъ Макіавелли.

Въ этомъ созданіи своего соперника Леонардо чувствовалъ душу, быть-можетъ, равную своей душѣ, но навѣки противоположную, какъ дѣйствіе противоположно созерцанію, страсть—безстрастью, буря—тишинѣ. И эта чуждая сила влекла его къ себѣ, возбуждала въ немъ любопытство и желаніе приблизиться къ ней, чтобы познать ее до конца.

Въ строительныхъ складахъ флорентинскаго собора Марія-дель-Фіоре лежала огромная глыба бѣлаго мрамора, испорченная неискуснымъ ваятелемъ: лучшіе мастера отказывались отъ нея, полагая, что она уже ни на что не годится.

Когда Леонардо пріѣхалъ изъ Рима, ее предложили ему. Но пока, съ обычною медлительностью, обдумывалъ онъ, вымѣривалъ, высчитывалъ и колебался, другой художникъ, на двадцать три года моложе его, Микель-Анжело Буонаротти перехватилъ заказъ и съ неимовѣрною быстротою, работая не только днемъ, но и ночью, при огнѣ, кончилъ своего Исполина въ теченіе двадцати пяти мѣсяцевъ. Шестнадцать лѣтъ Леонардо работалъ надъ памятникомъ Сфорца, глинянымъ Колоссомъ, а сколько времени понадобилось бы ему для мрамора такой величины, какъ Давидъ, онъ и подумать не смѣлъ.

Флорентинцы объявили Микель-Анжело въ искусствѣ ваянія соперникомъ Леонардо. И Буонаротти безъ колебанія принялъ вызовъ.

Теперь, приступая къ военной картинѣ въ залѣ Совѣта, хотя до тѣхъ поръ почти не бралъ кистей въ руки, съ отвагою, которая могла казаться безразсудною, начиналъ онъ состязаніе съ Леонардо и въ живописи.

Чѣмъ бѣльшую кротость и благоволеніе встрѣчали Буонаротти въ соперникѣ, тѣмъ безпощаднѣе становилась ненависть его. Спокойствіе Леонардо казалось ему презрѣніемъ. Съ болѣзненною мнительностью онъ прислушивался къ сплетнямъ, выискивалъ предлоговъ для ссоръ, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы уязвить врага.

Когда окончень былъ Давидъ, синьоры пригласили лучшихъ флорентинскихъ живописцевъ и ваятелей, для совѣщанія о томъ, куда его поставить. Леонардо присоединился къ мнѣнію зодчаго Джульяно да-Санъ-Галло, что слѣдуетъ помѣстить Гиганта на площади Синьоріи, въ глубинѣ лоджій Орканьи, подъ среднею аркою. Узнавъ объ этомъ, Микель-Анжело объявилъ, что Леонардо изъ зависти хочетъ спрятать Давида въ самый темный уголь, такъ, чтобы солнце никогда не освѣщало мрамора, и чтобы никто не могъ его видѣть.

Однажды, въ мастерской, во дворѣ съ черными стѣнами, гдѣ писалъ Леонардо портретъ Джіоконды, на одномъ изъ обычныхъ собраній, въ присутствіи многихъ мастеровъ, между прочимъ братьевъ Поллайоли, старика Сандро Боттичелли, Филиппино Липпи, Лоренцо ди-Креди, ученика Перуджино, зашла рѣчь о томъ, какое искусство выше: ваяніе или живопись,—любимый въ то время среди художниковъ споръ.

Леонардо слушалъ молча. Когда же приступили къ нему съ вопросами, сказалъ:

— Я полагаю, что искусство тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ дальше отъ ремесла.

И съ двусмысленной скользкой улыбкой своей, такъ что трудно было рѣшить, искренно ли онъ говоритъ или смѣется, прибавилъ:

— Главное отличіе этихъ двухъ искусствъ заключается въ томъ, что живопись требуетъ бѣльшихъ усилій духа, ваяніе—тѣла. Образъ, заключенный, какъ ядро, въ грубомъ и твердомъ камнѣ, ваятель медленно освобождаетъ, высѣкая изъ мрамора ударами рѣзца и молота, съ напряженіемъ всѣхъ тѣлесныхъ силъ, съ великою усталостью, какъ поден-

щикъ, обливаясь потомъ, который, смѣшиваясь съ пылью, становится грязью; и лицо у него замазано, обсыпано мраморною бѣлою мукою, какъ у пекаря, одежда покрыта осколками, точно снѣгомъ, домъ наполненъ камнями и пылью. Тогда какъ живописецъ въ совершенномъ спокойствіи, въ изящной одеждѣ, сидя въ мастерской, водить легкою кистью съ пріятными красками. И домъ у него—свѣтлый, чистый, наполненный прекрасными картинами; всегда въ немъ тишина, и работа его услаждается музыкою, или бесѣдою, или чтеніемъ, которыхъ не мѣшаютъ ему слушать ни стукъ молотковъ, ни другіе докучные звуки...

Слова Леонардо были переданы Микель-Анжело, который принялъ ихъ на свой счетъ, но, заглушая злобу, только пожалъ плечами и возразилъ съ ядовитою усмѣшкой:

— Пусть мессэръ да-Винчи, незаконный сынъ трактирной служанки, корчитъ изъ себя бѣлоручку и нѣженку. Я — потомокъ древняго рода, не стыжусь моей работы, не брезгаю пѣтомъ и грязью, какъ простой поденщикъ. Что же касается до преимуществъ ваянія или живописи, то это споръ нелѣпый: искусства всѣ равны, вытекая изъ одного источника и стремясь къ одной цѣли. А ежели тотъ, кто утверждаетъ, будто бы живопись благороднѣе ваянія, столь же свѣдущъ и въ другихъ предметахъ, о которыхъ берется судить, то едва ли онъ смыслитъ въ нихъ больше, чѣмъ моя судомойка.

Съ лихорадочною поспѣшностью принялся Микель-Анжело за картину въ залѣ Совѣта, желая догнать соперника, что, впрочемъ, было не трудно.

Онъ выбралъ случай изъ войны Пизанской: въ жаркій лѣтній день флорентинскіе солдаты купаются въ Арно; забили тревогу — показались враги; солдаты торопятся на берегъ, вылѣзаютъ изъ воды, гдѣ усталыя тѣла ихъ нѣжились въ прохладѣ, и, покорные долгу, натягиваютъ потное, пыльное платье, одѣваются въ мѣдные, раскаленные солнцемъ, брони и панцыри.

Такъ, возражая на картину Леонардо, изобразилъ Микель-Анжело войну, не какъ бессмысленную бойню—«самую

звѣрскую изъ глупостей», но какъ мужественный подвигъ, совершеніе вѣчнаго долга—борьбу героевъ изъ-за славы и величія родины.

За этимъ поединкомъ Леонардо и Микель-Анжело слѣдили флорентинцы съ любопытствомъ, свойственнымъ толпѣ при соблазнительныхъ зрѣлищахъ. И такъ какъ все, въ чемъ не было политики, казалось имъ прѣснымъ, какъ блюдо безъ перца и соли, успѣшили объявить, что Микель-Анжело стоитъ за Республику противъ Медичи, Леонардо — за Медичи противъ Республики. И споръ, сдѣлавшись понятнымъ для всѣхъ, разгорѣлся съ новою силою, перенесенъ былъ изъ домовъ на улицы, площади, и участіе въ немъ приняли тѣ, кому не было никакого дѣла до искусства. Произведеніе Леонардо и Микель-Анжело стали боевыми знаменами двухъ враждующихъ лагерей.

Дошло до того, что по ночамъ неизвѣстные люди стали швырять камнями въ Давида. Знатные граждане обвиняли въ этомъ народъ, вожаки народа—знатныхъ гражданъ, художники—учениковъ Перуджино, открывшаго недавно мастерскую во Флоренціи, а Буонаротти, въ присутствіи гонфалоньера, объявилъ, что негодяевъ, швырявшихъ камнями въ Давида, подкупилъ Леонардо.

И многіе этому повѣрили, или, по крайней мѣрѣ, притворились, что вѣрятъ.

Однажды, во время работы надъ портретомъ Джіоконды—въ мастерской никого не было кромѣ Джіованни и Салаино—когда зашла рѣчь о Микель-Анжело, Леонардо сказалъ монѣ Лизѣ:

— Мнѣ кажется иногда, что если бы я поговорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ, все объяснилось бы само собою, и не осталось бы слѣда отъ этой глупой ссоры: онъ понималъ бы, что я ему не врагъ и что нѣтъ человѣка, который бы могъ полюбить его, какъ я...

Мона Лиза покачала головою:

— Полно, такъ ли, мессэръ Леонардо? Понялъ ли бы онъ?

— Понялъ бы, — воскликнулъ художникъ, — не можетъ такой человѣкъ не понять! Все горе въ томъ, что онъ слыш-

комъ робокъ и неувѣренъ въ себѣ. Мучится, ревнуетъ и боится, потому что самъ еще не знаетъ себя. Это бредъ и безуміе! Я сказалъ бы ему все, и онъ успокоился бы. Ему ли бояться меня? Знаете ли, мадонна, — намедни, когда я увидѣлъ его рисунокъ для «купающихся воиновъ», я глазамъ своимъ не повѣрилъ. Никто и представить себѣ не можетъ, кто онъ, и чѣмъ онъ будетъ. Я знаю, что онъ уже и теперь не только равень мнѣ, но сильнѣе, да, да, я это чувствую, сильнѣе меня!..

Она посмотрѣла на него тѣмъ взоромъ, который, казалось Джіованни, отражалъ въ себѣ взоръ Леонардо, какъ въ зеркалѣ, и улыбнулась тихою странною улыбкою.

— Мессэре,—молвила она,—помните то мѣсто въ священномъ Писаніи, гдѣ Богъ говоритъ Иліи пророку, бѣжавшему отъ нечестиваго царя Ахава въ пустыню, на гору Хоривъ: «выйди и стань на горѣ предъ лицомъ Господнимъ. И вотъ Господь пройдетъ, и большой, и сильный вѣтеръ, раздирающій горы и сокрушающій скалы — предъ Господомъ; но не въ вѣтрѣ Господь. Послѣ вѣтра—землетрясеніе; но не въ землетрясеніи Господь; послѣ землетрясенія — огонь; но не въ огнѣ Господь. Послѣ огня — вѣяніе тихаго вѣтра, — и тамъ Господь». Можетъ-быть, мессэръ Буонаротти силенъ, какъ вѣтеръ, раздирающій горы и сокрушающій скалы предъ Господомъ. Но нѣтъ у него тишины, въ которой Господь. И онъ это знаетъ и ненавидитъ васъ за то, что вы сильнѣе его — какъ тишина сильнѣе бури.

Въ часовнѣ Бранкачи, въ зарѣчной старой церкви Маріядель-Кармине, гдѣ были знаменитыя фрески Томмазо Мазаччіо — школа всѣхъ великихъ мастеровъ Италіи, по нимъ учился нѣкогда и Леонардо — увидѣлъ онъ однажды незнакомаго юношу, почти мальчика, который изучалъ и срисовывалъ эти фрески. На немъ былъ замаранный красками, старый черный камзолъ, бѣлье чистое, но грубое, должно-быть, домашняго издѣлія. Онъ былъ строенъ, гибокъ, съ тонкою шеей, необычайно бѣлою, нѣжною и длинною, какъ у малокровныхъ дѣвушекъ, съ немного жеманною и слаща-

вою прелестью продолговато-круглаго, какъ яичко, прозрачно-блѣднаго лица, съ большими черными глазами, какъ у поселянокъ Умбріи, съ которыхъ Перуджино писалъ своихъ Мадоннъ, — глазами, чуждыми мысли, глубокими и пустыми, какъ небо.

Черезъ нѣкоторое время Леонардо снова встрѣтилъ этого юношу въ монастырѣ Марія-Новелла, въ залѣ Папы, гдѣ выставленъ былъ картонъ *Битвы Ангіари*. Онъ изучалъ и срисовывалъ его такъ же усердно, какъ фрески Мазаччіо. Должно-быть, теперь, уже зная Леонардо въ лицо, юноша впился въ него глазами, видимо желая и не смѣя съ нимъ заговорить.

Замѣтивъ эхо, Леонардо самъ подошелъ къ нему. Торопясь, волнуясь и краснѣя, съ чуть-чуть навязчивою, но дѣтски-невинною вкрадчивостью, молодой человекъ объявилъ ему, что считаетъ его своимъ учителемъ, величайшимъ изъ мастеровъ Италіи, и что Микель-Анжело недостойнъ развязать ремень обуви у творца *Тайной Вечери*.

Еще нѣсколько разъ встрѣчался Леонардо съ этимъ юношей, подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, разсматривалъ его рисунки, и чѣмъ больше узнавалъ его, тѣмъ больше убѣждался, что это будущій великій мастеръ.

Чуткій и отзывчивый, какъ эхо, на всѣ голоса, податливый на всѣ вліянія, какъ женщина, — подражалъ онъ и Перуджино, и Пинтуриккіо, у котораго недавно работалъ въ Сіенскомъ Книгохранилищѣ, въ особенности же Леонардо. Но подъ этою незрѣлостью учитель угадывалъ въ немъ такую свѣжесть чувства, какой еще ни въ комъ никогда не встрѣчалъ. Всего же больше удивляло его то, что этотъ мальчикъ проникалъ въ глубочайшія тайны искусства и жизни, какъ будто нечаянно, самъ того не желая; побѣждалъ величайшія трудности, съ легкостью, точно играя. Все ему давалось даромъ, какъ будто вовсе не было для него въ художествѣ тѣхъ безконечныхъ поисковъ, трудовъ, усилій, колебаній, недоумѣній, которыя были мукой и проклятіемъ всей жизни Леонардо. И когда учитель говорилъ ему о необходимости медленнаго, терпѣливаго изученія

природы, о математически-точныхъ правилахъ и законахъ живописи, юноша смотрѣлъ ему въ глаза своими большими, удивленными и бездумными глазами, видимо скучая и внимательно слушая, только изъ уваженія къ учителю.

Однажды сорвалось у него слово, которое изумило, почти испугало Леонардо своей глубиною:

— Я замѣтилъ, что когда пишешь,—думать не надо: лучше выходить.

Какъ будто этотъ мальчикъ всѣмъ существомъ своимъ говорилъ ему, что того единства, той совершенной гармоніи чувства и разума, любви и познанія, которыхъ онъ искалъ,—вовсе нѣтъ и быть не можетъ.

И передъ кроткою, безмятежною, безмысленною ясностью его Леонардо испытывалъ бѣльшія сомнѣнія, большій страхъ за грядущія судьбы искусства, за дѣло всей своей жизни, чѣмъ предъ возмущеніемъ и ненавистью Буонаротти.

— Откуда ты, сынъ мой?—спросилъ онъ его въ одно изъ первыхъ свиданій. — Кто отецъ твой и какъ твое имя?

— Я родомъ изъ Урбино, — отвѣтилъ юноша съ своею ласковой, немного приторной улыбкой. — Отецъ мой — живописецъ Джіованни Санціо. Имя мое — Рафаэль.

IV.

Въ это время Леонардо принужденъ былъ покинуть Флоренцію по важному дѣлу.

Съ незапамятныхъ временъ Республика вела войну съ сосѣднимъ городомъ Пизою — безконечную, беспощадную, изнурительную для обоихъ городовъ.

Однажды, въ бесѣдѣ съ Макиавелли, художникъ разсказалъ ему военный замыселъ: направить воды Арно изъ стараго въ новое русло, отвести ихъ отъ Пизы въ Ливурнское болото посредствомъ каналовъ, дабы, отрѣзавъ осажденный городъ отъ сообщенія съ моремъ и прекративъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, принудить къ сдачѣ. Никколѣ, со свойственнымъ ему пристрастіемъ ко всему необычному,

плѣнился этимъ замысломъ и сообщилъ его гонфалоньеру; отчасти убѣдилъ и увлекъ его своимъ краснорѣчіемъ, ловко задѣвъ самолюбіе мессэра Пьеро, чьей бездарности въ послѣднее время многіе приписывали всѣ неудачи Пизанской войны; отчасти обмануль, скрывъ дѣйствительныя издержки и трудности замысла. Когда гонфалоньеръ предложилъ его Совѣту Десяти, едва не подняли его на-смѣхъ. Содерини обидѣлся, рѣшилъ доказать, что у него не меньше здраваго смысла, чѣмъ у кого бы то ни было, и началъ дѣйствовать съ такимъ упорствомъ, что добился своего, благодаря усердной помощи враговъ своихъ, которые подали голоса за предложеніе, казавшееся имъ верхомъ нелѣпости, — чтобы погубить мессэра Пьеро. Отъ Леонардо Макиавелли, до поры до времени, скрылъ свои хитрости, рассчитывая на то, что впослѣдствіи, окончательно втянувъ въ это дѣло гонфалоньера, станеть вертѣть имъ, какъ пѣшкой, и достигнетъ всего, что имъ нужно.

Начало работъ казалось удачнымъ. Уровень воды въ рѣкѣ понизился. Но скоро обнаружили трудности, которыя требовали все бѣльшихъ и бѣльшихъ издержекъ, а бережливые синьоры торговались изъ-за каждаго гроша.

Лѣтомъ 1505 года рѣка, вышедшая изъ береговъ послѣ сильнаго грозового ливня, разрушила части плотины. Леонардо былъ вызванъ на мѣсто работъ.

За день до отъѣзда, возвращаясь домой изъ-за Арно отъ Макиавелли, съ которымъ бесѣдовалъ по этому дѣлу и который ужаснуль его своими признаніями, художникъ переходилъ черезъ мостъ Санта-Тринитѣ, по направленію къ улицѣ Торнабуони.

Время было позднее. Прохожихъ мало. Тишина нарушалась только шумомъ воды на мельничной плотинѣ за Понте-алла-Карайя. День былъ жаркій. Но передъ вечеромъ прошелъ дождь и освѣжилъ воздухъ. На мосту пахло теплою лѣтнею водою. Изъ-за чернаго холма Санъ-Миньято подымался мѣсяцъ. Справа, по набережной Понте Веккіо, маленькіе ветхіе домики, съ неровными выступами на кривыхъ деревянныхъ подпоркахъ, отражались, какъ въ зеркалѣ, въ

мутно-зеленой водѣ, углубленной и утишенной запрудою. Слѣва, надъ предгорьями Монте-Альбано, лиловыми и нѣжными, дрожала одинокая звѣзда.

Обликъ Флоренціи вырѣзывался въ чистомъ небѣ, подобно заглавному рисунку на тускломъ золотѣ старинныхъ книгъ,—обликъ единственный въ мірѣ, знакомый, какъ живое лицо человѣка: сначала къ сѣверу древняя колокольня Санта-Кроче, потомъ прямая, стройная и строгая башня Палаццо Веккіо, бѣлая мраморная Кампанилла Джіотто и красноватый черепичный куполь Марія-дель-Фіоре, похожий на исполинскій, не распустившійся цвѣтокъ древней, геральдической Алой Лиліи; вся Флоренція, въ двойномъ вечернемъ и лунномъ свѣтѣ, была какъ одинъ огромный, серебристо-темный цвѣтокъ.

Леонардо замѣтилъ, что у каждаго города, точно такъ же, какъ у каждаго человѣка,—свой запахъ: у Флоренціи — запахъ влажной пыли, какъ у ирисовъ, смѣшанный съ едва уловимымъ свѣжимъ запахомъ лака и красокъ очень старыхъ картинъ.

Онъ думалъ о Джіокондѣ.

Почти такъ же мало зналъ онъ ея жизнь, какъ Джіованни. Его не оскорбляла, но удивляла мысль, что у нея есть мужъ, мессэръ Франческо, худой, высокій, съ бородавкой на лѣвой щекѣ и густыми бровями, положительный человѣкъ, который любитъ разсуждать о преимуществахъ сицилійской породы быковъ и о новой пошлѣ на бараньи шкуры. Бывали мгновенія, когда Леонардо радовался ея призрачный прелести, чуждой, дальней, не существующей и болѣе дѣйствительной, чѣмъ все, что есть; но бывали и другія минуты, когда онъ чувствовалъ ея живую красоту.

Мона Лиза не была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ въ тѣ времена называли «учеными героинями». Никогда не выказывала она своихъ книжныхъ свѣдѣній. Только случайно онъ узналъ, что она читаетъ по-латыни и по-гречески. Она держала себя и говорила такъ просто, что многіе считали ее неумною. На самомъ дѣлѣ, казалась ему, у нея было то, что глубже ума, особенно женскаго,—вѣщая му-

дрость. У нея были слова, которыя вдруг дѣлали ее родной ему, близкою, ближе всѣхъ, кого онъ зналъ, единственною, вѣчною подругою и сестрою. Въ эти мгновенія хотѣлось ему переступить заколдованный кругъ, отдѣляющій созерцаніе отъ жизни. Но тотчасъ же онъ подавлялъ въ себѣ это желаніе, и каждый разъ, какъ умерщвлялъ живую прелесть моны Лизы, вызванный имъ, призрачный образъ ея на полотнѣ картины становился все живѣе, все дѣйствительнѣе.

И ему казалось, что она это знаетъ и покоряется, и помогаетъ ему—приносить себя въ жертву собственному призраку—отдаетъ ему свою душу и радуется.

Было ли то, что ихъ соединяло, любовь?

Ничего, кромѣ скуки или смѣха, не возбуждали въ немъ тогдашнія платоническія бредни, томные вздохи небесныхъ любовниковъ, слащавые сонеты во вкусѣ Петрарки. Не менѣе чуждо ему было и то, что большинство людей называетъ любовью. Такъ же, какъ не ѣлъ мяса, потому что оно казалось ему не запретнымъ, но противнымъ, онъ воздерживался и отъ женщинъ, потому что всякое тѣлесное обладаніе—все равно, въ супружествѣ или въ прелюбодѣянніи—казалось ему не грѣшнымъ, но грубымъ. «Дѣйствіе совокупленія,—писалъ онъ въ своихъ анатомическихъ замѣткахъ,—и члены, служащіе ему, отличаются такимъ уродствомъ, что если бы не прелесть лицъ, не украшенія дѣйствующихъ и не сила похоти,—родъ человѣческой прекратился бы». И онъ удалялся отъ этого «уродства», отъ сладострастной борьбы самцовъ и самокъ, точно такъ же, какъ отъ кровавой бойни пожирающихъ и пожираемыхъ, не возмущаясь, не порицая и не оправдывая, признавая законъ естественной необходимости въ борьбѣ любви и голода, только самъ не желая участвовать въ ней, подчиняясь иному закону — любви и цѣломудрію.

Но если бы онъ и любилъ ее, могъ ли бы желать болѣе совершеннаго соединенія съ возлюбленной, чѣмъ въ этихъ глубокихъ и таинственныхъ ласкахъ—въ созиданіи бессмертнаго образа, новаго существа, которое зачиналось, ро-

ждалось отъ нихъ, какъ дитя рождается отъ отца и матери,— было онъ и она вмѣстѣ?

А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что и въ этомъ, столь непорочномъ, союзѣ есть опасность, быть-можетъ, бѣдльшая, чѣмъ въ союзѣ обычной плотской любви. Оба они шли по краю бездны, тамъ, гдѣ еще никто никогда не ходилъ,— побѣждая соблазнъ и притяженіе бездны. Между ними были скользкія, прозрачныя слова, въ которыхъ тайна сквозила, какъ солнце сквозь влажный туманъ. И порой онъ думалъ: что, если туманъ разсѣется и блеснетъ ослѣпляющее солнце, въ которомъ тайны и призраки умираютъ? Что, если онъ или она не выдержитъ, переступить черту — и созерцаніе сдѣлается жизнью? Имѣетъ ли онъ право испытывать, съ такимъ же безстрастнымъ любопытствомъ, какъ законы механики или математики, какъ жизнь растенія, отравленнаго ядами, какъ строеніе разсѣченнаго мертваго тѣла,— живую душу, единственно близкую душу вѣчной подруги и сестры своей? Не возмутится ли она, не оттолкнетъ ли его съ ненавистью и презрѣніемъ, какъ оттолкнула бы всякая другая женщина?

И ему казалось порой, что онъ казнить ее страшною, медленною казнью. И онъ ужасался ея покорности, которой такъ же не было предѣла, какъ его нѣжному и беспощадному любопытству.

Только въ послѣднее время ощутилъ онъ въ себѣ самомъ этотъ предѣлъ, понялъ, что, рано или поздно, долженъ будетъ рѣшить, кто она для него—живой человѣкъ или только призракъ—отраженіе собственной души въ зеркалѣ женственной прелести. У него была еще надежда, что разлука отдалитъ на время неизбѣжность рѣшенія, и онъ почти радовался, что покинетъ Флоренцію. Но теперь, когда разлука наступала, онъ понялъ, что ошибся, что она не только не отсрочитъ, но приблизитъ рѣшеніе.

Погруженный въ эти мысли, не замѣтилъ онъ, какъ вошелъ въ глухой переулокъ и, когда оглянулся, не сразу узналъ, гдѣ онъ. Судя по виднѣвшейся надъ крышами домовъ мраморной колокольнѣ Джіотто, онъ былъ недалеко

отъ собора. Одна сторона узкой, длинной улицы вся была въ непроницаемо-черной тѣни, другая—въ яркомъ, почти бѣломъ лунномъ свѣтѣ. Вдали краснѣлъ огонекъ. Тамъ, предъ угловымъ балкономъ, съ положимъ черепичнымъ навѣсомъ, съ полукруглыми арками на стройныхъ столбахъ,—флорентинской лоджіей,—люди въ черныхъ маскаx и плащахъ подъ звуки лютни пѣли серенаду. Онъ прислушался.

Это была старая пѣсня любви, сложенная Лоренцо Медичи Великолѣпнымъ, сопровождавшая нѣкогда карнавальное шествіе бога Вакха и Ариадны,—безконечно радостная и унылая пѣсня любви, которую Леонардо любилъ, потому что часто слышалъ ее въ юности:

Quantè bella giovinezza,
Che se fugge tuttavia.
Chi vuol esser lieto, sia—
Di doman non c'è certezza.—
О, какъ молодость прекрасна,
Но мгновенна! Пой же, смѣйся,
Счастливь будь, кто счастья хочетъ—
И на завтра не надѣйся.

Послѣдній стихъ отозвался въ сердцѣ его темнымъ предчувствіемъ.

Не посылала ли ему судьба теперь, на порогъ старости, въ его подземный мракъ и одиночество родную, живую душу? Оттолкнетъ ли онъ ее, отречется ли, какъ уже столько разъ отрекался, отъ жизни для созерцанія, пожертвуетъ ли снова ближнимъ дальнему, дѣйствительнымъ не существующему и единственно прекрасному? Кого выберетъ—живую или бессмертную Джіоконду? Онъ зналъ, что, выбравъ одну, потеряетъ другую, и обѣ были ему одинаково дороги; также зналъ, что надо выбрать, что нельзя больше медлить и длить эту казнь. Но воля его была безсильна. И не хотѣлъ, и не могъ онъ рѣшить, что лучше: умертвить живую для бессмертной или бессмертную для живой—ту, которая есть, или ту, которая будетъ всегда на полотнѣ картины?

Пройдя еще двѣ улицы, онъ подошелъ къ дому своего хозяина, Мартелли.

Двери были заперты, огни потушены. Онъ поднялъ молотокъ, висѣвшій на цѣпи, и ударилъ въ чугунную скобу. Привратникъ не отвѣтилъ—должно-быть, спалъ или ушелъ. Удары, повторенные гулкими сводами каменной лѣстницы, замерли; наступила тишина; казалось, лунный свѣтъ углублялъ ее.

Вдругъ раздались тяжкіе, медленно-мѣрные мѣдныя звуки — бой часовъ на сосѣдней башнѣ. Ихъ голосъ говорилъ о безмолвномъ и грозномъ полетѣ времени, о темной одинокой старости, о невозвратимости прошлаго.

И долго еще послѣдній звукъ, то слабѣя, то усиливаясь, дрожалъ и колебался въ лунной тишинѣ расходящимися звучными волнами, какъ будто повторяя:

Di doman non c'è certezza—

И на завтра не надѣйся.

V.

На слѣдующій день мона Лиза пришла къ нему въ мастерскую въ обычное время, въ первый разъ одна, безъ всегдашней спутницы своей, сестры Камиллы. Джіоконда знала, что это—ихъ послѣднее свиданіе.

День былъ солнечный, ослѣпительно-яркій. Леонардо задернулъ полотняный пологъ—и во дворѣ съ черными стѣнами воцарился тотъ нѣжный, сумеречный свѣтъ—прозрачная, какъ будто подводная, тѣнь, которая лицу ея давала наибольшую прелесть.

Они были одни.

Онъ работалъ, молча, сосредоточенно, въ совершенномъ спокойствіи, забывъ вчерашнія мысли о предстоящей разлукѣ, о неизбѣжномъ выборѣ, какъ будто не было для него ни прошлаго, ни будущаго, и время остановилось, — какъ будто всегда она сидѣла такъ и будетъ сидѣть передъ нимъ, со своею тихою, странною улыбкою. И то, чего не могъ сдѣ-

лать въ жизни, онъ дѣлалъ въ созерцаніи: сливалъ два образа въ одинъ, соединялъ дѣйствительность и отраженіе— живую и безсмертную. И это давало ему радость великаго освобожденія. Онъ теперь не жалѣлъ ея и не боялся. Зналъ, что она ему будетъ покорна до конца—все приметъ, все вытерпитъ, умереть и не возмутится. И порой онъ смотрѣлъ на нее съ такимъ же любопытствомъ, какъ на тѣхъ осужденныхъ, которыхъ провожалъ на казнь, чтобы слѣдить за послѣдними содроганіями боли въ ихъ лицахъ.

Вдругъ почудилось ему, что чуждая тѣнь живой, не имъ внушенной, ему ненужной, мысли мелькнула въ лицѣ ея, какъ туманный слѣдъ живого дыханія на поверхности зеркала. Чтобы оградить ее— снова вовлечь въ свой призрачный кругъ, прогнать эту живую тѣнь, онъ сталъ ей рассказывать пѣвучимъ и повелительнымъ голосомъ, какимъ волшебникъ творить заклинанія, одну изъ тѣхъ таинственныхъ сказокъ, подобныхъ загадкамъ, которыя иногда записывалъ въ дневникахъ своихъ.

— «Не въ силахъ будучи противостоятъ моему желанію видѣть новые, невѣдомые людямъ, образы, созидаемые искусствомъ природы, и, въ теченіе долгаго времени, совершая путь среди голыхъ, мрачныхъ скалъ, достигъ я наконецъ Пещеры и остановился у входа, въ недоумѣніи. Но, рѣшившись и наклонивъ голову, согнувъ спину, положивъ ладонь лѣвой руки на колѣно правой ноги и правую рукою заслоняя глаза, чтобы привыкнуть къ темнотѣ, я вошелъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Насупивъ брови и зажмуривъ глаза, напрягая зрѣніе, часто измѣнялъ я мой путь и блуждалъ во мракѣ, ошущью, то туда, то сюда, стараясь что-нибудь увидѣть. Но мракъ былъ слишкомъ глубокъ. И когда я нѣкоторое время пробылъ въ немъ, то во мнѣ пробудились и стали бороться два чувства—страхъ и любопытство—страхъ передъ изслѣдованіемъ темной Пещеры, и любопытство—нѣтъ ли въ ней какой-либо чудесной тайны?»

Онъ умолкъ. Съ лица ея чуждая тѣнь все еще не исчезала.

— Какое же изъ двухъ чувствъ побѣдило?—молвила она.

— Любопытство.

— И вы узнали тайну Пещеры?

— Узналъ то, что можно знать.

— И скажете людямъ?

— Всего нельзя, и я не сумѣю. Но я хотѣлъ бы внушить имъ такую силу любопытства, чтобы всегда оно побѣждало въ нихъ страхъ.

— А что, если мало одного любопытства, мэссеръ Леонардо?—проговорила она, съ неожиданно блеснувшимъ взоромъ.—Что, если нужно другое, большее, чтобы проникнуть въ послѣднія, и можетъ-быть, самыя чудныя тайны Пещеры?

И она посмотрѣла ему въ глаза съ такою усмѣшкою, какой онъ никогда не видалъ у нея.

— Что же нужно еще?—спросилъ онъ.

Она молчала.

Въ это время тонкій и острый, ослѣпляющій лучъ солнца проникъ сквозь щель между двумя полотнищами полога. Подводный сумракъ озарился. И на лицѣ ея очарованіе нѣжныхъ, подобныхъ дальней музыкѣ, свѣтлыхъ тѣней и «темнаго свѣта» было нарушено.

— Вы уѣзжаете завтра?—проговорила Джіоконда.

— Нѣтъ, сегодня вечеромъ.

— Я тоже скоро уѣду,—сказала она.

Онъ взглянулъ на нее пристально, хотѣлъ что-то прибавить, но промолчалъ: догадался, что она уѣзжаетъ, чтобы не оставаться безъ него во Флоренціи.

— Мессэръ Франческо,—продолжала мона Лиза,—ѣдетъ по дѣламъ въ Калабрию, мѣсяца на три, до осени; я упростила его взять меня съ собою.

Онъ обернулся и съ досадою, нахмурившись, взглянулъ на острый, злой и правдивый лучъ солнца. Дотолѣ одноцвѣтныя, безжизненно и призрачно-бѣлыя брызги фонтана, теперь, въ этомъ преломляющемъ, живомъ лучѣ, вспыхнули противоположными и разнообразными цвѣтами радуги—цвѣтами жизни.

— И вдругъ онъ почувствовалъ, что возвращается въ жизнь—робкій, слабый, жалкій и жалѣющій.

— Ничего,—проговорила мона Лиза,—задерните пологъ. Еще не поздно, я не устала.

— Нѣтъ, все равно. Довольно,—сказалъ онъ и бросилъ кисть.

— Вы никогда не кончите портрета?

— Отчего же?—возразилъ онъ послѣшно, точно испугавшись.—Развѣ вы больше не придете ко мнѣ, когда вернетесь?

— Приду. Но, можетъ-быть, черезъ три мѣсяца я буду ужъ совсѣмъ другая, и вы меня не узнаете. Вы же сами говорили, что лица людей, особенно женщинъ, быстро мѣняются...

— Я хотѣлъ бы кончить,—произнесъ онъ медленно, какъ будто про себя.—Но не знаю. Мнѣ кажется иногда, что того, что я хочу, сдѣлать нельзя...

— Нельзя?—удивилась она.—Я, впрочемъ, слышала, что вы никогда не кончаете, потому что стремитесь къ невозможному...

Въ этихъ словахъ ея послышался ему, можетъ-быть, только почудился, безконечно-кроткій, жалобный укоръ.

«Вотъ оно», подумалъ онъ, и ему сдѣлалось страшно. Она встала и молвила просто, какъ всегда:

— Ну, что же, пора! Прощайте, мессэръ Леонардо! Счастливаго пути.

Онъ поднялъ на нее глаза—и опять почудилось ему въ лицѣ ея послѣдній безнадежный упрекъ и мольба.

Онъ зналъ, что это мгновеніе для нихъ обоихъ невозвратно и вѣчно, какъ смерть. Зналъ, что нельзя молчать. Но чѣмъ больше напрягалъ волю, чтобы найти рѣшеніе и слово, тѣмъ больше чувствовалъ свое безсиліе и углубляющуюся между ними непереступную бездну. А мона Лиза улыбалась ему прежнею, тихою и ясною улыбкою. Но теперь ему казалось, что эта тишина и ясность подобны тѣмъ, какія бываютъ въ улыбкѣ мертвыхъ.

Сердце его пронзила безконечная, нестерпимая жалость и сдѣлала его еще безсильнѣе.

Мона Лиза протянула руку, и онъ молча поцѣловалъ эту руку, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они другъ друга знали,—и въ то же мгновеніе почувствовалъ, какъ, быстро наклонившись, она коснулась губами волосъ его.

— Да сохранить васъ Богъ,—сказала она, все такъ же просто.

Когда онъ пришелъ въ себя, ея уже не было. Кругомъ была тишина мертваго лѣтняго полдня, болѣе грозная, чѣмъ тишина самой глухой, темной полночи.

И точно такъ же, какъ ночью, но еще грознѣе и торжественнѣе, слышались медленно-мѣрные, мѣдные звуки—бой часовъ на сосѣдней башнѣ. Они говорили о безмолвномъ и страшномъ полетѣ времени, о темной, одинокой старости, о невозвратимости прошлаго.

И долго еще дрожалъ, замирая, послѣдній звукъ и, казалось, повторялъ:

Di doman non c'è certezza—
И на завтра не надѣйся

VI.

Соглашаясь принять участіе въ работахъ по отводу Арно отъ Пизы, Леонардо былъ почти увѣренъ, что это военное предпріятіе повлечетъ за собою, рано или поздно, другое, болѣе мирное и болѣе важное.

Еще въ молодости мечталъ онъ о сооруженіи канала, который сдѣлалъ бы Арно судоходнымъ отъ Флоренціи до Пизанскаго моря и, оросивъ поля сѣтью водяныхъ питательныхъ жилъ и увеличивъ плодородіе земли, превратилъ бы Тоскану въ одинъ цвѣтушій садъ. «Прато, Пистойя, Пиза, Лукка,—писалъ онъ въ своихъ замѣткахъ,—принявъ участіе въ этомъ предпріятіи, возвысили бы свой ежегодный оборотъ на 200.000 дукатовъ. Кто сумѣетъ управлять во-

дами Арно въ глубинѣ и на поверхности, тотъ пріобрѣтетъ въ каждой десятинѣ земли сокровище».

Леонардо казалось, что теперь, передъ старостью, судьба даетъ ему, быть-можетъ, послѣдній случай исполнить на службѣ народа то, что не удалось на службѣ государей,— показать людямъ власть науки надъ природою.

Когда Макиавелли признался ему, что обманулъ Содерини, скрылъ дѣйствительныя трудности замысла и увѣрилъ его, будто бы достаточно тридцати—сорока тысячъ рабочихъ дней, Леонардо, не желая принимать на себя отвѣтственности, рѣшилъ объявить гонфалоньеру всю правду и представилъ расчетъ, въ которомъ доказывалъ, что для сооруженія двухъ отводныхъ, до Ливурнскаго болота, каналовъ въ 7 футовъ глубины, 20 и 30 ширины, представляющихъ площадь въ 800.000 квадратныхъ локтей, потребуется не менѣе 200.000 рабочихъ дней, а можетъ-быть, и болѣе, смотря по свойствамъ почвы. Синьоры ужаснулись. Со всѣхъ сторонъ посыпались на Содерини обвиненія: недоумѣвали, какъ могла подобная нелѣпость придти ему въ голову.

А Никколò все еще надѣялся, хлопоталъ, хитрилъ, обманывалъ, писалъ краснорѣчивыя посланія, увѣряя въ несомнѣнномъ успѣхѣ начатыхъ работъ. Но, несмотря на огромныя, съ каждымъ днемъ возрастающія, издержки, дѣло шло все хуже и хуже.

Точно зарокъ былъ положенъ на мессэра Никколò: все къ чему ни прикасался онъ,—измѣняло, рушилось, таяло въ рукахъ его, превращаясь въ слова, въ отвлеченныя мысли, въ злыя шутки, которыя больше всего вредили ему самому. И невольно вспоминалъ художникъ его постоянные проигрыши при объясненіи правила выигрывать навѣрняка,— неудачное освобожденіе Маріи, злополучную македонскую фалангу.

Въ этомъ странномъ человѣкѣ, неутолимо жаждавшемъ дѣйствія и совершенно къ нему неспособномъ, могучемъ въ мысли, безсильномъ въ жизни, подобномъ лебедю на сушѣ,— узнавалъ Леонардо себя самого.

Въ донесеніи гонфалоньеру и синьорамъ совѣтоваль онъ или тотчасъ отказаться отъ предпріятія, или кончить его, не останавливаясь ни передъ какими расходами. Но правители Республики предпочли, по своему обыкновенію, средній путь. Рѣшили воспользоваться уже вырытыми каналами, какъ рвами, которые служили бы преградою движенію пизанскихъ войскъ, и такъ какъ черезчуръ смѣлые замыслы Леонардо никому не внушали довѣрія, пригласили изъ Феррары другихъ водостроителей и землекоповъ. Но пока во Флоренціи спорили, обличали другъ друга, обсуждали вопросъ во всевозможныхъ присутственныхъ мѣстахъ, собраніяхъ и совѣтахъ, по большинству голосовъ, бѣлыми и черными шарами, — враги, не дожидаясь, пушечными ядрами разрушили то, что было сдѣлано.

Все это предпріятіе до того, наконецъ, опротивѣло художнику, что онъ не могъ слышать о немъ безъ отвращенія. Дѣла давно позволяли ему вернуться во Флоренцію. Но, узнавъ случайно, что мессэръ Джіокондо возвращается изъ Калабріи въ первыхъ числахъ октября, Леонардо рѣшилъ пріѣхать на десять дней позже, чтобы уже навѣрное застать мону Лизу во Флоренціи.

Онъ считалъ дни. Теперь, при мысли о томъ, что разлука можетъ затянуться, такой суевѣрный страхъ и тоска сжимали сердце его, что онъ старался не думать объ этомъ, не говорилъ ни съ кѣмъ и не спрашивалъ, изъ опасенія, какъ бы ему не сказали, что она не вернется къ сроку.

Рано поутру пріѣхалъ во Флоренцію.

Осенняя, тусклая, сырая—казалась она ему особенно милой, родственной, напоминавшей Джіоконду. И день былъ ея—туманный, тихій, съ влажно-тусклымъ, какъ бы подводнымъ, солнцемъ, которое давало женскимъ лицамъ особую прелесть.

Онъ уже не спрашивалъ себя, какъ они встрѣтятся, что онъ ей скажетъ, какъ сдѣлаетъ, чтобы больше никогда не разставаться съ нею, чтобы супруга мессэра Джіокондо была ему единственной, вѣчной подругой. Зналъ, что все

устроится само собою—трудное будетъ легкимъ, невозможное возможнымъ—только бы свидѣться.

«Главное, не думать, тогда лучше выходить, — повторялъ онъ слова Рафаэля. — Я спрошу ее, и теперь она скажетъ мнѣ то, что тогда не успѣла сказать: чтó нужно, кромѣ любопытства, чтобы проникнуть въ послѣднія, можетъ-быть, самыя чѹдныя тайны Пещеры?»

И такая радость наполняла душу его, какъ будто ему было не пятьдесятъ четыре, а шестнадцать лѣтъ, какъ будто вся жизнь была впереди. Только въ самой глубинѣ сердца, куда не досягаль ни единый лучъ сознанія, подъ этою радостью было грозное предчувствіе.

Онъ пошелъ къ Никколò, чтобы передать ему дѣловыя бумаги и чертежи землекопныхъ работъ. Къ мессэру Джіокондо предполагаль зайти на слѣдующее утро; но не вытерпѣлъ и рѣшилъ въ тотъ же вечеръ, возвращаясь отъ Макіавелли и проходя мимо ихъ дома на Лунгарно дэлле-Граціе, спросить у конюха, слуги и привратника, вернулись ли хозяева; и все ли у нихъ благополучно.

Леонардо спускался по улицѣ Торнабуони къ мосту Санта-Тринитà—по тому же пути, только въ обратномъ направленіи, какъ въ послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ.

Погода къ вечеру измѣнилась внезапно, какъ это часто бываетъ во Флоренціи осенью. Изъ ущелья Муньоне подулъ сѣверный вѣтеръ, пронзительный, точно сквозной. И высоты Муджелло сразу побѣлѣли, точно посѣдѣли, отъ инея. Накрапываль дождь. Вдругъ, снизу, изъ-подъ полога тучъ, какъ будто отрѣзаннаго и оставлявшаго надъ горизонтомъ узкую полосу чистаго неба, брызнуло солнце и освѣтило грязныя, мокрыя улицы, глянцевитыя крыши домовъ и лица людей мѣдно-желтымъ, холоднымъ и грубымъ свѣтомъ. Дождь сдѣлался похожимъ на мѣдную пыль. И кое-гдѣ вдали засверкали оконныя стекла, точно раскаленные уголья.

Противъ церкви Санта-Тринитà, у моста, на углу набережной и улицы Торнабуони, возвышался огромный, изъ дикаго коричнево-сѣраго камня, съ рѣшетчатыми окнами и

зубцами, напоминавшій средневѣковую крѣпость, палаццо Спины. Внизу по стѣнамъ его, какъ у многихъ старинныхъ флорентинскихъ дворцовъ, тянулись широкія каменные лавки, на которыхъ сиживали граждане всѣхъ возрастовъ и званій, играя въ кости или шашки, слушая новости, бесѣдуя о дѣлахъ, зимою грѣясь на солнцѣ, лѣтомъ отдыхая въ тѣни. Съ той стороны дворца, что выходила на Арно, надъ скамьей устроенъ былъ черепичный навѣсъ со столбиками, въ родѣ лоджіи.

Проходя мимо навѣса, увидѣлъ Леонардо собраніе полузнакомыхъ людей. Одни сидѣли, другіе стояли. Разговаривали такъ оживленно, что не замѣчали порывовъ рѣзкаго вѣтра съ дождемъ.

— Мессэре, мессэръ Леонардо!—окликнули его.—Пожалуйте сюда, разрѣшите-ка нашъ споръ.

Онъ остановился.

Спорили о нѣсколькихъ загадочныхъ стихахъ «Божественной Комедіи» въ тридцать четвертой пѣснѣ «Ада», гдѣ поэтъ рассказываетъ о великанѣ Дите, погруженномъ въ ледъ до середины груди, на самомъ днѣ Проклятаго Колодца. Это—главный вождь низвергнутыхъ ангельскихъ полчищъ, «Императоръ Скорбнаго Царства». Три лица его—черное, красное, желтое—какъ бы дьявольское отраженіе божественныхъ вѣпостасей Троицы. И въ каждой изъ трехъ пасти—по грѣшнику, котораго онъ вѣчно гложеть: въ черной—Иуда Предатель, въ красной—Брутъ, въ желтой—Кассій. Спорили о томъ, почему Аллигieri казнить того, кто возсталъ на Человѣкобога—казнить убійцу Юлія Цезаря, и величайшаго изъ Отступниковъ,—того, кто возсталъ на Богочеловѣка,—почти одинаковою казнью, ибо вся разница лишь въ томъ, что у Брута ноги внутри Дитовой пасти, голова—снаружи, тогда какъ ноги Иуды—снаружи, а голова—внутри. Одни объясняли это тѣмъ, что Данте, пламенный гибеллинь, защитникъ власти императорской противъ земного владычества папъ, считалъ Римскую монархію столь же, или почти столь же священною и нужною для спасенія міра, какъ Римскую церковь. Другіе возражали, что такое

объясненіе отзывается ересью и не соотвѣтствуетъ христіанскому духу благочестивѣйшаго изъ поэтовъ. Чѣмъ больше спорили, тѣмъ неразгаданнѣе становилась тайна поэта.

Пока старый богатый шерстникъ подробно объяснялъ художнику предметъ спора, Леонардо, немного прищуривъ глаза отъ вѣтра, смотрѣлъ вдаль, въ ту сторону, откуда, по набережной Лунгарно Ачіайоли, тяжелою, неуклюжею, точно медвѣжьей поступью шель небрежно и бѣдно одѣтый челоуѣкъ, сутулый, костлявый, съ большой головой, съ черными, жесткими, курчавыми волосами, съ жидкою и клочковатою козлиною бородкою, съ оттопыренными ушами, съ широкоскулымъ и плоскимъ лицомъ. Это былъ Микель-Анжело Буонаротти. Особенное, почти отталкивающее уродство придавалъ ему носъ, переломленный и расплющенный ударомъ кулака еще въ ранней молодости, во время драки съ однимъ ваятелемъ-соперникомъ, котораго злыми шутками довелъ онъ до бѣшенства. Зрачки маленькихъ желтокарихъ глазъ отливали порою страннымъ багровымъ блескомъ. Воспаленныя вѣки, почти безъ рѣсницъ, были красны, потому что, не довольствуясь днемъ, работалъ онъ и ночью, прикрѣпляя ко лбу круглый фонарикъ, что дѣлало его похожимъ на Циклопа съ огненнымъ глазомъ по срединѣ лба, который копошится въ подземной темотѣ и, съ глухимъ медвѣжьимъ бормотаньемъ и лязгомъ желѣзнаго молота, яростно борется съ камнемъ.

— Что скажетъ, мессэре?—обратились къ Леонардо спорившіе.

Леонардо всегда надѣялся, что ссора его съ Буонаротти кончится миромъ. Онъ мало думалъ объ этой ссорѣ во время своего отсутствія изъ Флоренціи и почти забылъ ее.

Такая тишина и ясность были въ сердцѣ его въ эту минуту и онъ готовъ былъ обратиться къ сопернику съ такими добрыми словами, что Микель-Анжело, казалось ему, не могъ не понять.

— Мессэръ Буонаротти—великій знатокъ Аллигіери,—молвилъ Леонардо съ вѣжливою, спокойною улыбкою, ука-

зывая на Микель-Анжело.—Онъ лучше меня объяснить вамъ это мѣсто

Микель-Анжело шелъ, по обыкновенію, опустивъ голову, не глядя по сторонамъ, и не замѣтилъ, какъ наткнулся на собраніе. Услышавъ имя свое изъ устъ Леонардо, остановился и поднялъ глаза.

Застѣнчивому и робкому до дикости, были ему тягостны взоры людей, потому что никогда не забывалъ онъ о своемъ уродствѣ и мучительно стыдился его: ему казалось, что всѣ надъ нимъ смѣются.

Застигнутый врасплохъ, онъ въ первую минуту растерялся: подозрительно поглядывалъ на всѣхъ исподлобья своими маленькими желто-карими глазками, беспомощно моргая воспаленными вѣками, болѣзненно жмурясь отъ солнца, и человѣческихъ взоровъ.

Но когда увидѣлъ ясную улыбку соперника и пронизательный взоръ его, устремленный невольно сверху внизъ, потому что Леонардо былъ ростомъ выше Микель-Анжело,—робость, какъ это часто съ нимъ бывало, мгновенно превратилась въ ярость. Долго не могъ онъ произнести ни слова. Лицо его то блѣднѣло, то краснѣло неровными пятнами. Наконецъ съ усиліемъ проговорилъ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ:

— Самъ объясняй! Тебѣ и книги въ руки, умнѣйшій изъ людей, который довѣрился каплунамъ-ломбардцамъ, шестнадцать лѣтъ возился съ глинянымъ Колоссомъ и не сумѣлъ отлить его изъ бронзы—долженъ былъ оставить все съ позоромъ!..

Онъ чувствовалъ, что говорить не то, что слѣдуетъ, искалъ и не находилъ достаточно обидныхъ словъ, чтобы унижить соперника.

Всѣ притихли, обративъ на нихъ любопытные взоры.

Леонардо молчалъ. И нѣсколько мгновений оба молча смотрѣли другъ другу въ глаза—одинъ съ прежнею кроткою улыбкою, теперь удивленной и опечаленной, другой—съ презрительной усмѣшкой, которая ему не удавалась, только искажала лицо его судорогой, дѣлая еще безобразнѣе.

Передъ яростною силою Буонаротти тихая, женственная прелесть Леонардо казалась безконечною слабостью.

У Леонардо былъ рисунокъ, изображавшій борьбу двухъ чудовищъ — дракона и льва: крылатый змѣй, царь воздуха, побѣждалъ безкрылаго царя земли.

То, что теперь помимо сознанія и воли ихъ происходило между ними, было похоже на эту борьбу.

И Леонардо почувствовалъ, что мона Лиза права: никогда соперникъ не проститъ ему «тишины, которая сильнѣе бури».

Микель-Анжело хотѣлъ что-то прибавить, но только махнулъ рукою, быстро отвернулся и пошелъ дальше своею неуклюжею, медвѣжьей поступью, съ глухимъ, неяснымъ бормотаньемъ, понуривъ голову, согнувъ спину, какъ будто неимоверная тяжесть давила ему плечи. И скоро скрылся, точно растаялъ въ мутной, огненно-мѣдной пыли дождя и зловѣщаго солнца.

Леонардо также продолжалъ свой путь.

На мосту догналъ его одинъ изъ бывшихъ въ собраніи у палаццо Спино—вертлявый и плюгавый человѣчекъ, похожій на еврея, хотя и чистокровный флорентинецъ. Художникъ не помнилъ, кто этотъ человѣчекъ и какъ его имя, только зналъ, что онъ злой сплетникъ.

Вѣтеръ на мосту усилился; свистѣлъ въ ушахъ, колоть лицо ледяными иглами. Волны рѣки, уходившія въ даль къ низкому солнцу, подъ низкимъ и темнымъ, точно каменнымъ небомъ, казались подземнымъ потокомъ расплавленной мѣди.

Леонардо шелъ по узкому сухому мѣсту, не обращая вниманія на спутника, который поспѣвалъ за нимъ, шлепая по грязи, въ припрыжку, забѣгая впередъ, какъ собачонка, заглядывая въ глаза ему и заговаривая о Микель-Анжело. Онъ, видимо, желалъ подхватить какое-нибудь слово Леонардо, чтобы тотчасъ передать сопернику и разнести по городу. Но Леонардо молчалъ

— Скажите, мессэре,—не отставалъ отъ него назойливый человѣчекъ,—вѣдь вы еще не кончили портрета Джіоконды?

— Не кончиль, — отвѣтилъ художникъ и нахмурился. — А вамъ что?

— Нѣтъ, ничего, такъ. Вотъ вѣдь, подумашь, цѣлыхъ три года бьетесь надъ одною картиною, и все еще не кончили. А намъ, не посвященнымъ, она уже и теперь кажется такимъ совершенствомъ, что большаго мы и представить себѣ не можемъ!..

И усмѣхнулся подобострастно.

Леонардо посмотрѣлъ на него съ отвращеніемъ. Этотъ плюгавый человѣчекъ вдругъ сдѣлался ему такъ ненавистенъ, что казалось, если бы только онъ далъ себѣ волю, то схватилъ бы его за шиворотъ и бросилъ въ рѣку.

— Что же, однако, будетъ съ портретомъ, — продолжалъ неугомонный спутникъ. — Или вы еще не слышали, мессэръ Леонардо?..

Онъ, видимо, нарочно тянулъ и мямлилъ: у него было что-то на умѣ.

И вдругъ художникъ, сквозь отвращеніе, почувствовалъ животный страхъ къ своему собесѣднику — словно тѣло его было скользкимъ и колѣнчато-подвижнымъ, какъ тѣло насѣкомаго. Должно-быть, и тотъ уже что-то почувялъ. Онъ еще болѣе сдѣлался похожимъ на жида; руки его затряслись, глаза запрыгали.

Ахъ, Боже мой, а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, вы только сегодня утромъ пріѣхали и еще не знаете. Представьте себѣ, какое несчастіе. Бѣдный мессэръ Джіокондо третій разъ овдовѣлъ. Вотъ уже мѣсяць, какъ мадонна Лиза волею Божіей преставилась...

У Леонардо въ глазахъ потемнѣло. Одно мгновеніе казалось ему, что онъ упадетъ. Человѣчекъ такъ и впился въ него своими колючими глазками.

Но художникъ сдѣлалъ надъ собою неимовѣрное усиліе — и лицо его, только слегка поблѣднѣвъ, осталось непроницаемымъ; по крайней мѣрѣ, спутникъ ничего не замѣтилъ.

Окончательно разочаровавшись и увязнувъ по щиколку въ грязи на площади Фрескобальди, онъ отсталъ.

Первою мыслью Леонардо, когда онъ опомнился, было то, что сплетникъ солгалъ, нарочно выдумалъ это извѣстіе, чтобы увидѣть, какое впечатлѣніе оно произведетъ на него, и потомъ всюду рассказывать, давая новую пищу, давно уже ходившимъ слухамъ о любовной связи Леонардо съ Джіокондою.

Правда смерти, какъ это всегда бываетъ въ первую минуту, казалась невѣроятною.

Но въ тотъ же вечеръ узналъ онъ все: на возвратномъ пути изъ Калабріи, гдѣ мессэръ Франческо выгодно устроилъ дѣла свои, между прочимъ, поставку сырыхъ бараньихъ шкуръ во Флоренцію,—въ маленькомъ глухомъ городкѣ Лагонеро, мона Лиза Джіоконда умерла, одни говорили, отъ болотной лихорадки, другіе —отъ заразной горловой болѣзни.

VII.

Дѣло съ каналомъ для отвода Арно отъ Пизы кончилось постыдною неудачею.

Во время осенняго разлива наводненіе уничтожило начатыя работы и превратило цвѣтущую низменность въ гнилую трясику, гдѣ рабочіе умирали отъ заразы. Огромный трудъ, деньги, человѣческія жизни—все пропало даромъ.

Феррарскіе водостроители сваливали вину на Содерини, Макиавелли и Леонардо. Знакомые на улицахъ отворачивались отъ нихъ и не кланялись. Никколò заболѣлъ отъ стыда и горя.

Года два назадъ умеръ отецъ Леонардо.

«9-го іюля 1504 г., въ среду, въ седьмомъ часу ночи,—записалъ онъ съ обычною краткостью, — скончался отецъ мой, Сэръ-Пьеро да-Винчи, нотаріусъ во дворцѣ Подеста. Ему было восемьдесятъ лѣтъ. Онъ оставилъ десять человѣкъ дѣтей мужскаго и двухъ женскаго пола».

Сэръ-Пьеро неоднократно, при свидѣтеляхъ, выражалъ намѣреніе завѣщать своему незаконному первенцу Леонардо такую же долю имѣнія, какъ остальнымъ дѣтямъ.

Самъ ли измѣнилъ онъ передъ смертью это намѣреніе, или сыновья не захотѣли исполнить волю покойнаго, но они объявили, что, въ качествѣ побочнаго сына, Леонардо въ раздѣлѣ не участвуетъ. Тогда одинъ изъ ростовщиковъ, ловкій еврей, у котораго художникъ бралъ деньги подъ обезпеченіе ожидаемаго наслѣдства, предложилъ ему купить права его въ тяжбѣ съ братьями. Какъ ни страшился Леонардо семейныхъ и судебныхъ дразгъ, денежные дѣла его въ это время такъ запутались, что онъ согласился. Началась тяжба изъ-за 300 флориновъ, которой суждено было длиться шесть лѣтъ. Братья, пользуясь всеобщимъ раздраженіемъ противъ Леонардо, подливали масла въ огонь, обвиняли его въ безбожїи, въ государственной измѣнѣ во время службы у Цезаря Борджїа, въ колдовствѣ, въ кощунствѣ надъ христіанскими могилами при откапыванїи труповъ для анатомическихъ сѣченїй, воскресили и двадцать пять лѣтъ назадъ похороненную сплетню о противоестественныхъ порокахъ его, безчестили память покойной матери его, Катерины Аккаттабрика.

Но всѣмъ этимъ непрїятностямъ присоединилась неудача съ картиною въ залѣ Совѣта.

Такъ сильна была привычка Леонардо къ медлительности, допускаемой въ стѣнописи масляными красками, и отвращеніе къ поспѣшности, требуемой водяными, что, несмотря на предостерегающій опытъ съ Тайной Вечерей, рѣшилъ онъ и Битву при Ангїари писать, хотя другими, какъ онъ полагалъ, усовершенствованными, но все же масляными, красками. Когда половина работы была исполнена, развелъ большой огонь на желѣзныхъ жаровняхъ передъ картиною, чтобы, по новому, изобрѣтенному имъ, способу, ускорить впитываніе красокъ въ известь; но скоро убѣдился, что жаръ дѣйствуетъ только на нижнюю часть картины, между тѣмъ какъ въ верхней, удаленной отъ жара, лакъ и краски не сохнутъ.

Послѣ многихъ тщетныхъ усилїй, понялъ онъ окончательно, что второй опытъ съ масляною стѣнописью будетъ столь же неудаченъ, какъ первый: Битва при Ангїари такъ

же погибнетъ, какъ Тайная Вечеря; и опять, по выраженію Буонаротти, онъ «долженъ былъ оставить все съ позоромъ».

Картина въ залѣ Совѣта опостылѣла ему еще больше, чѣмъ дѣло съ Пизанскимъ каналомъ и тяжба съ братьями.

Содерини мучилъ его требованіями канцелярской точности въ исполненіи заказа, торопилъ окончаніемъ работы къ назначенному сроку, грозилъ неустойкою и, видя, что ничего не помогаетъ, началъ открыто обвинять въ нечестности, въ присвоеніи казенныхъ денегъ. Когда же, занявъ у друзей, Леонардо хотѣлъ отдать ему все, что получилъ изъ казны, мессэръ Пьеро отказался принять; а между тѣмъ во Флоренціи ходило по рукамъ, распространяемое друзьями Буонаротти, письмо гонфалоньера къ флорентинскому повѣренному въ Миланѣ, который хлопоталъ объ отпускѣ художника къ намѣстнику французскаго короля въ Ломбардіи, сеньёру Шарлю д'Амбуазъ:

«Дѣйствія Леонардо неблаговидны,—говорилось, между прочимъ, въ этомъ письмѣ.—Забравъ большія деньги впередъ и едва начавъ работу, бросилъ онъ все и поступилъ въ этомъ дѣлѣ съ Республикой какъ измѣнникъ».

Однажды зимою ночью сидѣлъ Леонардо одинъ въ своей рабочей комнатѣ.

Вьюга выла въ трубѣ очага. Стѣны дома вздрагивали отъ ея порывовъ; пламя свѣчи колебалось; подвѣшенное къ деревянной переколадинѣ въ приборѣ для изученія полета чучело птицы на крыльяхъ, изъѣденныхъ молью, качалось, точно собираясь взлетѣть, и въ углу, надъ полкою съ томами Плинія Натуралиста, знакомый паукъ тревожно бѣгалъ въ своей паутинѣ. Капли дождя или талаго снѣга ударяли въ оконныя стекла, словно кто-то тихонько стучался.

Послѣ дня, проведеннаго въ житейскихъ заботахъ, Леонардо чувствовалъ себя усталымъ, разбитымъ, какъ послѣ ночи, проведенной въ бреду. Пытался было приняться за давнишнюю работу — изысканія о законахъ движенія тѣлъ по наклонной плоскости; потомъ — за карикатуру старухи съ маленькимъ, какъ бородавка, вздернутымъ носомъ, свинными глазками и гигантскою, чудовищно оттянутою книзу,

верхнею губою; пробовалъ читать,—но все валилось изъ рукъ. А спать не хотѣлось, и цѣлая ночь была впереди.

Онъ взглянулъ на груды старыхъ, пыльныхъ книгъ, на колбы, реторты, банки съ блѣдными уродцами въ спирту, на мѣдные квадранты, глобусы, приборы механики, астрономіи, физики, гидравлики, оптики, анатоміи — и неизъяснимое отвращеніе наполнило ему душу.

Не былъ ли самъ онъ—какъ этотъ старый паукъ въ темномъ углу надъ пахнущими плѣсенью книгами, костями человѣческихъ остововъ и мертвыми членами мертвыхъ машинъ? Чтò предстояло ему въ жизни, чтò отдѣляло отъ смерти—кромѣ нѣсколькихъ листовъ бумаги, которые покроетъ онъ значками никому непонятныхъ письменъ?

И вспомнилось ему, какъ въ дѣтствѣ, на Монте-Альбано, слушая крики журавлиныхъ станицъ, вдыхая запахъ смолистыхъ травъ, глядя на Флоренцію, прозрачно-лиловую въ солнечной дымкѣ, словно аметистъ, такую маленькую, что вся она умѣщалась между двумя цвѣтущими золотистыми вѣтками поросли, которая покрываетъ склоны этихъ горъ весною, — онъ былъ счастливъ, ничего не зная, ни о чемъ не думая.

Неужели весь трудъ его жизни—только обманъ, и великая любовь—не дочь великаго познанія?

Онъ прислушивался къ вою, визгу, грохоту вьюги. И ему приходили на память слова Макиавелли: «самое страшное въ жизни не заботы, не бѣдность, не горе, не болѣзнь, даже не смерть,—а скука».

Нечеловѣческіе голоса ночного вѣтра говорили о понятномъ человѣческому сердцу, родномъ и неизбѣжномъ— о послѣднемъ одиночествѣ въ страшной, слѣпой темнотѣ, въ лонѣ отца всего сущаго, древняго Хаоса—о безпредѣльной скукѣ міра.

Онъ всталъ, взялъ свѣчу, отперъ сосѣднюю комнату, вошелъ въ нее, приблизился къ стоявшей на треножномъ поставѣ картинѣ, завѣшанной тканью съ тяжелыми складками, подобной савану,—и откинулъ ее.

Это былъ портретъ моны Лизы Джіоконды.

Онъ не открывалъ его съ тѣхъ поръ, какъ работаль надъ нимъ въ послѣдній разъ, въ послѣднее свиданіе. Теперь казалось ему, что онъ видитъ его впервые. И такую силу жизни почувствовалъ онъ въ этомъ лицѣ, что ему сдѣлалось жутко передъ собственнымъ созданиемъ. Вспомнилъ суевѣрные рассказы о волшебныхъ портретахъ, которые, будучи проколоты иглою, причиняють смерть изображенному. Здѣсь, подумаль,—наоборотъ: у живой отнял онъ жизнь, чтобы дать ее мертвой.

Все въ ней было ясно, точно — до послѣдней складки одежды, до крестиковъ тонкой узорчатой вышивки, обрамлявшей вырѣзь темнаго платья на блѣдной груди. Казалось, что, всмотрѣвшись пристальнѣе, можно видѣть, какъ дышитъ грудь, какъ въ ямочкѣ подъ горломъ бьется кровь, какъ выраженіе лица измѣняется.

И вмѣстѣ съ тѣмъ была она призрачная, дальняя, чуждая, болѣе древняя въ своей безсмертной юности, чѣмъ первозданныя глыбы базальтовыхъ скалъ, виднѣвшіяся въ глубинѣ картины—воздушно-голубыя, сталактитоподобныя горы какъ будто нездѣшняго, давно угасшаго міра. Извилины потоковъ между скалами напоминали извилины губъ ея съ вѣчной улыбкой. И волны волосъ падали изъ-подъ прозрачно-темной дымки по тѣмъ же законамъ божественной механики, какъ волны воды.

Только теперь—какъ будто смерть открыла ему глаза—понялъ онъ, что прелесть моны Лизы была все, чего искалъ онъ въ природѣ съ такимъ ненасытнымъ любопытствомъ,—понялъ, что тайна міра была тайной моны Лизы.

И уже не онъ ее, а она его испытывала. Что значилъ взоръ этихъ глазъ, отражавшихъ душу его, углублявшихся въ ней, какъ въ зеркалѣ—до безконечности?

Повторяла ли она то, чего не договорила въ послѣднее свиданіе: «нужно больше, чѣмъ любопытство, чтобы проникнуть въ самыя глубокія и, можетъ-быть, самыя чѹдныя тайны Пещеры?»

Или эта была равнодушная улыбка всевѣдѣнія, съ которою мертвые смотрять на живыхъ?

Онъ зналъ, что смерть ея—не случайность: онъ могъ бы спасти ее, если бы хотѣлъ. Никогда еще, казалось ему, не заглядывалъ онъ такъ прямо и близко въ лицо смерти. Подъ холоднымъ и ласковымъ взоромъ Джіоконды невыносимый ужасъ ледянилъ ему душу.

И первый разъ въ жизни отступилъ онъ передъ бездною, не смѣя заглянуть въ нее,—не захотѣлъ знать.

Торопливымъ, какъ будто воровскимъ движеніемъ опустилъ на лицо ея покровъ съ тяжелыми складками, подобный савану.

Весною, по просьбѣ французскаго намѣстника Шарля д'Амбуазъ, получилъ Леонардо отпускъ изъ Флоренціи на три мѣсяца и отправился въ Миланъ.

Онъ былъ такъ же радъ покинуть родину и такимъ же безпріютнымъ изгнанникомъ увидѣлъ снѣжныя громады Альпъ надъ зеленою равниною Ломбардіи, какъ двадцать пять лѣтъ назадъ.

ПЯТНАДЦАТАЯ КНИГА.

Святѣйшая Инквизиція.

I.

Во время перваго пребыванія въ Миланѣ, будучи на службѣ Моро, Леонардо занимался анатоміей, вмѣстѣ съ однимъ еще очень молодымъ, лѣтъ восемнадцати, но уже знаменитымъ ученымъ, Маркъ-Антоніо, изъ древняго рода веронскихъ патриціевъ дѣлла-Торре, у которыхъ любовь къ наукѣ была наслѣдственной. Отецъ Маркъ-Антоніо преподавалъ медицину въ Падуѣ, братья также были учеными. Самъ онъ съ отроческихъ лѣтъ посвятилъ себя служенію наукѣ, подобно тому какъ нѣкогда потомки славныхъ родовъ посвящали себя рыцарскому служенію дамѣ сердца и Богу. Ни игры дѣтства, ни страсти юности не отвлекали его отъ этого строгаго служенія. Онъ полюбилъ дѣвушку; но, рѣшивъ, что нельзя служить двумъ господамъ — любви и наукѣ, покинулъ невѣсту и окончательно отрекся отъ міра. Еще въ дѣтствѣ разстроилъ онъ свое здоровье чрезмѣрными занятіями. Худое, блѣдное, точно у суроваго подвижника, но все еще прекрасное лицо его напоминало лицо Рафаэля, только съ выраженіемъ болѣе глубокой мысли и грусти.

Когда онъ былъ отрокомъ, два знаменитыхъ университета сѣверной Италіи, Падуанскій и Павійскій, спорили изъ-за него. Когда же Леонардо вернулся въ Миланъ, двадцатилѣтній Маркъ-Антоніо считался однимъ изъ первыхъ ученыхъ Европы.

Стремленія въ наукѣ были у нихъ, повидимому, общія: оба замѣняли схоластическую анатомію средневѣковыхъ арабскихъ толкователей Гиппократы и Галена опытомъ и наблюденіемъ надъ природою, изслѣдованіемъ строенія живого тѣла; но подъ внѣшнимъ сходствомъ скрывалось и глубокое различіе.

На послѣднихъ предѣлахъ знанія художникъ чувствовалъ тайну, которая сквозъ всѣ явленія міра притягивала его къ себѣ, какъ магнитъ и сквозъ ткань притягиваетъ желѣзо. Описывая мускулы плеча, онъ говорилъ: «Эти мускулы концами тонкихъ нитей прикрѣплены только къ внѣшнему краю вмѣстилищъ своихъ: Великій Мастеръ устроилъ такъ, дабы имѣли они возможность свободно расширяться и суживаться, удлиняться и сокращаться, смотря по нуждѣ». Въ примѣчаніяхъ къ рисунку, изображавшему связки бедренныхъ мускуловъ, онъ писалъ: «Разсмотри эти прекрасныя мускулы — *a, b, c, d* и *e*, и если кажется тебѣ, что ихъ много, попробуй, — убавь, если мало — прибавь, а достаточно, — воздай хвалу первому Строителю столь дивной машины». Такъ, послѣднею цѣлью всякаго знанія было для него великое удивленіе передъ Непознаваемымъ, передъ Божественной Необходимостью — волей перваго Двигателя въ механикѣ, перваго Строителя въ анатоміи.

Маркъ-Антоніо также чувствовалъ тайну въ явленіяхъ природы, но не смирялся передъ нею, и, не будучи въ силахъ ни отвергнуть, ни побѣдить ее, боролся съ нею и страшился ея. Наука Леонардо шла къ Богу; наука Маркъ-Антоніо — противъ Бога, и утраченную вѣру хотѣлъ онъ замѣнить новою вѣрою — въ разумъ человѣческій.

Онъ былъ милосердъ. Нерѣдко, отказывая богатымъ, ходилъ къ бѣднякамъ, лѣчилъ ихъ даромъ, помогалъ деньгами и готовъ былъ отдать имъ все, что имѣлъ. У него была доброта, свойственная людямъ не отъ міра сего, погруженнымъ въ созерцаніе. Но когда рѣчь заходила о невѣжествѣ монаховъ и церковниковъ, враговъ науки, лицо его искажалось, глаза сверкали неукротимою злобою, и Леонардо чувствовалъ, что этотъ милосердный человѣкъ, если бы дали

ему власть, посылалъ бы людей на костеръ во имя разума, точно такъ же, какъ враги его, монахи и церковники, сжигали ихъ во имя Бога.

Леонардо въ наукѣ былъ столь же одинокъ, какъ въ искусствѣ; Маркъ-Антоніо окруженъ учениками. Онъ увлекалъ толпу, зажигалъ сердца, какъ пророкъ, творилъ чудеса, воскрешалъ больныхъ не столько лѣкарствами, сколько вѣрою. И юные слушатели, какъ всѣ ученики, доводили до крайности мысли учителя. Они уже не боролись, а безопасно отрицали тайну міра, думали, что, не сегодня, такъ завтра, наука все побѣдитъ, все разрѣшитъ, не оставитъ камня на камнѣ отъ ветхаго зданія вѣры. Хвастали безвѣріемъ, какъ дѣти обновкою, буйствовали, какъ школьники — и побѣдоносная рѣзвость ихъ напоминала визгливую рѣзвость щенятъ.

Для художника изувѣрство мнимыхъ слугителей знанія было столь же противно, какъ изувѣрство мнимыхъ слугителей Бога.

«Когда наука восторжествуетъ, — думалъ онъ съ грустью, — и чернь войдетъ въ ея святилище, не осквернитъ ли она своимъ признаніемъ и науку, точно такъ же какъ осквернила церковь, и будетъ ли менѣе пошлымъ знаніе толпы, чѣмъ вѣра толпы?»

Въ тѣ времена добываніе мертвыхъ тѣлъ для анатомическихъ сѣченій, воспрещенныхъ буллою папы Бонифація VIII Extravagantes, было дѣломъ труднымъ и опаснымъ. Двѣсти лѣтъ назадъ Мундини-дей-Луцци, первый изъ ученыхъ, дерзнулъ произвести всенародное анатомическое сѣченіе двухъ труповъ въ Болонскомъ университетѣ. Онъ выбралъ женщину, какъ «болѣе близкихъ къ животной природѣ». И тѣмъ не менѣе, совѣсть мучила его, по собственному признанію, такъ что анатомировать голову, «обиталище духа и разума», онъ вовсе не посмѣлъ.

Времена измѣнились. Слушатели Маркъ-Антоніо были менѣе робки. Не останавливаясь ни передъ какими опасностями и даже преступленіями, добывали они свѣжіе трупы: не только покупали за большія деньги у палачей и больничныхъ гробовщиковъ, но и силою отнимали, крали съ

висѣлицъ, вырывали изъ могилъ на кладбищахъ, и, если бы учитель позволилъ, убивали бы прохожихъ по ночамъ, въ глухихъ предмѣстьяхъ.

Обиліе труповъ дѣлало работу дѣлла-Торре особенно важной и драгоцѣнной для художника.

Онъ готовилъ цѣлый рядъ анатомическихкихъ рисунковъ перомъ и краснымъ карандашомъ, съ объясненіями и замѣтками на поляхъ. Здѣсь, въ пріемахъ изслѣдованія, еще болѣе сказывалась противоположность изслѣдователей.

Одинъ былъ только ученый, другой — и ученый, и художникъ вмѣстѣ. Маркъ-Антоніо зналъ. Леонардо зналъ и любилъ — и любовь углубляла познаніе. Рисунки его были такъ точны и въ то же время такъ прекрасны, что трудно было рѣшить, гдѣ кончается искусство и начинается наука: одно входило въ другое, одно сливалось съ другимъ въ нераздѣлимое цѣлое.

«Тому, кто мнѣ возразить, — писалъ онъ въ этихъ замѣткахъ, — что лучше изучать анатомію на трупахъ, чѣмъ по моимъ рисункамъ, я отвѣчу: это было бы такъ, если бы ты могъ видѣть въ одномъ сѣченіи все, что изображаетъ рисунокъ; но, какова бы ни была твоя проникательность, ты увидѣлъ и узналъ бы лишь нѣсколько венъ. Я же, дабы имѣть совершенное знаніе, произвелъ сѣченія болѣе чѣмъ десяти человѣческихкихъ тѣлъ различныхъ возрастовъ, разрушая всѣ члены, снимая до послѣднихъ частицъ все мясо, окружавшее вены, не проливая крови, развѣ только чуть замѣтныя капли изъ волосяныхъ сосудовъ. И когда одного тѣла не хватало, потому что оно разлагалось во время изслѣдованія, я разсѣкалъ столько труповъ, сколько требовало совершенное знаніе предмета, и дважды начиналъ одно и то же изслѣдованіе, дабы видѣть различія. Умножая рисунки, я даю изображенія каждаго члена и органа такъ, какъ будто ты имѣлъ ихъ въ рукахъ и, повертывая, рассматривалъ со всѣхъ сторонъ, внутри и снаружи, сверху и снизу».

Ясновидѣніе художника давало глазу и рукѣ ученаго точность математическаго прибора. Никому неизвѣстныя

раздѣленія вень, скрытыя въ соединительныхъ тканяхъ или въ слизистыхъ оболочкахъ, тончайшіе кровеносные сосуды и нервы, развѣтвленные въ мышцахъ и мускулахъ, ощупывала скальпелемъ, обнажала лѣвая рука его — такая сильная, что гнула подковы, такая нѣжная, что улавливала тайну женственной прелести въ улыбкѣ Джіоконды.

И Маркъ-Антоніо, не желавшій вѣрить ни во что, кромѣ разума, испытывалъ порой смущеніе, почти страхъ передъ этимъ вѣщимъ знаніемъ, какъ передъ чудомъ.

Иногда художникъ говорилъ себѣ: «такъ должно быть, такъ хорошо». И когда, изслѣдуя, убѣждался, что дѣйствительно такъ есть, то воля Творящаго какъ будто отвѣчала волѣ созерцающаго: красота была истиной, истина — красотою.

Чувствуя, что Леонардо предается и наукѣ, какъ всему, только на время и сохраняетъ свободу для новыхъ увлеченій, точно играя, Маркъ-Антоніо, вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣлъ, какого безконечнаго терпѣнія, какой «упрямой суровости» требуетъ работа, казавшаяся въ рукахъ учителя игрой и забавою.

«И ежели ты имѣешь любовь къ наукѣ, — обращался Леонардо въ своихъ замѣткахъ къ читателю, — не помѣшаетъ ли тебѣ чувство брезгливости? И ежели ты преодолѣешь брезгливость — не овладѣетъ ли тобою страхъ въ ночные часы передъ мертвецами, истерзанными, окровавленными? И если побѣдишь ужасъ, окажется ли у тебя совершенно ясный предварительный замыселъ, необходимый для такого изображенія тѣла? И ежели есть у тебя замыселъ, обладаешь ли ты знаніемъ перспективы? И ежели оно есть у тебя, владѣешь ли ты приѣмами геометрическихъ доказательствъ и потребными свѣдѣніями въ механикѣ для измѣренія силъ и напряженія мускуловъ? И, наконецъ хватить ли у тебя самага главнаго — терпѣнія и точности? Насколько я обладаю всѣми этими качествами, покажутъ сто двадцать книгъ анатоміи, которыя я сочинилъ. И причина того, что я не привелъ труда моего къ желанному концу — не корысть или небрежность, а только недостатокъ времени».

«Точно такъ же, какъ до меня Птоломей описывалъ міръ въ своей космографіи, я описываю человѣческое тѣло — эту маленькую вселенную — міръ въ мірѣ».

Онъ предчувствовалъ, что труды его, если бъ были узнаны и поняты людьми, произвели бы величайшій переворотъ въ наукѣ, ждалъ «послѣдователей», «преемниковъ», которые могли бы оцѣнить въ его рисункахъ «благодѣяніе, оказанное имъ человѣческому роду».

«Пусть книга о началахъ механики, — писалъ онъ, — предшествуетъ твоему изслѣдованію законовъ движеній и силъ человѣка и другихъ животныхъ, дабы ты могъ, ссылаясь на механику, доказывать всякое положеніе анатоміи съ ясностью геометрическою».

Онъ разсматривалъ члены людей и животныхъ, какъ живые рычаги. Корни всякаго знанія погружались для него въ механику, которая была воплощеніемъ «дивной справедливости перваго Двигателя». И благая воля перваго Строителя вытекала изъ правосудной воли перваго Двигателя — Тайны всѣхъ тайнъ.

Рядомъ съ математической точностью у Леонардо были догадки, предчувствія, пророчества, которыя пугали Маркъ-Антоніо своею смѣлостью, казались ему невѣроятными, подобно тому, какъ человѣку, видящему горы въ первый разъ, далекія вершины кажутся облаками, висящими въ воздухѣ, и трудно ему повѣрить, что у этихъ призраковъ — корни гранитные, уходящіе къ сердцу земли.

Изучая на трупахъ беременныхъ женщинъ, послѣдовательныя ступени развитія зародыша въ маткѣ, Леонардо пораженъ былъ сходствомъ въ строеніи тѣлъ людей и животныхъ, не только четвероногихъ, но и рыбъ и птицъ.

«Сравни человѣка, — писалъ онъ, — съ обезьяною и многими другими животными почти той же породы. Сравни внутренности человѣка съ внутренностями обезьяны, и льва, и быка, и рыбъ, и птицъ. Сравни пальцы человѣческой руки съ пальцами медвѣжьей лапы, съ хрящами рыбьихъ плавниковъ, съ кистями птичьихъ крыльевъ и крыльевъ летучей мыши».

«Тому, кто обладает совершеннымъ знаніемъ строенія челоѣческаго тѣла, легко быть всеобъемлющимъ, ибо члены всѣхъ животныхъ сходятся».

Въ многообразіи тѣлесныхъ строеній прозрѣваль онъ единый законъ развитія, единый связующій замыселъ природы.

Маркъ-Антоніо спорилъ, горячился, называлъ догадки эти бреднями, недостойными ученаго и противными духу точнаго знанія; но иногда, побѣжденный, какъ бы очарованный, умолкалъ и слушалъ. Въ эти минуты дѣтски-нѣжное и монашески-строгое лицо его было прекрасно. И, глядя въ глубокіе, всегда печальные глаза его, Леонардо чувствовалъ, что этотъ затворникъ науки — не только жрецъ ея, но и жертва: для него великая скорбь была «дочь великаго познанія».

II.

По ходатайству намѣстника Шарля д'Амбуазъ и французскаго короля, художникъ получилъ отъ Флорентинской синьоріи отпускъ на неопредѣленное время, а въ слѣдующемъ 1507 году, перейдя окончательно на службу Людовика XII, поселился въ Миланѣ и только изрѣдка по дѣламъ наѣзжалъ во Флоренцію.

Прошло четыре года.

Въ концѣ 1511 Джіованни Бельтраффіо, въ то время уже считавшійся искуснымъ мастеромъ, работалъ надъ стѣнописью въ новой церкви Санъ-Мауриціо, принадлежавшей старинной, построенной на развалинахъ древне-римскаго цирка и храма Юпитера, женской обители Маджіоре. Рядомъ, за высокою оградой, выходившей на улицу Дэлла-Винья, находился запущенный садъ и нѣкогда великолѣпный, но давно покинутый и полуразвалившійся дворецъ владѣтельнаго рода Карманьола.

Монахини сдавали внаймы эту землю и домъ алхимику Галеотто Сакробоско и его племянницѣ, дочери Галеоттова брата, мессэра Луиджи, знаменитаго собирателя

древностей, монѣ Кассандрѣ, которые недавно вернулись въ Миланъ.

Вскорѣ послѣ перваго нашествія французовъ и разграбленія маленькаго домика повивальной бабки моны Сидоніи у Катаранской плотины за Верчельскими воротами, уѣхали они изъ Ломбардіи и девять лѣтъ провели въ скитаніяхъ по Востоку — Греціи, островамъ Архипелага, Малой Азіи, Палестинѣ, Сириі. Странные слухи ходили о нихъ: одни увѣряли, будто бы алхимикъ нашелъ камень мудрецовъ, превращающій олово въ золото; другіе — будто бы онъ выманилъ у діодарія Сирійскаго для опытовъ огромныя деньги, и, присвоивъ ихъ, бѣжалъ; третьи — что мона Кассандра, по договору съ дьяволомъ и по записи отца своего, откопала древній кладъ, зарытый на мѣстѣ финикійскаго храма Астарты; четвертые, наконецъ, — что она ограбила въ Константинополѣ стараго, несмѣтно богатаго смирскаго купца, котораго очаровала и опоила приворотными зельями. Какъ бы то ни было, уѣхавъ изъ Милана нищими, они вернулись богачами.

Бывшая вѣдьма, ученица Деметрія Халкондилы, воспитанница старой вѣдьмы Сидоніи, Кассандра сдѣлалась, или, по крайней мѣрѣ, притворилась благочестивой дочерью церкви; строго соблюдала всѣ обряды и посты, посѣщала церковныя службы и щедрыми вкладами заслужила особое покровительство не только сестеръ монастыря Маджіоре, пріютившихъ ее на своей землѣ, но и самого владыки, архіепископа миланскаго. Злые языки утверждали, впрочемъ, (можетъ-быть, только изъ свойственной людямъ зависти къ внезапному обогащенію), будто бы она вернулась изъ своихъ далекихъ странствій еще большею язычницей, что вѣдьма съ алхимикомъ должны были бѣжать изъ Рима, спасаясь отъ Святѣйшей Инквизиціи, и что, рано или поздно, не миновать имъ костра.

Передъ Леонардо мессэръ Галеотто все такъ же благоговѣлъ и считалъ его своимъ учителемъ — обладателемъ «сокровенной мудрости трижды-великаго Гермеса».

Алхимикъ привезъ съ собою изъ путешествія много рѣдкихъ книгъ, большею частью александрійскихъ ученыхъ

время Птоломеевъ, по математическимъ наукамъ. Художникъ бралъ у него эти книги, за которыми обыкновенно посылалъ Джіованни, работавшаго по сосѣдству въ церкви Санъ-Мауриціо. Черезъ нѣкоторое время Бельтраффіо, по старой привычкѣ, сталъ заходить къ нимъ все чаще и чаще подъ какимъ-либо предлогомъ, въ дѣйствительности же только для того, чтобы видѣть Кассандру.

Дѣвушка была съ нимъ въ первыя свиданья на-сторожѣ, притворялась какою-то грѣшницей, говорила о своемъ желаніи постричься; но, мало-по-малу, убѣдившись, что бояться нечего, стала довѣрчивѣй.

Они вспоминали бесѣды свои десять лѣтъ назадъ, когда оба были почти дѣтьми, на пустынномъ пригоркѣ надъ Катаванскою плотиною, у стѣнъ монастыря св. Редегонды; вспоминали вечеръ съ блѣдными зарницами, съ душнымъ запахомъ лѣтней воды изъ канала, съ глухимъ, точно подземнымъ, ворчаніемъ грома, и то, какъ она предрекала ему воскресеніе олимпійскихъ боговъ, и какъ звала на Шабашъ вѣдьмъ.

Теперь жила она отшельницей; была или казалась больною и почти все время, свободное отъ службъ церковныхъ, проводила въ уединенной комнатѣ, куда никого не пускала, въ одномъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ покоевъ стараго дворца — мрачной залѣ со стрѣльчатыми окнами, выходившими въ заглохшій садъ, гдѣ безмолвной оградой возвышались кипарисы, и яркій влажный мохъ покрывалъ стволы дуплистыхъ вязовъ. Убранство этой комнаты напоминало музей и книгохранилище. Здѣсь находились древности, привезенныя ею съ Востока — обломки эллинскихъ статуй, псоглавые боги Египта изъ гладкаго чернаго гранита, рѣзные камни гностиковъ съ волшебнымъ словомъ *Абракасэ*, изображающимъ триста шестьдесятъ пять горнихъ небесъ, византійскіе пергаменты, твердые какъ слоновою кость, съ обрывками навѣки утраченныхъ произведеній греческой поэзіи, глиняные черепки съ клинообразными ассирійскими надписями, книги персидскихъ маговъ, закованныя въ желѣзо, и прозрачно-тонкіе, какъ лепестки цвѣтовъ, мемфисскіе папирусы.

Она рассказывала ему о своихъ странствіяхъ, о видѣнныхъ чудесахъ, о пустынномъ величіи храмовъ изъ бѣлаго мрамора на черныхъ, извѣденныхъ моремъ, утесахъ, среди вѣчно-голубыхъ, пахнущихъ солью, какъ будто свѣжестью голаго тѣла пѣнорожденной богини Ионическихъ волнъ, — о неимовѣрныхъ трудахъ своихъ, бѣдахъ, опасностяхъ. И однажды, когда онъ спросилъ, чего она искала въ этихъ странствіяхъ, зачѣмъ собирала эти древности, претерпѣвая столько мученій, — отвѣтила ему словами отца своего, мессэра Луиджи Сакробоско:

— Чтобы воскресить мертвыхъ!

И глаза ея загорѣлись огнемъ, по которому узналъ онъ прежнюю вѣдму Кассандру.

Она мало измѣнилась. У нея было все то же лицо, чуждое печали и радости, неподвижное, какъ у древнихъ изваяній, — широкой, низкой лобъ, прямыя, тонкія брови, строго-сжатая губы, на которыхъ нельзя было представить себѣ улыбки, — и глаза, какъ янтарь, прозрачно-желтые. Но теперь, утонченное болѣзнию или единою, чрезмѣрно обострившеюся мыслью, лицо это, особенно нижняя часть, слишкомъ узкая, маленькая, съ нижнею губою, немного выдавшеюся впередъ, — еще яснѣе выражало суровое спокойствіе и въ то же время дѣтскую беспомощность. Сухіе, пушистые волосы, живые, живѣе всего лица, точно обладавшіе отдѣльною жизнью, какъ змѣи Медузы, окружали блѣдное лицо чернымъ ореоломъ, отъ котораго казалось оно еще блѣднѣе и неподвижнѣе, алыя губы ярче, желтые глаза прозрачнѣе. И еще неотразимѣе, чѣмъ десять лѣтъ назадъ, влекла къ себѣ Джіованни прелесть этой дѣвушки, возбуждавшая въ немъ любопытство, страхъ и жалость.

Во время путешествія по Греціи посѣтила Кассандра родину своей матери, унылый, маленький городокъ Мистру, близъ развалинъ Лакедемона, между пустынныхъ, выжженных холмовъ Пелопоннеса, гдѣ полвѣка назадъ умеръ послѣдній изъ учителей эллинской мудрости, Гемистосъ Плетонъ. Собрала неизданные отрывки его сочиненій, письма, благоговѣйныя преданія учениковъ, которые вѣрили, что

душа Платона, еще разъ сойдя съ Олимпа, воплотилась въ Плетонѣ. Рассказывая Джіованни объ этомъ посѣщеніи, повторила она пророчество, уже слышанное имъ отъ нея въ одну изъ ихъ прошлыхъ бесѣдъ у Катаранской плотины и съ тѣхъ поръ часто ему вспоминавшееся, — слова Платона, сказанныя, будто бы, столѣтнимъ старцемъ - философомъ за три года до смерти:

«Немного лѣтъ спустя послѣ кончины моей надо всѣми племенами и народами земными возсіяетъ единая истина, и обратятся всѣ во единую вѣру». Когда же спрашивали его — въ какую, во Христову или Магометову, — онъ отвѣчалъ: «Ни въ ту, ни въ другую, но въ новую вѣру, отъ древняго язычества не отличную».

— Прошло уже болѣе полвѣка со смерти Платона, — возразилъ Джіованни, — а пророчество не исполняется. Неужели вы все еще вѣрите, мона Кассандра?..

— Истины совершенной, — молвила она спокойно, — не было у Платона. Онъ во многомъ заблуждался, ибо многого не зналъ.

— Чего? — спросилъ Джіованни, и вдругъ, подъ ея глубокимъ, пристальнымъ взоромъ, почувствовалъ, что сердце его падаетъ.

Вмѣсто отвѣта взяла она съ полки старинный пергаментъ — это была трагедія Эсхила *Скованный Прометей* — и прочла ему нѣсколько стиховъ. Джіованни понималъ немного по-гречески, а то, чего не понялъ, она объяснила ему.

Перечисливъ дары свои людямъ — забвеніе смерти, надежду и огонь, похищенный съ неба, которые рано или поздно сдѣлаютъ ихъ равными богамъ — Титанъ предрекалъ паденіе Зевса:

Въ тотъ страшный день исполнится надъ нимъ
Отцовское проклятіе, что на Сына
Обрушилъ Кроносъ, падая съ небесъ.
И указать отъ этихъ бѣдъ спасенье
Изъ всѣхъ боговъ могу лишь я одинъ —
Я знаю тайну.

Посланникъ олимпійцевъ, Гермесь, возвѣщаль Прометею:

До той поры не жди конца страданьямъ,
Пока другой не приметъ мукъ твоихъ,
Страдалецъ-богъ и къ мертвымъ въ темный Тартаръ
Во глубину Аида не сойдетъ.

— Какъ ты думаешь, Джіованни, — молвила Кассандра, закрывая книгу, — кто этотъ «Страдалецъ-богъ, сходящій въ Тартаръ»?

Джіованни ничего не отвѣтилъ; ему казалось, что передъ нимъ, точно при свѣтѣ внезапно блеснувшей молніи, открывается бездна.

А мона Кассандра попрежнему смотрѣла на него въ упоръ своими ясными, прозрачными глазами; въ это мгновеніе была она, дѣйствительно, похожа на злополучную плѣнницу Агамемнона, вѣщую дѣву Кассандру.

— Джіованни, — прибавила она, немного помолчавъ, — слышалъ ли ты о человѣкѣ, который, болѣе десяти вѣковъ назадъ, такъ же какъ философъ Плетонъ, мечталъ воскресить умершихъ боговъ, — объ императорѣ Флавіи Клавдіи Юліанѣ?

— Объ Юліанѣ-Отступникѣ?

— Да, о томъ, кто врагамъ своимъ галилеянамъ и себѣ, — увы! — казался отступникомъ, но не дерзнулъ имъ быть, ибо въ новые мѣха влилъ старое вино: эллины такъ же, какъ христіане, могли бы назвать его отступникомъ...

Джіованни разсказалъ ей, что видѣлъ однажды во Флоренціи мистерію Лоренцо Медичи Великолѣпнаго, которая изображала мученическую смерть Санъ-Джіованни и Паоло, двухъ юношей, казненныхъ за вѣру Христову Юліаномъ-Отступникомъ. Онъ даже помнилъ нѣсколько стиховъ изъ этой мистеріи, особенно поразившихъ его, — между прочимъ, предсмертный крикъ Юліана, пронзеннаго мечомъ св. Меркурія:

Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!
O Chrsto Galileo, tu hai pur vinto!

— Слушай, Джіованни,—продолжала Кассандра,—въ странной и плачевной судьбѣ этого человѣка есть великая тайна. Оба они, говорю я, и кесарь Юліанъ, и мудрецъ Плетонъ были одинаково неправы, потому что обладали только половиной истины, которая, безъ другой половины, есть ложь: оба забыли пророчество Титана, что тогда лишь боги воскреснутъ, когда Свѣтлые соединятся съ Темными, небо вверху — съ небомъ внизу, и, то, что было Двумя, будетъ Едино. Этого не поняли они и тщетно отдали душу свою за боговъ олимпійскихъ...

Она остановилась, какъ будто не рѣшаясь договорить, и потомъ прибавила тихо:

— Если бы ты зналъ, Джіованни, если бы могла я сказать тебѣ все до конца!.. Но нѣтъ, теперь еще рано. Пока скажу одно: есть богъ среди боговъ олимпійскихъ, который ближе всѣхъ другихъ къ подземнымъ братьямъ своимъ, богъ свѣтлый и темный, какъ утренніе сумерки, безпощадный, какъ смерть, сошедшій на землю и давшій смертнымъ забвене смерти — новый огонь отъ огня Прометеева — въ собственной крови своей, въ опьяняющемъ сокѣ виноградныхъ лозъ. И кто изъ людей, братъ мой, кто пойметъ и скажетъ міру, какъ мудрость Вѣнчаннаго Гроздьями подобна мудрости Вѣнчаннаго Терніями, — Того, Кто сказалъ: «Я есмь истинная виноградная лоза», — и такъ же, какъ богъ Діонисъ, опьяняетъ міръ Своею кровью? — Понялъ ли ты, о чемъ я говорю, Джіованни? — Если не понялъ, молчи, не спрашивай, ибо здѣсь тайна, о которой еще нельзя говорить...

Въ послѣднее время у Джіованни явилось новое, дотолѣ невѣдомое дерзновеніе мысли. Онъ ничего не боялся, потому что ему нечего было терять. Онъ чувствовалъ, что ни вѣра фра Бенедетто, ни знаніе Леонардо не утолятъ муки его, не разрѣшатъ противорѣчій, отъ которыхъ душа его умирала. Только въ темныхъ пророчествахъ Кассандры чудился ему, быть-можетъ, самый страшный, но единственный путь къ примиренію, и по этому послѣднему пути онъ шелъ за нею съ отвагою отчаянія.

Они сходились все ближе и ближе.

Однажды онъ спросилъ ее, зачѣмъ она притворяется и скрываетъ отъ людей то, что ей кажется истиной?

— Не все — для всѣхъ, — возразила Кассандра. — Исповѣданіе мучениковъ, такъ же, какъ чудо и знаменье, нужно для толпы, ибо лишь тѣ, кто вѣритъ не до конца, умирають за вѣру, чтобы доказать ее другимъ и себѣ. Но совершенная вѣра есть совершенное знаніе. Развѣ ты думаешь, что смерть Пифагора подтвердила бы истины геометріи, открытыя имъ? Совершенная вѣра безмолвна, и тайна ея выше исповѣданія, какъ учитель сказалъ: «Вы знайте всѣхъ, васъ же пусть никто не знаетъ».

— Какой учитель? — спросилъ Джіованни и подумалъ: «Это могъ бы сказать Леонардо: онъ тоже знаетъ всѣхъ, а его никто».

— Египетскій гностикъ Базилидъ, — отвѣчала Кассандра и объяснила, что *гностиками* — *знающими* называли себя великіе учителя первыхъ вѣковъ христіанства, для которыхъ совершенная вѣра и совершенное знаніе было одно и то же.

И она повѣдала ему ихъ странныя, иногда чудовищныя, подобныя бреду, сказанія.

Особенно поразило его одно изъ нихъ — ученіе александрійскихъ офитовъ, змѣепоклонниковъ, о созданіи міра и человѣка.

«Надо всѣми небесами есть Мракъ безымянный, недвижный, нерождаемый, прекраснѣе всякаго свѣта, Отецъ Непознаваемый, Πατήρ ἄγνωστος — Бездна и Молчаніе. Единородная дочь его, Премудрость Божія, отдѣлившись отъ Отца, познала бытіе и омрачилась, и возскорбѣла. И Сынъ ея скорби былъ Гальдаваоѣ, созидающій Богъ. Онъ захотѣлъ быть одинъ и, отпавъ отъ Матери, погрузился еще глубже, чѣмъ она, въ бытіе и создалъ міръ плоти, искаженный образъ міра духовнаго, и въ немъ человѣка, который долженъ былъ отразить величіе Создателя и свидѣтельствовать объ его могуществѣ. Но помощники Гальдаваоѣа, стихійные духи, сумѣли вылѣпить изъ персти только бессмысленную громаду плоти, пресмыкавшуюся, какъ червь, въ первозданной тинѣ.

И когда привели ее къ царю своему, Іальдаваооу, дабы вдохнулъ онъ въ нее жизнь, — Премудрость Божія, сжалившись надъ человѣкомъ, отомстила Сыну свободы и скорби своей за то, что онъ отпалъ отъ нея, и, вмѣстѣ съ дыханіемъ плотской жизни, чрезъ уста Іальдаваооовы вдохнула въ человѣка искру божественной мудрости, полученной ею отъ Отца Непознаваемаго. И жалкое созданіе — персть отъ персти, прахъ отъ праха, на которомъ Творецъ хотѣлъ показать свое всемогущество, стало вдругъ неизмѣримо выше своего Создателя, сдѣлалось образомъ и подобіемъ не Іальдаваооа, а истиннаго Бога, Отца Непознаваемаго. И поднялъ человѣкъ изъ праха лицо свое. И Творецъ, при видѣ твари, вышедшей изъ-подъ власти его, исполнился гнѣва и ужаса. И устремилъ свои очи, горѣвшія огнемъ поѣдающей ревности, въ самыя нѣдра вещества, въ первобытную черную тину — и тамъ ихъ мрачный пламень и все лицо его, полное яростью, отразилось, какъ въ зеркалѣ, и этотъ образъ сдѣлался Ангеломъ Тьмы, Змѣвиднымъ, Офіоморфомъ, ползучимъ и лукавымъ, Сатаною — Проклятою Мудростью. И съ помощью его создалъ Іальдаваооъ всѣ три царства природы и въ самую глубь ихъ, какъ въ смрадную темницу, бросилъ человѣка и далъ ему законъ: дѣлай то и то, не дѣлай того и, ежели преступишь законъ, смертию умрешь. Ибо все еще надѣялся поработить свою тварь игомъ закона, страхомъ зла и смерти. Но Премудрость Божья, Освободительница, не покинула человѣка и, возлюбивъ, возлюбила его до конца, и послала ему Утѣшителя, Духа Познанія, Змѣвиднаго, Крылатаго, подобнаго утренней звѣздѣ, Ангела Денницы, того, о комъ сказано: «будьте мудры, какъ змѣи». И сошелъ Онъ къ людямъ и сказалъ: «вкусите и познаете, и откроются глаза ваши, и станете какъ боги».

— Люди толпы, дѣти міра сего, — заключила Кассандра, — суть рабы Іальдаваооа и Змѣя лукаваго, живущіе подъ страхомъ смерти, пресмыкающіеся подъ игомъ закона. Но дѣти Свѣта, знающіе, гностики, избранники Софіи, посвященные въ тайны Премудрости, попираютъ всѣ законы, преступаютъ всѣ предѣлы, какъ духи — неуловимы, какъ

боги — свободны, крылаты, добромъ не возвышаются и остаются чистыми во злѣ, какъ золото въ грязи. И Ангель Денницы, подобный звѣздѣ, мерцающей въ утреннихъ сумеркахъ, ведетъ ихъ сквозь жизнь и смерть, сквозь зло и добро, сквозь всѣ проклятія и ужасы Гальдаваоова міра къ Матери своей, Софіи Премудрости, и черезъ нее — въ лоно Мрака безымяннаго, царящаго надо всѣми небесами и безднами, недвижнаго, нерождаемаго, который прекраснѣе всякаго свѣта, въ лоно Отца Непознаваемаго.

Слушая это преданіе офитовъ, Джіованни сравнивалъ Гальдаваоова съ Кроніономъ, божественную искру Софіи съ огнемъ Прометеевымъ, Змія благого, Ангела свѣтоноснаго — Люцифера со скованнымъ Титаномъ.

Такъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ — въ трагедіи Эсхила, въ сказаніяхъ гностиковъ, въ жизни императора Юліана - Отступника, въ ученіи мудреца Плетона — находилъ онъ дальніе, родные отголоски великаго разлада и борьбы, наполнявшихъ его собственное сердце. Скорбь углублялась и утишалась сознаниемъ того, что за десять вѣковъ люди уже страдали, боролись съ тѣми же «двоящимися мыслями», погибали отъ тѣхъ же противорѣчій и соблазновъ, какъ онъ.

Бывали минуты, когда онъ просыпался отъ этихъ мыслей, какъ отъ тяжелаго опьянѣнія или горячечнаго бреда. И тогда казалось ему, что мона Кассандра притворяется сильной и вѣщей, посвященною въ тайну, а въ дѣйствительности такъ же ничего не знаетъ, такъ же заблудилась, какъ онъ: оба они — еще болѣе жалкія, потерянные и беспомощныя дѣти, чѣмъ двѣнадцать лѣтъ назадъ, и этотъ новый «шабашъ» полубожественной, полусатанинской мудрости—еще безумнѣе, чѣмъ Шабашъ вѣдьмъ, на который нѣкогда звала она его, и который теперь презирала, какъ забаву черни. Ему дѣлалось страшно, хотѣлось бѣжать. Но было поздно. Сила любопытства, подобно наважденію, влекла его къ ней, и онъ чувствовалъ, что не уйдетъ, пока не узнаетъ всего до конца, — спасется или погибнетъ вмѣстѣ съ нею.

Въ это время прїѣхалъ въ Миланъ знаменитый докторъ богословія, инквизиторъ фра Джіорджіо да-Казале. Папа Юлій II, встревоженный слухами о небываломъ распространеніи колдовства въ Ломбардіи, отправилъ его съ грозными буллами. Сестры монастыря Маджіоре и покровители, бывшіе у монаы Кассандры во дворцѣ архіепископа, предупреджали ее объ опасности. Фра Джіорджіо былъ тотъ самый членъ Инквизиціи, отъ котораго мона Кассандра и мессэръ Галеотто едва успѣли бѣжать изъ Рима. Они знали, что если бы еще разъ попались ему въ руки, то никакое покровительство не могло бы ихъ выручить, и рѣшили скрыться во Францію, а ежели надо будетъ,—дальше: въ Англію, Шотландію.

Утромъ, дня за два до отъѣзда, Джіованни бесѣдоваль съ моной Кассандрою, по обыкновенію въ рабочей комнатѣ ея, уединенной залѣ дворца Карманьола.

Солнце, проникавшее въ окна сквозь густыя, черныя вѣтви кипарисовъ, казалось блѣднымъ, какъ лунный свѣтъ; лицо дѣвушки — особенно прекраснымъ и неподвижнымъ. Только теперь, передъ разлукой, понялъ Джіованни, какъ она ему близка.

Онъ спросилъ, увидятся ли они еще разъ и откроетъ ли она ему ту послѣднюю тайну, о которой часто говорила.

Кассандра взглянула на него и молча вынула изъ шка-тулки плоскій четырехугольный прозрачно-зеленый камень. Это была знаменитая *Tabula Smaragdina* — изумрудная скрижаль, найденная, будто бы, въ пещерѣ близъ города Мемфиса въ рукахъ муміи одного жреца, въ котораго, по преданію, воплотился Гермесъ Трисмегистъ, египетскій Оръ, богъ пограничной межи, путеводитель мертвыхъ въ царствѣ тѣней. На одной сторонѣ изумруда вырѣзано было коптскими, на другой — древними эллинскими письменами четыре стиха:

*Оυρανο ανω ουρανο κατω
Αστερα ανω αστερα κατω
Παν ανω παν τοικο κατω
Ταυτα λαβε και εουχε.*

Небо—вверху, небо—внизу,
Звѣзды—вверху, звѣзды—внизу,
Все, что вверху, все и внизу,—
Если поймешь, благо тебѣ.

— Что это значить? — сказалъ Джіованни.

— Приходи ко мнѣ ночью сегодня,—проговорила она тихо и торжественно. — Я скажу тебѣ все, что знаю сама, слышишь, — все до конца. А теперь, по обычаю, передъ разлукою, выпьемъ послѣднюю братскую чашу.

Она достала маленькій, круглый, запечатанный воскомъ, глиняный сосудъ, изъ тѣхъ, какіе употребляются на дальнемъ Востоцѣ, налила густого, какъ масло, вина, странно пахучаго, золотисто-розоваго, въ древній кубокъ изъ хризолита, съ рѣзбою по краямъ, изображавшею бога Діониса и вакханокъ, и, подойдя къ окну, подняла чашу, какъ будто для жертвеннаго возліянія. Въ лучѣ блѣднаго солнца, на прозрачныхъ стѣнкахъ оживились розовымъ виномъ, словно теплою кровью, голыя тѣла вакханокъ, славившихъ пляскою бога, вѣнчаннаго гроздьями.

— Было время, Джіованни, — молвила она еще тише и торжественнѣе, — когда я думала, что учитель твой Леонардо обладаетъ послѣднею тайною, ибо лицо его такъ прекрасно, какъ будто въ немъ соединился богъ олимпійскій съ подземнымъ титаномъ. Но теперь вижу я, что онъ только стремится и не достигаетъ, только ищетъ и не находитъ, только знаетъ, но не сознаетъ. Онъ предтеча того, кто идетъ за нимъ, и кто больше, чѣмъ онъ. — Выпьемъ же вмѣстѣ, братъ мой, этотъ прощальный кубокъ за Невѣдомаго, котораго оба зовемъ, за послѣдняго Примирителя!

И благоговѣнно, какъ будто совершая великое таинство, она выпила чашу до половины и подала ее Джіованни:

— Не бойся,—молвила,—здѣсь нѣтъ запретныхъ чаръ. Это вино непорочно и свято: оно изъ лозъ, растущихъ на холмахъ Назарета. Это — чистѣйшая кровь Діониса-Галилеянина.

Когда онъ выпилъ, она, положивъ ему на плечи обѣ руки съ довѣрчивою ласкою, прошептала быстрымъ, вкрадчивымъ шопотомъ:

— Приходи же, если хочешь знать все, приходи, я скажу тебѣ тайну, которой никому никогда не говорила— открою послѣднюю муку и радость, въ которой мы будемъ вмѣстѣ навѣки, какъ братъ и сестра, какъ женихъ и не-вѣста!

И въ лучѣ солнца, проникавшемъ сквозь густыя вѣтви кипарисовъ, блѣдномъ, точно лунномъ, — такъ же какъ въ памятную грозовую ночь у Катаранской плотины, въ блескѣ блѣдныхъ зарницъ, — приблизила къ лицу его неподвижное, грозное лицо свое, бѣлое какъ мраморъ изваяній, въ ореолѣ черныхъ пушистыхъ волосъ, живыхъ, какъ змѣи Медузы, съ губами алыми, какъ кровь, глазами желтыми, какъ янтарь.

Холодъ знакомаго ужаса пробѣжалъ по сердцу Бельтраффио, и онъ подумалъ:

«Бѣлая Дьяволица!»

III.

Въ условленный часъ стоялъ онъ у калитки въ пустынномъ переулкѣ Дэлла-Винья, передъ стѣною сада, окружавшаго дворецъ Карманьола.

Дверь была заперта. Онъ долго стучался. Не отворяли. Подошелъ съ другой стороны, съ улицы Сантъ-Анзезе къ воротамъ сосѣдняго монастыря Маджоре и узналъ отъ привратницы страшную новость; инквизиторъ папы Юлія II, фра Джіорджіо да-Казале появился въ Миланѣ внезапно и велѣлъ тотчасъ схватить Галеотто Сакробоско, алхимика, и племянницу его, мону Кассандру, какъ лицъ, наиболѣе подозрѣваемыхъ въ черной магіи.

Галеотто успѣла бѣжать. Мона Кассандра была въ застѣнкахъ Святѣйшей Инквизиціи.

Узнавъ объ этомъ, Леонардо обратился съ просьбами и ходатайствами за несчастную къ доброжелателямъ своимъ, главному казначею Людовика XII, Флоримонду Робертэ и къ намѣстнику французскаго короля въ Миланѣ, Шарлю д'Амбуазъ.

Джіованни также хлопоталь, бѣгалъ, носилъ письма учителя и ходилъ для развѣдокъ въ судилище Инквизиціи, которое помѣщалось около собора, въ архіепископскомъ дворцѣ.

Здѣсь познакомился онъ съ главнымъ письмоводителемъ фра Джіорджіо, фра Микеле да-Вальверда, магистромъ теологіи, написавшимъ книгу о черной магіи: «Новѣйшій Молоть Вѣдьмъ», гдѣ, между прочимъ, доказывалось, что такъ называемый *Ночной козелъ* — *Incus Nocturnus*, предсѣдатель Шабаша, есть ближайшій родственникъ козлу, котораго нѣкогда эллины приносили въ жертву богу Діонису, среди сладострастныхъ плясокъ и хоровъ, изъ коихъ впоследствии вышла трагедія. — Фра Микеле былъ вкрадчиво любезенъ съ Бельтраффіо. Онъ принялъ, или дѣлалъ видъ, что принимаетъ живое участіе въ судьбѣ Кассандры, вѣрить въ ея невинность, и, въ то же время, притворяясь поклонникомъ Леонардо, «величайшаго изъ христіанскихъ мастеровъ», какъ онъ выражался, разспрашивалъ ученика о жизни, привычкахъ, занятіяхъ и мысляхъ учителя. Но, только что рѣчь заходила о Леонардо, Джіованни настораживался и скорѣе умеръ бы, чѣмъ выдалъ единымъ словомъ учителя. Убѣдившись, что хитрости бесполезны, фра Микеле объявилъ однажды, что, несмотря на краткій срокъ знакомства, успѣлъ полюбить его, Джіованни, какъ брата и считаетъ долгомъ предупредить объ опасности, грозящей ему отъ мессэра да-Винчи, подозрѣваемаго въ колдовствѣ и черной магіи.

— Ложь! — воскликнулъ Джіованни. — Никогда не занимался онъ черной магіей и даже...

Бельтраффіо не кончилъ. Инквизиторъ посмотрѣлъ на него долгимъ взоромъ.

— Что хотѣли вы сказать, мессэръ Джіованни?

— Нѣтъ, ничего.

— Вы не желаете быть со мной откровеннымъ, другъ мой. Я вѣдь знаю, вы хотѣли сказать: мессэръ Леонардо даже не вѣрить въ возможность черной магіи.

— Я этого не хотѣлъ сказать, — спохватился Джіованни. — Впрочемъ, если бы онъ и не вѣрилъ, — неужели это доказательство виновности?

— Дьяволъ! — возразилъ монахъ съ тихой усмѣшкой, — превосходный логикъ. Порою самыхъ опытныхъ враговъ своихъ ставить онъ втупикъ. Отъ одной вѣдьмы узнали мы недавно рѣчь его на Шабашѣ. «Дѣти мои, сказалъ онъ, — радуйтесь и веселитесь, ибо съ помощью новыхъ союзниковъ нашихъ, ученыхъ, которые, отрицая могущество дьявола, тѣмъ самымъ притупляютъ мечъ Святѣйшей Инквизиціи, мы въ скоромъ времени одержимъ совершенную побѣду и распространимъ наше царство по всей вселенной».

Спокойно и увѣренно говорилъ фра Микеле о самыхъ неимовѣрныхъ дѣйствіяхъ Силы Нечистой, на примѣръ, о признакахъ, по которымъ можно отличить младенцевъ-оборотней, рожденных отъ бѣсовъ и вѣдьмъ: всегда оставаясь маленькими, они гораздо тяжелѣе обыкновенныхъ грудныхъ дѣтей, вѣсятъ отъ 80 до 100 фунтовъ, постоянно кричать и высасываютъ молоко пяти-шести кормилицъ.

Съ математической точностью зналъ число главныхъ властителей Ада — 572, и подданныхъ, младшихъ бѣсовъ различнаго званія — 7.405.926.

Но особенно поразило Джіованни ученіе объ инкубахъ и суккубахъ, дэмонахъ двуполыхъ, принимающихъ по произволу видъ то мужчины, то женщины, дабы, соблазняя людей, вступать съ ними въ плотское соединеніе. Монахъ объяснялъ ему, какъ бѣсы, то уплотняя воздухъ, то похищая трупы съ висѣлицъ, образуютъ тѣла для блуда, которыя, впрочемъ, въ самыхъ пламенныхъ любовныхъ ласкахъ остаются холодными, точно мертвые. Онъ приводилъ слова св. Августина, отрицавшаго существованіе антиподовъ, какъ богохульную ересь, и не сомнѣвавшагося въ инкубахъ и суккубахъ, нѣкогда, будто бы, чтимыхъ язычниками подъ именемъ фавновъ, сатировъ, нимфъ, гамадриадъ и другихъ божествъ, обитающихъ въ деревьяхъ, водѣ и воздухѣ.

— Какъ въ древности, — прибавлялъ уже отъ себя фра Микеле, — нечистые боги и богини сходили къ людямъ

для сквернаго смѣшенія, такъ точно и нынѣ не только младшіе, но и старшіе, самые могущественные демоны, напримеръ, Аполлонъ и Вакхъ, могутъ являться инкубами, Діана или Венера—суккубами.

Изъ этихъ словъ Джіованни могъ заключить, что Бѣлая Дьяволица, которая преслѣдовала его всю жизнь, была суккубою — Афродитою.

Иногда приглашалъ его фра Микеле въ судилище, во время дѣлопроизводства: должно-быть, все еще надѣясь, рано или поздно, найти въ немъ сообщника и доносчика, зная по опыту, какъ ужасы инквизиціи втягиваютъ. Преодолевая страхъ и отвращеніе, Джіованни не отказывался присутствовать на допросахъ и пыткахъ, потому что, въ свою очередь, надѣялся, если не облегчить судьбу Кассандры, то, по крайней мѣрѣ, что-нибудь узнать о ней.

Отчасти въ самомъ судилищѣ, отчасти изъ рассказовъ инквизитора узнавалъ Джіованни почти невѣроятные случаи, въ которыхъ смѣшное соединялось съ ужаснымъ.

Одна вѣдьма, еще совсѣмъ молоденькая дѣвушка, раскаявшись и вернувшись въ лоно церкви, благословляла истязателей своихъ за то, что они спасли ее отъ когтей сатаны, переносила всѣ муки съ безконечнымъ терпѣніемъ и кротостью, радостно и тихо шла на смерть, вѣруя, что временное пламя избавитъ ее отъ вѣчнаго; только умоляла судей, чтобы передъ смертью вырѣзали у нея чорта изъ руки, который, будто бы, вошелъ въ нее въ видѣ остраго веретена. Святые отцы пригласили опытнаго хирурга. Но, несмотря на большія деньги, которыя предлагали ему, врачъ отказался вырѣзать чорта, боясь, чтобы во время операциі бѣсъ не свернулъ ему шею.

Другую вѣдьму, вдову хлѣбопека, женщину здоровую и красивую, обвиняли въ томъ, что прижила она въ восемнадцатилѣтней связи съ дьяволомъ, нѣсколькихъ оборотней. Эта несчастная, во время страшныхъ пытокъ, то молилась, то лаяла собакой, то коченѣла отъ боли, нѣмѣя, и дѣлалась безчувственной, такъ что должны были насильно открывать ей ротъ особымъ деревяннымъ снарядомъ, чтобы заставить

говорить; наконецъ, вырвавшись изъ рукъ палачей, бросилась на судей, съ неистовымъ воплемъ: «я отдала душу мою дьяволу и буду принадлежать ему вовѣки!» — и пала бездыханною.

Нареченная тетка Кассандры, мона Сидонія, также схваченная, послѣ долгихъ мученій, однажды ночью, чтобы избѣгнуть пытокъ, подожгла въ тюрьмѣ соломенную подстилку, на которой лежала, и задохлась въ дыму.

Полоумную старушку-лоскутницу уличили въ томъ, что каждую ночь она ѣздитъ на Шабашъ верхомъ на своей собственной дочери, съ искалѣченными руками и ногами, которую, будто бы, черти подковываютъ. Добродушно и лукаво подмигивая судьямъ, какъ будто они были ея сообщниками въ заранѣ условленной шуткѣ, старушка охотно соглашалась со всѣми обвиненіями, которыя ввоздили на нее.

Она была очень зябкою. «Огонекъ! Огонекъ! — пролепетала она радостно, захлебываясь отъ смѣха, какъ очень маленькія дѣти, и потирая руки, когда подвели ее къ пылавшему костру, чтобы сжечь, — дай вамъ Богъ здоровья, миленькіе: наконецъ-то, я погрѣюсь!»

Дѣвочка, лѣтъ десяти, безъ стыда и страха рассказывала судьямъ, какъ однажды вечеромъ, на скотномъ дворѣ, хозяйка ея, коровница, дала ей кусокъ хлѣба съ масломъ, посыпанный чѣмъ-то кисло-сладкимъ, очень вкуснымъ. Это былъ чортъ. Когда она съѣла хлѣбъ, подбѣжалъ къ ней черный котъ съ глазами, горѣвшими, какъ уголья, и началъ ластиться, мурлыкая и выгибая спину колесомъ. Она вошла съ нимъ въ ригу и здѣсь на соломѣ отдалась ему, и много разъ, шала, не думая, что это дурно, позволяла ему все, что онъ хотѣлъ. Коровница сказала ей: «видишь, какой у тебя женихъ!» — И потомъ родился у нея большой, величинной съ грудное дитя, бѣлый червь съ черной головой. Она зарыла его въ навозъ. Но котъ явился къ ней, исцарапалъ ее и человѣческимъ голосомъ велѣлъ кормить ребенка, прожорливаго червяка, парнымъ молокомъ. — Все это рассказывала дѣвочка такъ точно и подробно, глядя на инквизито-

ровъ такими невинными глазами, что трудно было рѣшить, лжетъ ли она странной, безцѣльной ложью, иногда свойственной дѣтямъ, или бредить.

Но особенный, незабываемый ужасъ возбудила въ Джіованни шестнадцатилѣтняя вѣдма, необычайной красоты, которая на всѣ вопросы и увѣщанія судей отвѣчала однимъ и тѣмъ же упорнымъ, непреклонно умоляющимъ крикомъ: «сожгите! сожгите меня!» Она увѣряла, будто бы дьяволъ «прохаживается въ тѣлѣ ея, какъ въ собственномъ домѣ», и, когда «онъ бѣгаетъ, катается внутри ея спины, словно крыса въ подпольѣ», на сердцѣ у нея становится такъ жутко, такъ томно, что если бы въ это время ее не держали за руки или не связывали веревками, она разможила бы себѣ голову объ стѣну. О покаяніи и прощеніи не хотѣла слышать, потому что считала себя беременной отъ дьявола, невозвратно погибшею, осужденною еще при жизни вѣчнымъ судомъ, и молила, чтобы сожгли ее прежде, чѣмъ родится чудовище. Она была сирота и очень богата. Послѣ смерти ея огромное имѣніе должно было перейти въ руки дальняго родственника, скупого старика. Святые отцы знали, что если бы несчастная осталась въ живыхъ, то пожертвовала бы свои богатства на дѣло Инквизиціи, и потому старались ее спасти, но тщетно. Наконецъ послали ей духовника, который славился искусствомъ умягчать сердца закоренѣлыхъ грѣшниковъ. Когда началъ онъ увѣрять ее, что нѣтъ и быть не можетъ такого грѣха, котораго бы Господь не искупилъ Своею Кровью, и что Онъ все проститъ, она отвѣчала своимъ страшнымъ крикомъ: «не проститъ, не проститъ, — я знаю. Сожгите меня, или я сама наложу на себя руки!» По выраженію фра Микеле, «душа ея алкала, святого огня, какъ раненый олень — источника воднаго».

Главный инквизиторъ, фра Джіорджіо да-Казале, былъ старичокъ сгорбленный, съ худенькимъ, блѣднымъ личикомъ, добрымъ, тихимъ и простымъ, напоминавшимъ лицо св. Франциска. По словамъ близко знавшихъ его, это былъ «кротчайшій изъ людей на землѣ», великій безсребренникъ, постникъ, молчальникъ и дѣвственникъ. Порою, когда

Джіованни вглядывался въ это лицо, ему казалось, что, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ въ немъ злобы и хитрости, что онъ страдаетъ больше своихъ жертвъ и мучить, и сжигаетъ ихъ изъ жалости, потому что вѣрить, что нельзя иначе спасти ихъ отъ вѣчнаго пламени.

Но иногда, особенно во время самыхъ утонченныхъ пытокъ и чудовищныхъ признаній, въ глазахъ фра Джіорджіо мелькало вдругъ такое выраженіе, что Джіованни не могъ бы рѣшить, кто страшнѣе, кто безумнѣе — судьи или подсудимые?

Однажды старая колдунья, повивальная бабка, рассказывала инквизиторамъ, какъ, нажимая большимъ пальцемъ, продавливала темя новорожденнымъ, и умертвила этимъ способомъ болѣе двухсотъ младенцевъ, безъ всякой цѣли, только потому, что ей нравилось, какъ мягкіе дѣтскіе черепа хрустятъ, подобно яичной скорлупѣ. Описывая эту забаву, она смѣялась такимъ смѣхомъ, отъ котораго морозъ пробѣгалъ по спинѣ Джіованни. — И вдругъ почудилось ему, что у стараго инквизитора глаза горятъ точно такимъ же сладострастнымъ огнемъ, какъ у вѣдьмы. И хотя въ слѣдующее мгновеніе подумалъ, что ему только померещилось, но въ душѣ его осталось впечатлѣніе несказаннаго ужаса.

Въ другой разъ, со смиреннымъ сокрушеніемъ, признался фра Джіорджіо, что больше всѣхъ грѣховъ мучить совѣсть его то, что много лѣтъ назадъ велѣлъ онъ, «изъ преступнаго милосердія, внушеннаго дьяволомъ», семилѣтнихъ дѣтей, заподозрѣнныхъ въ блудномъ смѣшеніи съ инкубами и суккубами, вмѣсто того, чтобы сжечь, только бить плетью на площади передъ кострами, гдѣ горѣли отцы ихъ и матери.

Безуміе, которое царствовало въ застѣнкахъ Инквизиціи среди жертвъ и палачей, распространялось по городу. Здравомыслящіе люди вѣрили тому, надъ чѣмъ въ обыкновенное время смѣялись, какъ надъ глупыми баснями. Доносы умножались. Слуги показывали на господъ своихъ, жены—на мужей, дѣти—на родителей. Одну старуху сожгли

только за то, что она сказала: «да поможет мнѣ чортъ, если не Богъ!» Другую объявили вѣдьмой, потому что ко-рова ея, по мнѣнію сосѣдокъ, давала втрое больше молока, чѣмъ слѣдуетъ.

Въ женскій монастырь Санта-Марія-дэлла-Скала чуть не каждый день, послѣ Ave Maria, повадился чортъ подѣ видомъ собаки и осквернялъ по очереди всѣхъ монахинь, отъ шестнадцатилѣтней послушницы до дряхлой игуменьи, не только въ кельяхъ, но и въ церкви, во время службы. Сестры Санта-Марія такъ привыкли къ чорту, что уже не боялись и не стыдились его. И длилось это въ теченіе восьми лѣтъ.

Въ горныхъ селеніяхъ около Бѣргамо нашли сорокъ одну вѣдьму-людоѣдку, сосавшихъ кровь и пожиравшихъ мясо некрещеныхъ младенцевъ. Въ самомъ Миланѣ уличили тридцать священниковъ, крестившихъ дѣтей «не во имя Отца, Сына и Духа Святаго, а во имя дьявола», женщинъ, которыя нерожденныхъ дѣтей своихъ обрекали сатанѣ; дѣвочекъ и мальчиковъ отъ шести до трехъ лѣтъ, соблазненныхъ дьяволомъ, предававшихся съ нимъ несказанному блюду; опытные инквизиторы узнавали этихъ дѣтей по особенному блеску глазъ, по томной улыбкѣ и влажнымъ, очень краснымъ губамъ. Спасти ихъ нельзя было ничѣмъ, кромѣ огня.

И всего страшнѣе казалось то, что, по мѣрѣ возраставшей ревности отцовъ-инквизиторовъ, бѣсы не только не прекращали, а, напротивъ, умножали козни свои, какъ будто входили во вкусъ и рѣзвились.

Въ покинутой лабораторіи мессэра Галеотто Сакробоско нашли необычайно толстаго, мохнатаго чорта, одни увѣряли — живого, другіе — только что издохшаго, но отлично сохранившагося, заключеннаго, будто бы, въ хрустальную чечевицу, и хотя, по изслѣдованіи, оказалось, что это былъ не чортъ, а блоха, которую алхимикъ разсматривалъ въ увеличительное стекло, многіе все-таки остались при убѣжденіи, что это былъ подлинный чортъ, но превратившійся въ блоху въ рукахъ инквизиторовъ, дабы надругаться надъ ними.

Все казалось возможным: исчезала граница между явью и бредомъ. Ходили слухи о томъ, что ффра Джіорджіо открылъ въ Ломбардіи заговоръ 12.000 вѣдьмъ и колдуновъ, поклявшихся произвести въ теченіе трехъ лѣтъ такіе неурожаи по всей Италіи, что люди принуждены будутъ пожирать другъ друга, какъ звѣри.

Самъ главный инквизиторъ, опытный полководецъ войска Христова, изучившій козни древняго Врага, испытывалъ недоумѣніе, почти страхъ передъ этимъ небывалымъ возрастающимъ натискомъ сатанинскаго полчища.

— Я не знаю, чѣмъ это кончится, — сказала однажды ффра Микеле въ откровенной бесѣдѣ съ Джіованни. — Чѣмъ больше мы сжигаемъ ихъ, тѣмъ больше изъ пепла рождается новыхъ.

Обычныя пытки—испанскіе сапоги, желѣзныя колодки, постепенно сжимаемая винтами, такъ что кости жертвъ хрустѣли, вырваніе ногтей раскаленными добѣла клещами—казались игрою, въ сравненіи съ новыми утонченными муками, изобрѣтаемыми «кротчайшимъ изъ людей», ффра Джіорджіо, — напимѣръ, пыткой безсонницы — *tormentum insomniae*, состоявшею въ томъ, что подсудимыхъ, не давая имъ уснуть, въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей, гоняли по переходамъ тюрьмы, такъ что ноги ихъ покрывались язвами, и несчастные впадали въ умоизступленіе. — Но и надъ этими муками Врагъ смѣялся, ибо онъ былъ настолько сильнѣе голода, сна, жажды, желѣза и огня, насколько духъ сильнѣе плоти.

Тщетно прибѣгали судьи къ хитростямъ: вводили вѣдьмъ въ застѣнокъ задомъ, чтобы взглядъ ихъ не очаровалъ судью и не внушилъ ему преступной жалости; передъ пыткой женщинъ и дѣвушекъ раздѣвали донага и брили, не оставляя на тѣлѣ ни волоса, дабы удобнѣе было отыскивать «дьявольскую печать» — *stigma diabolicum*, которая, скрываясь подъ кожей или въ волосахъ, дѣлала вѣдьму безчувственной; поили и кропили ихъ святою водою; окуривали ладаномъ орудія пытки, освящали ихъ частицами проскомидійнаго Агнца и мощей; опоясывали подсудимыхъ

полотняною лентою, длиною тѣла Господня, подвѣшивали имъ бумажки, на которыхъ начертаны были слова, произнесенныя на крестѣ Спасителемъ.

Ничто не помогало: Врагъ торжествовалъ надъ всѣми святынями.

Монахины, кающіяся въ блудномъ сожителствѣ съ дьяволомъ, увѣряли, будто бы онъ входитъ въ нихъ между двумя Ave Maria, и, даже имѣя святое Причастіе во рту, чувствуютъ онѣ, какъ проклятый любовникъ оскверняетъ ихъ безстыднѣйшими ласками. Рыдая, сознавались несчастныя, что «тѣло ихъ принадлежитъ ему вмѣстѣ съ душою».

Устами вѣдьмъ въ судилищѣ издѣвался Лукавый надъ инквизиторами, изрыгалъ такія богохульства, что у самыхъ безтрепетныхъ вставали дыбомъ волосы, и смущалъ докторовъ и магистровъ теологіи хитросплетенными софизмами, тончайшими богословскими противорѣчіями, или же обличалъ ихъ вопросами, полными такого сердцеѣдѣнія, что судьи превращались въ подсудимыхъ, обвиненные—въ обвинителей.

Уныніе гражданъ достигло крайней степени, когда распространилась молва о полученномъ, будто бы, папою доносѣ, съ неопровержимыми доказательствами того, что волкъ въ шкурѣ овчей, проникшій въ ограду Пастыря, слуга дьявола, притворившійся гонителемъ его, дабы вѣрнѣе погубить стадо Христово, глава сатанинскаго полчища есть не кто иной, какъ самъ великій инквизиторъ Юлія II — фра Джіорджіо да-Казале.

По словамъ и дѣйствіямъ судей Бельтраффіо могъ заключить, что сила дьявола кажется имъ равной силѣ Бога, и что вовсе еще неизвѣстно, кто кого одолѣетъ въ этомъ поединкѣ. Онъ удивлялся тому, какъ эти два ученія — инквизитора фра Джіорджіо и вѣдьмы Кассандры — сходятся въ своихъ крайностяхъ, ибо для обоихъ верхнее небо равно было нижнему, смыслъ человѣческой жизни заключался въ борьбѣ двухъ безднъ въ человѣческомъ сердцѣ — съ тою лишь разницею, что вѣдьма все еще искала, можетъ-быть, недостижимаго примиренія, тогда какъ инквизиторъ

раздуваль огонь этой вражды и углубляль ея безнадежность.

И въ образѣ дьявола, съ которымъ такъ беспомощно боролся фѣра Джіорджіо, въ образѣ змѣеподобнаго, пресмыкающагося, лукаваго, узнаваль Джіованни помраченный, словно въ мутномъ, искажающемъ зеркалѣ, образъ Благого Змія, Крылатаго, Офіоморфа, Сына верховной освобождающей Мудрости, Свѣтоноснаго, подобнаго утренней звѣздѣ, Люцифера, или титана Прометейя. Безсильная ненависть враговъ его, жалкихъ слугъ Гальдаваооовыхъ, была какъ бы новою пѣснью побѣдною Непобѣдимому.

Въ это время фѣра Джіорджіо объявилъ народу назначенное черезъ нѣсколько дней на страхъ врагамъ, на радость вѣрнымъ чадамъ церкви Христовой, великолѣпное празднество — сожженіе на площади Бролетто ста тридцати девяти колдуновъ и вѣдьмъ.

Услышавъ объ этомъ отъ фѣра Микеле, Джіованни произнесъ, блѣднѣя:

— А мона Кассандра?

Несмотря на притворную сообщительность монаха, Джіованни до сихъ поръ еще не узналъ о ней ничего.

— Мона Кассандра, — отвѣчалъ доминиканецъ, — осуждена вмѣстѣ съ другими, хотя достойна злѣйшей казни. Фѣра Джіорджіо полагаетъ, что это — самая сильная вѣдьма изъ всѣхъ, какихъ онъ когда-либо видѣлъ. Столь непобѣдимы чары безчувственности, которыя ограждаютъ ее во время пытокъ, что, не говоря уже о признаніи или раскаяніи, мы такъ и не добились отъ нея ни слова, ни стона — даже звука голоса ея не слышали.

И сказавъ это, посмотрѣлъ въ глаза Джіованни глумкимъ взоромъ, какъ бы чего-то ожидая. У Бельтраффіо мелькнула мысль покончить сразу — донести на себя, сознаться, что онъ сообщникъ моны Кассандры, чтобы погибнуть съ нею. Онъ этого не сдѣлалъ не изъ страха, а изъ равнодушія — страннаго оцѣпенѣнія, которое все болѣе овладѣвало имъ въ послѣдніе дни и было похоже на «чары

безчувственности», ограждавшія вѣдьму отъ пытокъ. Онъ былъ спокоенъ, какъ спокойны мертвые.

Поздно вечеромъ, наканунѣ дня, назначеннаго для сожженія вѣдьмъ и колдуновъ, сидѣлъ Бельтраффіо въ рабочей комнатѣ учителя. Леонардо кончалъ рисунокъ, изображавшій сухожилія, мускулы верхней части руки и плеча, тѣмъ болѣе для него любопытныя, что ими должны были приводиться въ движеніе рычаги летательной машины. Лицо его въ этотъ вечеръ казалось Джіованни особенно прекраснымъ. Несмотря на первыя, недавно, послѣ смерти моны Лизы, углубившіяся морщины, въ немъ была совершенная тишина и ясность созерцанія.

Иногда, подымая глаза отъ работы, онъ взглядывалъ на ученика. Оба молчали. Джіованни давно уже ничего не ждалъ отъ учителя и ни на что не надѣялся.

Для него не могло быть сомнѣнія въ томъ, что Леонардо знаетъ объ ужасахъ Инквизиціи, о предстоящей казни моны Кассандры и другихъ несчастныхъ, объ его, Джіованни, собственной гибели. Часто спрашивалъ онъ себя, что обо всемъ этомъ думаетъ учитель.

Окончивъ рисунокъ, сбоку на томъ же листѣ, надъ изображеніемъ мышцъ и мускуловъ плеча, Леонардо сдѣлалъ надпись:

«И ты, человѣкъ, въ этихъ рисункахъ созерцающій дивныя созданія природы, если считаешь преступнымъ уничтожить мой трудъ, — подумай, насколько преступнѣе отнять у человѣка жизнь, подумай также, что тѣлесное строеніе, кажущееся тебѣ такимъ совершеннымъ, ничто въ сравненіи съ душою, обитающей въ этомъ строеніи, ибо она, чѣмъ бы ни была, есть все-таки нѣчто божественное. И, судя по тому, какъ неохотно разстается она съ тѣломъ, плачь и скорбь ея не безъ причины. Не мѣшай же ей обитать въ созданномъ ею тѣлѣ, сколько сама она пожелаетъ, и пусть коварство твое или злоба не разрушаютъ этой жизни, столь прекрасной, что воистину — кто ея не цѣнитъ, тотъ ея не стоитъ».

Пока учитель писалъ, ученикъ съ такою же безнадежною отрадою смотрѣлъ на тихое лицо его, какъ заблудившійся въ пустынь, умирающій отъ зноя и жажды путникъ смотреть на снѣжныя горы.

IV.

На слѣдующій день Бельтраффио не выходилъ изъ комнаты. Ему съ утра недомогалось, болѣла голова. До вечера пролежалъ въ постели, въ полузабытьѣ, ни о чемъ не думая.

Когда стемнѣло, послышался надъ городомъ необычайный, не то похоронный, не то праздничный, перезвонъ колоколовъ, и въ воздухѣ распространился слабый, но упорный и отвратительный запахъ гари. Отъ этого запаха у него еще сильнѣе разболѣлась голова, и стало тошнить.

Онъ вышелъ на улицу.

День былъ душный, съ воздухомъ сырымъ и теплымъ, какъ въ банѣ, одинъ изъ тѣхъ дней, какіе бываютъ въ Ломбардіи, во время сирокко, позднимъ лѣтомъ и раннею осенью. Дождя не было. Но съ крышъ и съ деревьевъ капало. Кирпичная мостовая лоснилась. И подъ открытымъ небомъ, въ мутно-желтомъ липкомъ туманѣ еще сильнѣе пахло зловонною гарью.

Несмотря на позднее время, на улицахъ было людно. Всѣ шли съ одной стороны—съ площади Бролетто. Когда онъ вглядывался въ лица, ему казалось, что встрѣчные въ такомъ же полузабытьи, какъ онъ,—хотятъ и не могутъ проснуться.

Толпа гудѣла смутнымъ тихимъ гуломъ. Вдругъ, по случайно долетѣвшимъ до него отрывочнымъ словамъ о только что сожженныхъ ста тридцати девяти колдунахъ и вѣдьмахъ, о монѣ Кассандрѣ, онъ понялъ причину страшнаго запаха, который его преслѣдовалъ: это былъ смрадь обгорѣлыхъ человѣческихъ тѣлъ.

Ускорилъ шагъ, почти побѣжалъ, самъ не зная куда, натыкаясь на людей, шатаясь, какъ пьяный, дрожа отъ озноба и чувствуя, какъ зловонная гарь, въ мутно-желтомъ,

липкомъ туманѣ, гонится за нимъ, окутываетъ, душитъ, проникаетъ въ легкія, сжимаетъ виски тупо-ноющею болью и тошнотою.

Не помнилъ, какъ доплелся до обители Санъ-Франческо и вошелъ въ келью фра Бенедетто. Монахи пустили, но фра Бенедетто не было — уѣхалъ въ Бергамо.

Джіованни заперъ дверь, зажегъ свѣчу и въ изнеможеніи упалъ на постель.

Въ этой смиренной обители, столь ему знакомой, все попрежнему дышало тишиной и святостью. Онъ вздохнулъ свободнѣе: не было страшнаго зловонія, а былъ особенный монастырскій запахъ постной оливы, церковнаго ладана, воска, старыхъ кожаныхъ книгъ, свѣжаго лаку, и тѣхъ легкыхъ, нѣжныхъ красокъ, которыми фра Бенедетто, въ простотѣ сердечной, пренебрегая суетнымъ знаніемъ перспективы и анатоміи, писалъ своихъ Мадоннъ съ дѣтскими лицами, праведниковъ, осіянныхъ горнею славою, ангеловъ съ радужными крыльями, съ кудрями, золотыми какъ солнце, въ туникахъ, голубыхъ какъ небо. Надъ изголовьемъ постели, на гладкой бѣлой стѣнѣ, висѣло черное распятіе и надъ нимъ подарокъ Джіованни, засохшій вѣнчикъ изъ алыхъ маковъ и темныхъ фіалокъ, собранныхъ въ памятное утро въ кипарисовой рощѣ, на высотахъ Фіезоле, у ногъ Савонаролы, въ то время, какъ братья Санъ-Марко пѣли, играли на віолахъ и плясали вокругъ учителя, какъ маленькія дѣти или ангелы.

Онъ поднялъ глаза на распятіе. Спаситель все такъ же распростиралъ пригвожденные руки, какъ будто призывая міръ въ Свои объятія: «придите ко мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные». — Не единая ли это, не совершенная ли истина? — подумалъ Джіованни. — Не упасть ли къ ногамъ Его, не воскликнуть ли: Ей, Господи, вѣрую, помоги моему невѣрью!

Но молитва замерла на губахъ его. И онъ почувствовалъ, что, если бы вѣчная гибель грозила ему, то не могъ бы солгать, не знать того, что зналъ, — ни отвергнуть, ни примирить двухъ истинъ, которыя спорили въ сердцѣ его.

Въ прежнемъ тихомъ отчаяніи отвернулся онъ отъ распятія — и въ то же мгновеніе почувдилось ему, что смраднѣйшій туманъ, страшный запахъ гари проникаетъ и сюда, въ послѣднее убѣжище.

Закрываетъ лицо руками.

И ему представилось то, что онъ видѣлъ недавно, хотя не могъ бы сказать, было ли то во снѣ или наяву: въ глубинѣ застѣнка, въ отблескѣ краснаго пламени, среди орудій пытки и палачей, среди окровавленныхъ человѣческихъ тѣлъ — обнаженное тѣло Кассандры, охраняемое чарами Благого Змія, Освободителя, — безчувственное подъ орудіями пытки, подъ желѣзомъ, огнемъ и взоромъ мучителей — нетлѣнное, неуязвимое, какъ дѣвственно-чистый и твердый мраморъ изваяній.

Очнувшись, понялъ по догорающей свѣчѣ и числу колокольныхъ ударовъ на монастырской башнѣ, что нѣсколько часовъ прошло въ забытьѣ, и что теперь уже за-полночь.

Было тихо. Туманъ, должно-быть, разсѣялся. Смраднатога запаха не было; но сдѣлалось еще жарче. Въ окнѣ мелькали блѣдно-голубыя зарницы и, какъ въ памятную грозовую ночь у Катаранской плотины, слышалось глухое, точно подземное, ворчаніе грома.

У него кружилась голова; во рту пересохло; мучила жажда. Вспомнилъ, что въ углу стоитъ кувшинъ съ водой. Всталъ, держась рукой за стѣну, дотащился, выпилъ нѣсколько глотковъ, помочилъ голову и уже хотѣлъ вернуться на постель, какъ вдругъ почувствовалъ, что въ кельѣ кто-то есть, — обернулся и увидѣлъ, что подъ чернымъ распятіемъ кто-то сидитъ на постели фра Бенедетто, въ длинной до земли, темной, точно монашеской, одеждѣ съ остроконечнымъ куколемъ, какъ у братьевъ «баттути», закрывающимъ лицо. Джіованни удивился, потому что зналъ, что дверь заперта на ключъ, — но не испугался. Испытывалъ скорѣе облегченіе, какъ будто только теперь, послѣ долгихъ усилій, проснулся. Голова сразу перестала болѣть.

Подошелъ къ сидѣвшему и началъ всматриваться. Тотъ всталъ. Куколь откинулся. И Джіованни увидѣлъ лицо,

недвижное, бѣлое, какъ мраморъ изваяній, съ губами алыми, какъ кровь, глазами желтыми, какъ янтарь, окруженное ореоломъ черныхъ волосъ, живыхъ, живѣе самого лица, словно обладавшихъ отдѣльною жизнью, какъ змѣи Медузы.

И торжественно, и медленно, какъ бы для заклатья, подняла Кассандра — это была она — руки вверхъ. Послышались раскаты грома, уже близкаго, и ему казалось, что голосъ грома вторитъ словамъ ея:

Небо—вверху, небо—внизу,
Звѣзды—вверху, звѣзды—внизу,
Все, что вверху, все и внизу,—
Если поймешь, благо тебѣ.

Черныя одежды, свившись, упали къ ногамъ ея — и онъ увидѣлъ сіяющую бѣлизну тѣла, непорочнаго, какъ у Афродиты, вышедшей изъ тысячелѣтней могилы, — какъ у пѣно-рожденной богини Сандро Ботичелли съ лицомъ Пречистой Дѣвы Маріи, съ неземною грустью въ глазахъ — какъ у сладострастной Леды на пылающемъ кострѣ Савонаролы.

Въ послѣдній разъ взглянулъ Джіованни на распятіе, послѣдняя мысль блеснула въ умѣ его, полная ужасомъ: «Бѣлая Дьяволица!» — и какъ будто завѣса жизни разорвалась передъ нимъ, открывая послѣднюю тайну послѣдняго соединенія.

Она приблизилась къ нему, охватила его руками и сжала въ объятяхъ. Ослѣпляющая молнія соединила небо и землю.

Они опустились на бѣдное ложе монаха.

И всѣмъ своимъ тѣломъ Джіованни почувствовалъ дѣвственный холодъ тѣла ея, который былъ ему сладокъ и страшенъ, какъ смерть.

V.

Зороастро да-Перетола не умеръ, но и не выздоровѣлъ отъ послѣдствій своего паденія при неудачномъ опытѣ съ крыльями: на всю жизнь остался онъ калѣкою. Говорить разучился, только бормоталъ невнятные слова, такъ что

никто, кромѣ учителя, не разумѣлъ его. То бродилъ по дому, не находя себѣ мѣста, хромая на костыляхъ, огромный, неуклюжій, взъерошенный, какъ большая птица; то вслушивался въ рѣчи людей, какъ будто стараясь что-то понять; то, сидя въ углу, поджавъ подъ себя ноги и не обращая ни на кого вниманія, быстро наматывалъ длинную полотняную ленту на круглый брусокъ — занятіе, придуманное для него учителемъ, такъ какъ въ рукахъ механика оставалась прежняя ловкость и потребность движенія; строгалъ деревянные палочки, выпиливалъ чурки для городковъ, вырѣзывалъ волчки; или цѣлыми часами, въ полузабытьѣ, съ бессмысленной улыбкой, раскачиваясь и махая руками, точно крыльями, мурлыкалъ себѣ подъ носъ все одну и ту же пѣсенку:

Курлы, курлы,
Журавли, орлы
Среди солнечной мглы,
Гдѣ не видно земли.
Журавли, журавли...
Курлы, курлы.

Потомъ, глядя на учителя своимъ единственнымъ глазомъ, начиналъ вдругъ тихо плакать.

Въ эти минуты онъ былъ такъ жалокъ, что Леонардо поскорѣе отворачивался или уходилъ. Но совсѣмъ удалитъ больного не имѣлъ духу. Никогда, во всѣхъ скитаніяхъ, не покидалъ его, заботился о немъ, посылалъ ему деньги и только что поселялся гдѣ-нибудь, бралъ въ свой домъ.

Такъ проходили годы, и этотъ калѣка былъ какъ бы живымъ укоромъ, вѣчною насмѣшкою надъ усиліями всей жизни Леонардо — созданиемъ крыльевъ человѣческихъ.

Не менѣе жалѣлъ онъ и другого ученика своего, можетъ-быть, самаго близкаго сердцу его — Чезаре да-Сесто.

Не довольствуясь подражаніемъ, Чезаре хотѣлъ быть самимъ собою. Но учитель уничтожалъ его, поглощалъ, претворялъ въ себя. Недостаточно слабый, чтобы покориться, недостаточно сильный, чтобы побѣдить, Чезаре только безысходно мучился, озлоблялся и не могъ до конца

ни спастись, ни погибнуть. Подобно Джіованни и Астро, былъ калѣкою — ни живымъ, ни мертвымъ, однимъ изъ тѣхъ, которыхъ Леонардо «сглазилъ», «испортилъ».

Андреа Салаино сообщалъ учителю о тайной перепискѣ Чезаре съ учениками Рафаэля Санціо, работавшаго въ Римѣ у папы Юлія II надъ фресками въ покояхъ Ватикана. Многіе предсказывали, что въ лучахъ этого новаго свѣтила суждено померкнуть славѣ Леонардо. — Иногда учителю казалось, что Чезаре замышляетъ измѣну.

Но едва ли не хуже измѣны враговъ была вѣрность друзей.

Подъ именемъ Леонардовой академіи образовалась въ Миланѣ школа молодыхъ ломбардскихъ живописцевъ, отчасти прежнихъ учениковъ его, отчасти новыхъ пришельцевъ, безчисленныхъ, которые плодились, тѣснились къ нему, сами воображая и другихъ увѣряя, будто бы идутъ по слѣдамъ его. Издали слѣдилъ онъ за суетою этихъ невинныхъ предателей, которые не знали сами, что творять. И порой подымалось въ немъ чувство брезгливости, когда онъ видѣлъ, какъ все, что было въ жизни его святого и великаго, становится достояніемъ черни: ликъ Господень въ Тайной Вечерѣ передается потомству въ снимкахъ, примиряющихъ его съ церковною пошлостью; улыбка Джіоконды безстыдно обнажается, дѣлаясь похотливой, или же, претворяясь въ грезахъ платонической любви, добрѣетъ и глупѣетъ.

Зимой 1512 года, въ мѣстечкѣ Рива-ди-Тренто, на берегу Гардскаго озера, умеръ Маркъ-Антоніо дѣлла-Торре, тридцати лѣтъ отроду, заразившись гнилою горячкою отъ бѣдняковъ, которыхъ лѣчилъ.

Леонардо терялъ въ немъ послѣдняго изъ тѣхъ, кто былъ ему, если не близокъ, то менѣе чуждъ, чѣмъ другіе, ибо, по мѣрѣ того, какъ на жизнь его сходили тѣни старости, — нить за нитью порывались связи его съ міромъ живыхъ, все бѣльшая пустыня и молчаніе окружали его, такъ что иногда казалось ему, что онъ спускается въ подземный мракъ по узкой, темной лѣстницѣ, предлагая путь желѣзнымъ заступомъ сквозь каменные глыбы, «съ упрямою суро-

востью» и съ, можетъ-быть, безумною надеждою, что тамъ, подъ землю, есть выходъ въ другое небо.

Однажды, зимнею ночью, сидѣлъ онъ одинъ въ своей комнатѣ, прислушиваясь къ вою вьюги, точно такъ же какъ въ ночь того дня, когда узналъ о смерти Джіоконды. Нечеловѣческіе голоса ночного вѣтра говорили о понятномъ челоуѣческому сердцу, родномъ и неизбѣжномъ — о послѣднемъ одиночествѣ въ страшной слѣпой темнотѣ, въ лонѣ Отца всего сущаго, древняго Хаоса — о безпредѣльной скукѣ міра.

Думалъ о смерти, и эта мысль, которая теперь все чаще приходила къ нему, сливалась съ мыслью о Джіокондѣ.

Вдругъ кто-то постучался въ дверь. Онъ всталъ и отперъ.

Въ комнату вошелъ незнакомый юноша, съ веселыми и добрыми глазами, съ морознымъ румянцемъ на свѣжемъ лицѣ, съ тающими звѣздами снѣга въ темнорусыхъ кудряхъ.

— Мессэръ Леонардо! — воскликнулъ юноша. — Не узнаете?

Леонардо взглянулъ и узналъ маленькаго друга своего, восьмилѣтняго мальчика, съ которымъ бродилъ по весеннимъ рощамъ Вапріо, — Франческо Мельци.

Онъ обнялъ его съ отеческою нѣжностью.

Франческо разсказалъ, что онъ изъ Болоньи, куда отецъ его уѣхалъ вскорѣ послѣ французскаго нашествія въ 1500 году, не желая видѣть позора и бѣдствій родины, и гдѣ заболѣлъ тяжелою болѣзнью, длившейся долгіе годы; недавно онъ умеръ, и Мельци поспѣшилъ къ Леонардо, помня его обѣщаніе.

— Какое обѣщаніе? — спросилъ учитель.

— Какъ? Забыли? А я-то, глупый, надѣялся!.. Да неужели вы въ самомъ дѣлѣ не помните?.. Это было въ послѣдніе дни передъ нашей разлукою, въ селеніи Манделло, на озерѣ Лекко, у подножія горы Кампione. Мы спускались въ покинутый рудникъ, и вы несли меня на рукахъ, чтобы я не упалъ, и когда сказали, что уѣзжаете въ Романью на службу къ Цезарю Борджіа, я заплакалъ и хотѣлъ бѣжать

съ вами отъ отца, но вы не захотѣли и дали мнѣ слово, что черезъ десять лѣтъ, когда я вырасту...

— Помню, помню! — прервалъ его учитель радостно.

— Ну, то-то же!.. Я знаю, мессэръ Леонардо, что я вамъ не нуженъ. Но вѣдь и мѣшать не буду. Не гоните же меня. Впрочемъ, все равно, не уйду, если и станете гнать... Воля ваша, учитель, дѣлайте со мною, что хотите, а я уже васъ никогда не покину...

— Мальчикъ мой милый!.. — произнесъ Леонардо, и голосъ его дрогнулъ.

Онъ снова обнялъ его, поцѣловалъ въ голову, и Франческо прижался къ его груди съ такою же довѣрчивой ласкою, какъ маленькій мальчикъ, котораго несъ Леонардо въ рукахъ своихъ въ желѣзномъ рудникѣ, спускаясь все ниже и ниже въ подземный мракъ, по скользкой страшной лѣстницѣ.

VI.

Съ тѣхъ поръ, какъ художникъ покинулъ Флоренцію въ 1507 году, онъ числился придворнымъ живописцемъ на службѣ короля французскаго, Людовика XII. Но, не получая жалованья, долженъ былъ рассчитывать на милости. Часто забывали о немъ вовсе, а напоминать о себѣ своими произведеніями онъ не умѣлъ, потому что съ годами работалъ все меньше и медленнѣе. Попрежнему, вѣчно нуждаясь и все больше запутываясь въ денежныхъ дѣлахъ, занималъ у всѣхъ, у кого можно было занять — даже у собственныхъ учениковъ, и, не расплатившись со старыми долгами, дѣлалъ новые. Такія же стыдливыя, неловкія и униженныя просьбы писалъ французскому намѣстнику Шарлю д'Амбуазъ и казначею Флоримонду Робертэ, какъ нѣкогда герцогу Моро.

«Не желая болѣе докучать вашей милости, беру на себя смѣлость спросить, буду ли получать жалованье. Неоднократно писалъ я объ этомъ вашей Синьоріи, но до сихъ поръ отвѣта не имѣю».

Въ пріемныхъ вельможъ, среди другихъ просителей, смиренно ожидалъ очереди, хотя, съ наступающей старостью, все круче казались чужія лѣстницы, все горше вкусъ чужого хлѣба. Чувствовалъ себя на службѣ государей такимъ же лишнимъ, какъ на службѣ народа, — всегда, вездѣ чужимъ.

Пока Рафаэль, пользуясь щедростью папы, изъ полунищаго сталъ богачомъ, римскимъ патриціемъ; пока Микель-Анжело сколачивалъ сольди на черный день, — Леонардо попрежнему оставался бездомнымъ скитальцемъ, не зная, гдѣ передъ смертью преклонить голову.

Войны, побѣды, пораженія своихъ и чужихъ, перемѣны законовъ и правительствъ, угнетеніе народовъ, низверженіе тирановъ — все, что кажется людямъ единственно важнымъ и вѣчнымъ — проносилось мимо него, какъ пыльный вихрь мимо странника на большой дорогѣ. Съ такимъ же неизмѣннымъ равнодушіемъ къ политикѣ укрѣплялъ онъ замокъ Милана для французскаго короля противъ ломбардцевъ, какъ нѣкогда для ломбардскаго герцога — противъ французовъ. Въ честь побѣды Людовика XII надъ венеціанцами при Аньяделло воздвигъ триумфальную арку, съ тѣми же самыми деревянными ангелами, которые нѣкогда привѣтствовали, махая позолоченными крыльями, Амброзіанскую Республику, Франческо Сфорца, Лодовико Моро.

Черезъ три года папа, кесарь и король Испаніи, Фердинандъ Католическій, заключили союзъ подъ именемъ Священной Лиги противъ Людовика XII, выгнали французовъ изъ Ломбардіи и, съ помощью швейцарцевъ, посадили на престолъ Массимиліано Моретто, «маленькаго Моро», сына Лодовико Сфорца, девятнадцатилѣтняго юношу, выросшаго въ изгнаніи, при дворѣ императора.

Леонардо и ему воздвигъ триумфальную арку.

Правительство Моретто оказалось непрочнымъ: швейцарскіе наемники вовсе о немъ не заботились, обращаясь съ нимъ, какъ съ ничего незначившею куклою; союзники Священной Лиги заботились о немъ слишкомъ усердно, какъ семь нянекъ, у которыхъ дитя безъ головы. Маленькому герцогу было не до живописи. Тѣмъ не менѣе принялъ онъ

Леонардо на службу, заказалъ ему портретъ и назначилъ жалованье, котораго не платилъ.

Въ Тосканѣ въ это время произошелъ точно такой же переворотъ, какъ въ Ломбардіи. Воля народа—воля Божья, и пушки Фердинанда Католическаго удалили злополучнаго Пьеро Содерини. Разочаровавшись окончательно въ республиканскихъ добродѣтеляхъ согражданъ, бѣжалъ онъ въ Рагузу. Прежніе тираны, братья Медичи, сыновья Лоренцо Великолѣпнаго, вернулись во Флоренцію. Одинъ изъ нихъ, Джульяно, странный мечтатель, равнодушный къ власти и почестямъ, грустный и добрый чудакъ, большой любитель алхиміи, наслышавшись всякихъ чудесъ отъ пріютившагося у него послѣ бѣгства изъ Милана Галеотто Сакробоско о сокровенныхъ знаніяхъ Леонардо, пригласилъ его къ себѣ на службу, не столько въ качествѣ художника, сколько алхимика.

Въ началѣ 1513 года маршалъ Джьянъ-Джьякопо Тривульціо вступилъ въ переговоры съ швейцарцами о выдачѣ маленькаго Моро. Ему грозила та же участь, какъ отцу его. Леонардо предвидѣлъ новый переворотъ въ Ломбардіи.

Въ послѣдніе годы начиналъ онъ чувствовать усталость отъ этихъ однообразныхъ и прихотливыхъ случайностей политики — отъ вѣчнаго похмелья на чужихъ пирахъ: воздвигать триумфальныя арки, чинить пружины въ крыльяхъ обветшалыхъ ангеловъ надоѣло, и все чаще казалось, что пора бы этимъ ангеламъ, такъ же какъ ему, на покой.

Онъ рѣшилъ покинуть Миланъ и перейти на службу Медичи.

Умеръ папа Юлій II. Преемникомъ избранъ былъ Джіованни Медичи, подъ именемъ Льва X. Новый папа назначилъ брата своего Джульяно главнымъ Капитаномъ и Знаменоносцемъ Римской Церкви, на должность, исполнявшуюся нѣкогда Цезаремъ Борджіа. Джульяно отправился въ Римъ. Леонардо долженъ былъ слѣдовать за нимъ туда же осенью.

За нѣсколько дней до его отъѣзда изъ Милана, на зарѣ той ночи, когда сожжены были сто тридцать девять колдуновъ и вѣдьмъ на площади Бролетто, монахи въ обители

Санъ Франческо въ кельѣ фѣра Бенедетто нашли ученика Леонардо, Джіованни Бельтраффіо, лежавшимъ на полу въ безпамятствѣ.

Повидимому, это былъ припадокъ той же болѣзни, какъ пятнадцать лѣтъ назадъ, послѣ разказа фѣра Поголо о смерти Савонаролы. Но на этотъ разъ Джіованни скоро оправился. Только иногда, въ равнодушныхъ глазахъ его, въ странно-неподвижномъ, точно мертвомъ, лицѣ мелькало выраженіе, которое внушало Леонардо большій страхъ за него, чѣмъ прежняя тяжелая болѣзнь.

Все еще сохраняя надежду спасти его, удаливъ отъ себя, отъ своего «дурного глаза», — учитель совѣтовалъ ему остаться въ Миланѣ у фѣра Бенедетто, до совершеннаго выздоровленія. Но Джіованни молилъ не покидать его, взять съ собою въ Римъ, съ такимъ непреклоннымъ упорствомъ, съ такимъ тихимъ отчаяніемъ, что у Леонардо не хватило духу отказать.

Французскія войска приближались къ Милану. Чернь волновалась. Маленькій Моро губилъ себя ребяческимъ безразсудствомъ и своенравіемъ. Нельзя было медлить.

Какъ нѣкогда отъ Лоренцо Медичи къ Моро, отъ Моро къ Цезарю, отъ Цезаря къ Содерини, отъ Содерини къ Людовику XII, отправлялся теперь Леонардо къ новому покровителю, Джуліано Медичи, — со скучающей покорностью, продолжая, вѣчный скиталець, свои безнадежныя странствія.

«23 сентября 1513 года, — отмѣтилъ въ дневникѣ своемъ съ обычною краткостью, — выѣхалъ я изъ Милана въ Римъ, съ Франческо Мельци, Салаино, Чезаре, Астро и Джіованни».

ШЕСТНАДЦАТАЯ КНИГА.

Леонардо, Микель-Анжело и Рафаэль.

I.

И папа Левъ X, вѣрный преданіямъ рода Медичи, сумѣлъ прослыть великимъ покровителемъ искусствъ и наукъ. Узнавъ о своемъ избраніи, онъ сказалъ брату своему, Джуліано Медичи:

— Насладимся папскою властью, такъ какъ Богъ намъ ее даровалъ!

А любимый шутъ его, монахъ фра Маріано, съ философскою важностью прибавилъ:

— Заживемъ, святой отче, въ своей удовольствіе, ибо все прочее вздоръ!

И папа окружилъ себя поэтами, музыкантами, художниками, учеными. Всякій, кто умѣлъ сочинять въ изобиліи, хотя бы посредственные, но гладкіе стихи, могъ рассчитывать на жирную пребенду, на теплое мѣстечко у его святѣйшества. Наступилъ золотой вѣкъ подражателей-словесниковъ, у которыхъ была одна незыблемая вѣра—въ недостижимое совершенство прозы Цицерона и стиховъ Виргилія.

— Мысль о томъ,—говорили они,—что новые поэты могутъ превзойти древнихъ, есть корень всякаго нечестія.

Пастыри душъ христіанскихъ избѣгали въ проповѣдяхъ называть Христа по имени, такъ какъ этого слова нѣтъ въ рѣчахъ Цицерона, монахинь звали весталками, Святой Духъ—дыханіемъ верховнаго Юпитера, и просили у папы разрѣшенія причислить Платона къ лику святыхъ.

Сочинитель *Азолани*, діалога о неземной любви, и неимовѣрно-цинической поэмы *Пріапъ*, будущій кардиналь, Пьетро Бембо, признавался, что не читаетъ посланій апостола Павла, «дабы не испортить себѣ слога».

Когда Францискъ I, послѣ побѣды надъ папою, требовалъ у него въ подарокъ недавно открытый Лаокоонъ, Левъ X объявилъ, что скорѣе разстанется съ головой Апостола, мощи коей хранились въ Римѣ, чѣмъ съ Лаокоономъ.

Папа любилъ своихъ ученыхъ и художниковъ, но едва ли не больше любилъ своихъ шутовъ. Знаменитаго стихокрапателя, обжору и пьяницу, Кверно, получившаго званіе архипоэта, вѣнчалъ въ торжественномъ триумфѣ лаврокапустнымъ вѣнкомъ и осыпалъ его такими же щедротами, какъ Рафаэля Санціо. На роскошные пиры ученыхъ тратилъ огромные доходы съ Анконской Марки, Сполетто, Романьи; но самъ отличался умѣренностью, ибо желудокъ его святѣйшества плохо варилъ. Этотъ эпикуреецъ страдалъ неизлѣчимой болѣзью—гноюною фистулою. И душу его, такъ же какъ тѣло, разѣдала тайная язва—скука. Онъ выписывалъ въ звѣринецъ свой рѣдкихъ животныхъ изъ далекихъ странъ, въ свое собраніе шутовъ—забавныхъ калѣкъ, уродовъ и помѣшанныхъ изъ больницъ. Но развлечь его не могли ни звѣри, ни люди. На праздникахъ и пиршествахъ, среди самыхъ веселыхъ шутовъ, съ лица его не исчезало выраженіе скуки и брезгливости.

Только въ политикѣ выказывалъ онъ свою истинную природу: былъ столь же холодно-жестокъ и клятвопреступень, какъ Борджіа.

Когда Левъ X лежалъ при смерти, всѣми покинутый,—монахъ фра Маріано, любимый шутъ его, едва ли не единственный изъ друзей, оставшійся вѣрнымъ ему до конца, человекъ добрый и благочестивый, видя, что онъ умираетъ какъ язычникъ, умолялъ его со слезами: «Вспомните о Богѣ, отче святой, вспомните о Богѣ!»—Это была невольная, но самая злая насмѣшка надъ вѣчнымъ насмѣшникомъ.

Нѣсколько дней послѣ приѣзда въ Римъ, въ приѣмной папы, во дворцѣ Ватикана, Леонардо ожидалъ очереди, уже не въ первый разъ, такъ какъ добиться свиданія съ его святѣйшествомъ даже для тѣхъ, кого самъ онъ выразилъ желаніе видѣть, было очень трудно.

Леонардо слушалъ бесѣду придворныхъ о предполагаемомъ триумфѣ папскаго любимца, чудовищнаго карлика Барабалло, котораго должны были водить по улицамъ на слонѣ, недавно присланномъ изъ Индіи. Разсказывали также о новыхъ подвигахъ фра Маріано, о томъ, какъ наемни за ужиномъ, въ присутствіи папы, вскочивъ на столъ, началъ онъ бѣгать, при общемъ хохотѣ, ударяя кардиналовъ и епископовъ по головамъ и перекидываясь съ ними жареными каплунами съ одного конца стола на другой, такъ что струи подливокъ текли по одеждамъ и лицамъ ихъ преподобій.

Пока Леонардо слушалъ разсказъ, изъ-за дверей приѣмной послышалась музыка и пѣніе. На лицахъ истомленныхъ ожиданіемъ, выразилось еще большее уныніе.

Папа былъ плохимъ, но страстнымъ музыкантомъ. Концерты, въ которыхъ онъ всегда самъ участвовалъ, длились безконечно, такъ что приходившіе къ нему по дѣламъ, при звукахъ музыки, впадали въ отчаяніе.

— Знаете ли, мессэре,—проговорилъ на ухо Леонардо сидѣвшій рядомъ непризнанный поэтъ съ голоднымъ лицомъ, тщетно ожидавшій очереди въ теченіе двухъ мѣсяцевъ,—знаете, какое есть средство добиться свиданія съ его святѣйшествомъ?—Объявить себя шутомъ. Мой старый другъ, знаменитый ученый Марко Мазуро, видя, что ученостью тутъ ничего не подѣлаешь, велѣлъ папскому камерьеру доложить о себѣ, какъ о новомъ Барабалло—и тотчасъ приняли его, и онъ получилъ все, чего желалъ.

Леонардо не послѣдовалъ доброму совѣту, не объявилъ себя шутомъ, и снова, не дождавшись, ушелъ.

Въ послѣднее время испытывалъ онъ странныя предчувствія. Они казались ему безпричинными. Житейскія заботы, неудачи при дворѣ Льва X и Джуліанъ Медичи не беспокоили его: онъ давно къ нимъ привыкъ. А между

тѣмъ зловѣщая тревога увеличивалась. И особенно въ этотъ лучезарный осенній вечеръ, когда возвращался онъ домой изъ дворца, сердце его ныло, какъ передъ близкой бѣдой.

Во второй прїѣздъ жилъ онъ тамъ же, гдѣ и въ первый при Александрѣ VI, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Ватикана, позади собора св. Петра, въ узкомъ переулкѣ, въ одномъ изъ маленькихъ, отдѣльныхъ зданій папскаго Монетнаго Двора. Зданіе было ветхое и мрачное. Послѣ отъѣзда Леонардо во Флоренцію оставалось оно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ необитаемымъ, отсырѣло и приняло еще болѣе мрачный видъ.

Онъ вошелъ въ обширный сводчатый покой, съ паукообразными трещинами на облупившихся стѣнахъ, съ окнами, упиравшимися въ стѣну сосѣдняго дома, такъ что, несмотря на ранній ясный вечеръ, здѣсь уже стемнѣло.

Въ углу, поджавъ ноги, сидѣлъ больной механикъ Астро, строгалъ какія-то палочки и, по обыкновенію, раскачиваясь, мурлыкалъ себѣ подъ носъ унылую пѣсенку:

Курлы, курлы,
Журавли да орлы
Среди солнечной мглы,
Гдѣ не видно земли.
Журавли, журавли...
Курлы, курлы.

Сердце Леонардо еще сильнѣе заняло отъ вѣщей тоски.

— Что ты, Астро? — спросилъ онъ ласково, положивъ ему руку на голову.

— Ничего, — отвѣтилъ тотъ и посмотрѣлъ на учителя пристально, почти разумно, даже лукаво. — Я ничего. А вотъ Джіованни... Ну, да вѣдь и ему такъ лучше. Полетѣлъ...

— Что ты говоришь, Астро? Гдѣ Джіованни? — произнесъ Леонардо и понялъ вдругъ, что вѣщая тоска, которою ныло сердце его, была о немъ, о Джіованни.

Не обращая болѣе вниманія на учителя, больной началъ снова строгать.

— Астро, — приступилъ къ нему Леонардо и взялъ его за руку, — прошу тебя, другъ мой, вспомни, что ты хотѣлъ сказать. Гдѣ Джіованни? Слышишь, Астро, мнѣ очень нужно видѣть его сейчасъ!.. Гдѣ онъ? Что съ нимъ?

— Да развѣ вы еще не знаете? — произнесъ больной. — Онъ тамъ, наверху. Утолился... удалился...

Онъ, видимо, искалъ и не находилъ нужнаго звука, ускользавшаго изъ памяти. Это бывало съ нимъ часто. Онъ путалъ отдѣльные звуки и даже цѣлыя слова, употребляя одно вмѣсто другого.

— Не знаете? — прибавилъ спокойно. — Ну, пойдемъ. Я покажу. Только не бойтесь. Такъ лучше...

Всталъ и, неуклюже переваливаясь на костыляхъ, повелъ его по скрипучей лѣстницѣ.

Взошли на чердакъ.

Здѣсь было душно отъ нагрѣтой солнцемъ черепичной кровли; пахло птичьимъ пометомъ и соломой. Изъ слухового окна проникалъ косою, пыльный красный лучъ солнца. Когда они вошли, испуганная стая голубей съ шелестомъ крыльевъ вспорхнула и улетѣла.

— Вотъ, — попрежнему спокойно молвилъ Астро, указывая въ глубину чердака, гдѣ было темно.

И Леонардо увидѣлъ подъ одной изъ поперечныхъ толстыхъ балокъ Джіованни, стоявшаго прямо, неподвижно, странно вытянувшагося и какъ будто глядѣвшаго на него въ упоръ широко раскрытыми глазами.

— Джіованни! — вскрикнулъ учитель и вдругъ поблѣднѣлъ, голосъ пресѣкся.

Онъ бросился къ нему, увидѣлъ страшно искаженное лицо, прикоснулся къ рукѣ его, — она была холодна. Тѣло качнулось: оно висѣло на крѣпкомъ шелковомъ шнуркѣ, одномъ изъ тѣхъ, какіе употреблялъ учитель для своихъ летательныхъ машинъ, привязанномъ къ новому желѣзному крюку, видимо недавно ввинченному въ балку. Тутъ же лежалъ кусокъ мыла, которымъ самоубійца, должно-быть, намылилъ петлю.

Астро снова забывшись, подошелъ къ слуховому окну и заглянулъ въ него.

Зданіе стояло на пригоркѣ. Съ вышины открывался видъ на черепичныя крыши, башни, колокольни Рима, на волнистую, какъ море, мутно-зеленую равнину Кампаны въ лучахъ заходящаго солнца, съ длинными, черными, кое-гдѣ обрывавшимися нитями римскихъ акведуковъ, на горы Альбано, Фраскати, Рокка-ди-Папа, на чистое небо, гдѣ рѣяли ласточки.

Онъ смотрѣлъ, полузакрывъ глаза, и съ блаженной улыбкой раскачиваясь, махалъ руками, точно крыльями:

Курлы, курлы,
Журавли, да орлы...

Леонардо хотѣлъ бѣжать, звать на помощь, но не могъ пошевелиться и стоялъ, въ оцѣпенѣннѣи ужаса, между двумя учениками своими — мертвымъ и безумнымъ.

.
.

Черезъ нѣсколько дней, разбирая бумаги покойнаго, учитель нашелъ среди нихъ дневникъ. Онъ прочелъ его внимательно.

Тѣхъ противорѣчій, отъ которыхъ Джіованни погибъ, Леонардо не понялъ, только почувствовалъ еще яснѣе, чѣмъ когда-либо, что былъ причиной этой гибели — «сглазилъ», «испортилъ» его, отравилъ плодами «древа Познанія».

Особенно поразили его послѣднія строки дневника, писанныя, судя по разницѣ въ цвѣтѣ чернилъ и почеркѣ, послѣ многолѣтняго перерыва:

«Намедни, въ обители фра Бенедетто, монахъ, пріѣхавшій съ Аѳона, показывалъ мнѣ въ древнемъ пергаментномъ свиткѣ, въ раскрашенномъ заставномъ рисункѣ, Іоанна Предтечу Крылатаго. Такихъ изображеній въ Италіи нѣтъ; взято съ греческихъ иконъ. Члены тонки и длинны. Ликъ страненъ и страшенъ. Тѣло, покрытое мохнатой одеждой верблюжьяго волоса, кажется пернатымъ, какъ у птицы.— «Вотъ Я посылаю Ангела Моего, и онъ приготовитъ путь предо Мною, и внезапно придетъ во храмъ Свой Господь, Котораго вы ждете, и Ангелъ завѣта, Котораго вы желаете.

Вотъ Онъ идетъ». Пророкъ Малахія III, 1.—Но это не ангелъ, не духъ, а человѣкъ съ исполинскими крыльями.

Въ 1503 году, въ послѣдній годъ царствованія «багрянаго звѣря», папы Александра VI Борджіа, августинскій монахъ Томасъ Швейницъ въ Римѣ говорилъ о полетѣ Антихриста:

«И тогда сидящій на престолѣ во храмѣ Сіонскомъ Бога Всевышняго, Звѣрь, похитившій съ неба огонь, скажетъ людямъ: «Зачѣмъ смущаетесь и чего хотите? О, родъ невѣрный и лукавый, знаменья хотите—и будетъ вамъ знаменье: се, узрите Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ». Такъ скажетъ онъ и возьметъ великія огненные крылья, устроенныя хитростью бѣсовскою, и вознесется въ громахъ и молніяхъ, окруженный учениками своими въ образѣ ангеловъ,—и полетитъ».

Слѣдовали отрывочныя, писанныя видимо дрожавшею рукою, во многихъ мѣстахъ зачеркнутыя слова:

«Подобіе Христа и Антихриста—совершенное подобіе. Ликъ Антихриста въ ликѣ Христа, ликъ Христа въ ликѣ Антихриста. Кто отличить? Кто не соблазнится? Послѣдняя тайна—послѣдняя скорбь, какой не было въ мірѣ».

«Въ Орвіетскомъ соборѣ, въ картинѣ Лука Синьорелли—развѣаемыя вѣтромъ складки въ одеждѣ Антихриста, летящаго въ бездну. И точно такія же складки, похожія на крылья исполинской птицы,—за плечами Леонардо, когда стоялъ онъ у края пропасти на вершинѣ Монте-Альбано, надъ селеніемъ Винчи».

На послѣдней страницѣ, въ самомъ низу, опять другимъ почеркомъ, должно-быть, снова послѣ долгаго перерыва, было написано:

«Бѣлая Дьяволица—всегда, вездѣ. Будь она проклята! Послѣдняя тайна: два—едино. Христось и Антихристъ—едино. Небо вверху и небо внизу.—Да не будетъ, да не будетъ сего! Лучше смерть. Предаю душу мою въ руки Твои, Боже мой! Суди меня».

Дневникъ кончался этими словами. И Леонардо понималъ, что они были написаны наканунѣ или въ самый день самоубійства.

II.

Въ одномъ изъ пріемныхъ покоевъ Ватикана, въ такъ называемой Станца дэлла-Сеньятура, съ недавно оконченною стѣнописью Рафаэля, подъ фрескою, изображавшею бога Аполлона среди музъ на Парнасѣ, сидѣлъ папа Левъ X, окруженный сановниками Римской церкви, учеными, поэтами, фокусниками, карликами, шутами.

Огромное тѣло его, бѣлое, пухлое, какъ у старыхъ женщинъ, страдающихъ водянкою, лицо толстое, круглое, блѣдное, съ бѣлесоватыми лягушечьими глазами на выкатѣ, были безобразны; однимъ глазомъ онъ почти совсѣмъ не видѣлъ, другимъ видѣлъ плохо, и когда ему надо было что-нибудь разсмотрѣть, употреблялъ, вмѣсто приближающаго стекла, граненый берилловый очекъ—«окиале»; въ зрачкѣ глазу свѣтился умъ, холодный, ясный и безнадежно-скучающій. Гордостью папы были руки его, дѣйствительно, красивыя: при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ выставлялъ ихъ на показъ и хвасталъ ими, такъ же какъ своимъ пріятнымъ голосомъ.

Послѣ дѣловаго пріема святой отецъ отдыхалъ, бесѣдуя съ приближенными о двухъ новыхъ поэмахъ.

Обѣ написаны были безукоризненно-изящными латинскими стихами въ подражаніе Энеидѣ Virgilія. Одна подъ заглавіемъ Христіада—переложеніе Евангелія, съ моднымъ въ тѣ времена смѣшеніемъ христіанскихъ и языческихъ образовъ: такъ, святое Причастіе называлось «божественною пищею, скрытою для слабаго зрѣнія людей подъ видомъ Цереры и Вакха», то-есть хлѣба и вина; Діана, Фетида, Эоль оказывали услуги Божіей Матери; когда архангелъ Гавріиль благовѣствовалъ въ Назаретѣ, Меркурій подслушивалъ у двери и передавалъ эту вѣсть собранію олимпійцевъ, совѣтуя принять рѣшительныя мѣры.

Другая поэма Фракастора, озаглавленная *Siphilis*, посвященная будущему кардиналу Пьетро Бембо, тому самому,

который избѣгалъ читать посланія апостола Павла, дабы «не испортить себѣ слога», воспѣвала столь же безупречными стихами во вкусѣ Виргилія французскую болѣзнь и способы лѣченія сѣрными ваннами и ртутною мазью. Происхожденіе болѣзни объяснялось, между прочимъ, тѣмъ, что однажды, въ древнія времена, нѣкій пастухъ, по имени Siphilus, своими насмѣшками прогнѣвалъ бога солнца, который наказалъ его недугомъ, не уступавшимъ никакому лѣченію, пока нимфа Америка не посвятила его въ свои таинства и не привела къ роцѣ цѣлебныхъ гваяковыхъ деревьевъ, сѣрному источнику и ртутному озеру. Впослѣдствіи испанскіе путешественники, переплывъ океанъ и открывъ новыя земли, гдѣ обитала нимфа Америка, также оскорбили бога солнца, застрѣливъ на охотѣ посвященныхъ ему птицъ, изъ коихъ одна провѣщала человѣчьимъ голосомъ, что за это святотатство Аполлонъ пошлетъ имъ французскую болѣзнь.

Папа прочелъ наизусть нѣсколько отрывковъ изъ обѣихъ поэмъ. Особенно удалась ему рѣчь Меркурія передъ богами Олимпа о благовѣстіи архангела и любовная жалоба пастуха Сифила, обращенная къ нимфѣ Америкѣ.

Когда при шопотѣ восторженныхъ похвалъ и почти-тельно-сдержанныхъ, какъ бы начаянно сорвавшихся, рукоплесканійхъ онъ кончилъ, ему доложили о Микель-Анжело, недавно пріѣхавшемъ изъ Флоренціи.

Папа немного нахмурился, но тотчасъ же велѣлъ его принять.

Сумрачный Буонаротти внушалъ Льву X чувство, подобное страху. Онъ предпочиталъ веселаго, готоваго на все, покладистаго, «добраго малаго», Рафаэля.

Папа принялъ Микель-Анжело, со своею неизмѣнною скупающею любезностью. Но, когда художникъ заговорилъ о дѣлѣ, въ которомъ считалъ себя смертельно обиженнымъ— о данномъ ему и внезапно отнятомъ заказѣ новаго мраморнаго фасада флорентинской церкви Санъ-Лоренцо, святой отецъ замялъ разговоръ и, привычнымъ движеніемъ вставивъ въ свой зрячій глазъ берилловый очекъ, посмотрѣлъ на него

съ добродушіемъ, подъ которымъ скрывалось насмѣшливое лукавство, и молвилъ:

— Мессэръ Микель-Анжело, есть у насъ одно дѣльце, о которомъ мы хотѣли бы знать твое мнѣніе: братъ нашъ, герцогъ Джульяно, совѣтуетъ намъ воспользоваться для какой-либо работы твоимъ землякомъ, флорентинцемъ Леонардо да-Винчи. Скажи, сдѣлай милость, что ты думаешь о немъ и какую работу было бы всего пристойнѣе поручить этому художнику?

Угрою потупивъ глаза и, по обыкновенію, мучаясь подъ устремленными на него любопытными взорами, отъ непреодолимой робости и сознанія своего уродства, Микель-Анжело молчалъ. Но папа смотрѣлъ на него пристально въ берилловый очекъ, ожидая отвѣта.

— Вашему святѣйшеству,—произнесъ, наконецъ, Буонаротти,—можетъ-быть, неизвѣстно, что многіе считаютъ меня врагомъ мессэра да-Винчи. Правда это или нѣтъ,—я полагаю, что мнѣ всего менѣе прилично быть судьей въ этомъ дѣлѣ и высказывать какое бы то ни было мнѣніе, дурное или хорошее.

— Клянусь Вакхомъ,—оживляясь и, видимо, готовя что-то забавное, воскликнулъ папа,—если бы даже это было дѣйствительно такъ, тѣмъ болѣе желали бы мы знать твое мнѣніе о мессэрѣ Леонардо, ибо другого кого, а тебя не считаемъ способнымъ въ пристрастію, и не сомнѣваемся, что въ сужденіи о врагѣ сумѣешь ты выказать благородство, не меньшее, чѣмъ въ сужденіи о другѣ. Но никогда, впрочемъ, я не вѣрилъ и не повѣрю тому, что вы въ самомъ дѣлѣ—враги. Полно! Такіе художники, какъ ты и онъ, не могутъ не быть выше всякаго тщеславія. И что вамъ дѣлать, изъ-за чего соперничать? А если и было между вами что-нибудь, — зачѣмъ объ этомъ вспоминать? Не лучше ли жить въ мирѣ? Говорятъ, въ согласіи малое растеть, въ раздорѣ умаляется великое. И неужели, сынъ мой, если бы я, твой отецъ, пожелалъ соединить ваши руки, неужели ты отказалъ бы мнѣ, не подаль бы ему руки своей?

Глаза Буонаротти блеснули; какъ это часто бывало съ нимъ, робость мгновенно превратилась въ ярость.

— Я не подаю руки измѣнникамъ!—проговорилъ онъ глухо и отрывисто, едва владѣя собою.

— Измѣнникамъ?—подхватилъ папа, еще болѣе оживляясь.—Тяжкое обвиненіе, Микель-Анжело, тяжкое, и мы увѣрены, что ты не рѣшился бы высказать его, не имѣя доказательствъ...

— Никакихъ доказательствъ нѣтъ у меня, да ихъ и не надо! Я говорю то, что знаютъ всѣ. Пятнадцать лѣтъ былъ онъ прихвостнемъ герцога Моро, того, кто первый призвалъ на Италію варваровъ и предалъ имъ отечество. Когда же Господь наказалъ тирана заслуженною казною, и онъ погибъ, Леонардо перешелъ на службу къ еще большому негодяю—Цезарю Борджіа, и, будучи гражданиномъ Флоренціи, снималъ военныя карты съ Тосканы, дабы облегчить врагу завоеваніе собственной родины.

— Не судите, да не судимы будете,—молвилъ папа съ тихою усмѣшкою.—Ты забываешь, другъ мой, что мессэръ Леонардо—не воинъ, не государственный мужъ, а только художникъ. Служители вольныхъ Камэнь не имѣютъ ли права на бѣольшую свободу, чѣмъ прочіе смертныя? Какое дѣло до политики, до вражды народовъ и государей—вамъ, художникамъ, обитателямъ области высшей, гдѣ нѣтъ ни рабовъ, ни свободныхъ, ни іудея, ни эллина, ни варвара, ни скиѳа, но всяческая и во всѣхъ—Аполлонъ? Подобно древнимъ философамъ, не могли бы ли и вы назвать себя гражданами вселенной, для коихъ, гдѣ хорошо—тамъ и отечество?

— Извините меня, ваше святѣйшество,—прервалъ его Микель-Анжело почти съ грубостью.—Я человѣкъ простой, не словесный, тонкостей философическихъ не разумѣю. Бѣлое привыкъ называть бѣлымъ, черное—чернымъ. И презрѣннѣйшимъ изъ негодяевъ кажется мнѣ тотъ, кто не чтитъ своей матери, отрекается отъ родины. Я знаю, мессэръ Леонардо считаетъ себя выше всѣхъ законовъ человѣческихъ. Но по какому праву? Онъ все общаетъ, собираетъ міръ удивить чудесами. Не пора ли и за дѣло? Гдѣ они, чудеса

его и знаменія? Ужь не эти ли шутовскія крылья на которыхъ вздумалъ летѣть одинъ изъ учениковъ его и какъ дуракъ сломалъ себѣ шею? Доколѣ же намъ вѣрить ему на слово? Не въ правѣ ли и мы, простые смертные, усомниться и полюбопытствовать, что же такое скрывается, наконецъ, подъ всѣми загадками его и тайнами?.. Э, да что говорить! Въ старину, бывало, проходимцевъ такъ и величали проходимцами, негодяевъ—негодьями, а нынче зовуть ихъ мудрецами, гражданами вселенной, и скоро, кажется, не будетъ такого плута и бездѣльника, который бы не корчилъ изъ себя бога Гермеса Триждывеликаго и титана Прометей!..

Папа, оставившись на Микель-Анжело своими свѣтлыми лягушечьими глазами, спокойно и холодно наблюдалъ его, и, размышляя о тщетѣ всего земного, о суетѣ суетствій, созерцалъ униженіе гордаго, ничтожество великаго. Онъ уже мечталъ о томъ, какъ бы свести обоихъ соперниковъ, натравить ихъ другъ на друга, устроить зрѣлище невиданное, въ родѣ пѣтушинаго боя въ исполинскихъ размѣрахъ—философскую потѣху, которой бы онъ, любитель всего рѣдкаго и чудовищнаго, наслаждался съ такимъ же эпикурейскимъ, немного брезгливымъ и скучающимъ любопытствомъ, какъ дракой шутовъ своихъ, калѣкъ, юродивыхъ, обезьянъ и карликовъ.

— Сынъ мой,—произнесъ, наконецъ, съ тихимъ, грустнымъ вздохомъ,—я вижу теперъ, что вражда, которой до сей поры не хотѣлось намъ вѣрить, дѣйствительно есть между вами, и удивленъ, да, признаюсь, удивленъ и опечаленъ сужденіемъ твоимъ о мессэрѣ Леонардо. Какъ же такъ, Микель-Анжело, помилуй! Мы слышали о немъ столько хорошаго: не говоря уже о великомъ искусствѣ и учености,—сердце, говорятъ, у него такое доброе, что не только людей, но и тварей безсловесныхъ, даже растенія жалѣетъ онъ, не позволяетъ, чтобы люди причиняли имъ какой-либо вредъ,—подобно мудрецамъ индійскимъ, именуемымъ гимнософистами, о коихъ путешественники рассказываютъ намъ столько чудеснаго...

Микель Анжело молчалъ, отвернувшись. Лицо его порой искажалось злобною судорогой? Онъ чувствовалъ, что папа надъ нимъ издѣвается. Стоявшій рядомъ и внимательно слѣдившій за бесѣдою Пьетро Бембо понялъ, что шутка можетъ плохо кончиться: Буонаротти неудобенъ для игры, затѣянной папою. Ловкій царедворецъ вступился тѣмъ охотнѣе, что и самъ не долюбливалъ Леонардо, по слухамъ, за его насмѣшки надъ словесниками, «подражателями древнихъ», «воронами въ чужихъ перьяхъ».

— Ваше святѣйшество,—произнесъ онъ,—можетъ-быть, въ словахъ мессэра Микель-Анжело есть доля правды; по крайней мѣрѣ, о Леонардо ходятъ слухи столь противорѣчивые, что, въ самомъ дѣлѣ, не знаешь порой, чему вѣрить. Тварей, говорятъ, милуетъ, отъ мяса не вкушаетъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтаетъ смертоносныя орудія для истребленія рода человѣческаго и любитъ провожать преступниковъ на казнь, наблюдая въ ихъ лицахъ выраженіе послѣдняго ужаса. Я слышалъ также, что ученики его и Маркъ-Антоніо для анатомическихъ сѣченій не только воровали трупы изъ больницъ, но откапывали ихъ изъ земли на христіанскихъ кладбищахъ.—Кажется, впрочемъ, во всѣ времена великимъ ученымъ свойственны были необычныя странности: такъ, древніе повѣствуютъ о знаменитыхъ александрійскихъ естествоиспытателяхъ Эразистратѣ и Герофилѣ, которые, будто бы, производили свои анатомическія сѣченія надъ живыми людьми, преступниками, осужденными на казнь, оправдывая жестокость къ людямъ любовью къ знанію, о чемъ свидѣтельствуемъ Цельзій: *Herophylus homine odit ut nosset*. Герофилъ людей ненавидѣлъ, чтобы знать...

— Молчи, молчи, Пьетро! Съ нами сила Господня!—остановилъ его папа уже въ непритворномъ смятеніи.—Живыхъ людей рѣзать—славная наука, нечего сказать!.. Никогда не смѣй намъ говорить объ этихъ мерзостяхъ. И ежели мы только узнаемъ, что Леонардо...

Не кончилъ и набожно перекрестился. Все толстое, пухлое тѣло его заколыхалось.

Будучи скептикомъ, Левъ X въ то же время былъ суевѣренъ, какъ старая женщина. Въ особенности же боялся черной магіи. Одной рукой награждая сочинителей такихъ поэмъ, какъ Сифилисъ и Приапъ, другою скрѣплялъ полномочіе великаго инквизитора фра Джіорджіо да-Казале для борьбы съ колдунами и вѣдьмами.

Услышавъ о кражѣ мертвыхъ тѣлъ изъ могилъ, вспомнилъ только что полученный доносъ, на который сперва не обратилъ вниманія, одного изъ людей Джульяно Медичи, нѣмецкаго зеркальщика Юганна, жившаго въ домѣ Леонардо и обвинявшаго мастера въ томъ, что, подъ предлогомъ анатоміи, на самомъ дѣлѣ—для черной магіи, онъ вырѣзываетъ зародыши изъ труповъ беременныхъ женщинъ.

Ужась папы длился, впрочемъ, недолго: по уходѣ Микель-Анжело устроенъ былъ концертъ, въ которомъ особенно удалась его святѣйшеству трудная арія, что всегда приводило его въ доброе расположеніе духа; затѣмъ, во время полдника, учреждая въ шутовскомъ совѣтѣ порядокъ триумфальнаго шествія карлика Барабалло на слонѣ, онъ окончательно развлекся и забылъ о Леонардо.

Но на слѣдующій день настоятель Санъ-Спирито, гдѣ въ монастырской больницѣ художникъ занимался анатоміей, получилъ строжайшее внушеніе—не давать ему труповъ, не пускать въ больничные покои, вмѣстѣ съ напоминаніемъ буллы Бонифація VIII De sepulturis, запрещавшей, подъ страхомъ церковнаго отлученія, вскрытіе человѣческихъ тѣлъ, безъ вѣдома Апостолической Куріи.

III.

Послѣ смерти Джіованни, Леонардо сталъ тяготиться пребываніемъ въ Римѣ.

Неизвѣстность, ожиданіе, вынужденное бездѣйствіе утомили его. Обычныя занятія—книги, машины, опыты, живопись—опротивѣли.

Въ долгіе, осенніе вечера, когда въ домѣ, теперь еще болѣе мрачномъ, наединѣ съ безумнымъ Астро и тѣнью

Джіованни, становилосьъ ему слишкомъ жутко, уходилъ онъ въ гости къ мессэру Франческо Веттори, флорентинскому посланнику, который переписывался съ Никколò Макіавелли, рассказывалъ о немъ и давалъ читать его письма художнику.

Судьба попрежнему преслѣдовала Никколò. Мечта всей жизни его—созданное имъ народное ополченіе, отъ котораго ждалъ онъ спасенія Италіи, оказалось никуда не годнымъ: при осадѣ Прато въ 1512 году, подъ первыми испанскими ядрами разбѣжалось оно на глазахъ его, какъ стадо барановъ. Когда вернулись Медичи, Макіавелли отставили отъ должности, «низложили, удалили и лишили всего». Вскорѣ затѣмъ открытъ былъ заговоръ для возстановленія Респубрики и низверженія тирановъ. Никколò въ немъ участвовалъ. Его схватили, судили, пытали, четыре раза подымали на виску. Пытки вынесъ онъ съ мужествомъ, котораго, по собственному признанію, «не ожидалъ отъ себя». Отпустивъ на поруки, оставили подъ надзоромъ и запретили въ теченіе года переѣзжать границу Тосканы. Онъ впалъ въ такую нищету, что долженъ былъ покинуть Флоренцію и поселиться на маленькомъ наслѣдственномъ клочкѣ земли въ горномъ селеніи, близъ Санъ - Кашьяно, миляхъ въ десяти отъ города, по Римской дорогѣ. Но и здѣсь, послѣ всѣхъ испытанныхъ бѣдствій, не угомонился: изъ пламеннаго республиканца обернулся вдругъ столь же пламеннымъ другомъ тирановъ, съ искренностью, свойственной ему въ этихъ внезапныхъ превращеніяхъ, переходахъ отъ одной крайности къ другой. Еще сидя въ тюрьмѣ, обращался къ Медичи съ покаянными и хвалебными посланіями въ стихахъ. Въ книгѣ о Государѣ, посвященной Лоренцо Великолѣпному, племяннику Джульяно, предлагалъ, какъ высшій образецъ государственной мудрости, Цезаря Борджіа, тогда уже умершаго въ изгнаніи, нѣкогда имъ же самимъ столь жестоко развѣчаннаго и теперь снова окруженнаго ореоломъ почти сверхчеловѣческаго величія, сопричисленнаго къ лику безсмертныхъ героевъ. Втайнѣ чувствовалъ Макіавелли, что самъ себя обманываетъ: мѣщанское самодержавіе Медичи

столь же противно ему, какъ мѣщанская республика Соде-рини; но, уже не въ силахъ будучи отказаться отъ этой послѣдней мечты, онъ хватался за нее, какъ утопающій за соломинку. Большой, одинокій, съ незажившими на рукахъ и ногахъ рубцами отъ веревокъ, которыми вздергивали его на дыбу, молилъ Веттори похлопотать за него у папы, у Джульяно, достать ему «хоть какое-нибудь мѣстечко, потому что бездѣйствіе для него страшнѣе смерти; только бы приняли его опять на службу—онъ готовъ на всякую работу, хоть камни ворочать».

Чтобы не надоѣсть покровителю вѣчными просьбами и жалобами, Никколѣ старался иногда позабавить его шутками и рассказами о своихъ любовныхъ похожденияхъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ, отецъ голодной семьи, онъ былъ или притворялся влюбленнымъ, какъ школьникъ. «Я отложилъ въ сторону всѣ умныя, важныя мысли: ни повѣствованія о подвигахъ древности, ни разговоры о современной политикѣ не занимаютъ меня: я люблю».

Когда Леонардо читалъ эти игривыя посланія, ему приходили на память слова Никколѣ, однажды сказанныя въ Романѣ, при выходѣ изъ игорнаго притона, гдѣ кривлялся онъ, какъ шутъ, передъ испанскою сволочью: «Нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ». Порой и въ этихъ письмахъ, среди эпикурейскихъ совѣтовъ, любовныхъ изліяній и безстыдно-циническаго смѣха надъ самимъ собою, вырывался крикъ отчаянія:

«Неужели ни одна живая душа не вспомнить обо мнѣ? Если вы еще любите меня, мессэръ Франческо, какъ любили когда-то, то не могли бы видѣть безъ негодованія ту безславную жизнь, которой я теперь живу».

Въ другомъ письмѣ описывалъ такъ свою жизнь:

«Охота на дроздовъ была доселѣ главнымъ моимъ развлеченіемъ. Я вставалъ до свѣта, собственноручно прилаживалъ силки и выходилъ изъ дому, нагруженный клѣтками, уподобляясь Гэтѣ вольноотпущеннику, который съ книгами Амфитріона возвращается изъ гавани. Обыкновенно я бралъ не меньше двухъ, не болѣе шести дроздовъ.—Такъ провелъ

я сентябрь. Потомъ и этой забавы не стало, и, сколь ни была она глупа, я пожалѣлъ о ней.

«Теперь встаю нѣсколько позже, отправляюсь въ рощу мою, которую рубяť, остаюсь въ ней часа два, осматривая вчерашнюю работу и болтая съ дровосѣками. Затѣмъ иду къ колодцу, оттуда—въ лѣсъ, гдѣ прежде охотился. Со мной всегда какая-нибудь книга—Данте, Петрарка, Тибуллъ или Овидій. Читая ихъ страстныя жалобы, думаю о собственныхъ дѣлахъ сердечныхъ и нахожу недолгое, но сладкое забвеніе въ этихъ грезахъ. Потомъ иду въ гостиницу на большой дорогѣ, бесѣдную съ проѣзжими, слушаю новости, наблюдаю человѣческіе вкусы, привычки и прихоти. Когда наступаетъ обѣденный часъ, возвращаюсь домой, сажусь за столъ съ домашними, утоляю голодь тѣми скромными блюдами, которыя дозволяютъ скудные доходы съ имѣнія. Послѣ обѣда опять бреду въ гостиницу. Тутъ уже въ сборѣ цѣлое общество: хозяинъ, мельникъ, мясникъ, двое пекарей. Всю остальную часть дня провожу съ ними, играя въ шашки, кости, крикку. Споримъ, горячимся, бранимся, большею частью изъ-за гроша и такъ шумимъ, что слышно въ Санъ-Кашьяно.

«Вотъ въ какой грязи я утопаю, забота съ объ одномъ, какъ бы не заплѣсневетъ окончательно или съ ума не сойти отъ скуки, предоставляя, впрочемъ, судьбѣ топтать меня ногами, дѣлать со мною все, что ей угодно, дабы знать наконецъ, есть ли предѣлъ ея безстыдству.

«Вечеромъ иду домой. Но передъ тѣмъ, чтобы запереться въ комнатѣ, снимаю съ себя грязное, будничное платье, надѣваю придворныя или сенаторскія одежды и въ этомъ пристойномъ нарядѣ вступаю въ чертоги древности, гдѣ великіе мудрецы и герои встрѣчаютъ меня съ благосклонностью, гдѣ питаюсь я пищею, для которой рожденъ,— не смущаясь, бесѣдную съ ними, спрашиваю, узнаю причины ихъ дѣйствій, и, по добротѣ своей, они отвѣчаютъ мнѣ какъ равному. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не скучаю, не боюсь ни бѣдности ни смерти, забываю всѣ мои страданія и весь живу въ прошломъ. Потомъ записываю все, что узналъ отъ нихъ, и сочиняю, такимъ образомъ, книгу *О Государствѣ*.

IV.

Читая эти письма, Леонардо чувствовалъ, какъ Никколò, несмотря на всю противоположность ему, близокъ. Онъ вспомнилъ его пророчество, что судьба у нихъ общая: оба они останутся навѣки бездомными скитальцами въ этомъ мѣрѣ, гдѣ «нѣтъ никого, кромѣ черни». Въ самомъ дѣлѣ, жизнь Леонардо въ Римѣ была такая же безславная, какъ жизнь Макиавелли въ захолустьи Санъ-Кашьяно—та же скука, то же одиночество, вынужденное бездѣйствіе, которое страшнѣе всякой пытки, то же сознаніе силы своей и ненужности людямъ. Такъ же какъ Никколò, предоставлялъ онъ судьбѣ топтать его ногами, дѣлать съ нимъ все, что ей угодно, только съ еще большею покорностью, не желая даже знать, есть ли предѣлъ ея безстыдству, ибо давно уже увѣрился, что этого предѣла нѣтъ.

Левъ X, занятый триумфомъ шута Барабалло, все еще не удосужился принять Леонардо и, чтобы отдѣлаться отъ него, поручилъ ему усовершенствовать чеканный станокъ на папскомъ Монетномъ Дворѣ. По обыкновенію, не брезгая никакою работою, даже самою скромною, художникъ исполнилъ заказъ въ совершенствѣ — изобрѣлъ такую машину, что монеты, прежде съ неровными, зазубренными краями, теперь выходили безукоризненно-круглыя.

Въ это время дѣла его, вслѣдствіе прежнихъ долговъ, были въ такомъ разстройствѣ, что большая часть жалованья уходила на уплату процентовъ. Если бы не помощь Франческо Мельци, который получилъ отъ отца наслѣдство, Леонардо терпѣлъ бы крайнюю нужду.

Лѣтомъ 1514 года заболѣлъ онъ римской маляріей. Это была первая трудная болѣзнь во всю его жизнь. Лѣкарствъ не принималъ, врачей не допускалъ къ себѣ. Одинъ Франческо ухаживалъ за нимъ, и съ каждымъ днемъ Леонардо привязывался къ нему все болѣе и болѣе, цѣнилъ простую любовь его, и порой казалось учителю, что Богъ послалъ

ему въ немъ послѣдняго друга, ангела-хранителя, посохъ бездомной старости.

Художникъ чувствовалъ, что о немъ забываютъ, и дѣлалъ иногда напрасныя попытки напомнить о себѣ. Больной, писалъ онъ своему покровителю, Джуліано Медичи, привѣтственные письма, съ обычною въ тѣ времена, плохо удававшаяся, придворною любезностью:

«Когда узналъ я о вашемъ столь желанномъ выздоровленіи, знаменитѣйшій государь мой, радость моя была столь велика, что она меня самого исцѣлила, какъ бы чудомъ воскресила изъ мертвыхъ».

Къ осени малярія прошла. Но все еще оставалось недомоганіе и слабость. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ смерти Джіованни, Леонардо опустился и постарѣлъ, какъ будто за долгіе годы.

Странное малодушіе, тоска, подобная смертельной усталости, овладѣвали имъ все чаще.

Повидимому, съ жаромъ принимался иногда за какое-нибудь прежде любимое дѣло—математику, анатомію, живопись, летательную машину—но тотчасъ бросалъ; начиналъ другое, чтобы и его покинуть съ отвращеніемъ.

Въ самые черные дни свои вдругъ увлекался дѣтскими забавами.

Тщательно вымытыя и высушенныя бараньи кишки, такія мягкія и тонкія, что могли бы умѣститься въ горсти руки, соединялъ черезъ стѣну съ кузнечными мѣхами, спрятанными въ сосѣдней комнатѣ и, когда онѣ раздувались исполинскими пузырями, такъ что испуганный зритель долженъ былъ отступать и жаться въ уголь,—сравнивалъ ихъ съ добродѣтелью, которая тоже вначалѣ кажется малою, презрѣнною, но, постепенно разрастаясь, наполняетъ міръ.

Огромную ящерицу, найденную въ саду Бельведера, облѣпилъ красивыми рыбьими и змѣиными чешуями, придѣлалъ ей рога, бороду, глаза, крылья, наполненныя ртутью, трепетавшія при каждомъ движеніи звѣря, посадилъ его въ ящикъ, приручилъ и сталъ показывать гостямъ, которые,

принимая это чудовище за дьявола, отпрядывали въ ужасѣ.

Или изъ воска лѣпилъ маленькихъ сверхъестественныхъ животныхъ съ крыльями, наполнялъ теплымъ воздухомъ, отъ чего они дѣлались такими легкими, что подымались и рѣяли. А Леонардо, наслаждаясь удивленіемъ или суевѣрнымъ страхомъ зрителей, торжествовалъ, и въ суровыхъ морщинахъ лица его, въ тусклыхъ печальныхъ глазахъ мелькало вдругъ что-то простодушное, дѣтски-веселое, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое жалкое въ этомъ старомъ, усталомъ лицѣ, что сердце у Франческо обливалось кровью.

Однажды нечаянно услышалъ онъ, какъ Чезаре да-Сесто говорилъ, провожая гостей, когда учитель вышелъ изъ комнаты:

— Такъ-то, мессэры! Вотъ какими игрушками нынче мы занимаемся. Что грѣха таить? Старичокъ-то нашъ изъ ума выжилъ, въ дѣтство впалъ, бѣдненькій. Началъ съ крыльевъ человѣческихъ, кончилъ летающими восковыми куколками. Гора мышь родила!

И прибавилъ, разсмѣявшись своимъ злобнымъ, принужденнымъ смѣхомъ:

— Удивляюсь я папѣ: вѣдь въ чемъ другомъ, а въ шуткахъ да юродивыхъ знаетъ, кажется, толкъ. Мессэръ Леонардо истинный кладъ для него. Они точно созданы другъ для друга. Право же, синьоры, похлопочите-ка за мастера, чтобы святой отецъ принялъ его на службу. Не бойтесь, останется доволенъ: старикъ нашъ сумѣетъ его утѣшить лучше самого фра-Марьяно и даже карлика Барабалло!

Шутка эта была ближе къ истинѣ, чѣмъ можно было думать: когда слухи о фокусахъ Леонардо, о бараньихъ кишкахъ, раздуваемыхъ кузнечными мѣхами, о крылатой ящерицѣ и летающихъ восковыхъ изваяніяхъ дошли до Льва X, ему такъ захотѣлось видѣть ихъ, что даже страхъ, внушаемый колдовствомъ и безбожіемъ Леонардо, папа готовъ былъ забыть. Ловкіе царедворцы давали понять художнику, что наступило время дѣйствовать: судьба посылаетъ ему случай сдѣлаться соперникомъ не только Рафаэля,

но и самого Барабалло въ милостяхъ его святѣйшества. Но Леонардо снова, какъ уже столько разъ въ жизни, не внялъ совѣту мудрости житейской—не сумѣлъ воспользоваться случаемъ и ухватиться во-время за колесо Фортуны.

Угадывая чутьемъ, что Чезаре врагъ Леонардо, Франческо предостерегалъ учителя; но тотъ не вѣрилъ.

— Оставь его, не трогай,—заступался онъ за Чезаре.— Ты не знаешь, какъ онъ любить меня, хотя и желалъ бы ненавидѣть. Онъ такой же несчастный, даже несчастнѣе, чѣмъ...

Леонардо не кончилъ. Но Мельци понялъ, что онъ хотѣлъ сказать: несчастнѣе, чѣмъ Джіованни Бельтраффіо.

— И мнѣ ли судить его? — продолжалъ учитель. — Я, можетъ-быть, самъ виноватъ передъ нимъ...

— Вы—передъ Чезаре?—изумился Франческо.

— Да, другъ мой! Ты этого не поймешь. Но мнѣ кажется иногда, что я сглазилъ, испортилъ его, потому что, видишь ли, мальчикъ мой, у меня, должно-быть, въ самомъ дѣлѣ дурной глазъ...

И, немного подумавъ, прибавилъ съ тихою, доброю улыбкою:

— Оставь его, Франческо, и не бойся: онъ не сдѣлаетъ мнѣ зла и никуда не уйдетъ отъ меня, никогда не измѣнить. А что возмутился онъ и борется со мной, то вѣдь это—за душу свою, за свободу, потому что онъ ищетъ себя, хочетъ быть самимъ собою. И пусть! Помоги ему Господь,—ибо, я знаю, когда онъ побѣдитъ, то вернется ко мнѣ, проститъ меня, пойметъ, какъ я его люблю, и тогда я дамъ ему все, что имѣю, — открою всѣ тайны искусства и знанія, чтобы онъ, послѣ смерти моей, проповѣдывалъ ихъ людямъ. Потому что, если не онъ, то кто же?..

Еще лѣтомъ, во время болѣзни Леонардо, Чезаре цѣлыми недѣлями пропадалъ изъ дому. Осенью исчезъ окончательно и болѣе не возвращался.

Замѣтивъ его отсутствіе, Леонардо спросилъ о немъ Франческо. Тотъ потупилъ глаза въ смущеніи и отвѣтилъ, что Чезаре уѣхалъ въ Сіену для исполненія спѣшнаго заказа.

Франческо боялся, что Леонардо станет спрашивать, почему уѣхалъ онъ, не простившись. Но, повѣривъ или притворяясь, что вѣрить неискусной лжи, учитель заговорилъ о другомъ. Только углы губъ его дрогнули и опустились съ тѣмъ выраженіемъ горькой брезгливости, которое все чаще въ послѣднее время стало появляться на лицѣ его

V.

Осень была дождливая. Но въ концѣ ноября наступили солнечные дни, лучезарно-тихіе, которые нигдѣ не бываютъ такъ прекрасны, какъ въ Римѣ: пышное увяданіе осени родственно пустынному великолѣпію Вѣчнаго Города.

Леонардо давно уже собирался въ Сикстинскую часовню, чтобы видѣть фрески Микель-Анжело. Но все откладывалъ, словно боялся. Наконецъ однажды утромъ вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ Франческо и направился въ часовню.

Это было узкое, длинное, очень высокое зданіе, съ голыми стѣнами и стрѣльчатыми окнами. На потолокъ и на сводахъ были только что оконченныя фрески Микель-Анжело.

Леонардо взглянулъ на нихъ и замеръ. Какъ ни боялся, все-таки не ожидалъ того, что увидѣлъ.

Передъ исполинскими образами, какъ будто видѣніями бреда—передъ Богомъ Саваоомъ, отдѣляющимъ тьму отъ свѣта въ лонѣ хаоса, благословляющимъ воды и растенія, творящимъ Адама изъ персти, Еву изъ ребра Адамова; передъ грѣхопадениемъ, жертвой Авеля и Каина, потопомъ, насмѣшкою Сима и Хама надъ наготою спящаго родителя; передъ голыми прекрасными юношами, стихійными демонами, сопровождающими вѣчною игрою и пляскою трагедію вселенной, борьбу человѣка и Бога; передъ сибиллами и пророками, страшными гигантами, какъ будто отягченными сверхчеловѣческой скорбью и мудростью; передъ Иисусовыми предками, рядомъ темныхъ поколѣній, передающихъ другъ другу безцѣльное бремя жизни, томящихся въ мукахъ

рожденія, питанія, смерти, ожидающихъ пришествія Невѣдомаго Искупителя,—передъ всѣми этими созданіями своего соперника, Леонардо не судилъ, не мѣрилъ, не сранивалъ, только чувствовалъ себя уничтоженнымъ. Перебиралъ въ умѣ свои собственныя произведенія: погибающая Тайная Вечера, погибшій Колоссъ, Битва при Ангіари, безчисленное множество другихъ неоконченныхъ работъ—рядъ тщетныхъ усилій, смѣшныхъ неудачъ, безславныхъ поражений. Всю жизнь только начиналъ, собирался, готовился, но доселѣ ничего не сдѣлалъ—и къ чему себя обманывать?—теперь уже поздно,—никогда ничего не сдѣлаетъ. Несмотря на весь неимоверный трудъ своей жизни, не былъ ли онъ подобенъ лукавому рабу, зарывшему талантъ свой въ землю?

И въ то же время сознавалъ, что стремился къ большому, къ высшему, чѣмъ Буонаротти,—къ тому соединенію, къ той послѣдней гармоніи, которыхъ тотъ не зналъ и знать не хотѣлъ въ своемъ безконечномъ разладѣ, возмущеніи, буйствѣ и хаосѣ. Леонардо вспомнилъ слова моны Лизы о Микель-Анжело — о томъ, что сила его подобна бурному вѣтру, раздирающему горы, сокрушающему скалы предъ Господомъ, и что онъ, Леонардо, сильнѣе Микель-Анжело, какъ тишина сильнѣе бури, потому что въ тишинѣ, а не въ бурѣ—Господь. Теперь ему было яснѣе, чѣмъ когда-либо, что это такъ: мона Лиза не ошиблась, рано или поздно духъ человѣческій вернется на путь, указанный имъ, Леонардо, отъ хаоса къ гармоніи, отъ раздвоенія къ единству, отъ бури къ тишинѣ. Но все-таки, какъ знать, на сколько времени останется побѣда за Буонаротти, сколько поколѣній увлекутъ онъ за собою?

И сознание правоты своей въ созерцаніи дѣлало для него еще болѣе мучительнымъ сознание своего безсилія въ дѣйствіи.

Молча вышли они изъ часовни.

Франческо угадывалъ то, что происходило въ сердцѣ учителя, и не смѣлъ спрашивать. Но, когда заглянулъ въ лицо его, ему показалось, что Леонардо еще больше опустилсѣ, какъ будто сразу постарѣлъ, одряхлѣлъ на многіе

годы за тотъ часъ, который пробыли они въ Сикстинской Капеллѣ.

Перейдя черезъ площадь Санъ-Пьетро, они направились по улицѣ Борго-Нуово къ мосту Сантъ-Анжело.

Теперь учитель думалъ о другомъ соперникѣ, быть-можетъ, не менѣе страшномъ для него, чѣмъ Буаонаротти—о Рафаэлѣ Санціо.

Леонардо видѣлъ недавно оконченныя фрески Рафаэля, въ верхнихъ пріемныхъ покояхъ Ватикана, такъ называемыхъ Станцахъ, и не могъ рѣшить, чего въ нихъ больше,— величія въ исполненіи, или ничтожества въ замыслѣ, неподражаемаго совершенства, напоминавшаго самыя легкія и свѣтлыя созданія древнихъ, или раболѣпнаго заискиванія въ сильныхъ міра сего? Папа Юлій II мечталъ объ изгнаніи французовъ изъ Италіи: Рафаэль представилъ его взирающимъ на изгнаніе силами небесными оскорбителя святыни, сирійскаго вождя Эліодора, изъ храма Бога Всевышняго; папа Левъ X воображалъ себя великимъ ораторомъ: Рафаэль прославилъ его въ образѣ Льва I Великаго, увѣщающаго варвара Атиллу отступить отъ Рима; попавшись въ плѣнъ къ французамъ во время Равеннской битвы, Левъ X благополучно спасся: Рафаэль увѣковѣчилъ это событіе подъ видомъ чудеснаго избавленія апостола Петра изъ темницы.

Какъ превращалъ онъ искусство въ необходимую часть папскаго двора, въ приторный еиміамъ царедворческой лести.

Этотъ пришлецъ изъ Урбино, мечтательный отрокъ, съ лицомъ непорочной Мадонны, казавшійся ангеломъ, слетѣвшимъ на землю, какъ нельзя лучше устраивалъ свои земныя дѣла: расписывалъ конюшни римскому банкиру Агостино Киджи, готовилъ рисунки для его посуды, золотыхъ блюдь и тарелокъ, которыя тотъ, послѣ угощенія папы, бросалъ въ Тибръ, дабы онѣ больше никому не служили. «Счастливый мальчикъ»—*fortunato garzon*, какъ называлъ его Франція, достигалъ славы, богатства, почестей, точно играя. Злѣйшихъ враговъ и завистниковъ обезоруживалъ любезностью. Не притворялся, а былъ дѣйствительно

пругомъ всѣхъ. И все удавалось ему, дары фортуны какъ будто сами шли ему въ руки: получилъ выгодное мѣсто покойнаго зодчаго Браманте при постройкѣ новаго собора; доходы его росли съ каждымъ днемъ; кардиналь Биббиена сваталъ за него свою племянницу, но онъ выжидалъ, такъ какъ ему самому обѣщали кардинальскій пурпуръ. Выстроилъ себѣ изящный дворецъ въ Борго и зажилъ въ немъ съ царственною пышностью. Съ утра до ночи толпились у него въ передней сановныя лица, посланники иностранныхъ государей, желавшихъ имѣть свой портретъ или, по крайней мѣрѣ, какую-нибудь картину, рисунокъ на память. Заваленный работою, отказывалъ всѣмъ. Но просители не унимались, осаждали его. Давно уже не имѣлъ онъ времени кончать своихъ произведеній, только начиналъ, дѣлалъ два, три мазка и тотчасъ передавалъ ученикамъ, которые подхватывали и кончали, какъ бы на-лету. Мастерская Рафаэля сдѣлалась огромною фабрикою, гдѣ ловкіе дѣльцы, какъ Джуліо Романо, превращали холстъ и краски въ звонкую монету, съ неимовѣрною быстротою, съ рыночною наглостью. Самъ онъ уже не заботился о совершенствѣ, довольствуясь посредственнымъ. Служилъ черни, и она ему служила, принимала его съ восторгомъ, какъ своего избранника, свое любимое дѣтище, плоть отъ плоти, кость отъ кости, порожденіе собственнаго духа. Молва объявила его величайшимъ художникомъ всѣхъ вѣковъ и народовъ: Рафаэль сталъ богомъ живописи.

И хуже всего было то, что въ своемъ паденіи онъ все еще былъ великъ, обольстительно прекрасенъ, не только для толпы, но и для избранныхъ. Принимая блестящія игрушки изъ рукъ богини счастья съ простодушною безпечностью, оставался чистымъ и невиннымъ, какъ дитя. «Счастливый мальчикъ» самъ не вѣдалъ, что творить.

И пагубнѣе для грядущаго искусства, чѣмъ разладъ и хаосъ Микель-Анжело, была эта легкая гармонія Санціо, академически мертвое, лживое примиреніе.

Леонардо предчувствовалъ, что за этими двумя вершинами, за Микель-Анжело и Рафаэлемъ, нѣтъ путей къ бу-

дущему—далѣе обрывъ, пустота. И въ то же время сознавалъ, сколь многимъ оба обязаны ему: они взяли у него науку о тѣни и свѣтѣ, анатомію, перспективу, познаніе природы, человѣка—и, выйдя изъ него, уничтожали его.

Погруженный въ эти мысли, шелъ онъ попрежнему, словно въ забытіи, потупивъ глаза, опустивъ голову.

Франческо пытался заговорить съ нимъ, но слова замирали каждый разъ, какъ, взглядывая въ лицо учителя, видѣлъ на блѣдныхъ старческихъ губахъ выраженіе тихой безконечной безгливости.

Подходя къ мосту Сантъ-Анжело, должны они были посторониться, уступая дорогу толпѣ человѣкъ въ шестьдесятъ, пѣшихъ и всадниковъ въ роскошныхъ нарядахъ, которая двигалась навстрѣчу по тѣсной улицѣ Борго-Нуово.

Леонардо взглянулъ сначала разсѣянно, думая, что это поѣздъ какого-нибудь римскаго вельможи, кардинала или посланника. Но его поразило лицо молодого человѣка, одѣтаго роскошнѣе другихъ, ѣхавшаго на бѣлой арабской лошади съ позолоченной сбруей, усыпанной драгоценными камнями. Гдѣ-то, казалось ему, онъ уже видѣлъ это лицо. Вдругъ вспомнилъ тщедушнаго, блѣднаго мальчика въ черномъ камзолѣ, запачканномъ красками, съ истертыми локтями, который лѣтъ восемь назадъ во Флоренціи говорилъ ему съ робкимъ восторгомъ: «Микель-Анжело недостойнъ развязать ремень вашей обуви, мессэръ Леонардо!»—Это былъ онъ, теперешній соперникъ Леонардо и Микель-Анжело, «богъ живописи»—Рафаэль Санціо.

Лицо его, хотя все такое же дѣтское, невинное и бессмысленное, уже нѣсколько менѣе, чѣмъ прежде, походило на лицо херувима—едва замѣтно пополнѣло, отяжелѣло и обрюзгло.

Онъ ѣхалъ изъ своего палаццо въ Борго на свиданіе къ папѣ въ Ватиканъ, сопровождаемый, по обыкновенію, друзьями, учениками и поклонниками: никогда не случилось ему выѣзжать изъ дома, не имѣя при себѣ почетной свиты человѣкъ въ пятьдесятъ, такъ что каждый изъ этихъ выѣздовъ напоминалъ триумфальное шествіе.

Рафаэль узналъ Леонардо, чуть-чуть покраснѣлъ и, съ поспѣшною, преувеличенною почитательностью, снявъ беретъ, поклонился. Нѣкоторые изъ учениковъ его, не знавшіе въ лицо Леонардо, съ удивленіемъ оглянулись на этого старика, которому «божественный» такъ низко кланяется,—скромно, почти бѣдно одѣтаго, прижавшагося къ стѣнѣ, чтобы дать имъ дорогу.

Не обращая ни на кого вниманія, Леонардо вперилъ взоръ въ человѣка, шедшаго рядомъ съ Рафаэлемъ, среди ближайшихъ учениковъ его, и вглядывался въ него съ недоумѣніемъ, какъ будто глазамъ своимъ не вѣрилъ: это былъ Чезаре да-Сесто.

И вдругъ понялъ все—отсутствіе Чезаре, свою вѣщую грехову, неискусный обманъ Франческо: послѣдній ученикъ предалъ его

Чезаре выдержалъ взоръ Леонардо и посмотрѣлъ ему въ глаза съ усмѣшкою дерзкою и въ то же время жалкою, отъ которой лицо его болѣзненно исказилось, сдѣлалось страшнымъ, какъ лицо сумасшедшаго.

И не онъ, а Леонардо въ невыразимомъ смущеніи потупилъ глаза, точно виноватый.

Поѣздъ миновалъ. Они продолжали путь. Леонардо опералъ на руку спутника. Лицо его было блѣдно и спокойно.

Перейдя черезъ мостъ Сантъ-Анжело, по улицѣ Дэй-Коронари, вышли на площадь Навоне, гдѣ былъ птичій рынокъ.

Леонардо накупилъ множество птицъ—сорокъ чижей, малиновокъ, голубей, охотничьяго ястреба и молодого дикаго лебедя. Отдалъ всѣ деньги, которыя были при немъ, и еще занялъ у Франческо.

Съ головы до ногъ увѣшанные клѣтками, въ которыхъ щебетали птицы, эти два человѣка, старикъ и юноша, обращали на себя вниманіе. Прохожіе съ любопытствомъ оглядывались, уличные мальчишки бѣжали за ними.

Пройдя весь Римъ, мимо Пантеона и Троянова Форума, вышли на Эсквилинскій холмъ и черезъ ворота Маджіоре—за городъ, по древней римской дорогѣ, Віа-Лабикана. Потомъ свернули на узкую пустынную тропинку—въ поле.

Передъ ними разстилалась необозримая, тихая и блѣдная Кампанья.

Сквозь пролеты полуразрушеннаго, увитаго плющемъ, акведука, построеннаго императорами Клавдіемъ, Титомъ и Веспасіаномъ, виднѣлись холмы, однообразные, сѣро-зеленые, какъ волны вечерняго моря; кой-гдѣ одинокая черная башня—разоренное гнѣздо хищныхъ рыцарей; и далѣе, на краю неба, воздушно-голубыя горы, окружавшія равнину, подобныя ступенямъ исполинскаго амфитеатра. Надъ Римомъ лучи заходящаго солнца, изъ-за круглыхъ бѣлыхъ облаковъ, сіяли длинными широкими снопами. Круторогіе быки, съ лоснящейся бѣлою шерстью, съ умными, добрыми глазами, лѣниво оборачивая головы на звукъ шаговъ, жевали медленную жвачку, и слюна стекала съ ихъ черныхъ влажныхъ мордъ на колючіе листья пыльнаго терновника. Стрекотаніе кузнечиковъ въ жесткой выжженной травѣ, шорохъ вѣтра въ мертвыхъ стебляхъ чернобыльника надъ камнями развалинъ и гулъ колоколовъ изъ далекаго Рима какъ будто углубляли тишину. Казалось, что здѣсь, надъ этою равниною, въ ея торжественномъ и чудномъ запусѣніи, уже совершилось пророчество Ангела, который «клялся Живущимъ вовѣки, что времени больше не будетъ».

Выбрали мѣсто на одномъ изъ пригорковъ, сняли съ себя клѣтки, поставили ихъ на землю, и Леонардо началъ выпускать птицъ на свободу.

Это была его любимая съ дѣтства забава. Между тѣмъ какъ онѣ улетали съ радостнымъ трепетаніемъ и шелестомъ крыльевъ, провожалъ онъ ихъ ласковымъ взоромъ. Лицо его озарилось тихою улыбкою. Въ эту минуту, забывъ всѣ свои горести, казался онъ счастливымъ, какъ ребенокъ.

Въ клѣткахъ оставался только охотничій ястребъ и дикій лебедь; учитель берегъ ихъ напоследокъ.

Присѣлъ отдохнуть и вынулъ изъ дорожной сумки свертокъ со скромнымъ ужиномъ—хлѣбомъ, печеными каштанами, сухими винными ягодами, фляжку краснаго орвіетскаго вина въ соломенной плетенкѣ и два рода сыра: козія

для себя, сливочный для спутника; зная, что Франческо не любить козьяго, нарочно взялъ для него сливочнаго.

Учитель пригласилъ ученика раздѣлить съ нимъ трапезу и началъ закусывать, съ удовольствіемъ поглядывая на птицъ, которыя въ клѣткахъ, предчувствуя свободу, бились крыльями: такими маленькими пиршествами въ полѣ подь открытымъ небомъ любилъ онъ праздновать освобожденіе крылатыхъ плѣнницъ.

Они ѣли молча. Франческо взглядывалъ на него изрѣдка, украдкою. Въ первый разъ послѣ болѣзни видѣлъ онъ лицо Леонардо въ яркомъ свѣтѣ дня, на воздухѣ, и никогда еще оно ему не казалось такимъ утомленнымъ и старымъ. Волосы, уже сѣдѣющіе, съ желтоватымъ отливомъ сквозь сѣдину, порѣдѣвшіе сверху, обнажали крутой, огромный лобъ, изрытый упрямыми, суровыми морщинами, а книзу—все еще густые, пышные—сливались съ начинавшейся подь самыми скулами, длинною, до середины груди, тоже сѣдѣющею, волнистою бородою. Блѣдно-голубые глаза изъ глубокихъ темныхъ впадинъ подь густыми, нависшими бровями глядѣли съ прежнею зоркостью, безстрашною пытливостью. Но этому выраженію какъ бы сверхчеловѣческой силы мысли, воли познанія противорѣчило выраженіе человѣческой слабости, смертельной усталости въ болѣзненныхъ складкахъ ввалившихся щекъ, въ тяжелыхъ старческихъ мѣшкахъ подь глазами, въ немного выдававшейся нижней губѣ и углахъ тонкаго рта, опущенныхъ съ презрительною горечью, съ неизъяснимою брезгливостью: это было лицо покорившагося, стараго, почти дряхлаго титана Прометея.

Франческо смотрѣлъ на него, и знакомое чувство жалости овладѣвало имъ.

Онъ замѣтилъ, что порой достаточно ничтожной мелочи, чтобы выраженіе человѣческихъ лицъ мгновенно измѣнилось и открыло невѣдомую глубину свою: такъ, во время дороги, когда спутники ему неизвѣстные и безразличные вынимали узелокъ или сверточекъ съ домашними припасами, садились въ сторонѣ и закусывали, немного отвернувшись, съ тою стыдливостью, которая свойственна людямъ

за ѣдою, въ мѣстѣ непривычномъ, среди незнакомыхъ,— вдругъ, безъ всякаго повода, начиналъ онъ испытывать къ нимъ непонятную, странную жалость: они казались ему одинокими и несчастными. Особенно часто бывало это въ дѣтствѣ, но и потомъ возвращалось. Ничѣмъ не сумѣлъ бы онъ объяснить этой жалости, корни которой были глубже сознанія. Онъ почти не думалъ о ней, но когда она приходила, тотчасъ узнавалъ ее и не могъ ей противиться.

Такъ теперь, наблюдая, какъ учитель сидя на травѣ, среди пустыхъ клѣтокъ, и поглядывая на оставшихся птицъ, рѣжетъ старымъ складнымъ ножомъ со сломанною костяною ручкою хлѣбъ и тонкіе ломтики сыру, кладетъ ихъ въ ротъ и тщательно, съ усиленіемъ, жуеетъ, какъ жуютъ старики ослабѣвшими деснами, такъ что кожа на скулахъ движется,— онъ почувствовалъ вдругъ, что въ сердцѣ его подымается эта знакомая жгучая жалость. И она была еще невыносимѣе, потому что соединялась съ благоговѣніемъ. Ему хотѣлось упасть къ ногамъ Леонардо, обнять ихъ, рыдая, сказать ему, что если онъ отверженъ и презрѣнъ людьми, то въ этомъ безславіи все-таки больше славы, чѣмъ въ торжествѣ Рафаэля и Микель-Анжело.

Но онъ не сдѣлалъ этого—не посмѣлъ и продолжалъ смотрѣть на учителя молча, удерживая слезы, которыя сжимали ему горло, и съ трудомъ глотая кусочки сливочнаго сыра и хлѣба.

Окончивъ ужинъ, Леонардо всталъ, выпустилъ ястреба, потомъ открылъ послѣднюю, самую большую клѣтку съ лебедемъ.

Огромная бѣлая птица выпорхнула, шумно и радостно взмахнула порозовѣвшими въ лучахъ заката крыльями и полетѣла прямо къ солнцу.

Леонардо слѣдилъ за нею долгимъ взоромъ, полнымъ безконечною скорбью и завистью.

Франческо понялъ, что эта скорбь учителя—о мечтѣ всей жизни его, о человѣческихъ крыльяхъ, о «великой Птицѣ», которую нѣкогда предсказывалъ онъ въ дневникѣ своемъ:

«Человѣкъ предприметъ свой первый полетъ на спинѣ огромнаго Лебеда».

VI.

Папа, уступая просьбамъ брата своего, Джульяно Медичи, заказалъ Леонардо небольшую картину.

По обыкновенію, мѣшкая и со дня на день откладывая начало работы, художникъ занялся предварительными опытами, усовершенствованіемъ красокъ, изобрѣтеніемъ новаго лака для будущей картины.

Узнавъ объ этомъ, Левъ X воскликнулъ съ притворнымъ отчаяніемъ:

— Этотъ чудакъ никогда ничего не сдѣлаетъ, ибо думаетъ о концѣ, не приступая къ началу!

Придворные подхватили шутку и разнесли ее по городу. Участь Леонардо была рѣшена. Левъ X, величайшій знатокъ и цѣнитель искусства, произнесъ надъ нимъ приговоръ: отнынѣ, Пьетро Бембо и Рафаэль, карликъ Барбалло и Микель-Анжело могли спокойно почивать на лаврахъ: соперникъ ихъ былъ уничтоженъ.

И всѣ сразу, точно сговорившись, отвернулись отъ него; забыли о немъ, какъ забываютъ о мертвыхъ. Но отзывъ папы все-таки передали. Леонардо выслушалъ его такъ равнодушно, какъ будто давно предвидѣлъ и ничего иного не ожидалъ.

Въ тотъ же день ночью, оставшись одинъ, писалъ онъ въ дневникѣ своемъ:

«Терпѣніе для оскорбляемыхъ то же, что платье для зябнущихъ. По мѣрѣ того, какъ холодъ усиливается, одѣвайся теплѣе, и ты не почувствуешь холода. Точно такъ же во время великихъ обидъ: умножай терпѣніе,—и обида не коснется души твоей».

1 января 1515 года скончался король Франціи, Людовикъ XII. Такъ какъ сыновей у него не было, ему наследовалъ ближайшій родственникъ, мужъ дочери его Клодъ дѣ-Франсъ, сынъ Луизы Савойской, герцогъ Ангулемскій, Франсуа дѣ-Валуа, подъ именемъ Франциска I.

Тотчасъ по восшествіи на престолъ юный король принялъ походъ для отвоеванія Ломбардіи; съ неимоверною

быстротою перевалиль черезъ Альпы, прошелъ сквозь тѣснины д'Аржантьеръ, внезапно явился въ Италіи, одержаль побѣду при Мариньяно, низложилъ Моретто и вступилъ въ Миланъ триумфаторомъ.

Въ это время Джульяно Медичи уѣхаль въ Савойю.

Видя, что въ Римѣ дѣлать ему нечего, Леонардо рѣшилъ искать счастья у новаго государя, и осенью того же года отправился въ Павію ко двору Франциска I.

Здѣсь побѣжденные давали праздники въ честь побѣдителей. Къ устройству ихъ приглашенъ былъ Леонардо въ качествѣ механика, по старой памяти, сохранившейся о немъ въ Ломбардіи со времени Моро.

Онъ устроилъ самодвижущагося льва: левъ этотъ на одномъ изъ праздниковъ прошелъ всю залу, остановился передъ королемъ, всталъ на заднія лапы и открылъ свою грудь, изъ которой посыпались къ ногамъ его величества бѣлыя лиліи Франціи.

Игрушка эта послужила славѣ Леонардо болѣе, чѣмъ всѣ его остальные произведенія, изобрѣтенія и открытія.

Францискъ I приглашалъ къ себѣ на службу итальянскихъ ученыхъ и художниковъ. Рафаэля и Микель-Анжело папа не отпускалъ. Король пригласилъ Леонардо, предложивъ ему семьсотъ экю годового жалованья и маленькій замокъ Дю-Клу въ Туренѣ, близъ города Амбуаза, между Туромъ и Блуа.

Художникъ согласился и на шестьдесятъ четвертомъ году жизни, вѣчный изгнанникъ, безъ надежды и безъ сожалѣнія покидая родину, со старымъ слугою Виланисомъ, служанкою Матуриною, Франческо Мельци и Зороастро да-Перетолла, въ началѣ 1516 года, выѣхаль изъ Милана во Францію.

VII.

Дорога, особенно въ это время года, была трудная—черезъ Пьемонтъ на Туринъ, долиною притока По, Доріа-Рипарія, потомъ сквозь горный проходъ Коль-де-Фрейусъ на переваль между Монъ-Таборомъ и Монъ-Сенисомъ.

Изъ мѣстечка Бардонеккіа выѣхали раннимъ, еще темнымъ утромъ, чтобы добраться до перевала засвѣтло.

Верховые и вьючные мулы, стуча копытами и позвякивая бубенчиками, взбирались узкою тропинкою по краю пропасти.

Внизу, въ долинахъ, обращенныхъ къ полдню, уже пахло весною, а на высотѣ была еще зима. Но въ сухомъ и рѣдкомъ, безвѣтренномъ воздухѣ холодъ былъ мало чувствителенъ. Утро чуть брежжило. Въ пропастяхъ, гдѣ прозрачно бѣлѣли, какъ сталактиты, струи замерзшихъ водопадовъ, и черныя верхушки елей по ребрамъ стремнинъ торчали изъ-подъ снѣга шершавою щетиною,—лежали тѣни ночи. А вверху, на блѣдномъ небѣ, снѣжныя громады Альпъ уже яснѣли, какъ будто изнутри освѣщенные.

На одномъ изъ поворотовъ Леонардо спѣшился: ему хотѣлось поближе взглянуть на горы. Узнавъ отъ проводниковъ, что боковая пѣшеходная тропинка, еще болѣе узкая и трудная, ведетъ къ тому же мѣсту, какъ и проѣзжая для муловъ, онъ сталъ взбираться вмѣстѣ съ Франческо на сосѣднюю кручу, откуда видны были горы.

Когда умолкли бубенчики, сдѣлалось такъ тихо, какъ бываетъ только на самыхъ высокихъ горахъ. Путникамъ слышались удары собственнаго сердца да изрѣдка протяжный гулъ обвала, подобный гулу грома, повторяемый многоголосыми откликами.

Они карабкались все выше и выше.

Леонардо опирался на руку Франческо.—И вспомнилось ученику, какъ много лѣтъ назадъ, въ селеніи Манделло, у подножія горы Кампione, вдвоемъ спускались они въ желѣзный рудникъ по скользкой страшной лѣстницѣ въ подземную бездну: тогда Леонардо несъ его на рукахъ своихъ; теперь Франческо поддерживалъ учителя. И тамъ, подъ землею, было такъ же тихо, какъ здѣсь на высотѣ.

— Смотрите, смотрите, мессэръ Леонардо,—воскликнулъ Франческо, указывая на внезапно у самыхъ ногъ ихъ открывшуюся пропасть,—опять долина Доріа-Рипарія! Ужъ это, должно-быть, въ послѣдній разъ. Сейчасъ переваль, и больше мы ее не увидимъ.

— Вонъ тамъ Ломбардія, Италія,—прибавилъ онъ тихо. Глаза его блеснули радостью и грустью.

Онъ повторилъ еще тише:

— Въ послѣдній разъ...

Учитель посмотрѣлъ въ ту сторону, куда указывалъ Франческо, гдѣ была родина, и лицо его осталось безучастнымъ. Молча отвернулся онъ и снова пошелъ впередъ, туда, гдѣ ясніли вѣчные снѣга и ледники Монъ-Табора,— Монъ-Сениса, Роччіо-Мелоне.

Не замѣчая усталости, онъ шелъ теперь такъ быстро, что Франческо, который замѣшкался внизу, у края обрыва, прощаясь съ Италіей,—отсталъ отъ него.

— Куда вы, куда вы, учитель?—кричалъ ему издали.— Развѣ не видите—тропинка кончилась. Выше нельзя. Тамъ пропасть. Берегитесь!

Но Леонардо, не слушая, поднимался все выше и выше, твердымъ, юношески-легкимъ, словно окрыленнымъ шагомъ, надъ головокружительными безднами.

И въ блѣдныхъ небесахъ ледяныя громады ясніли вздымаясь, точно исполинская, воздвигнутая Богомъ, стѣна между двумя мірами. Онѣ манили къ себѣ и притягивали, какъ будто за ними была послѣдняя тайна, единственная, которая могла утолить его любопытство. Родныя, желанныя, хотя отъ нихъ отдѣляли его непереступныя бездны, казались близкими, какъ будто довольно было протянуть руку, чтобы прикоснуться къ нимъ, и смотрѣли на него, какъ на живого смотрятъ мертвые—съ вѣчною улыбкою, подобною улыбкѣ Джіоконды.

Блѣдное лицо Леонардо освѣщалось ихъ блѣднымъ отблескомъ. Онъ улыбался такъ же, какъ онѣ. И глядя на эти громады яснаго льда въ ясномъ какъ ледъ, холодномъ небѣ,—думалъ о Джіокондѣ и о смерти, какъ объ одномъ и томъ же.

СЕМНАДЦАТАЯ КНИГА.

Смерть.—Крылатый Предтеча.

I.

Въ срединѣ Франціи, надъ рѣкою Луарою, находился королевскій замокъ Амбуазъ. Вечеромъ, когда закатъ угасалъ, отражаясь въ пустынной рѣкѣ—желтовато-бѣлый туренскій камень, изъ котораго построень замокъ, озаряясь блѣдно-зеленымъ, точно подводнымъ, свѣтомъ, казался призрачно легкимъ, какъ облако.

Съ угловой башни открывался видъ на заповѣдный лѣсъ, луга и нивы по обоимъ берегамъ Луары, гдѣ весною поля алыхъ маковъ сливаются съ полями лазурнаго льняного цвѣта. Эта равнина, подернутая влажною дымкою, съ рядами темныхъ тополей и серебристыхъ ивъ, напоминала равнины Ломбардіи, такъ же какъ зеленяя воды Луары напоминали Адду, только та горная, бурная, юная, а эта—тихая медленная, съ мелями, словно усталая, старая.

У подножія замка тѣснились острия кровли Амбуаза, крытыя аспидными плитками, черными, гладкими, блестящими на солнцѣ, съ высокими кирпичными трубами. Въ извилистыхъ улицахъ, тѣсныхъ и темныхъ, все дышало средними вѣками, подъ карнизами, водосточными трубами, въ углахъ оконъ, дверныхъ косяковъ и притолокъ лѣбились маленькіе человѣчки изъ того же бѣлаго камня, какъ замокъ: портреты смѣющихся толстыхъ монаховъ съ флягами, четками, съ поджатыми ногами въ деревянныхъ башмакахъ,

судейскихъ клерковъ, важныхъ докторовъ богословія въ наплечникахъ, озабоченныхъ и скопидомныхъ горожанъ, съ туго набитыми мошнами, прижатыми къ груди. Точно такіе же лица, какъ у этихъ изваяній, мелькали по улицамъ города: все здѣсь было мѣщански зажиточно, опрятно, скупо, расчетливо, холодно и набожно.

Когда король прїѣзжалъ въ Амбуазъ для охоты, городокъ оживлялся: улицы оглашались лаемъ собакъ, топотомъ коней, звукомъ роговъ, пестрѣли наряды придворныхъ; по ночамъ изъ дворца слышалась музыка, и бѣлыя, словно облачныя, стѣны замка озарялись краснымъ блескомъ факеловъ.

Но король уѣзжалъ—и снова городокъ погружался въ безмолвіе; только по воскреснымъ днямъ шли къ обѣднѣ горожанки въ бѣлыхъ чепцахъ изъ кружева, которое плетутъ соломенными длинными спицами; но въ будни весь городъ точно вымиралъ: ни человѣческаго шага, ни голоса; лишь крики ласточекъ, рѣющихъ между бѣлыми башнями замка, или въ темной лавкѣ шелестъ вертящагося колеса въ токарномъ станкѣ; да въ весенніе вечера, когда вѣяло свѣжестью тополей изъ пригородныхъ садовъ, мальчики и дѣвочки играя чинно, какъ взрослые, становились въ кружокъ, брались за руки, плясали и пѣли старинную пѣсенку о Сэнъ-Денисѣ, святителѣ Франціи. И въ прозрачныхъ сумеркахъ яблони изъ-за каменныхъ стѣнъ роняли бѣло-розовые лепестки свои на головы дѣтей. Когда же пѣсня умолкала, наступала вновь такая тишина, что по всему городу слышался лишь мѣрный мѣдный бой часовъ надъ воротами башни Орложъ да крики дикихъ лебедей на отмеляхъ Луары, гладкой, какъ зеркало, отражавшей блѣдно-зеленое небо.

Къ юго-востоку отъ замка, минутахъ въ десяти ходьбы, по дорогѣ къ мельницѣ Сэнъ-Томазъ, находился другой маленькій замокъ, Дю-Клу, принадлежавшій нѣкогда дворецкому и оруженосцу короля Людовика XI.

Высокая ограда съ одной стороны, рѣчка Амасъ, притокъ Луары—съ другой окружали эту землю. Прямо передъ

домомъ влажный лугъ спускался къ рѣчкѣ, справа возвышалась голубятня; ивы, вербы, орѣшникъ переплетались вѣтвями, и вода въ ихъ тѣни, несмотря на быстрое теченіе, казалась неподвижною, стоячею, какъ въ колодцѣ или въ прудѣ. Въ темной зелени каштановъ, ильмъ и вязовъ выдѣлялись розовыя стѣны кирпичнаго замка съ бѣлою зубчатою каймою изъ туренскаго камня, обрамлявшею углы стѣнъ, стрѣльчатыя окна и двери. Небольшое зданіе, съ остроконечной аспидною крышею, съ крохотной часовенкой справа отъ главнаго входа, съ восьмигранною башенкою, въ которой была деревянная витая лѣстница, соединявшая восемь нижнихъ покоевъ съ такимъ же числомъ верхнихъ, напоминало виллу или загородный домъ. Перестроенное лѣтъ сорокъ назадъ, снаружи казалось оно еще новымъ, веселымъ и привѣтливымъ.

Въ этомъ замкѣ Францискъ I поселилъ Леонардо да Винчи.

II.

Король принялъ художника ласково, долго бесѣдовалъ съ нимъ о прежнихъ и будущихъ работахъ его, почтительно называлъ своимъ «отцомъ» и «учителемъ».

Леонардо предложилъ перестроить замокъ Амбуазъ и соорудить огромный каналъ, который долженъ былъ превратить сосѣднюю болотистую мѣстность Солонь, бесплодную пустыню, зараженную лихорадками, въ цвѣтущій садъ, связать Луару съ русломъ Соны у Макона, соединить черезъ область Ліона сердце Франціи—Тюрень съ Италіей и открыть, такимъ образомъ, новый путь изъ Сѣверной Европы къ берегамъ Средиземнаго моря. Такъ мечталъ Леонардо облагодѣтельствовать чужую страну тѣми дарами знанія, отъ которыхъ отказалась его родина.

Король далъ согласіе на устройство канала, и почти тотчасъ по приѣздѣ въ Амбуазъ художникъ отправился изслѣдовать мѣстность. Пока Францискъ охотился, Леонардо изучалъ строеніе почвы въ Солоньи у Роморантена, теченіе

притоковъ Луары и Шерры, измѣряль уровень воды, составляль чертежи и карты.

Странствуя по этой мѣстности, заѣхалъ онъ однажды въ Лошъ, небольшой городокъ къ югу отъ Амбуаза, на берегу рѣки Эндръ, среди привольныхъ туренскихъ луговъ и лѣсовъ. Здѣсь былъ старый королевскій замокъ съ тюремною башнею, гдѣ восемь лѣтъ томился въ заточеніи и умеръ герцогъ Ломбардіи, Лодовико Моро.

Старый тюремщикъ разсказалъ Леонардо, какъ Моро пытался бѣжать, спрятавшись въ телѣгѣ подъ ржаную соломою; но, не зная дорогъ, заблудился въ сосѣднемъ лѣсу; на слѣдующее утро настигла погоня, и охотничьи собаки нашли его въ кустахъ.

Послѣдніе годы провелъ Миланскій герцогъ въ благочестивыхъ размышленіяхъ, молитвахъ и чтеніи Данте, единственной книги, которую позволили ему взять изъ Италіи. Въ пятьдесятъ лѣтъ, онъ казался уже дряхлымъ старикомъ. Только изрѣдка, когда приходили слухи о переворотахъ политики, глаза его вспыхивали прежнимъ огнемъ. 17-го мая 1508 года, послѣ недолгой болѣзни, онъ тихо скончался.

По словамъ тюремщика, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Моро изобрѣлъ себѣ странную забаву: выпросилъ кистей, красокъ и началъ расписывать стѣны и своды темницы.

На облупившейся отъ сырости известкѣ Леонардо нашель кое - гдѣ слѣды этой живописи — сложные узоры, полосы, палочки, крестики, звѣзды, красныя по бѣлому, желтыя по голубому полю, и среди нихъ большую голову римскаго воина въ шлемѣ, должно-быть, неудачный портретъ самого герцога, съ надписью на ломаномъ французскомъ языкѣ:

Девизъ мой въ плъну и страданіяхъ: мое оружіе—мое терпѣніе.

Другая, еще болѣе безграмотная, надпись шла по всему потолку, сначала огромными трехлоптевыми желтыми буквами стариннаго уставнаго письма:

Celui qui—

Затѣмъ, такъ какъ мѣста не хватило, мелкими, тѣсными:
— *n'est pas contan*. «Тотъ кто—несчастень».

Читая эти жалобныя надписи, рассматривая неуклюжіе рисунки, напоминавшіе тѣ каракули, которыми школьники мараютъ тетради, художникъ вспоминалъ, какъ, много лѣтъ назадъ, любовался Моро, съ доброю улыбкою, лебедями во рву Миланской крѣпости.

«Какъ знать,—думалъ Леонардо,—не было ли въ душѣ этого человѣка любви къ прекрасному, которая оправдываетъ его передъ Верховнымъ Судомъ?»

Размышляя о судьбѣ злополучнаго герцога, вспомнилъ онъ и то, что слышалъ нѣкогда отъ путешественника, прѣхавшаго изъ Испаніи, о гибели другого покровителя своего, Цезаря Борджіа.

Преемникъ Александра VI, папа Юлій II, измѣнически выдалъ Цезаря врагамъ. Его отвезли въ Кастилью и заточили въ башнѣ Медина-дель-Кампо.

Онъ бѣжалъ съ ловкостью и отвагою неимоверною, спустившись по веревкѣ изъ окна темницы, съ головокружительной высоты. Тюремщики успѣли перерѣзать веревку. Онъ упалъ, расшибся, но сохранилъ достаточно присутствія духа, чтобы, очнувшись, доползти до лошадей, приготовленныхъ сообщниками, и ускакать. Явился въ Пампелуну ко двору зятя своего, короля Наваррскаго, и поступилъ къ нему на службу кондотьеромъ. При вѣсти о побѣгѣ Цезаря, ужасъ распространился въ Италіи. Папа трепеталъ. За голову герцога назначили десять тысячъ дукатовъ.

Однажды зимнимъ вечеромъ 1507 года въ стычкѣ съ французскими наемниками Бомона, подъ стѣнами Віаны, врѣзавшись во вражій строй, Цезарь былъ покинутъ своими, загнанъ въ оврагъ, русло высохшей рѣчки, и здѣсь, какъ затравленный звѣрь, обороняясь до конца съ отчаянною храбростью, палъ, наконецъ, пронзенный больше, чѣмъ двадцатью ударами. Наемники Бомона, прельстившись пышностью доспѣховъ и платья, сорвали ихъ съ убитого и оста-

вили голый трупъ на днѣ оврага. Ночью, выйдя изъ крѣпости, наваррцы нашли его и долго не могли признать. Наконецъ маленькій пажъ Джуанико узналъ господина своего, бросился на мертвое тѣло, обнялъ его и зарыдалъ, потому что любилъ Цезаря.

Лицо умершаго, обращенное къ небу, было прекрасно: казалось, онъ умеръ, такъ же какъ жилъ,—безъ страха и безъ раскаянія.

Герцогиня Феррарская, мадонна Лукреція Боржіа, всю жизнь оплакивала брата. Когда она умерла, нашли на тѣлѣ ея власяницу.

Молодая вдова Валентино, французская принцесса Шарлотта д'Альбергъ, которая въ немного дней, проведенныхъ съ Цезаремъ, полюбила его, подобно Гризельдѣ, любовью вѣрною до гроба, узнавъ о смерти мужа, поселилась вѣчною затворницей въ замкѣ Ла-Моттъ-Фѣльи, въ глубинѣ пустыннаго парка, гдѣ вѣтеръ шелестѣлъ сухими листьями, и выходила изъ покоевъ, обитыхъ чернымъ бархатомъ, только для того, чтобы раздавать милостыню въ окрестныхъ селеніяхъ, прося бѣдняковъ помолиться за душу Цезаря.

Подданные герцога въ Романьи, полудикіе пастухи и земледѣльцы въ ущельяхъ Апеннинъ, также сохранили о немъ благодарную память. Долго не хотѣли они вѣрить, что онъ умеръ, ждали его, какъ избавителя, какъ бога, и надѣялись, что рано или поздно вернется онъ къ нимъ, возстановитъ на землѣ правосудіе, низвергнетъ тирановъ и защититъ народъ. Нищіе-пѣвцы по городамъ и селамъ распѣвали «слезную жалобу о герцогѣ Валентинѣ», въ которой былъ стихъ:

Fe cose extreme, ma senza misura.—

Дѣла его были преступны. но безмѣрно велики.

Сравнивая съ жизнью этихъ двухъ людей, Моро и Цезаря, полной великаго дѣйствія и промелькнувшей, какъ тѣнь, безъ слѣда, свою собственную жизнь, полную великаго созерцанія, Леонардо находилъ ее менѣе бесплодной—и не ропталъ на судьбу.

III.

Перестройка замка въ Амбуазѣ, сооруженіе канала въ Солоньѣ кончились такъ же, какъ почти всѣ его предпріятія,—ничѣмъ.

Убѣждаемый благоразумными совѣтниками въ невыполнимости слишкомъ смѣлыхъ замысловъ Леонардо, король, мало-по-малу, охладѣлъ къ нимъ, разочаровался и скоро забылъ о нихъ вовсе. Художникъ понялъ, что отъ Франциска, несмотря на всю его любезность, не слѣдуетъ ждать большаго, чѣмъ отъ Моро, Цезаря, Содерини, Медичи, Льва X. Послѣдняя надежда быть понятымъ, дать людямъ хоть малую часть того, что онъ копилъ для нихъ всю жизнь, измѣнила ему, и онъ рѣшилъ уйти, теперь уже безвозвратно, въ свое одиночество—отречься отъ всякаго дѣйствія.

Весною 1517 года вернулся въ замокъ Дю-Клу, больной, изнуренный лихорадкою, схваченной въ болотахъ Солоньи. Къ лѣту стало ему легче. Но совершенное здоровье никогда уже не возвращалось.

Заповѣдный лѣсъ Амбуаза начинался почти у самыхъ стѣнъ Дю-Клу, за рѣчкой Амасомъ.

Каждый день послѣ полдника выходилъ Леонардо изъ дому, опираясь на руку Франческо Мельци, такъ какъ все еще былъ слабъ, пустынною тропинкою углублялся въ чащу лѣса и садился на камень. Ученикъ ложился на травѣ, у ногъ его, читалъ ему Данте, Библию, какого-либо древняго философа.

Кругомъ было темно; лишь тамъ, гдѣ лучъ солнца пронизывалъ тѣнь, на далекой прогалинѣ, пышный, дотолѣ невидимый цвѣтокъ вспыхивалъ вдругъ, какъ свѣча, лиловымъ или краснымъ пламенемъ, и мохъ въ дуплѣ поваленнаго бурей, полусгнившаго дерева загорался изумрудомъ.

Лѣто стояло жаркое, грозное; но тучи бродили по небу, не проливаясь дождемъ.

Когда, прерывая чтеніе, Франческо умолкалъ, въ лѣсу наступала тишина, какъ въ самую глухую полночь. Одна лишь птица, должно-быть, мать, потерявшая птенца, повторяла унылую жалобу, точно плакала. Но и она умолкала наконецъ. Дѣлалось еще тише. Пѣрило. Отъ запаха прѣлыхъ листьевъ, грибовъ, душной сырости, гнили—дыханіе спиралось. Чуть слышался гулъ отдаленнаго, словно подземнаго грома.

Ученикъ подымалъ глаза на учителя: тотъ сидѣлъ неподвижно, точно въ оцѣпенѣніи, и, прислушиваясь къ тишинѣ, смотрѣлъ на небо, листья, камни, травы, мхи прощальнымъ взоромъ, какъ будто въ послѣдній разъ передъ вѣчною разлукою.

Мало-по-малу оцѣпенѣніе, обаяніе тишины овладѣвало и Франческо. Онъ видѣлъ, какъ сквозь сонъ, лицо учителя, и ему казалось, что лицо это уходитъ отъ него все дальше, погружается все глубже въ тишину, какъ въ темный омутъ. Хотѣлъ очнуться и не могъ. Становилось жутко, какъ будто приближалось что-то роковое, неизбежное, какъ будто долженъ былъ раздаться въ этой тишинѣ оглушающій крикъ бога Пана, отъ котораго все живое бѣжитъ въ сверхъестественномъ ужасѣ. Когда же, наконецъ, усиліемъ воли преодолевалъ онъ оцѣпенѣніе, тоска предчувствія, непонятная жалость къ учителю сжимали ему сердце. Робко и молча припадалъ онъ губами къ рукѣ его.

И Леонардо смотрѣлъ на него и тихо гладилъ по головѣ, какъ испуганнаго ребенка, съ такою печальною ласкою, что сердце Франческо сжималось еще безнадежнѣе.

Въ эти дни художникъ началъ странную картину.

Подъ выступомъ нависшихъ скалъ, во влажной тѣни, среди зрѣющихъ травъ, въ тиши бездыханнаго полдня, полного большею тайною, чѣмъ самая глухая полночь, богъ, вѣнчанннй гроздьями, длинноволосый, женоподобный, съ блѣднымъ и томнымъ лицомъ, съ пятнистою шкурою лани на чреслахъ, съ тирсомъ въ рукѣ, сидѣлъ, закинувъ ногу на ногу, и какъ будто прислушивался, наклонивъ голову, весь—любопытство, весь—ожиданіе, съ неизъяснимою улыб-

кою указывая пальцемъ туда, откуда доносился звукъ,— можетъ-быть, пѣсня менадъ, или гулъ отдаленнаго грома, или голосъ великаго Пана—оглушающій крикъ, отъ котораго все живое бѣжитъ въ сверхъестественномъ ужасѣ.

Въ шкатулкѣ покойнаго Бельтраффіо нашель Леонардо рѣзной аметистъ, должно-быть, подарокъ моны Кассандры, съ изображеніемъ Вакха.

Въ томъ же ящикѣ были отдѣльные листки со стихами изъ *Вакханокъ* Еврипиды, переведенными съ греческаго и списанными рукою Джіованни. Леонардо нѣсколько разъ перечитывалъ эти отрывки.

Въ трагедіи *Вакхъ*, самый юный изъ боговъ Олимпа, сынъ Громовержца и Семелы, является людямъ въ образѣ женоподобнаго, обольстительно-прекраснаго отрока, пришельца изъ Индіи. Царь Фивъ, Пентей, велитъ схватить его, дабы предать казни за то, что подъ видомъ новой вакхической мудрости проповѣдуетъ онъ людямъ варварскія таинства, безуміе кровавыхъ и сладострастныхъ жертвъ.

«О, чужеземецъ,—говоритъ съ насмѣшкою Пентей неузнанному богу,—ты прекрасенъ и обладаешь всѣмъ, что нужно для соблазна женщинъ: твои длинные волосы падаютъ по щекамъ твоимъ, полные нѣгою; ты прячешься отъ солнца, какъ дѣвушка, и сохраняешь въ тѣни бѣлизну лица твоего, дабы плѣнять Афродиту».

Хоръ вакханокъ, наперекоръ нечистивому царю, прославляетъ Вакха—«самаго страшнаго и милосерднаго изъ боговъ, дающаго смертнымъ въ опьянѣніи радость совершенную».

На тѣхъ же листахъ, рядомъ со стихами Еврипиды, сдѣланы были рукой Джіованни Бельтраффіо выписки изъ священнаго Писанія. Изъ Пѣсни Пѣсней: «Пейте и опьянимся, возлюбленные».

Изъ Евангелія:

«Я уже не буду пить отъ плода винограднаго до того дня, когда буду пить новое вино въ царствіи Божіемъ»

«Я есмь истинная виноградная лоза, а Отецъ Мой—виноградарь».

«Кровь Моя истинно есть питіе.

«Піющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную.

«Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей».

Оставивъ неконченнымъ Вакха, Леонардо началъ другую картину, еще болѣе странную—Іоанна Предтечу.

Съ такимъ для него небывалымъ упорствомъ и съ такой поспѣшностью работалъ онъ надъ ней, какъ будто предчувствовалъ, что дни его сочтены, силъ уже немного, съ каждымъ днемъ все меньше и меньше, и торопился высказать въ этомъ послѣднемъ созданіи самую завѣтную тайну свою—ту, о которой молчалъ всю жизнь не только передъ людьми, но и передъ самимъ собою.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ работа подвинулась настолько, что виденъ былъ замыселъ художника.

Глубина картины напоминала мракъ той Пещеры, возбуждавшей страхъ и любопытство, о которой нѣкогда рассказывалъ онъ монѣ Лизѣ Джіокондѣ. Но мракъ этотъ, казавшійся сперва непроницаемымъ, по мѣрѣ того, какъ взоръ погружался въ него, дѣлался прозрачнымъ, такъ что самыя черныя тѣни, сохраняя всю свою тайну, сливались съ самымъ бѣлымъ свѣтомъ, скользили и таяли въ немъ, какъ дымъ, какъ звуки дальней музыки. И за тѣнью, за свѣтомъ являлось то, что не свѣтъ и не тѣнь, а какъ бы «свѣтлая тѣнь» или «темный свѣтъ», по выраженію Леонардо. И, подобно чуду, но дѣйствительнѣе всего, что есть, подобно призраку, но живѣе самой жизни, выступало изъ этого свѣтлаго мрака лицо и голое тѣло женоподобнаго отрока, обольстительно-прекраснаго, напоминавшаго слова Пентея:

«Длинные волосы твои падаютъ по щекамъ твоимъ, полныя нѣгою; ты прячешься отъ солнца, какъ дѣвушка, и сохраняешь въ тѣни бѣлизну лица твоего, дабы плѣнять Афродиту».

Но, если это былъ Вакхъ, то почему же, вмѣсто небриды, пятнистой шкуры лани, чресла его облекала одежда верблюжьяго волоса? Почему, вмѣсто тирса вакхическихъ оргій, держалъ онъ въ рукѣ своей крестъ изъ тростника пустыни, прообразъ креста на Голгоѣѣ, и, склоняя голову,

точно прислушиваясь, весь—ожиданіе, весь—любопытство, указываль одной рукой на крестъ, съ не то печальной, не то насмѣшливой улыбкой, другой—на себя, какъ будто говорилъ:

«Идетъ за мною сильнѣйшій меня, у Котораго я недостойнъ, наклонившись, развязать ремень обуви Его»

IV.

Весною 1517 года происходили въ Амбуазѣ торжества по случаю рожденія сына у Франциска I. Въ крестные отцы приглашенъ былъ папа. Онъ прислалъ племянника своего, Джуліанова брата, Лоренцо Медичи, герцога Урбинскаго обрученнаго съ французскою принцессою Маделеною, дочерью герцога Бурбонскаго.

Среди пословъ различныхъ государствъ Европы, на эти торжества ожидался и русскій—Никита Карачьяровъ изъ Рима, гдѣ находился при дворѣ его святѣйшества.

Левъ X давно вступилъ въ сношеніе съ великимъ княземъ Московіи, Василиемъ Іоанновичемъ, рассчитывая на него какъ на могущественнаго союзника въ Лигѣ европейскихъ державъ противъ султана Селима, который, усилившись послѣ завоеванія Египта, грозилъ нашествіемъ Европѣ. Папа обольщалъ себя и другою надеждою—на воссоединеніе церквей, и, хотя великій князь ничѣмъ не оправдывалъ этой надежды, Левъ X отправилъ въ Москву двухъ пронырливыхъ доминиканцевъ, братьевъ Шомберговъ. Римскій первосвященникъ клялся не нарушать обрядовъ и догматовъ церкви восточной, только бы согласилась Москва признать духовное главенство Рима, обѣщавъ утвердить независимаго русскаго патріарха, вѣнчать великаго князя королевскою короною и, въ случаѣ завоеванія Константинополя, уступить ему этотъ городъ. Находя выгодными заискиванія папы, великій князь отправилъ къ нему двухъ пословъ, Дмитрія Герасимова и Никиту Карачьярова—того самаго, который двадцать лѣтъ назадъ, проѣздомъ черезъ Миланъ

вмѣстѣ съ Данилою Мамыревымъ, присутствовали на праздникѣ Золотого Вѣка и бесѣдовали съ Леонардо о Московіи.

Дмитрій Герасимовъ, по прозвищу Митя Толмачъ, человѣкъ «искусный въ священныхъ книгахъ» и опытный въ дѣлахъ посольскихъ, въ молодости своей, по порученію владыки новгородскаго Геннадія, ѣздилъ въ Италію, «провелъ два лѣта, нѣкихъ ради нужныхъ изысканій», въ Венеціи, Римѣ, Флоренціи, и привезъ оттуда въ Новгородъ собранныя имъ свѣдѣнія по вопросу о трегубой и сугубой аллилуйѣ, пасхалию на восьмую тысячу лѣтъ и знаменитую «Повѣсть о Бѣломъ Клобукѣ». Впослѣдствіи, уже въ глубокой старости, этотъ самый Герасимовъ сообщалъ свѣдѣнія о Россіи итальянскому писателю Паоло Джовіо.

Главная цѣль русскаго посольства въ Римъ выражена была въ наказѣ великаго князя: «добывать въ Москву рудознатцевъ, муролой (зодчихъ), также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другого мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменщика хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать, да чеканить, да писать на сосудахъ; также добывать лѣкаря и органаго играца».

Старшимъ писцомъ у Карачьярова служилъ подъячій Посольскаго Двора, Илья Потапычъ Копыло, старикъ лѣтъ шестидесяти. При немъ было двое младшихъ писцовъ: Евтихій Паисеевичъ Гагара и двоюродный племянникъ Ильи Потапыча, Ѳедоръ Игнатьевичъ Рудометовъ, по прозвищу Ѳедька Жареный.

Всѣхъ троихъ сближала любовь къ иконописному художеству: Ѳедоръ и Евтихій сами были добрые мастера, а Илья Потапычъ тонкій знатокъ и цѣнитель.

Сынъ бѣдной вдовы, просвирни при церкви Благовѣщенія въ Угличѣ, Евтихій, послѣ смерти матери, остался сиротою, принятъ былъ на воспитаніе понамаремъ той же церкви, Вассіаномъ Елеазоровымъ, и въ отроческихъ лѣтахъ, «отданъ въ наученіе иконнаго воображенія» нѣкому старцу Прохору изъ Городца, человѣку праведному, но мастеру не-

искусному, о которомъ можно было сказать то же, что сказано въ иконописномъ подлинникѣ о преподобномъ Антоніи Сійскомъ: «не хитръ былъ мудростью сею преподобный, но преросто иконописание его было, болѣе же въ постѣ и въ молитвѣ упражнялся, восполняя сими недостатокъ хитрости».

Отъ старца Прохора перешель Евтихій къ иноку Данилѣ Черному, который расписывалъ церкви въ Спасо-Андрониковомъ монастырѣ, — ученику величайшаго изъ древнихъ русскихъ мастеровъ, Андрея Рублева. Пройдя всѣ ступени науки отъ услугъ «ярыжнаго» — простого работника, носившаго воду, и терщика красокъ до «знаменщика» — рисовальщика, Евтихій, благодаря природному дару, достигъ такого мастерства, что приглашенъ былъ въ Москву писать «Деисусное тябло» въ Мѣрварной палатѣ патриаршаго дома.

Здѣсь подружился онъ съ Ѳеодоромъ Игнатьевичемъ Рудометовымъ, Ѳедькою Жаренымъ, тоже молодымъ иконописцемъ и «преоспективнаго дѣла мастеромъ добрымъ», который расписывалъ стѣны той же палаты «травнымъ письмомъ по золоту».

Рудометовъ ввелъ товарища въ домъ боярина Ѳеодора Карпова, жившаго у Николы на Болвановкѣ. Въ хоромѣхъ этого боярина Ѳедька писалъ на потолокѣ — «подволокѣ» столовой избы «звѣздотечное небесное движеніе, двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесныя», также «бытейскія и преоспективныя разныя притчи» и «цвѣтныя и разметныя травы», и «левчата», то-есть ландшафты, наперекоръ завѣту старыхъ мастеровъ, запрещавшихъ иконописцамъ изображать какіе-либо предметы и лица, кромѣ священныхъ.

Ѳеодоръ Карповъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ нѣмцемъ Николаемъ Булевымъ, любимымъ врачомъ великаго князя Василія Ивановича. Этотъ Булевъ, «хульникъ и латынномудренникъ», по выраженію Максима Грека, «писалъ развращенно на православную вѣру», проповѣдуя соединеніе церквей. Благочестивые московскіе люди утверждали, будто бы, подъ вліяніемъ нѣмчина Булева, и бояринъ Ѳеодоръ

«залатынился», началъ «прилежать звѣздозаконію, землемѣрію»—геометріи, «остроуміи»—астрономіи и чародѣйству, и чернокнижію, и «многимъ эллинскимъ баснотвореніямъ», сталъ держаться книгъ еретическихъ, церковью отреченныхъ, и «всякихъ иныхъ составовъ и мудростей бѣсовскихъ, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ».

Обвиняли его и въ ереси жидовской.

Бояринъ Ѳедоръ полюбилъ молодыхъ иконописцевъ, работавшихъ въ домѣ его, Ѳедьку Рудометова и Тишу Гагару. Полагая, что странствіе въ чужія земли принесетъ большую пользу мастерству ихъ, онъ выхлопоталъ имъ должности младшихъ писцовъ при Посольскомъ Дворѣ

Уже въ Москвѣ, въ домѣ Карпова, среди заморскихъ диковинъ, отреченныхъ книгъ и вольнодумныхъ толковъ объ ученіи жидовствующихъ, Ѳедька пошатнулся въ вѣрѣ. А въ чужой землѣ, среди чудесъ тогдашнихъ итальянскихъ городовъ, Венеціи, Милана, Рима, Флоренціи, окончательно сбился съ толку, потерялъ голову и жилъ въ непрестанномъ изумленіи, «изступленіи ума», какъ выражался Илья Потапычъ. Съ одинаковымъ благоговѣніемъ посѣщалъ игорные вертепы, книгохранилища, древніе соборы и притоны разврата. Кидался на все съ любопытствомъ ребенка, съ жадностью варвара. Учился латинскому языку и мечталъ нарядиться во фряжское платье, даже сбрить усы и бороду, что почиталось грѣхомъ смертнымъ. «Ежели кто бороду сбреетъ и такъ умретъ,—предостерегалъ племянника Илья Потапычъ,—недостоитъ надъ нимъ служить, ни сорокоустія пѣть, ни просвиры, ни свѣчи по немъ въ церковь приносить. Съ невѣрными да причтется, образъ мужескій растлѣвающій, женамъ блудовиднымъ уподобляющійся, или котамъ и псамъ, которые усы имѣютъ простертыя, брадѣ же не имѣютъ».

Въ разговорахъ началъ Ѳедька употреблять безъ нужды иноземныя слова. Хвасталъ познаніями, «высокоумничалъ», разсуждалъ объ «алхиміи» — «какъ дѣлать золото», о діалектикѣ—«что есть препинательное толкованіе, коимъ изыскуется истина», о «софистикѣ, открывающей едва постижное естеству человѣческому».

— На Москвѣ людей нѣтъ,—жаловался Евтихію,—все людъ глупый, жить не съ кѣмъ.

Будучи навеселѣ, любилъ «пытать о вѣрѣ и прости- рать вопросы недоумѣнные».

— Я учился философству, и на меня находить гор- дость,—признавался онъ,—я знаю все вездѣ, гдѣ что ни дѣ- ляется!

И доходилъ до такого вольнодумства въ этихъ пыта- нияхъ о вѣрѣ, что, не довольствуясь «софистикіей» чуже- земною, проповѣдывалъ еще болѣе крайнія мнѣнія собствен- ныхъ русскихъ философовъ, послѣдователей жидовской ереси, доказывавшихъ, что Іисусъ Христосъ не родился, когда же родится, то Сыномъ Божиимъ наречется, «не по существу, а по благодати»,—«кого же называютъ христіане Іисусомъ Христомъ Богомъ, тотъ простой человѣкъ, а не Богъ, умеръ и во гробѣ истлѣлъ»; утверждавшихъ, что ни иконамъ, ни кресту, ни чашѣ поклоняться не подобаетъ, «почитать достойтъ, поклоняться же не подобаетъ ничему, развѣ единому Богу», и никакимъ земнымъ властямъ пови- новаться не слѣдуетъ. Оедька приводилъ также слова о без- смертіи души и о загробной жизни, которыя приписывались соблазненному, будто бы, въ ересь жидовствующихъ москов- скому митрополиту Зосимѣ:

— «А что то царство небесное? а что то второе при- шествіе? А что то воскресеніе мертвыхъ? Ничего того нѣтъ. Умеръ кто, такъ и умеръ—по-та-мѣста и былъ».

Дяди Ильи Потапыча, учившаго племянника не только словомъ, но и посохомъ, Оедька, несмотря на школьниче- скій задоръ свой, все-таки крѣпко побаивался.

Илья Потапычъ Копыло былъ человѣкъ стараго закала, до конца возлюбившій «твердое о благочестіи стояніе». Чу- деса иноземныхъ искусствъ и наукъ не прельщали его. «Вся сія суть знаменія антихристова пришествія, начало болѣз- нямъ,—говаривалъ онъ.—Насъ, овецъ Христовыхъ, софисте- ками вашими не премудряйте: некогда намъ философства вашего слушать—уже кончина вѣка приходитъ, и судъ Бо- жій стоитъ при дверяхъ. Какое приобщеніе свѣта къ тмѣ

или какое соединеніе Веліару со Христомъ,—такъ же и поганому латынству съ нашимъ православнымъ христіанствомъ?»

«Въ Европіи,—по словамъ Копылы, — третьей части земли, части Ноева сына, Яфета, люди живутъ величавые, гордые, обманчивые и храбрые во браняхъ, къ похотямъ же тѣлеснымъ и ко всякимъ сластямъ слабые; все творятъ по своей волѣ; къ ученію искательны, къ мудростямъ и всякимъ наукамъ тщательны; отъ благочестія же заблудились и, по наущенію дьявольскому, въ различныя ереси разсѣялись, такъ что нынѣ во всей вселенной одна лишь русская земля въ благочестіи стоитъ неподвижно и, хотя къ наукамъ словеснымъ не очень прилежитъ, въ высокоумныхъ мудроплетеніяхъ софистическихъ не изощряется, зато здравую вѣру содержитъ неблаженно. Люди же въ ней сановиты, бородаты и платьемъ пристойнымъ одѣяны; Божіи церкви святымъ пѣніемъ украшаются; и подобной той землѣ и благолѣпнѣе во всей Европіи не обрѣтается».

Въ сынѣ углицкой просвирни, Евтихіи Паисеевичѣ Гагарѣ, чужія земли возбуждали не меньшее любопытство, чѣмъ въ Оедькѣ Жареномъ. Вольнодумствамъ товарища, въ которыхъ чувствовалъ Евтихій больше хвастовства и удали, чѣмъ дѣйствительнаго безбожія, не придавалъ онъ значенія. Но и спокойнаго презрѣнія Ильи Потапыча ко всему иноземному не раздѣлялъ. Послѣ всего, что видѣлъ и слышалъ онъ въ чужихъ краяхъ, не удовлетворяли его Измагды, Златоструи, Торжественники, которые заключали весь кругъ человѣческихъ знаній въ такихъ вопросахъ и отвѣтахъ: «Отгадай философъ, курица ли отъ яйца, или яйцо отъ курицы?—Кто родился прежде Адама съ бородою?—Козель.—Какое есть первое ремесло?—Швечество, ибо Адамъ и Ева сшили себѣ одежду изъ листьевъ древесныхъ.—Что есть: четыре орла одно яйцо снесли?—Четыре евангелиста написали св. Евангеліе.—Что держитъ землю?—Вода высокая.—Что держитъ воду?—Камень великій.—Что держитъ камень?—Восемь большихъ золотыхъ китовъ да тридцать три меньшихъ на озерѣ Тиверіадскомъ».

Евтихій, впрочемъ, не вѣрилъ и Ѳедькиной ереси, будто бы «земное строеніе—не четвероугольное, не треугольное и не круглое, а наподобіе яйца: во внутреннемъ боку—желтокъ, извнѣ—бѣлокъ и черепокъ; такъ же разумѣй и о землѣ: земля есть желтокъ по срединѣ яйца, воздухъ же—бѣлокъ, и какъ черепокъ окружаетъ внутренность яйца, такъ небо окружаетъ землю и воздухъ». Но, и не вѣря этому соблазнительному ученію, все-таки чувствовалъ, что нѣкогда недвижимые киты, на коихъ утверждена земля, для него зашевелились, сдвинулись—и теперъ уже не остановитъ ихъ никакая сила.

Смутно чужилось ему, что въ суевѣрномъ поклоненіи Ѳедьки иноземнымъ хитростямъ, несмотря на все его озорничество, что-то скрывается истинное, чего ни насмѣшки, ни угрозы, ни даже суковатая палка дяди Копылы опровергнуть не могутъ.

«Хорошему не стыдно навывкать и со стороны, съ примѣра чужихъ земель.—Ариеметика и преоспектива есть дѣло полезное, меду сладчайшее и не богопротивное», говаривалъ Ѳедька съ глубокимъ чувствомъ. И слово это находило откликъ въ сердцѣ Евтихія.

Силы и разумѣнія испрашивалъ онъ у Бога, дабы, не заблудившись отъ вѣры отцовъ, не «залатынившись», подобно Ѳедькѣ, но и не отвергая безъ разбору всего чужеземнаго, подобно Ильѣ Потапычу,—очистить пшеницу отъ плевель, доброе отъ злого, найти «истинный путь и образъ любомудрія». И сколь ни казалось ему дѣло это труднымъ, даже страшнымъ, тайный голосъ говорилъ, что оно свято, и что Господь не оставитъ его Своею помощію.

Въ Амбуазъ на свадьбу герцога Урбинскаго и крестины новорожденнаго дофина отправился одинъ изъ двухъ русскихъ пословъ, находившихся въ Римѣ—Никита Карачьяровъ: онъ долженъ былъ представить королю «поминки», дары великаго князя московскаго—шубу на горностаяхъ, атласную, червчатую, съ травнымъ золотымъ узоромъ, другую шубу на бобровыхъ пупкахъ, третью на куньихъ черевахъ; сорокъ сороковъ соболей, да лисицъ чернобурыхъ и

сиводушчатыхъ, да остроги-шпоры золоченія, да птицъ охотничьихъ.

Среди другихъ посольскихъ писцовъ и подъячихъ Никита взялъ съ собою во Францію Илью Потапыча Копылу, Оедьку Жаренаго и Евтихія Гагару.

V.

Однажды, въ концѣ апрѣля 1517 года, раннимъ утромъ, на большой дорогѣ черезъ заповѣдный лѣсъ Амбуаза, лѣсничій короля увидѣлъ всадниковъ въ такихъ необычайныхъ нарядахъ, говорившихъ на такомъ странномъ языкѣ, что остановился и долго провожалъ ихъ глазами, недоумѣвая, турки ли это, послы Великаго Могола или самого Пресвитера Іоанна, живущаго на краю свѣта, тамъ, гдѣ небо сходится съ землею.

Но это были не турки, не послы Великаго Могола или Пресвитера Іоанна, а люди «звѣрскаго племени, выходцы страны, считавшейся не менѣе варварской, чѣмъ сказочный Гогъ и Магогъ,—русскіе люди изъ посольства Никиты Карачьярова.

Тяжелый обозъ съ посольской челядью и королевскими поминками отправленъ былъ впередъ; Никита ѣхалъ въ свитѣ герцога Урбинскаго. Всадники, повстрѣчавшіеся лѣсничему, сопровождали персидскихъ соколовъ, челигъ и кречетовъ, посланныхъ въ подарокъ Франциску I. Драгоценныхъ птицъ везли съ большими предосторожностями, на особомъ возкѣ, въ лубяныхъ коробахъ, внутри обитыхъ овчинами.

Рядомъ съ возкомъ ѣхалъ на сѣрой въ яблокахъ, рѣзвой кобылѣ Оедька Жареный.

Ростомъ онъ былъ такъ высокъ, что прохожіе на улицахъ чужеземныхъ городовъ оглядывались на него съ удивленіемъ; лицо у него было широкоскулое, плоское, очень смуглое; черные какъ смоль волосы, за что онъ и прозванъ былъ Жаренымъ; блѣдно-голубые, лѣнливые и въ то же время

жадно-любопытные глаза, съ тѣмъ противорѣчивымъ, разнообразнымъ и непостояннымъ выраженіемъ, которое свойственно русскимъ лицамъ—смѣсью робости и наглости, простодушія и лукавства, грусти и удачи.

Оедька слушала бесѣду двухъ товарищей, тоже слугъ посольскихъ, Мартына Ушака да Ивашки Труфанца, знатковъ соколиной охоты, которымъ Никита поручилъ доставку птицъ въ Амбуазъ. Ивашка рассказывала объ охотѣ, устроенной для герцога Урбинскаго французскимъ вельможею Аннъ де-Монморанси въ лѣсахъ Шатильона.

— Ну, и что же, хорошо, говоришь, летѣлъ Гамаюнъ?

— И-и, братецъ ты мой!—воскликнула Ивашка.—Такъ безмѣрно хорошо, что и сказать не можно. А на утро въ субботу, какъ ходили мы тѣшиться съ челигами въ Шатилонъ (Шатиловымъ называлъ онъ Шатильонъ), такъ погналъ Гамаюнъ, да осадилъ въ одномъ концѣ два гнѣзда шилохвостей да полтретья гнѣзда чирятъ; а въ двугорядъ погналъ, такъ понеслось одно утя-шилохвость, побѣжало къ рошѣ наутекъ, увалиться хотѣло отъ славной кречета Гамаюна добычи, а онъ-то, сердечный, какъ ее мякнетъ по шеѣ, такъ она десятью разами перекинулась, да ушла пѣша въ воду опять. Хотѣли по ней стрѣлять, чаяли, что худо заразилъ, а онъ ее такъ заразилъ, что кишки вонь, поплавала немножко, да побѣжала на берегъ, а Гамаюнъ-отъ и сѣлъ на ней!

Выразительными движеніями, такъ что лошадь подъ нимъ шарахалась, показывала Ивашка, какъ онъ ее «мякнулъ» и какъ «заразилъ».

— Да, — молвилъ съ важностью Ушакъ, любитель книжнаго витійства,—зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя; угодна и хвальна кречатья добыча, красносотрителень же и радостень високаго сокола летъ!

Впереди, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ возка, ѣхали, тоже верхомъ, Илья Копыло и Евтихій Гагара.

У Ильи Потапыча лицо было темное, строгое, борода бѣлая какъ лунь и такіе же бѣлые волосы; все дышало въ немъ благообразною степенностью; только въ маленькихъ

зеленоватыхъ, слезящихся глазкахъ свѣтилась насмѣшливая хитрость и пронырство.

Евтихій былъ человекъ лѣтъ тридцати, такой щедушный, что издали казался мальчикомъ, съ острою, жидкою бородкою клиномъ и незначительнымъ лицомъ, однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя трудно запомнить. Лишь изрѣдка, когда оживлялся онъ, въ сѣрыхъ глазахъ его загоралось глубокое чувство

Өедкъ надоѣло слушать о соколахъ и шилохвостяхъ. Несмотря на раннее утро, не разъ уже прикладывался онъ къ дорожной сулеѣ, и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, языкъ у него чесался отъ желанія поспорить—«повысокоумничать».

По отдѣльнымъ, долетавшимъ до него словамъ, понялъ онъ, что ѣхавшіе впереди Гагара и Копыло бесѣдуютъ объ иконномъ художествѣ,—пришпорилъ коня, догналъ ихъ и прислушался.

— Нынѣ,—говорилъ Илья Потапычъ,—иконъ святыхъ изображенія печатаютъ на листахъ бумажныхъ, и тѣми листами люди храмины свои украшаютъ небрежно, не почитанія, но пригожества ради, безъ страха Божія, которые листы, рѣзавъ на доскахъ, печатаютъ нѣмцы да фрязи-еретики, по своему проклятому мнѣнію, развращенно и неистово, наподобіе лицъ страны своей и въ одеждахъ чужестранныхъ, фряжскихъ, а не съ древнихъ православныхъ подлинниковъ. Еще и Пресвятую Богородицу пишутъ иконники съ латинскихъ же образцовъ съ непокровенною главою, съ власами растрепанными...

— Какъ же такъ, дядюшка?—отхлебнувъ изъ сулеи, вступился Өедка съ притворною почтительностью, съ тайнымъ вызовомъ,—неужели скажешь, что русскимъ однимъ дано писать иконы? Отчего бы и мастерства иноземнаго не принять, ежели по подобію и свято и лѣпо?

— Не гораздо ты, Өедка, о святыхъ иконахъ мудруешь,—остановилъ его Копыло, нахмурившись.—Стропотное говоришь и развращенное!

— Почему же стропотное, дядюшка? — притворился
Федька обиженнымъ.

— А потому, что предѣловъ вѣчныхъ предлагать не
подобаетъ: кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ
своей поругался.

— Да вѣдь я не о вѣрѣ, Потапычъ! Я только говорю:
преоспектива есть дѣло полезное и меду сладчайшее...

— Что ты мнѣ преоспективу свою въ глаза тычешь?
Заладила сорока Якова... Сказано: кромѣ преданія святыхъ
отцовъ, не дерзать. Слышишь? Въ преоспективѣ ли, въ
иномъ чемъ, своимъ замышленіямъ ничего не претворять.
Гдѣ новизна, тамъ и кривизна.

— Твоя правда, дядюшка,—опять увернулся Федька,
съ лицемѣрною покорностью.—Я и то говорю: много нынче
иконники пишутъ безъ разсужденія, безъ разума, а надобно
писать да вопросу отвѣтъ дать. Сказано: подлинно изыски-
вать подобаетъ, какъ древніе мастера писали. Да вотъ бѣда:
древнихъ-то много: и новгородскіе, и корсунскіе, и москов-
скіе—всякъ на свой ладь. Да и подлинники разные. Въ од-
нихъ—одно, въ другихъ—другое. Инъ старое кажется новымъ,
инъ новое—старымъ. Вотъ и поди тутъ, разбери, гдѣ ста-
рина, гдѣ новизна. Нѣтъ, Потапычъ, воля твоя, а безъ своего
умышленія, безъ разума, мастеру доброму быть нельзя!

Старикъ, озадаченный неожиданностью обхода, на ми-
нуту опѣшилъ.

— Опять же и то!—продолжалъ Федька, пользуясь его
смущеніемъ, съ еще большею смѣлостью,—гдѣ таковое
указаніе нашли, будто бы единымъ обличіемъ, смугло и
темновидно святыхъ иконы писать подобаетъ? Весь ли родъ
человѣческій въ одно обличіе созданъ? Всѣ ли святые
скорбны и тощи бываютъ? Кто не посмѣется такому юрод-
ству, будто бы темноту, болѣе свѣта чтить достоинь. Мракъ
и очадѣніе на единаго дьявола возложилъ Господь, а сы-
намъ Своимъ, не только праведнымъ, но и грѣшнымъ обѣ-
щаль свѣтоподаніе: «яко снѣгъ, убѣлю васъ и яко ярину,
очищу». И въ другой разъ: «Азъ есмь свѣтъ истинный,

ходяй по мнѣ не имать ходити во тьмѣ». И у пророка сказано: «Господь воцарился, въ лѣпоту облекся».

Федька говорилъ, хотя не безъ книжнаго витійства, но искренно.

Евтихій молчалъ; по горящимъ глазамъ его видно было, что онъ слушаетъ съ жадностью.

— По преданію святыхъ отцовъ,—началь было снова Илья Потапычъ съ важностью,—что у Бога свято, то и лѣпо...

— А что лѣпо, то и свято,—подхватилъ Федька,—это, дядюшка, все едино.

— Нѣтъ, не едино,—разсердился, наконецъ, старикъ.— Есть лѣпота и отъ дьявола!

Онъ обернулся къ племяннику и посмотрѣлъ ему прямо въ глаза, какъ бы соображая, не прибѣгнуть ли къ обычному доводу, къ суковатой палкѣ. Но Федька выдержалъ взоръ его, не потупившись.

Тогда Копыло поднялъ правую руку и, какъ будто произнося заклятіе на самого духа нечистаго,—воскликнулъ торжественно:

— Сгинь, пропади, окаянный, со своими ухищреніями! Христось мнѣ спаситель и свѣтъ, и веселіе, и стѣна несокрушимая!

Всадники были на опушкѣ амбуазскаго лѣса. Оставивъ слѣва ограду замка Дю-Клу, вѣхали въ городскія ворота.

VI.

Русскому посольству отвели помѣщеніе въ домѣ королевскаго нотариуса, мэтра Гильома Борò, недалеко отъ башни Орложъ—единственномъ домѣ, оставшемся свободнымъ въ городѣ, переполненномъ пріѣзжими.

Евтихію съ товарищами пришлось поселиться въ маленькой комнатѣ, похожей на чердакъ, подъ самою крышею. Здѣсь, въ углубленіи слухового окна, устроилъ онъ крошечную мастерскую: прибилъ къ стѣнѣ полки, размѣстилъ

на нихъ гладкія дубовыя и липовыя дощечки для иконъ, муравленные горшечки съ олифою, съ прозрачнымъ стерляжьимъ и севрюжьимъ клеємъ, глиняные черепки и раковины, съ творенымъ золотомъ, съ яичными вапами; поставилъ деревянный ящикъ, посланный войлокомъ, служившій ему постелью, и повѣсилъ надъ нимъ икону Углицкой Божьей Матери, подарокъ инока Данилы Чернаго.

Въ углу было тѣсно, но тихо, свѣтло и уютно. Изъ окна, между крышами и трубами, открывался видъ на зеленую Луару, на дальніе луга и синія верхушки лѣса. Порою снизу, изъ небольшого садика, въ открытое окно—дни стояли жаркіе—подымался духъ черемухи, напоминавшей Евтихію родину—знакомый огородъ на окраинѣ Углича, съ грядками укропа, хмеля, смородины, съ полуразвалившимся тыномъ передъ старымъ домикомъ благовѣщенскаго понамаря.

Однажды вечеромъ, нѣсколько дней спустя по приѣздѣ въ Амбуазъ, сидѣлъ онъ одинъ въ своей мастерской. Товарищи ушли въ замокъ на турниръ въ честь герцога Урбинскаго.

Было тихо; только подъ окномъ слышалось воркованіе голубей, шелковый шелестъ ихъ крыльевъ, да порой мѣрный бой часовъ на сосѣдней башнѣ.

Онъ читалъ любимую книгу свою *Иконописный подлинникъ*, сводъ краткихъ указаній, расположенныхъ по днямъ и мѣсяцамъ,—какъ изображать святыхъ. Всякій разъ Евтихій, хотя зналъ эту книгу почти наизусть, перечитывалъ ее съ новымъ любопытствомъ, находилъ въ ней новую отраду.

Но въ послѣдніе дни слышанный въ лѣсу по дорогѣ въ Амбуазъ споръ Ильи Потапыча съ Ѳедькою Жаренымъ пробудилъ давно уже таившіяся въ немъ, навѣянные всѣмъ, чтó видѣлъ въ чужихъ краяхъ, тревожныя мысли. И онъ искалъ имъ разрѣшенія въ «подлинникѣ», единственно вѣрномъ источникѣ «изящнаго познанія истинныхъ образовъ».

«Какова была тѣлеснымъ образомъ Богородица?—читалъ онъ одно изъ своихъ любимыхъ въ книгѣ мѣсть.—

Росту средняго, видъ лица ея, какъ видъ зерна пшеничнаго; волоса желтаго; острыхъ очей, въ нихъ же зрачки подобныя плоду маслины; брови наклоненныя, изрядно-черныя; носъ не кратокъ, уста, какъ цвѣтъ розы,—сладковѣсія исполнены; лицо ни кругло, ни остро, но мало продолжено; персты же богопріимныхъ рукъ ея тонкостью источены были; весьма проста, никакой мягкости не имѣла, но смиреніе совершенное являла; одежду носила темную».

Читалъ также о великомученицѣ Екатеринѣ, за красоту и свѣтлость лица своего получившей названіе отъ эллиновъ «тезоименитая лунѣ»; о Филаретѣ Милостивомъ, который «преставился, имѣя девяносто лѣтъ; но и въ такой старости не измѣнилось лицо его, благолѣпно же и прекрасно было, какъ яблоко румяное».

И казалось Евтихію, что Ѳедея правъ: ликамъ святыхъ должно быть свѣтлыми и радостными, ибо Самъ Господь въ «лѣпту облекся», и все, что прекрасно,—отъ Бога.

Но, перевернувъ нѣсколько страницъ, прочелъ онъ въ той же книгѣ:

«9 Ноембрія, память преподобной Ѳеоктистіи Лезвіянины. Видѣлъ ее нѣкій ловець въ пустынѣ и далъ ей съ себя поняву прикрыть наготу тѣлесную; и стояла она передъ нимъ страшная, только подобіе человѣческое имѣвшая; и не видно въ ней было плоти живой: отъ поста—одни кости да суставы, кожею прикрытые; волосы бѣлыя, какъ овечья волна, а лицо черно—мало нѣчто блѣдноватое; очи глубоко западшія; и весь образъ ея таковъ, какъ образъ мертвеца, давно во гробѣ лежавшаго. Едва дышала и тихо говорить могла. И не было на ней отнюдь лѣпоты человѣческой».

«Значить,—подумалъ Евтихій,—не все, что свято—лѣпо: есть въ поруганіи всей лѣпоты человѣческой у великихъ подвижниковъ, въ звѣриномъ образѣ—образъ ангельскій».

И вспомнился ему св. Христофоръ, часто изображавшійся на русскихъ иконахъ, о которомъ сказано въ «подлинникѣ», подъ числомъ девятымъ мѣсяца мая: «о семъ прекрасномъ мученикѣ нѣкое чудное глаголется—яко песію главу имѣлъ».

Ликъ псоглаваго святого наполнилъ сердце иконописца еще бѣльшимъ смятеніемъ. Все болѣе смутныя, жуткія мысли стали приходять ему въ голову.

Отложилъ въ сторону «подлинникъ» и взялъ другую книгу, старую Псалтырь, писанную въ Угличѣ въ 1485 году. По ней учился онъ грамотѣ и тогда уже любовался простодушными заставными картинками, объяснявшими псалмы.

Случилось такъ, что съ самаго отъѣзда изъ Москвы книга эта не попадалась ему на глаза. Теперь, послѣ множества видѣнныхъ имъ во дворцахъ и музеяхъ Венеціи, Рима, Флоренціи, древнихъ изваяній, эти съ младенчества знакомые образы получили для него внезапный новый смыслъ: онъ понялъ, что голубой человѣкъ съ наклоненною чашею, изъ которой льется вода—къ стиху Псалтыри: «какъ желаетъ олень на источники водные, такъ желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже»,—есть богъ рѣчной; женщина, лежащая на землѣ среди злаковъ—Церера, богиня земли; юноша въ царскомъ вѣницѣ на колесницѣ, запряженной красными конями—Аполлонъ; бородатый старикъ на зеленомъ чудовищѣ съ голою женщиною—къ псалму: «благословите источники моря и рѣки»,—Нептунъ съ Нереидою.

Какимъ чудомъ, послѣ какихъ скитаній и превращеній, изгнанные боги Олимпа, черезъ древняго русскаго мастера, изъ еще болѣе древняго византійскаго подлинника, дошли до города Углича?

Обезображенные рукою художника-варвара, казались они неуклюжими, робкими, словно стыдящимися наготы своей, среди суровыхъ пророковъ и схимниковъ—полузамерзшими, какъ будто голыя тѣла ихъ окоченѣли отъ холода гиперборейской ночи. А между тѣмъ, кое-гдѣ, въ изгибѣ локтя, въ поворотѣ шеи, въ округлости бедра, мерцалъ послѣдній отблескъ вѣчной прелести.

И страхъ, и удивленіе чувствовалъ Евтихій, узнавая въ этихъ съ дѣтства привычныхъ и любезныхъ, казавшихся ему святыми, картинкахъ углицкой Псалтыри соблазнительную эллинскую нечисть.

Въ памяти его возникали и другіе грѣховные образы, преданія старыхъ русскихъ сборниковъ — блѣдныя тѣни языческой древности: «дѣвица Горгонѣя, имѣющая лицо, перси и руки человѣчьи, ноги же и хвостъ лошадиные, а на головѣ ея змѣи, вмѣсто волосъ»; гиганты одноокіе, живущіе въ землѣ Сицилійской, подъ горою Этною; царь Китоврасъ или Кентавросъ, который «отъ главы человѣкъ, а отъ ногъ осель»; исатары или сатиры, обитающіе въ лѣсахъ со звѣрями «хожденіемъ скорые—никто ихъ не догнать—а ходятъ нагіе, шерстью обросли, какъ еловою корою, не говорятъ, только блеютъ по-козлиному».

Евтихій вздрогнулъ, очнулся, набожно перекрестился и прошепталъ успокоительное изреченіе русскихъ книжниковъ, которое слышалъ отъ Ильи Потапыча:

«Все лгано, не бывало Китовраса, ни дѣвицы Горгонѣи, ни людей въ шерсти, но эллинскіе философы ввели. Прелести же сіи правилами апостоловъ и святыхъ отцовъ отречены суть и прокляты».

И тотчасъ подумалъ:

«Такъ ли, полно? Все ли лгано, все ли проклято? Какъ же въ старыхъ русскихъ церквахъ, рядомъ со святыми угодниками, изображены языческіе мудрецы, поэты и сибиллы, которые отчасти пророчествовали о Рождествѣ Христовомъ и, хотя невѣрные, сказано въ «подлинникѣ», но чистаго ради житія коснулись Духа Святого». Великая отрада чуялась Евтихію въ этомъ словѣ о почти христіанской святости языческихъ пророковъ.

Онъ всталъ и взялъ съ полки дощечку съ начатымъ рисункомъ, небольшую икону собственной работы—«Всякое дыханіе да хвалитъ Господа»—многоличную, мелкописную, подробности которой можно было разсмотрѣть только въ увеличительное стекло.

Въ небесахъ на престолѣ—Вседержитель; у ногъ Его, въ семи небесныхъ сферахъ—солнце, луна звѣзды, съ надписью: «хвалите Господа, небеса небесъ, хвалите, солнце и луна, хвалите всѣ звѣзды и свѣтъ»; ниже—летающія птицы; «духъ бурень», градъ, снѣгъ, деревья, горы, огонь, выходя-

щій изъ земли; различные звѣри, гады, бездна въ видѣ пещеры,—съ надписью: «хвалите, всѣ деревья плодоносныя и всѣ кедры, всѣ звѣри и всѣ холмы, хвалите Господа». По объѣмъ сторонамъ—лики ангеловъ, преподобные, цари, судьи, сонмы человѣческіе: «хвалите Его всѣ ангелы, хвалите, сыны Израилевы, всѣ племена и народы земные».

Принявшись за работу и не умѣя иначе выразить чувство, которое переполняло душу его, Евтихій прибавилъ уже отъ себя къ этимъ обычнымъ ликамъ—псоглаваго мученика Христофора и бога-звѣря Кентавра.

Онъ зналъ, что нарушаетъ преданіе «подлинника»; но сомнѣнія и соблазна не было въ душѣ его: ему казалось, что рука невидимая водить рукой его.

Вмѣстѣ съ небомъ и преисподнею, огнемъ и духомъ бурнымъ, холмами и деревьями, звѣрями и гадами, людьми и силами безплотными, псоглавымъ Христофоромъ и во Христа обращеннымъ Кентавромъ, душа его пѣла единую пѣснь: «Всякое дыханіе да хвалить Господа».

VII.

Францискъ былъ великимъ женолюбцемъ. Во всѣхъ походахъ, вмѣстѣ съ главными сановниками, шутами, карликами, астрологами, поварами, неграми, миньонами, псарями и священниками, слѣдовали за королемъ «веселыя дѣвочки» подъ покровительствомъ «почтенной дамы», Иоганны Линьеръ. Во всѣхъ торжествахъ и празднествахъ, даже въ церковныхъ шествіяхъ, принимали онѣ участіе. Дворъ сливался съ этимъ походнымъ домомъ терпимости, такъ что трудно было рѣшить, гдѣ кончается одинъ, гдѣ начинается другой: «веселыя дѣвочки» были наполовину придворными дамами, придворныя дамы распутствомъ заслуживали мужьямъ своимъ золотое ожерелье св. архангела Михаила.

Расточительность короля на женщинъ была безпредѣльна. Подати, налоги съ каждымъ днемъ увеличивались, а все-таки денегъ не хватало. Когда съ народа уже нечего было

взять, Францискъ сталъ отнимать у вельможъ своихъ драгоценную столовую посуду и однажды, перечекали на монету серебряную рѣшетку съ гроба великаго святителя Франціи, Мартина Турскаго, не изъ вольнодумства, впрочемъ, а изъ нужды, ибо считалъ себя вѣрнымъ сыномъ Римской церкви, и всякую ересь и безбожіе преслѣдовалъ, какъ оскорбленіе своего собственнаго величества.

Со времени Людовика Святого сохранялось въ народѣ преданіе о врачующей силѣ, исходившей, будто бы, отъ королей дома Валуа: прикосновеніемъ руки исцѣляли они шелудивыхъ и золотушныхъ; къ Пасхѣ, Рождеству, Троицѣ и другимъ праздникамъ, чаявшіе исцѣленія стекались не только со всѣхъ концовъ Франціи, но также изъ Испаніи, Италіи, Савойи.

Во время торжествъ, по случаю бракосочетанія Лоренцо Медичи и крестинъ дофина, собралось въ Амбуазѣ множество больныхъ. Въ назначенный день впустили ихъ во дворъ королевскаго замка. Прежде, когда вѣра была сильнѣе, его величество, обходя больныхъ, творя по очереди надъ каждымъ изъ нихъ крестное знаменіе и прикасаясь къ нимъ пальцемъ, произносилъ: «Король прикоснулся—Богъ исцѣлитъ». Вѣра оскудѣла, исцѣленія становились рѣже, и теперь обрядныя слова произносились въ видѣ пожеланія: «Да исцѣлитъ тебя Богъ—король прикоснулся».

По окончаніи обряда подали умывальникъ съ тремя полотенцами, намоченными уксусомъ, чистою водою и апельсиновыми духами. Король умылся и вытеръ руки, лицо, шею.

Послѣ зрѣлища человѣческой бѣдности, уродства и болѣзни захотѣлось ему отвести душу и дать отдыхъ глазамъ на чемъ-нибудь прекрасномъ. Вспомнилъ, что давно собирався въ мастерскую Леонардо и съ немногими приближенными отправился въ замокъ Дю-Клу.

Весь день, несмотря на слабость и недомоганіе, художникъ усердно работалъ надъ Іоанномъ Предтечею.

Косые лучи заходящаго солнца проникали въ полустрѣльчатыя окна мастерской—большой холодной комнаты съ кирпичнымъ поломъ и потолкомъ изъ дубовыхъ брусевъ.

Пользуясь послѣднимъ свѣтомъ дня, торопился онъ кончить поднятую правую руку Предтечи, которая указывала на крестъ.

Подъ окнами слышались шаги и голоса.

— Никого,—обернувшись къ Франческо Мельци, проговорилъ учитель,—слышишь, никого не принимай. Скажи: боленъ или дома нѣтъ.

Ученикъ вышелъ въ сѣни, чтобы остановить непрощенныхъ гостей, но, увидѣвъ короля, почтительно склонился и открылъ передъ нимъ двери.

Леонардо едва успѣлъ завѣсить портретъ Джіоконды, стоявшій рядомъ съ Іоанномъ: онъ дѣлалъ это всегда, потому что не любилъ, чтобы видѣли ее чужіе.

Король вошелъ въ мастерскую.

Онъ одѣтъ былъ съ роскошью не совсѣмъ безупречнаго вкуса, съ чрезмѣрною пестротой и яркостью тканей, обиліемъ золота, вышивокъ, драгоценныхъ каменьевъ: черные атласные штаны въ обтяжку, короткій камзолъ съ продольными, перемежающимися полосами черного бархата и золотой парчи, съ огромными дутыми рукавами, съ безчисленными прорѣзами—«окнами»; черный плоскій беретъ съ бѣлымъ страусовымъ перомъ; четырехугольный вырѣзъ на груди обнажалъ стройную, бѣлую, словно изъ слоновой кости точеную шею; онъ душился не въ мѣру.

Ему было двадцать четыре года. Поклонники его увѣряли, будто бы въ наружности Франциска такое величіе, что довольно взглянуть на него, даже не зная въ лицо, чтобы сразу почувствовать: это король. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ строенъ, высокъ, ловокъ, необыкновенно силенъ; умѣлъ быть обаятельно любезнымъ; но въ лицѣ его, узкомъ и длинномъ, чрезвычайно бѣломъ, обрамленномъ черною, какъ смоль, курчавою бородкою, съ низкимъ лбомъ, съ непомѣрно-длиннымъ, тонкимъ и острымъ, какъ шило, словно книзу оттянутымъ носомъ, съ хитрыми, холодными и блестящими, какъ только что надрѣзанное олово, глазками, съ тонкими, очень красными и влажными губами,—было выраженіе не-

пріятное, черезчуръ откровенно, почти звѣрски похотливое— не то обезьянье, не то козлиное, напоминавшее фавна.

Леонардо, по придворному обычаю, хотѣлъ склонить колѣна передъ Францискомъ. Но тотъ удержалъ его, самъ склонился и почтительно обнялъ.

— Давно мы съ тобой не видѣлись, мэтръ Леонаръ, — молвилъ онъ ласково. — Какъ здоровье? Много ли пишешь? Нѣтъ ли новыхъ картинъ?

— Все хвораю, ваше величество, — отвѣтилъ художникъ и взялъ портретъ Джіоконды, чтобы отставить его въ сторону.

— Что это? — спросилъ король, указывая на картину.

— Старый портретъ, сирѣ! Изволили видѣть...

— Все равно, покажи. Картины твои таковы, что, чѣмъ больше смотришь, тѣмъ больше нравятся.

Видя, что художникъ медлитъ, одинъ изъ придворныхъ подошелъ и, отдернувъ полотно, открылъ Джіоконду.

Леонардо нахмурился. Король опустился въ кресло и долго смотрѣлъ на нее молча.

— Удивительно! — проговорилъ, наконецъ, какъ бы выходя изъ задумчивости. — Вотъ прекраснѣйшая женщина, которую я видѣлъ когда-либо! Кто это?

— Мадонна Лиза, супруга флорентинскаго гражданина Джіокондо, — отвѣтилъ Леонардо.

— Давно ли писалъ?

— Десять лѣтъ назадъ.

— Все такъ же хороша и теперя?

— Умерла, ваше величество!

— Мэтръ Леонаръ дѣ-Вансй, — молвилъ придворный поэтъ Сень-Желэ, коверкая имя художника на французскій ладъ, — пять лѣтъ работалъ надъ этою картиною и не кончилъ, такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ увѣряетъ.

— Не кончилъ? — изумился король. — Чего же еще, помилуй? Какъ живая, только не говорить...

— Ну, признаюсь, — обратился онъ снова къ художнику, — есть въ чемъ тебѣ позавидовать, мэтръ Леонаръ! Пять лѣтъ съ такою женщиной! Ты на судьбу не можешь по-

жаловаться: ты былъ счастливъ, старикъ! И чего только мужъ глядѣлъ? Если бы она не умерла, ты и донинѣ, пожалуй, не кончилъ бы!

И засмѣялся, прищуривъ блестящія глазки, сдѣлавшись еще болѣе похожимъ на фавна: мысль, что мона Лиза могла остаться вѣрною женою, не приходила ему въ голову.

— Да, другъ мой, — прибавилъ усмѣхнувшись, — ты знаешь толкъ въ женщинахъ. Какія плечи, какая грудь! А то, чего не видно, должно быть еще прекраснѣе...

Онъ смотрѣлъ на нее тѣмъ откровеннымъ мужскимъ взоромъ, который раздѣваетъ женщину, овладѣваетъ ею, какъ безстыдная ласка.

Леонардо молчалъ, слегка поблѣднѣвъ и потупивъ глаза.

— Чтобы написать такой портретъ, — продолжалъ король, — мало быть великимъ художникомъ, надо проникнуть во всѣ тайны женскаго сердца — лабиринта Дедалова, клубка, котораго самъ чортъ не распутаетъ! Вотъ вѣдь, кажется, тиха, скромна, смиренна, ручки сложила, какъ монахиня, воды не замутить, а поди-ка, довѣрься ей, попробуй угадать, — что у ней на душѣ!

Souvent femme varie,
Bien fol est qui s'y fie—

привелъ онъ два стиха изъ собственной пѣсенки, которую однажды, въ минуту раздумья о женскомъ коварствѣ, вырѣзалъ острымъ алмаза на оконномъ стеклѣ въ замкѣ Шамборъ.

Леонардо отошелъ въ сторону, дѣлая видъ, что хочетъ передвинуть поставъ съ другою картиною поближе къ свѣту.

— Не знаю, правда ли, ваше величество, — произнесъ Сень-Желэ полушопотомъ, наклонившись къ уху короля такъ, чтобы Леонардо не могъ слышать, — меня увѣряли, будто бы не только Лизы Джіоконды, но и ни одной женщины во всю свою жизнь не любилъ этотъ чудакъ и будто бы онъ совершенный дѣвственникъ...

И еще тише, съ игривою улыбкой, прибавилъ что - то, должно-быть, очень нескромное, о любви сократической, о

необычайной красотѣ нѣкоторыхъ учениковъ Леонардо, о вольныхъ нравахъ флорентинскихъ мастеровъ.

Францискъ удивился, но пожалъ плечами со снисходительной усмѣшкой человѣка умнаго, свѣтскаго, лишеннаго предрасудковъ, который самъ живетъ и другимъ жить не мѣшаетъ, понимая, что въ этого рода дѣлахъ на вкусъ и на цвѣтъ товарищей нѣтъ.

Послѣ Джіоконды онъ обратилъ вниманіе на неоконченный картонъ, стоявшій рядомъ.

— А это что?

— Судя по винограднымъ гроздьямъ и тирсу, должно быть, Вакхъ, — догадался поэтъ.

— А это? — указалъ король на стоявшую рядомъ картину.

— Другой Вакхъ? — нерѣшительно молвилъ Сень-Желэ.

— Странно! — удивился Францискъ. — Волосы, грудь, лицо — совсѣмъ какъ у дѣвушки. Похожъ на Лизу Джіоконду: та же улыбка.

— Можетъ-быть, Андрогинъ? — замѣтилъ поэтъ, и когда король, не отличавшійся ученостью, спросилъ, что значить это слово, Сень-Желэ напомнилъ ему древнюю басню Платона о двуполохъ существахъ, муже-женщинахъ, болѣе совершенныхъ и прекрасныхъ, чѣмъ люди, — дѣтяхъ Солнца и Земли, соединившихъ оба начала, мужское и женское, столь сильныхъ и гордыхъ, что, подобно титанамъ, задумали они возстать на боговъ и низвергнуть ихъ съ Олимпа. Зевсъ, усмиряя, но не желая истребить до конца мятежниковъ, дабы не лишиться молитвъ и жертвоприношеній, разсѣкъ ихъ пополамъ своею молніей, «какъ поселанки, сказано у Платона, рѣжутъ ниткою или волосомъ яйца для соленія впрокъ». И съ той поры обѣ половины, мужчины и женщины, тоскуя, стремятся другъ къ другу, съ желаніемъ неутолимымъ, которое есть любовь, напоминающая людямъ первобытное единство половъ.

— Можетъ-быть, — заключилъ поэтъ, — мѣтръ Леонаръ, въ этомъ созданіи мечты своей, пытался воскресить то, чѣго

уже нѣтъ въ природѣ: хотѣлъ соединить разъединенныя богами начала — мужское и женское.

Слушая объясненіе, Францискъ смотрѣлъ и на эту картину тѣмъ же безстыднымъ, обнажающимъ взоромъ, какъ только что на мону Лизу.

— Разрѣши, учитель, наши сомнѣнія, — обратился онъ къ Леонардо, — кто это, Вакхъ или Андрогинъ?

— Ни тотъ, ни другой, ваше величество, — молвилъ Леонардо, краснѣя, какъ виноватый. — Это Іоаннъ Предтеча.

— Предтеча? Не можетъ быть! Что ты говоришь, помилуй!..

Но, взглядѣвши пристальнѣе, замѣтилъ въ темной глубинѣ картины тонкій тростниковый крестъ и въ недоумѣніи покачалъ головою.

Эта смѣсь священнаго и грѣховнаго казалась ему кошунственной и въ то же время нравилась. Онъ, впрочемъ, тотчасъ рѣшилъ, что придавать этому значеніе не стоитъ; мало ли что можетъ взбрести въ голову художникамъ?

— Матрѣ Леонарѣ, я покупаю обѣ картины: Вакха, тобишь Іоанна, и Лизу Джіоконду. Сколько хочешь за нихъ?

— Ваше величество, — началъ было художникъ робко, — онѣ еще не кончены. Я предполагалъ...

— Пустяки!—перебилъ Францискъ.—Іоанна, пожалуй, кончай,—такъ и быть, подожду. А къ Джіокондѣ и прикасаться не смѣй. Все равно, лучше не сдѣлаешь. Я хочу имѣть ее у себя тотчасъ, слышишь? Говори же цѣну, не бойся: торговаться не буду.

Леонардо чувствовалъ, что надо найти извиненіе, предлогъ для отказа. Но что могъ онъ сказать этому человѣку, который превращалъ все, къ чему ни прикасался, въ пошлость или непристойность? Какъ объяснилъ бы ему, чѣмъ для него былъ портретъ Джіоконды, и почему не за какія деньги не согласился бы онъ разстаться съ нимъ?

Францискъ думалъ, что Леонардо молчитъ потому, что боится продешевить.

— Ну, дѣлать нечего, если ты самъ не хочешь, я назначаю цѣну.

Взглянулъ на мону Лизу и сказалъ:

— Три тысячи экю. Мало? Три съ половиною?

— Сирь, — началъ снова художникъ дрогнувшимъ голосомъ, — могу васъ увѣрить...

И остановился; лицо его опять слегка поблѣднѣло.

— Ну, хорошо; четыре тысячи, мэтръ Леонаръ! Кажется, довольноно?

Шопоть удивленія пробѣжалъ среди придворныхъ: никогда никакой покровитель искусствъ, даже самъ Лоренцо Медичи, не назначалъ такихъ цѣнъ за картины.

Леонардо поднялъ глаза на Франциска въ невыразимомъ смятеніи. Готовъ былъ упасть къ ногамъ его, молить, какъ молятъ о пощадѣ жизни, чтобъ онъ не отнималъ у него Джіоконды. Францискъ принялъ это смятеніе за порывъ благодарности, всталъ, собираясь уходить, и на прощаніе снова обнялъ его.

— Ну, такъ, значить, по рукамъ? Четыре тысячи. Деньги можешь получить когда угодно. Завтра пришлю за Джіокондою. Будь спокоенъ, я выберу такое мѣсто для нея, что останешься доволенъ. Я знаю цѣну ей и сумѣю сохранить ее для потомства.

Когда король ушелъ, Леонардо опустился въ кресло. Онъ смотрѣлъ на Джіоконду потеряннымъ взоромъ, все еще не вѣря тому, что случилось. Нелѣпые ребяческіе планы приходили ему въ голову: спрятать ее такъ, чтобы не могли отыскать, и не отдавать, хотя бы грозили ему смертною казнью; — или отослать въ Италію съ Франческо Мельци; — бѣжать самому съ нею.

Наступили сумерки. Нѣсколько разъ заглядывалъ Франческо въ мастерскую, но заговаривать съ учителемъ не смѣлъ. Леонардо все еще сидѣлъ передъ Джіокондою; лицо его казалось въ темнотѣ блѣднымъ и неподвижнымъ, какъ у мертваго.

Ночью вошелъ въ комнату Франческо, который уже легъ, но не могъ заснуть.

— Вставай. Пойдемъ въ замокъ. Мнѣ надо видѣть короля.

— Поздно, учитель! Вы сегодня устали. Опять заболѣете. Вамъ вѣдь уже и теперь нездоровится. Право, не лучше ли завтра?..

— Нѣтъ; сейчасъ. Зажги фонарь, проводи меня. — Впрочемъ, все равно, если не хочешь, я одинъ.

Не возражая болѣе, Франческо всталъ, одѣлся, и они отправились въ замокъ.

VIII.

До замка было минутъ десять ходьбы; но дорога — крутая, плохо мощеная. Леонардо шелъ медленно, опираясь на руку Франческо.

Ночь безъ звѣздъ была душная, черная, словно подземная. Вѣтеръ дулъ порывами. Вѣтви деревьевъ вздрагивали испуганно и болѣзненно. Вверху, между вѣтвями, рдѣли освѣщенные окна замка. Оттуда слышалась музыка.

Король ужиналъ въ маленькомъ избранномъ обществѣ, забавляясь шуткою, которую особенно любилъ: изъ большого серебрянаго кубка, съ искусною рѣзьбою по краямъ и подножію, изображавшею непристойности, заставлялъ пить молоденькихъ придворныхъ дамъ и дѣвушекъ, въ присутствіи всѣхъ, наблюдая, какъ однѣ смѣялись, другія краснѣли и плакали отъ стыда, третьи сердились, четвертыя закрывали глаза, чтобы не видѣть, пятыя притворялись, что видятъ, но не понимаютъ.

Среди дамъ была родная сестра короля, принцесса Маргарита — «Жемчужина жемчужинъ», какъ ее называли. Искусство нравиться было для нея «привычнѣе хлѣба насущнаго». Но, плѣняя всѣхъ, была она равнодушна ко всѣмъ, только брата любила странною, чрезмѣрною любовью: слабости его казались ей совершенствами, пороки—доблестями, лицо фавна—лицомъ Аполлона. За него во всякую минуту жизни была она готова, какъ сама выражалась, «не только развѣять по вѣтру прахъ тѣла своего, но отдать и безсмертную душу свою». Ходили слухи, будто бы она любить его болѣе, чѣмъ позволено сестрѣ любить брата. Во всякомъ

случаѣ, Францискъ злоупотреблялъ этою любовью: пользовался услугами ея не только въ трудахъ, болѣзняхъ, опасностяхъ, но и во всѣхъ своихъ любовныхъ похожденияхъ.

Въ тотъ вечеръ должна была пить изъ непристойнаго кубка новая гостья, совсѣмъ еще молоденькая дѣвушка, почти ребенокъ, наслѣдница древняго рода, отысканная гдѣ-то въ захолустѣ Бретани Маргаритою, представленная ко двору и уже начинавшая нравиться его величеству. Дѣвушка не имѣла нужды притворяться: она, въ самомъ дѣлѣ, не понимала безстыдныхъ изображеній; только чуть - чуть краснѣла отъ устремленныхъ на нее любопытныхъ и насмѣшливыхъ взоровъ. Король былъ очень веселъ.

Доложили о приходѣ Леонардо. Францискъ велѣлъ принять его и вмѣстѣ съ Маргаритою пошелъ къ нему навстрѣчу.

Когда художникъ въ смущеніи, потупивъ глаза, проходилъ по освѣщеннымъ заламъ сквозь ряды придворныхъ дамъ и кавалеровъ, — не то удивленные, не то насмѣшливые взоры провожали его: отъ этого высокаго старика, съ длинными сѣдыми волосами, съ угрюмымъ лицомъ, съ робкимъ до дикости взглядомъ, на самыхъ безпечныхъ и легкомысленныхъ вѣяло дыханіемъ иного, чуждаго міра, какъ вѣтъ холодомъ отъ человѣка, пришедшаго въ комнату прямо со стужи.

— А, мэтръ Леонаръ! — привѣтствовалъ его король и по обыкновенію почтительно обнялъ. — Рѣдкій гость! Чѣмъ потчевать? Знаю, мяса не ѣшь, — можетъ-быть, овощей или плодовъ?

— Благодарю, ваше величество... Простите, мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ два слова...

Король посмотрѣлъ на него пристально.

— Что съ тобою, другъ? Ужъ не боленъ ли?

Отвелъ его въ сторону и спросилъ, указывая на сестру.

— Не помѣшаетъ?

— О, нѣтъ, — возразилъ художникъ, склонившись передъ Маргаритою. — Смѣю надѣяться, что ея высочество также будетъ за меня ходатайствовать...

— Говори! Ты знаешь, я всегда радъ.

— Я все о томъ же, сирь,—о картинѣ, которую вы желали купить, о портретѣ моны Лизы...

— Какъ? Опять? Зачѣмъ же ты мнѣ сразу не сказалъ? Чудакъ! Я думалъ — мы сошлись въ цѣнѣ.

— Я не о деньгахъ, ваше величество...

— О чемъ же?

И Леонардо снова почувствовалъ, подъ равнодушно-ласковымъ взоромъ Франциска, невозможность говорить о Джіокондѣ.

— Государь,—произнесъ, наконецъ, дѣлая усиліе,—государь, будьте милостивы, не отнимайте у меня этого портрета! Онъ, все равно, вашъ, и денегъ не надо мнѣ: только на время оставьте его у меня — до моей смерти...

Замаялся, не кончилъ и съ отчаянною мольбою взглянулъ на Маргариту.

Король, пожавъ плечами, нахмурился.

— Сирь, — вступилась дѣвушка, — исполните просьбу мэтра Леонаръ. Онъ заслужилъ того — будьте милостивы!

— И вы за него, и вы? Да это цѣлый заговоръ!

Она положила руку на плечо брата и шепнула ему на ухо:

— Какъ же вы не видите? Онъ до сихъ поръ любить ее...

— Да вѣдь она умерла!

— Что изъ того? Развѣ мертвыхъ не любятъ? Вы же сами говорили, что она живая на портретѣ. Будьте добрымъ, братецъ милый, оставьте ему послѣднюю память о прошломъ, не огорчайте старика...

Что-то шевельнулось въ умѣ Франциска, полузабытое, школьное, книжное — о вѣчномъ союзѣ душъ, о неземной любви, о рыцарской вѣрности: ему захотѣлось быть великодушнымъ.

— Богъ съ тобой, мэтръ Леонаръ, — молвилъ съ немного насмѣшливой улыбкой, — видно, тебя не переупрямишь. Ты сумѣлъ выбрать себѣ ходатайницу. Будь спокоенъ, я исполню твое желаніе. Только помни: картина мнѣ принадлежитъ, и деньги за нее ты получишь впередъ.

И потрепалъ его по плечу.

— Не бойся же, другъ мой: даю тебѣ слово — никто не разлучитъ тебя съ твоею Лизой!

У Маргариты навернулись слезы на глазахъ: съ тихой улыбкою подала она руку художнику, и тотъ поцѣловалъ ее молча.

Заиграла музыка; начался балъ; закружились пары.

И уже никто не вспоминалъ о странномъ, чуждомъ гостѣ, который прошелъ между ними, какъ тѣнь, и снова скрылся во мракѣ беззвѣздной, черной, словно подземной ночи.

IX.

Франческо Мельци, чтобы вступить во владѣніе наибольшимъ наслѣдствомъ дальняго родственника, долженъ былъ получить бумаги отъ королевскаго нотариуса города Амбуаза, мэтра Гильома Борб. Это былъ человекъ любезный и дружески расположенный къ Леонардо.

Однажды, бесѣдуя съ Франческо о послѣднихъ работахъ учителя, замѣтилъ онъ съ шуткою, что и въ собственномъ домѣ его есть удивительный живописецъ изъ Гиперборейскихъ странъ. И, когда Франческо сталъ спрашивать, повелъ его на чердакъ и здѣсь, въ большой низкой комнатѣ, рядомъ съ голубятнею, въ углубленіи слухового окна, показалъ крошечную иконописную мастерскую Евтихія Паисеевича Гагары.

Франческо, желая развеселить учителя, который въ послѣдніе дни былъ особенно задумчивъ, рассказалъ ему о мастерской живописца-варвара, какъ о любопытной диковинкѣ, совѣтуя, при случаѣ, взглянуть на нее. Леонардо помнилъ разговоръ свой о Миланѣ, во дворцѣ Моро, на праздникѣ Золотого Вѣка, съ русскимъ посломъ Никитою Карачьяровымъ о далекой Московіи; ему захотѣлось видѣть художника изъ этой полусказочной страны.

Однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ покупки Францискомъ портрета Джіоконды, пошли они къ мэтру Гильому.

Въ тотъ вечеръ товарищи Евтихія отправились въ замокъ на маскарадъ и балъ. Евтихій также собирался; но Илья Потапычъ, который самъ долженъ былъ присутствовать на праздникѣ, отсовѣтовалъ ему:

— Когда въ здѣшнихъ поганыхъ фрѣжскихъ обычаяхъ къ питію пьянственному мужи и жены въ гнусныхъ личинахъ и машкерахъ сойдутся, тутъ же приходятъ и нѣкіи кощунники, имѣя гусли и скрипѣли, и сопѣли, и бубны, бѣсяся и скача, и скверныя пѣсни припѣвая: каждый мужъ чужой женѣ питіе подаетъ съ лобзаниемъ, и тутъ будетъ рукамъ пріятіе и злотайнымъ рѣчамъ соплетеніе, и связь дѣвольская...

Не столько, впрочемъ, изъ боязни соблазновъ, сколько потому, что хотѣлъ въ уединеніи поработать надъ новою иконою «Всякое дыханіе да хвалить Господа», Евтихій остался дома одинъ, сѣлъ на свое обычное мѣсто у окна и принялся за работу.

Всѣ ремесленныя мелочи искусства были для него не менѣ святы и дороги, чѣмъ высшія правила. Онъ заботился не объ одномъ изяществѣ, но и о прочности—писалъ икону такъ, чтобы вѣка могли пройти, не испортивъ ея.

Дерево, обыкновенно липу или клень, выбиралъ самага ровнаго бѣлаго цвѣта, выросшее на мѣстѣ высококомъ, сухомъ, и потому не легко загнивающее; старательно задѣлывалъ пазы, проклеивалъ доску крѣпкимъ стерляжьимъ клеемъ, накладывалъ паволоку изъ мягкой старой холстины, намазывалъ слоями жидкій левкасъ, отнюдь не мѣловой, который употреблялся мастерами, помышлявшими болѣе о дешевизнѣ, чѣмъ о долговѣчности своихъ произведеній, — а самый дорогой, твердый и нѣжный, алебастровый; давалъ ему просохнуть, выглаживалъ хвощомъ; потомъ «знаменилъ»—рисовалъ тонкою кисточкой съ тушью «переводъ» съ древняго образца и, дабы впослѣдствіи, во время раскрашиванія, не сбиться, «графовалъ»—обводилъ весь очеркъ узкими, выскребленными остреемъ гвоздя, канавками — «графьями»; наконецъ приготавлиалъ краски — вапы: распускалъ ихъ на яичномъ желткѣ, протиралъ въ глиняныхъ черепкахъ и рако-

винахъ, а иныя, самыя нѣжныя, на собственныхъ ногтяхъ, замѣнявшихъ ему палитру; затѣмъ начиналъ писать, сперва «доличное»—все кромѣ человѣческихъ лицъ: горы, въ видѣ круглыхъ, плоскихъ шапокъ, деревья — грибами, травы — наподобіе перистыхъ черно-красныхъ водорослей, съ голубыми точками незабудокъ, облака — неправильными бѣлыми кружками; одежды грунтовалъ сначала темно-коричневою краскою, потомъ обозначалъ по нимъ складки и въ высокихъ мѣстахъ пробѣливалъ; золотыя украшенія въ ризахъ ангеловъ и святителей, также завитки и тончайшіе усики травъ золотилъ, при помощи спицы, «въ проскрѣбку», червоннымъ золотомъ.

Вся доличная работа была уже исполнена. Въ тотъ вечеръ приступилъ онъ къ послѣдней, самой важной и трудной части — къ писанію человѣческихъ лицъ: такъ же какъ ризы, загрунтовалъ ихъ темною краскою, потомъ постепенно сталъ «оживлять» тремя личными вохрами, изъ коихъ каждая послѣдующая была свѣтлѣе предыдущей, и, наконецъ, «подрумянивать щечку и уста, и бородку, и губки, и шейку».

Не довольствуясь рѣзкими бѣлыми «движками» стараго новгородскаго письма, онъ стремился къ новому, рублёвскому, сходному съ древне-византійскимъ, болѣе совершенному, какъ тогдашніе мастера выражались, *плавкому, облачному*, въ которомъ розоватое вохреніе пущено въ тонкую свѣтлую тѣнь; особенно же заботился о благолѣпіи мужей—бородѣ, то короткой, курчавой, то длинной, повившейся до земли, то широкой распахнувшейся на оба плеча, то «разсохатой, съ космочками», «продымленной», или съ «подрусинками», или «съ подсѣдинками»; о выраженіи лицъ величаво-строгомъ, или «страдномъ» и нѣжномъ.

Онъ совсѣмъ погрузился въ работу, какъ вдругъ за окномъ послышался шелестъ и трепетъ голубиныхъ крыльевъ. Евтихій зналъ, что это кормить птицъ сосѣдка, молодая жена стараго пекаря. Онъ часто смотрѣлъ на нее украдкою. Надъ палисадникомъ, между вѣтвями сирени, въ темномъ четырехугольникѣ открытаго окна, стояла она, съ

голою шеей, съ вырѣзомъ платья, сквозь который сверху видно ему было раздѣленіе груди и теплая тѣнь между ними,—съ чуть замѣтными веснушками на бѣлой кожѣ и рыжими волосами, блестящими на солнцѣ, какъ золото.

«Чадо, на женскую красоту не зри,—вспоминались ему слова Ильи Потапыча,—ибо та красота сладить сперва, какъ медвяная сыта, а послѣ горше полыни и желчи бываетъ. Не возводи на нее очей своихъ, да не погибнешь. Чадо, бѣги отъ красоты женской невозвратно, какъ Ной отъ потопа, какъ Лотъ отъ Содома и Гоморры. Ибо что есть жена? Сѣть, сотворенная бѣсомъ, прельщающая сластями,—проказливая на святыхъ клеветница, сатанинскій праздникъ, покоище змѣиное, цвѣтъ дьявольскій, безъ исцѣленія болѣзнь, коза неистовая, вѣтеръ сѣверный, день ненастный, гостиница жидовская. Лучше лихорадкою болѣть, нежели женою обладаему быть: лихорадка потрясетъ да и пустить, а жена до смерти изсушить. Жена подобна перечеку: сюда болитъ, а сюда свербитъ. Кротима—выситя, біема—бѣситя. Всякаго зла злѣе злая жена».

Евтихій продолжалъ смотрѣть на сосѣдку и даже отвѣтилъ на улыбку ея такою же невольною улыбкою. Потомъ, вернувшись къ работѣ, написалъ одну изъ святыхъ мученицъ въ иконѣ, съ волосами золотисто-рыжаго цвѣта, какъ у хорошенькой пекарши.

На лѣстницѣ раздались голоса. Вошелъ Власій, старый посольскій толмачъ, за нимъ хозяинъ дома мѣтръ Гильомъ Борд, Франческо Мельци и Леонардо.

Когда Власій объявилъ Евтихію, что гости желаютъ взглянуть на его мастерскую, онъ застыдился, почти испугался и все время, пока они осматривали, стоялъ молча, потупившись, не зная, куда дѣть глаза, только изрѣдка взглядывая на Леонардо: лицо его поразило Евтихія — онъ казался ему похожимъ на Илью пророка, какъ тотъ изобразался въ «Иконописномъ подлинникѣ».

Осмотрѣвъ принадлежности крошечной мастерской — невиданныя кисти, пилки, дощечки, раковины съ вапами, горшечки съ клеемъ и олифою,—обратилъ Леонардо внима-

ніе на икону «Всякое дыханіе да хвалить Господа». Хотя Власій, который больше путалъ, чѣмъ объяснялъ,—не умѣлъ растолковать значеніе надписей, художникъ понялъ замыселъ иконы и удивился тому, что этотъ варваръ, сынъ «звѣрскаго племени», какъ называли итальянскіе путешественники русскихъ людей,—коснулся предѣла всей человѣческой мудрости: не былъ ли Сидящій на престолѣ надъ сферами семи планетъ, воспѣваемый всѣми голосами природы—неба и преисподней, огня и духа бурнаго, растеній и животныхъ, людей и ангеловъ,—«Первымъ Двигателемъ» божественной механики — *Primo Motore* самого Леонарда?

Учитель разсматривалъ также, съ глубокимъ вниманіемъ и любопытствомъ, лицевой «Иконописный подлинникъ», большую тетрадь съ изображеніемъ иконъ, слегка очерченныхъ углемъ или красными чернилами. Здѣсь увидѣлъ онъ различныхъ русскихъ Богоматерей—Утоли моя печали, и Радость всѣхъ скорбящихъ, и Взыгранія, и Умиленія, и Живоносный Источникъ, гдѣ Пречистая стоитъ надъ водометомъ, утоляющимъ жажду всѣхъ тварей, и Страстную съ Младенцемъ Исусомъ, Который, какъ бы въ ужасѣ, отворачивается отъ подаваемого Ему скорбнымъ архангеломъ, креста; и Спаса «Мокрая брада», съ прямыми, не вьющимися волосами, нерукотворнаго, запечатлѣннаго на убрूसѣ, коимъ Господь отиралъ лицо Свое, орошенное потомъ, когда шелъ на Голгоѳу; и Спаса Благое Молчаніе, съ руками сложенными на груди.

Леонардо чувствовалъ, что это—не живопись, или, по крайней мѣрѣ, не то, чѣмъ казалась ему живопись: но, вопреки несовершенству рисунка, свѣта и тѣни, перспективы и анатоміи—здѣсь, какъ въ старыхъ византійскихъ мозаикахъ (Леонардо видѣлъ ихъ въ Равеннѣ), была сила вѣры, болѣе древняя и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе юная, чѣмъ въ самыхъ раннихъ созданіяхъ итальянскихъ мастеровъ, Чимабуэ и Джіотто; было смутное чаяніе великой, новой красоты,—какъ бы таинственныя сумерки, въ которыхъ послѣдній лучъ эллинской прелести сливался съ первымъ лучомъ еще невѣдомаго утра. Дѣйствіе этихъ образовъ, иногда неуклюжихъ

варварскихъ, странныхъ до дикости, и въ то же время безплотныхъ, прозрачныхъ и нѣжныхъ, какъ сновидѣнія ребенка, подобно было дѣйствию музыки; въ самомъ нарушеніи законовъ естественныхъ досягали они міра сверхъестественнаго.

Особенно поразили художника два лика Іоанна Предтечи Крылатаго: у одного въ лѣвой рукѣ была золотая чаша съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, на Котораго указывалъ онъ правою рукою: «Се Агнецъ Божій вземляй грѣхи міра», другой—«съ усѣкновеніемъ», вопреки законамъ природы, имѣлъ двѣ головы: одну, живую, на плечахъ, другую, мертвую, въ сосудѣ, который держалъ въ рукахъ, какъ бы въ знакъ того, что человѣкъ, только умертвивъ въ себѣ все человѣческое, достигаетъ окрыленія сверхчеловѣческаго; ликъ у обоихъ былъ страненъ и страшенъ: взоръ широко открытыхъ глазъ похожъ на взоръ орла, вперенный въ солнце; борода и волосы развѣвались, какъ бы отъ сильнаго вѣтра; косматая верблюжья риза напоминала перья птицы; кости исхудалыхъ, непомерно длинныхъ, тонкихъ рукъ и ногъ, едва покрытыя кожей, казались легкими, преображенными для полета, точно пустыми, полыми внутри, какъ хрящи и кости пернатыхъ; за плечами два исполинскія крыла подобны были крыльямъ лебедя или той *Великой Птицы*, о которой всю жизнь мечталъ Леонардо.

И вспомнились художнику слова пророка Малахіи, приведенныя въ дневникѣ Джіованни Бельтраффіо:

«Вотъ Я посылаю Ангела Моего, и онъ приготовитъ путь предо Мною, и внезапно придетъ въ храмъ Свой Господь, Котораго вы ищете, и Ангелъ завѣта, Котораго вы желаете. Вотъ Онъ идетъ».

Х.

Только что уѣхалъ король, воцарилась въ Амбуазѣ обычная тишина и пустынность. Раздавался лишь мѣрный мѣдный бой часовъ на башнѣ Орложъ да по вечерамъ крики дикихъ лебедей на песчаныхъ отмеляхъ, среди гладкой, какъ зеркало, отражающей блѣдно-зеленое небо, Луары.

Леонардо попрежнему работалъ надъ Иоанномъ Предтечею. Но работа, по мѣрѣ того, какъ шла впередъ, становилась она все труднѣе, все медленнѣе. Иногда казалось Франческо, что учитель хочетъ невозможнаго. Съ такимъ же дерзновеніемъ, какъ нѣкогда тайну жизни въ монѣ Лизѣ, теперь, въ этомъ Иоаннѣ, который указывалъ на крестъ Голгофы, испытывалъ онъ то, въ чемъ жизнь и смерть сливаются въ одну, еще большую, тайну.

Порою, въ сумерки, Леонардо, снявъ покровъ съ Джіоконды, подолгу смотрѣлъ на нее и на стоявшаго рядомъ Иоанна, какъ будто сравнивалъ ихъ. И тогда ученику казалось, можетъ-быть, отъ игры невѣрнаго свѣта и тѣни, что выраженіе лицъ у обоихъ—у отрока и женщины—мѣняется, что они выступаютъ изъ полотна, какъ призраки, подъ пристальнымъ взоромъ художника, оживляясь жизнью сверхъестественною, и что Иоаннъ становится похожимъ на мону Лизу и на самого Леонардо въ юности, какъ сынъ похожъ на отца и на мать.

Здоровье учителя слабѣло. Напрасно Мельци умоляли его отдохнуть, оставить работу, Леонардо слышать не хотѣлъ объ отдыхѣ.

Однажды, осенью 1518 года, особенно недомогалось ему. Но, преодолевая болѣзнь и усталость, проработалъ онъ весь день; кончилъ только раньше, чѣмъ всегда, и попросилъ Франческо проводить его наверхъ, въ спальню: витая деревянная лѣстница была крута; вслѣдствіе частыхъ головокруженій не рѣшался онъ въ послѣдніе дни подыматься по ней безъ чьей-либо помощи.

И на этотъ разъ Франческо поддерживалъ учителя. Леонардо шелъ медленно, съ трудомъ, останавливаясь черезъ каждыя двѣ, три ступени, чтобы перевести духъ.

Вдругъ покачнулся, опираясь на ученика всею тяжестью тѣла. Тотъ понялъ, что ему дурно, и боясь, что одинъ не сможетъ поддержать его, кликнулъ стараго слугу Баттисто Вилланиса. Вдвоемъ подхватили они Леонардо, который опустился къ нимъ на руки, стали звать на помощь, и когда подоспѣли еще двое слугъ, перенесли больного въ спальню,

Отказываясь, по обыкновенію, отъ всякаго лѣченія, шесть недѣль пролежалъ онъ въ постели. Правая сторона тѣла была разбита параличомъ, правая рука отнялась.

Къ началу зимы ему сдѣлалось лучше. Но поправлялся онъ трудно и медленно.

Въ теченіе всей своей жизни Леонардо владѣлъ обѣими руками—лѣвой, какъ и правой—одинаково, и обѣ были ему нужны для работы; лѣвою рисовалъ, писалъ картины правою; то, что дѣлала одна, не могла бы сдѣлать другая; въ этомъ соединеніи двухъ противоположныхъ силъ заключалось, какъ онъ утверждалъ, преимущество его передъ другими художниками. Но теперь, когда, вслѣдствіе паралича, онѣмѣли пальцы на правой рукѣ, такъ что онъ лишился или почти лишился ея употребленія, Леонардо боялся, что живопись сдѣлается для него невозможною.

Въ первыхъ числахъ декабря всталъ съ постели, сперва началъ ходить по верхнимъ покоямъ, потомъ спускаться въ мастерскую. Но къ работѣ не возвращался.

Однажды, въ самый тихій часъ дня, когда всѣ въ домѣ спали послѣ полдника, Франческо, желая о чемъ-то спросить учителя и, не найдя его въ верхнихъ покояхъ, сошелъ внизъ, въ мастерскую, осторожно пріотворилъ дверь и заглянулъ. Въ послѣднее время Леонардо, болѣе угрюмый и нелюдимый, чѣмъ когда-либо, любилъ подолгу оставаться одинъ, не позволяя, чтобы къ нему входили безъ спроса, точно боялся, что за нимъ подсматриваютъ.

Въ пріотворенную дверь Франческо увидѣлъ, что онъ стоитъ передъ Іоанномъ и пробуетъ писать больною рукою: лицо его искажено было судорогою отчаяннаго усилія; углы крѣпко сжатыхъ губъ опущены; брови сдвинуты; сѣдые пряди волосъ прилипли ко лбу, смоченному потомъ. Окоченѣлые пальцы не слушались: кисть дрожала въ рукѣ великаго мастера, какъ въ рукѣ неопытнаго ученика.

Въ ужасѣ, не смѣя шевельнуться, затаивъ дыханіе, смотрѣлъ Франческо на эту послѣднюю борьбу живого духа съ умирающей плотью.

ХІ.

Въ тотъ годъ зима была суровая; леодоходъ разрушилъ мосты на Луарѣ; люди замерзали на дорогахъ, волки забѣгали въ предмѣстье города; старый садовникъ увѣрялъ, будто бы видѣлъ ихъ въ саду, подъ окнами замка Дю-Клу: ночью нельзя было безъ оружія выйти изъ дому; перелетныя птицы падали мертвыми. Однажды утромъ, выйдя на крыльцо, Франческо нашель на снѣгу и принесъ учителю полузамерзшую ласточку. Тотъ отогрѣлъ ее дыханіемъ и устроилъ ей гнѣздо въ тепломъ углу за очагомъ, чтобы весной выпустить на волю.

Работать онъ уже не пытался: неоконченнаго Іоанна, вмѣстѣ съ прочими картинами, рисунками, кистями и красками, спряталъ въ самый дальній уголъ мастерской. Дни проходили въ праздности. Иногда посѣщаль ихъ нотаріусъ, мѣтръ Гильомъ; онъ бесѣдовалъ о предстоящемъ урожаѣ, о дороговизнѣ соли, о томъ, что у лангедокскихъ овецъ шерсть длиннѣе, зато мясо лучше у беррійскихъ и лимузенскихъ; или давалъ совѣты стряпухѣ Матуринѣ, какъ отличать молодыхъ зайцевъ отъ старыхъ по легкоподвижной косточкѣ въ переднихъ лапкахъ. Заходилъ къ нимъ также францисканскій монахъ, духовникъ Франческо Мельци, братъ Гульельмо, родомъ изъ Италіи, давно поселившійся въ Амбуазѣ — старичокъ простой, веселый и ласковый; онъ отлично разсказывалъ старинныя новеллы о флорентинскихъ шалунахъ и проказникахъ. Леонардо, слушая его, смѣялся такимъ же добрымъ смѣхомъ, какъ онъ. Въ долгіе зимніе вечера играли они въ шашки, бирюльки и карты.

Наступали раннія сумерки; свинцовый свѣтъ лился сквозь окна; гости уходили. Тогда цѣлыми часами расхаживалъ Леонардо взадъ и впередъ по комнатѣ, изрѣдка поглядывая на механика Зороастро да-Перетола. Теперь, болѣе, чѣмъ когда-либо, этотъ калѣка былъ живымъ укоромъ, насмѣшкой надъ усиліемъ всей жизни учителя—созданіемъ

человѣческихъ крыльевъ. По обыкновенію, сидя въ углу, поджавъ ноги, наматывалъ Астро длинную полотняную ленту на круглый шестокъ; выпиливалъ чурки для городковъ; вырѣзывалъ волчки; или, зажмуривъ глаза и раскачиваясь медленно съ бессмысленной улыбкой, махалъ руками, точно крыльями, въ полузабытѣи, мурлыкалъ себѣ подъ носъ всю одну и ту же пѣсенку:

Курлы, курлы,
Журавли да орлы,
Среди солнечной мглы,
Гдѣ не видно земли.
Журавли, журавли.

И отъ этой унылой пѣсенки дѣлалось еще скучнѣе, холодный свѣтъ сумерекъ казался еще безнадежнѣе.

Наконецъ совсѣмъ темнѣло. Въ домѣ наступала тишина. А за окнами выла вьюга, шумѣли голые сучья старыхъ деревьевъ, и шумъ этотъ похожъ былъ на бесѣду злыхъ великановъ. Къ вою вѣтра присоединялся другой, еще болѣе жалобный, должно-быть, вой волковъ на опушкѣ лѣса. Франческо разводилъ огонь въ очагѣ, и Леонардо присаживался.

Мельци хорошо игралъ на лютнѣ, и у него былъ пріятный голосъ. Иногда старался онъ разсѣять мрачныя мысли учителя музыкой. Однажды спѣлъ ему старинную пѣсню, сложенную Лоренцо Медичи, сопровождавшую такъ называемый тріонфо — карнавальное шествіе Вакха и Ариадны — безконечно-радостную и унылую пѣсню любви, которую Леонардо любилъ, потому что слышалъ ее часто въ юности:

О какъ молодость прекрасна,
Но мгновенна! Пой же, смѣйся,
Счастливь будь, кто счастья хочетъ,
И на завтра не надѣйся.

Учитель слушалъ, опустивъ голову: ему вспоминалась лѣтняя ночь, черныя, какъ уголь, тѣни, яркій, почти бѣлый, свѣтъ луны въ пустынной улицѣ, звуки лютни передъ мраморной лоджіей, эта же самая пѣсня любви—и мысли о Джіокондѣ.

Послѣдній звукъ дрожалъ, замирая, сливаясь съ гуломъ и грохотомъ вьюги. Франческо, сидѣвшій у ногъ учителя, поднялъ глаза на него и увидѣлъ, что по лицу старика текутъ слезы.

Иногда перечитывая дневники свои, Леонардо записывалъ новыя мысли о томъ, что теперь занимало его больше всего,—о смерти.

«Теперь ты видишь, что твоя надежда и желаніе вернуться на родину, къ первому бытію—подобно стремленію бабочки въ огонь, и что человѣкъ, который въ непрерывныхъ желаніяхъ, въ радостномъ нетерпѣніи, ждетъ всегда новой весны, новаго лѣта, новыхъ мѣсяцевъ и новыхъ годовъ, думая, что ожидаемое опаздываетъ,—не замѣчаетъ того, что желаетъ собственнаго разрушенія и конца. Но желаніе это есть сущность природы—душа стихій, которая чувствуя себя заключенною въ душѣ человѣческой, вѣчно желаетъ вернуться изъ тѣла къ Пославшему ее.

Въ природѣ нѣтъ ничего, кромѣ силы и движенія; сила же есть воля счастья—вѣчное стремленіе міра къ послѣднему равновѣсію, къ первому Двигателю.

«Когда желаемое соединяется съ желающимъ, происходитъ утоленіе желанія и радость: любящій, когда соединился съ любимою,—покоится; тяжесть, когда упала,—покоится.

«Часть всегда желаетъ соединиться съ цѣлымъ, дабы избѣгнуть несовершенства: душа всегда желаетъ быть въ тѣлѣ, потому что безъ органовъ тѣла не можетъ ни дѣйствовать, ни чувствовать. Но съ разрушеніемъ тѣла душа не разрушается; она дѣйствуетъ въ тѣлѣ, подобно вѣтру въ трубахъ органа: ежели одна изъ трубъ испорчена, вѣтеръ не производитъ вѣрнаго звука.

«Какъ день, хорошо употребленный, даетъ радостный сонъ, такъ жизнь, хорошо прожитая, даетъ радостную смерть.

«Всякая жизнь, хорошо прожитая, есть долгая жизнь.

«Всякое зло оставляетъ горечь въ памяти, кромѣ величайшаго—смерти, которая разрушаетъ память вмѣстѣ съ жизнью.

«Когда я думалъ, что учусь жить, я только учился умирать.

«Внѣшняя необходимость природы соотвѣтствуетъ внутренней необходимости разума: все разумно, все хорошо, потому что все необходимо.

«Да будетъ воля Твоя, Отче нашъ, и на землѣ, какъ на небѣ».

Такъ разумомъ оправдывалъ онъ въ смерти божественную необходимость—волю перваго Двигателя. А между тѣмъ, въ глубинѣ сердца что-то возмущалось, не могло и не хотѣло покориться разуму.

Однажды, приснилось ему, что онъ очнулся въ гробу, подъ землею, заживо погребенный, и съ отчаяннымъ усиленіемъ, задыхаясь, уперся руками въ крышку гроба.—На слѣдующее утро напомнилъ онъ Франческо свое желаніе, чтобы не хоронили его, пока не явятся первые признаки тлѣнія.

Въ зимнія ночи, подъ стоны вьюги, глядя на подернутые пепломъ угли очага, онъ вспоминалъ свои дѣтскіе годы въ селеніе Винчи—безконечно-далекій и радостный, точно призывный, крикъ журавлей: «полетимъ! полетимъ!»: смолистый горный запахъ вереска, видъ на Флоренцію въ солнечной долинѣ, прозрачно-лиловую, какъ аметистъ, такую маленькую, что вся она умѣщалась между двумя золотистыми вѣтками поросли, покрывающей склоны Альбанской горы.—И тогда чувствовалъ, что все еще любить жизнь, все еще, полумертвый, цѣпляется за нее и боится смерти, какъ черной ямы, куда, не сегодня, такъ завтра, прозалится съ крикомъ послѣдняго ужаса. И такая тоска сжимала сердце, что хотѣлось плакать, какъ плачутъ маленькія дѣти. Всѣ утѣшенія разума, всѣ слова о божественной необходимости, о волѣ перваго Двигателя казались лживыми, разлетались, какъ дымъ, передъ этимъ бессмысленнымъ ужасомъ. Темную вѣчность, тайны неземного міра отъ отдалъ бы за одинъ лучъ солнца, за одно дуновеніе весенняго вѣтра, полнаго благоуханіемъ распускающихся листьевъ, за одну вѣтку съ золотисто-желтыми цвѣтами альбанской поросли.

Ночью, когда они оставались одни, а спать не хотѣлось—въ послѣднее время страдалъ Леонардо безсонницей—читалъ ему Франческо Евангеліе.

Никогда не казалась ему эта книга такою новою, необычайною, непонятою людьми. Нѣкоторыя слова, по мѣрѣ того, какъ онъ вдумывался въ нихъ, углублялись, какъ бездны. Одно изъ такихъ словъ было въ четвертой главѣ Евангелія отъ Луки. Когда Господь побѣдилъ два первыя искушенія—хлѣбомъ и властью,—дѣволъ искушаетъ Его крыльями:

«И повелъ Его въ Іерусалимъ и поставилъ Его на крылѣ храма и сказалъ ему: если Ты Сынъ Божій, бросься отсюда внизъ. Ибо написано: Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ сохранить Тебя, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею.—Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: сказано: не искушай Господа Бога твоего».

Слово это казалось теперь Леонардо отвѣтомъ на вопросъ всей жизни его: будутъ ли крылья человѣческія?

«И окончивъ все искушеніе, дѣволъ отошелъ отъ Него *до времени*».

«До времени? Что это значить?—думалъ Леонардо.—Когда же дѣволъ приступитъ къ Нему снова?»

Слова, которыя могли бы казаться ему полными величайшаго соблазна, наиболѣе противными опыту и познанію законовъ естественной необходимости, не смущали его:

«Если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно и скажете горѣ сей: перейди туда,—она перейдетъ».

Ему всегда казалось, что послѣднее, можетъ-быть, недоступное людямъ, знаніе и послѣдняя столь же недоступная, вѣра привели бы разными путями къ одному—къ сліянію внутренней и внѣшней необходимости, воли человѣка и воли Бога. Кто съ истинною вѣрою скажетъ горѣ: подымись и ввергнись въ море,—тотъ уже знаетъ, что не можетъ не быть по слову его; для того уже сверхъестественное—естественно. Но уязвляющее жало этихъ словъ не заключалось ли въ томъ, что вѣру, хотя бы съ горчичное

зерно, имѣть труднѣе, чѣмъ сказать горѣ: подымись и ввергнись въ море?

Тщетно старался онъ постигнуть и другое, еще болѣе загадочное слово Учителя:

«Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ. Ей, Отче! ибо таково было Твое благоволеніе».

Ежели есть у Бога тайна, которую Онъ открываетъ младенцамъ, ежели совершенная простота не есть совершенная мудрость, — почему же сказано въ той же книгѣ:

«Будьте мудры, какъ змѣи, и просты, какъ голуби».

Между этими двумя словами опять открывалась бездна.

И еще сказано: «посмотрите на полевая лиліи,—какъ онѣ растутъ?—И такъ, не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть? или что намъ пить? или во что одѣться? Потому что всего этого ищутъ язычники, и потому что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ.— Это все приложится вамъ».

Леонардо вспоминалъ свои открытія, изобрѣтенія, машины, которыя должны были дать человѣку власть надъ природою,—и думалъ: «неужели все это только забота о тѣлѣ,—что ѣсть? что пить? во что одѣться?—только служеніе Маммону? Или въ трудѣ человѣческомъ нѣтъ ничего,—кромѣ пользы? И если Любовь есть Марія, которая, избравъ благую часть, сидитъ у ногъ учителя и внемлетъ словамъ Его, то неужели Мудрость—только Марѳа, которая печется о многомъ, когда нужно одно?»

Онъ, впрочемъ, зналъ, по собственному опыту, что въ глубочайшей мудрости, такъ же какъ на скользкомъ краю пропасти, находятся самые страшные, неодолимые соблазны. Онъ вспоминалъ о малыхъ сихъ, собственныхъ ученикахъ, можетъ-быть, изъ-за него погибшихъ, имъ соблазненныхъ—Чезаре, Астро, Джіованни—когда слышалъ эти слова:

«Кто соблазнить одного изъ малыхъ сихъ, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской. — Горе міру отъ

соблазновъ; ибо надобно притти соблазнамъ, но горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ».

И, однако, въ той же книгѣ не было ли сказано:

«Блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ.»—Думаете ли вы, что я пришелъ дать мѣръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе».

Всего же болѣе ужасаль его рассказъ Матѳея и Марка о смерти Иисуса:

«Въ шестомъ часу наступила тьма по всей землѣ и продолжалась до часа девятаго. А около девятаго часа возопилъ Иисусъ громкимъ голосомъ: Элои! Элои! ламма савахани!—Боже мой! Боже мой! для чего Ты Меня оставилъ?—И опять возопивъ, испустилъ духъ».

«Для чего ты оставилъ Меня?»—думалъ Леонардо,—однимъ ли врагамъ Его казался этотъ предсмертный крикъ Сына къ Отцу, Того, Кто сказалъ: «Я и Отецъ одно»,—крикомъ послѣдняго отчаянія? И если все ученіе Его положить на одну чашу вѣсовъ, а на другую—эти четыре слова, то какая перевѣситъ?»

И между тѣмъ, какъ онъ думалъ объ этомъ, ему казалось, что уже видитъ онъ лицомъ къ лицу ту страшную черную яму, куда, не сегодня, такъ завтра, споткнувшись, провалится съ крикомъ послѣдняго ужаса: Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставилъ?

XII.

Иногда поутру, вставая, глядѣль онъ сквозь замерзшія стекла на снѣжные сугробы, на сѣрое небо, на деревья, покрытыя инеемъ—и ему казалось, что зима никогда не кончится.

Но въ началѣ февраля повѣяло тепломъ; на солнечной сторонѣ домовъ, съ висячихъ льдинокъ закапали звонкія свѣтлыя капли: воробьи зачирикали; стволы деревьевъ окружились темными кругами тающаго снѣга; почки разбухли; и сквозь рѣдѣющій паръ облаковъ засквозило блѣдно-голубое небо.

Утромъ, когда солнце проникало въ мастерскую ко-
сими лучами, Франческо ставилъ въ нихъ кресло учителя,
и цѣлыми часами старикъ сидѣлъ неподвижно, грѣясь, опу-
стивъ голову, положивъ на колѣни исхудалыя руки. И въ
рукахъ этихъ, и въ лицѣ съ полузакрытыми вѣками было
выраженіе безконечной усталости.

Ласточка, зимовавшая въ мастерской, прирученная Лео-
нардо, теперь летала, кружилась по комнатѣ, садилась
къ нему на плечо или на руку, позволяла брать себя и
цѣловать въ головку; потомъ, опять вспорхнувъ, рѣяла, съ
нетерпѣливыми криками, какъ будто чуя весну. Вниматель-
нымъ взоромъ слѣдилъ онъ за каждымъ поворотомъ ея
маленькаго тѣла, за каждымъ движеніемъ крыльевъ — и
мысль о человѣческихъ крыльяхъ снова пробуждалась
въ немъ.

Однажды, отперевъ большой сундукъ, стоявшій въ углу
мастерской, началъ рыться къ кипахъ бумагъ, тетрадей
и безчисленныхъ отдѣльныхъ листковъ, съ чертежами ма-
шинъ, съ отрывочными замѣтками изъ двухсотъ сочинен-
ныхъ имъ книгъ *О Природѣ*.

Всю жизнь собирался онъ привести въ порядокъ этотъ
хаосъ, связать общею мыслью отрывки, соединить ихъ въ
стройное цѣлое, въ одну великую книгу о мірѣ, — но все
откладывалъ. Онъ зналъ, что здѣсь были открытія, кото-
рыя на нѣсколько вѣковъ сократили бы трудъ познанія,
измѣнили бы судьбы человѣчества и повели бы его новыми
путями. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, зналъ, что этого не будетъ:
теперь уже поздно, все погибнетъ такъ же бесплодно, такъ
же бессмысленно, какъ Тайная Вечера, памятникъ Сфорцы,
Битва при Ангіари, потому что и въ наукѣ онъ только же-
лалъ безкрылымъ желаніемъ, только начиналъ и не окан-
чивалъ, ничего не сдѣлалъ и не сдѣлаетъ, какъ будто на-
смѣшливый рокъ наказывалъ его за безмѣрность желаній
ничтожествомъ дѣйствія. Предвидѣлъ, что люди будутъ
искать того, что онъ уже нашелъ, открывать то, что онъ
уже открылъ, — пойдутъ его путемъ, по слѣдамъ его, но
мимо его, забывъ о немъ, какъ будто его вовсе не было.

Отыскавъ небольшую, пожелтѣвшую отъ старости тетрадку, озаглавленную *Птицы*, отложилъ ее въ сторону.

Въ послѣдніе годы онъ почти не занимался летательной машиной, но думалъ о ней всегда. Наблюдая полетъ прирученной ласточки и чувствуя, что новый замысел созрѣлъ въ немъ окончательно, рѣшилъ приступить къ послѣднему опыту, съ послѣднею, можетъ-быть, безумною надеждою, что созданиемъ крыльевъ человѣческихъ будетъ спасенъ и оправданъ весь трудъ его жизни.

Онъ принялся за эту новую работу, съ такимъ же упорствомъ, съ такую же лихорадочною торопливостью, какъ за Іоанна Предтечу: не думая о смерти, побѣждая слабость и болѣзнь, забывая сонъ и пищу, просиживалъ цѣлые дни и ночи надъ чертежами и вычисленіями. Иногда казалось Франческо, что это не работа, а бредъ сумасшедшаго. Съ возрастающей тоской и страхомъ смотрѣлъ ученикъ на лицо учителя, искаженное судорогой отчаяннаго, какъ бы яростнаго, усилія воли, желаніемъ невозможнаго, того, чего людямъ не дано желать безнаказанно.

Прошла недѣля. Мельци не отходилъ отъ него, не спалъ ночей. Однажды, послѣ третьей ночи, смертельная усталость одолѣла Франческо. Онъ прикурнулъ въ креслѣ у потухшаго очага, и задремалъ.

Утро сѣрѣло въ окнахъ. Проснувшись ласточка щебетала. Леонардо сидѣлъ за маленькимъ рабочимъ столикомъ, съ перомъ въ рукахъ, согнувшись, опустивъ голову надъ бумагою, испещренною цифрами.

Вдругъ тихо и странно покачнулся; перо выпало изъ пальцевъ; голова стала склоняться все ниже и ниже. Сдѣлалъ усиліе, чтобы встать, хотѣлъ позвать Франческо; но чуть слышный крикъ замеръ на губахъ его; и неуклюже и грузно навалившись всею тяжестью тѣла на столъ, опрокинулъ его. Заплывшая свѣча упала. Мельци, разбуженный стукомъ, вскочилъ. Въ сумеречномъ свѣтѣ утра, рядомъ съ опрокинутымъ столомъ, потухшею свѣчею и разбросанными листками онъ увидѣлъ учителя, лежавшаго на полу. Испу-

ганная ласточка кружилась по комнатѣ, задѣвая потолокъ и стѣны шуршащими крыльями.

Франческо понялъ, что это—второй ударъ.

Нѣсколько дней пролежалъ больной безъ памяти, продолжая въ бреду математическія выкладки. Очнувшись, тотчасъ потребовалъ чертежи летательной машины.

— Ну, нѣтъ, учитель, воля ваша! — воскликнулъ Франческо. — Я скорѣй умру, чѣмъ позволю вамъ приняться за работу, пока совсѣмъ не поправитесь...

— Куда положилъ ихъ? — спрашивалъ больной съ досадою.

— Куда бы ни положилъ, не бойтесь — будутъ въ сохранности. Все возвращу, когда встанете.

— Куда положилъ ихъ? — повторялъ Леонардо.

— На чердакъ отнесъ и заперъ.

— Гдѣ ключъ?

— У меня.

— Дай

— Помилуйте, мессэре, на что же вамъ?

— Давай, давай скорѣе!

Франческо медлилъ. Глаза больного вспыхнули гнѣвомъ. Чтобы не раздражать его, Мельци отдалъ ключъ. Леонардо спряталъ подъ подушку и успокоился.

Онъ сталъ поправляться скорѣе, чѣмъ думалъ Франческо.

Однажды, въ началѣ апрѣля, провелъ день спокойно: игралъ въ шашки съ фра Гульельмо. Вечеромъ Франческо, утомленный многими безсонными ночами, задремалъ, сидя на скамьѣ въ ногахъ учителя, прислонившись головой къ постели. Вдругъ проснулся, какъ бы отъ внезапнаго толчка. Прислушался и не услышалъ дыханія спящаго. Ночникъ потухъ. Онъ зажегъ его и увидѣлъ, что постель пуста: обошелъ всѣ верхніе покои дома, разбудилъ Баттисто Вилланиса, — и тотъ не видѣлъ Леонардо.

Франческо хотѣлъ уже спуститься внизъ, въ мастерскую, но вспомнилъ о бумагахъ, спрятанныхъ на чердакѣ. Побѣжалъ туда, пріотворилъ незапертую дверь и увидѣлъ

Леонардо, полуодѣтаго, сидѣвшаго на полу передъ опрокинутымъ старымъ ящикомъ, который служилъ ему столомъ; при свѣтѣ сальнаго огарка, онъ писалъ, должно-быть, дѣлалъ вычисленія для машины, что-то тихо и быстро бормоча, какъ въ бреду. И это бормотаніе, и горящіе глаза, и сѣдые включенные волосы, и щетинистыя брови, сдвинутыя какъ бы сверхчеловѣческимъ усиліемъ мысли, и углы ввалившагося рта, опущенные съ выраженіемъ старческой немощи, и все лицо, которое казалось чужимъ, незнакомымъ, словно раньше никогда не видѣлъ онъ его, — были такъ страшны, что Франческо остановился въ дверяхъ, не смѣя войти.

Вдругъ Леонардо схватилъ карандашъ и зачеркнулъ страницу, исписанную цифрами, такъ что острее карандаша сломалось, потомъ оглянулся, увидѣлъ ученика и всталъ, блѣдный, шатаясь.

Франческо бросился къ нему, чтобы поддержать его.

— Говорилъ я тебѣ, — съ тихою, странною усмѣшкою молвилъ учитель, — говорилъ, Франческо, что скоро кончу. Ну вотъ и кончилъ, кончилъ все. Теперь ужъ не бойся, не буду. Довольно! Старъ я сталъ и глупъ, глупѣе Астро. Ничего не знаю. Чтò и зналъ, то забылъ. Куда ужъ мнѣ съ крыльями... Къ чорту все, къ чорту!..

И хватая со стола листки, яростно комкалъ и рвалъ.

Съ того дня опять ему сдѣлалось хуже. Мельци предчувствовалъ, что онъ уже на этотъ разъ не встанетъ. Иногда на цѣлые дни впадалъ больной въ забытье, подобное обмороку.

Франческо былъ набоженъ. Во все, чему учить Церковь, вѣрилъ съ простотою. Онъ одинъ не подвергся вліянію тѣхъ губительныхъ чаръ—«дурному глазу» Леонардо,—которыя испытывали почти всѣ, кто приближался къ нему. Зная, что учитель не исполняетъ церковныхъ обрядовъ, все-таки угадывалъ чутьемъ любви, что Леонардо — не безбожникъ. И далѣе не углублялся, не любопытствовалъ.

Но теперь мысль о томъ, что онъ можетъ умереть безъ покаянія, ужаснула его. Онъ отдалъ бы душу свою, чтобы спасти учителя; но заговорить съ нимъ объ этомъ не смѣлъ.

Однажды вечеромъ, сидя у изголовья больного, смотрѣлъ на него все съ тою же страшною мыслью.

— О чемъ ты думаешь? — спросилъ Леонардо.

— Фра Гульельмо заходилъ сегодня утромъ, — отвѣтилъ Франческо, немного замявшись, — хотѣлъ васъ видѣть. Я сказалъ, что нельзя...

Учитель заглянулъ ему прямо въ глаза, полные мольбою, страхомъ и надеждою.

— Ты не о томъ, Франческо, думалъ. Зачѣмъ не хочешь сказать мнѣ?

Ученикъ молчалъ, потупившись.

И Леонардо понялъ все. Отвернулся и нахмурился.— Всегда хотѣлось ему умереть, такъ же какъ онъ жилъ — въ свободѣ и въ истинѣ. Но было жаль Франческо: неужели и теперь, въ послѣднія мгновенія передъ смертью, возмутить онъ смиренную вѣру, соблазнить единаго отъ малыхъ сихъ?

Опять взглянулъ на ученика, положилъ ему на руку исхудалую руку свою и молвилъ съ тихою улыбкою:

— Сынъ мой, пошли къ фра Гульельмо, попроси его притти завтра. Я хочу исповѣдаться и причаститься. Пригласи также мэтра Гильома.

Франческо ничего не отвѣтилъ, только поцѣловалъ руку Леонардо, съ безконечною благодарностью.

XIII.

На слѣдующее утро, 23 апрѣля, въ субботу на Страстной недѣлѣ, когда пришелъ нотаріусъ, мэтръ Гильомъ, Леонардо сообщилъ ему свою послѣднюю волю: четыреста флориновъ, отданные на сохраненіе камерлингу церкви Санта-Марія-Нуова въ городѣ Флоренціи, завѣщалъ братьямъ, съ которыми велъ тяжбу, — въ знакъ совершеннаго примиренія; ученику Франческо Мельци — книги, научные приборы, машины, рукописи и остатокъ жалованья, который долженъ былъ получить изъ королевской казны; слугѣ

Баттисту Вилланису—домашнюю утварь въ замкѣ Дю-Клу и половину виноградника за стѣнами города Милана, у Верчельскихъ воротъ, а другую половину—ученику Андреа Салаино.

Что касается обряда похоронъ и прочаго, просилъ нотариуса обратиться къ Мельци, котораго назначалъ своимъ душеприказчикомъ.

Франческо съ мэтромъ Гильомомъ позаботились устроить такія похороны, изъ которыхъ явствовало, что Леонардо, вопреки народной молвѣ, умеръ, какъ вѣрный сынъ католической церкви.

Больной одобрилъ все и, желая показать, что принимаетъ участіе въ заботахъ Франческо о благолѣпнн похоронъ, назначилъ, вмѣсто предложенныхъ восьми, десять фунтовъ свѣчей во время заупокойныхъ обѣднъ; вмѣсто пятидесяти, семьдесятъ туренскихъ су для раздачи бѣднымъ.

Когда завѣщаніе было готово, и оставалось только скрѣпить его подписями свидѣтелей, Леонардо вспомнилъ о старой служанкѣ своей, стряпухѣ Матуринѣ. Мэтръ Гильомъ долженъ былъ прибавить новую статью, по которой получала она платье добраго чернаго сукна, подбитый мѣхомъ головной уборъ, тоже суконный, и два дуката деньгами—за многолѣтнюю вѣрную службу. Это вниманіе умирающаго къ бѣдной служанкѣ наполнило сердце Франческо знакомымъ чувствомъ нестерпимой жалости.

Въ комнату вошелъ фра Гульельмо со святыми Дарами, и всѣ удалились.

Выйдя отъ больного, монахъ успокоилъ Франческо, сообщивъ ему, что Леонардо исполнилъ обряды церкви со смиреніемъ и преданностью волѣ Божьей.

— Чтѣ бы люди ни говорили о немъ, сынъ мой, — заключилъ фра Гульельмо, — онъ оправдается, по слову Господа: «блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ».

Ночью у больного сдѣлались припадки удушья. Мельци боялся, что онъ умретъ на рукахъ его.

Къ утру — это было 24 апрѣля, Свѣтлое Христово Воскресенье — стало ему легче. Но, такъ какъ все еще онъ зады-

хался, а въ комнатѣ было жарко, Франческо открылъ окно. Въ голубыхъ небесахъ рѣяли бѣлые голуби, и съ трепетнымъ шелестомъ крыльевъ сливался звонъ колоколовъ пасхальныхъ. Но умирающій уже не видѣлъ и не слышалъ ничего.

Ему казалось, что неимоверныя тяжести, подобныя каменнымъ глыбамъ, падаютъ, валятся, давятъ его; онъ хочетъ приподняться, сбросить ихъ, не можетъ — и вдругъ, съ послѣднимъ усиленіемъ, освобождается, летитъ на исполинскихъ крыльяхъ вверхъ; но снова камни валятся, громоздятся, давятъ: снова онъ борется, побѣждаетъ, летитъ, — и такъ безъ конца. И съ каждымъ разомъ тяжесть все страшнѣе, усиленіе неимовернѣе. Наконецъ чувствуетъ, что уже не можетъ бороться, и съ крикомъ послѣдняго отчаянія: Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставилъ меня? — покоряется. И только что покорился, — понялъ, что камни и крылья, давленіе тяжести и стремленіе полета, вверхъ и низъ — одно и то же: все равно — летѣть или падать. И онъ летитъ и падаетъ, уже не зная, колеблютъ ли его тихія волны безконечнаго движенія, или мать качаетъ на рукахъ, баюкая.

Нѣсколько дней еще тѣло его казалось живымъ для окружающихъ; но онъ уже не приходилъ въ себя. Наконецъ, однажды утромъ, это было 2 мая, Франческо и фра Гульельмо замѣтили, что дыханіе его ослабѣваетъ. Монахъ сталъ читать отходную.

Черезъ нѣкоторое время ученикъ, приложивъ руку къ сердцу учителя, почувствовалъ, что оно не бьется. Онъ закрылъ ему глаза.

Лицо умершаго мало измѣнилось. На немъ было выраженіе, которое часто бывало при жизни — глубокаго и тихаго вниманія.

Пока Франческо съ Баттисто Вилланисомъ и старой служанкою Матуриною обмывали тѣло, — окна и двери открыты были настежь.

Въ это время, снизу, изъ мастерской, прирученная ласточка, о которой забыли въ послѣдніе дни, почуявъ свободу, черезъ лѣстницу и верхніе покои, влетѣла въ ком-

нату, гдѣ лежалъ покойникъ. Покружившись надъ нимъ, среди погребальныхъ свѣчей, горѣвшихъ мутнымъ пламенемъ въ сіяніи солнечнаго утра, опустилась, должно-быть, по старой привычкѣ, на сложенные руки Леонардо. Потомъ вдругъ встрепенулась, взвилась и черезъ открытое окно улетѣла въ небо, съ веселымъ крикомъ. И Франческо подумалъ, что въ послѣдній разъ учитель сдѣлалъ то, что такъ любилъ — отпустилъ на волю крылатую плѣнницу.

Согласно съ желаніемъ покойнаго, тѣла его пролежало три дня, но не въ мертвецкой—этого не захотѣлъ Франческо, а въ той же комнатѣ, гдѣ онъ умеръ.

При совершеніи похоронъ все сказанное въ завѣщаніи соблюдено въ точности: капелланы, каноники, викаріи, монахи сопровождали гробъ; шестьдесятъ нищихъ несли шестьдесятъ свѣчей; въ четырехъ церквахъ Амбуаза отслужены три большія и тридцать малыхъ обѣдней, при чемъ горѣли десять фунтовъ толстыхъ восковыхъ свѣчей; семьдесятъ туренскихъ су розданы бѣднымъ при городской больницѣ Сень-Лазаръ. По этимъ признакамъ благочестивые люди могли убѣдиться, что хоронятъ вѣрнаго сына святой католической церкви.

Онъ былъ погребенъ въ монастырѣ Сень-Флорентэнъ. Но, такъ какъ скоро забытая могила сравнялась съ землею, и память о немъ въ Амбуазѣ исчезла безслѣдно, то для грядущихъ поколѣній мѣсто, гдѣ покоился прахъ Леонардо, осталось неизвѣстнымъ.

Сообщая о смерти учителя братьямъ его во Флоренціи, Франческо писалъ:

«Горя, причиненнаго мнѣ смертью того, кто былъ для меня больше, чѣмъ отецъ, выразить я не умѣю. Но, пока живъ, буду скорбѣть о немъ, потому что онъ любилъ меня великою и нѣжною любовью. Да и всякій, полагаю, долженъ скорбѣть объ утратѣ такого человѣка, которому другого подобнаго природа не можетъ создать. — Нынѣ, всемогущій Боже, даруй ему вѣчный покой».

XIV.

Въ день смерти Леонардо Францискъ I охотился въ лѣсу Сень-Жерменскомъ. Узнавъ о кончинѣ художника, велѣлъ запечатать его мастерскую до своего прибытія въ Амбуазь, такъ какъ желалъ самъ выбрать для себя лучшія картины.

Впрочемъ, у Франциска въ это время были заботы, болѣе важныя для него, чѣмъ искусство. Пять мѣсяцевъ назадъ, 12 января 1519 года, скончался императоръ Максимилианъ I. Три короля—Англии, Испаніи, Франціи—спорили изъ-за короны Священной имперіи, дѣйствуя обманами и происками. Францискъ уже мечталъ, соединивъ въ рукахъ своихъ скипетръ французскихъ королевъ со скипетромъ римскихъ императоровъ, основать небывалую въ Европѣ монархію. На подкупы намѣревался истратить три милліона; искалъ союза съ папою и обѣщаль ему крестовый походъ на турокъ для отвоеванія Гроба Господня; клялся, что черезъ три года послѣ своего избранія вступить побѣдителемъ въ Константинополь и водрузить крестъ на Святой Софіи. Больше, чѣмъ другихъ соперниковъ, ненавидѣлъ юнаго Карла, короля испанскаго, увѣряя, что скорѣе согласится на избраніе ничтожнаго курфюрста Бранденбургскаго или даже короля Польши Сигизмунда, чѣмъ Карла.

Левъ X, по обыкновенію, лукавилъ и вилялъ между обоими соперниками, не отвѣчая ни да, ни нѣтъ; въ то же время продолжалъ переговоры, черезъ доминиканца Дитриха Шомберга, съ великимъ княземъ московскимъ Василиемъ Иоанновичемъ и, добиваясь его участія въ Священной Лигѣ противъ турокъ, предлагалъ ему посредничество для заключенія мира съ королемъ Сигизмундомъ.

Въ это время одинъ изъ двухъ, бывшихъ въ Италіи русскихъ пословъ, Дмитрій Герасимовъ, уже вернулся въ Москву; другой, Никита Карачьяровъ, остался въ Римѣ. Узнавъ о предстоявшемъ избраніи кесаря и о переговорахъ

по этому поводу Франциска со злѣйшимъ врагомъ своего государя, королемъ Сигизмундомъ—для болѣе подробныхъ и точныхъ развѣдокъ Никита, вмѣстѣ съ папскимъ легатомъ, поѣхалъ во Францію и, такъ же какъ въ первую поѣздку, взялъ съ собою стараго подьячаго, Илью Потапыча Копыло, толмача Власія и двухъ младшихъ писцовъ, Федора Игнатьевича Рудометова—Федьку Жаренаго и Евтихія Паисеевича Гагару.

Евтихій, по обычаю многихъ тогдашнихъ русскихъ странниковъ, велъ краткую путевую запись, гдѣ отмѣчалъ все особенно любопытное изъ видѣннаго и слышаннаго. Въ этомъ дневникѣ, между прочимъ, описывалъ онъ такъ Флоренцію:

«Градъ, зовомый Флоренза, великъ вельми, и такового не обрѣли мы въ прежедеписанныхъ. Есть же прекраснѣйшій и предобрѣйшій сушихъ въ Италиі градовъ, ихъ же самъ видѣлъ. Божницы вельми красны, палаты изъ бѣлаго камня, вельми высоки и хитры. И есть во градѣ томъ божница великая, камень-мраморъ бѣлъ да черенъ. И у божницы той устроенъ столпъ-колокольница, такъ же бѣлый камень-мраморъ. И хитрости ея недоумѣваетъ умъ нашъ. И ходили мы во столпъ тотъ вверхъ и сосчитали ступени: четыреста и пятьдесятъ.—Что могли своимъ малоуміемъ вмѣстити, то и написали, какъ видѣли, иного же не мощно исписати, зане пречудно есть отнюдь и несказанно»,—заключалъ онъ разсказъ, и дѣйствительно, то, что больше всего поразило его, не сумѣлъ онъ выразить: среди мраморныхъ шестигранныхъ барельефовъ Джіотто, которыми украшенъ нижній ярусъ исполинской «колокольницы»—Кампаниллы собора Санта-Марія-дэль-Фіоре, и которые изображаютъ послѣдовательныя ступени челоѳческаго развитія—скотоводство, земледѣліе, укрощеніе коня, изобрѣтеніе кораблестроенія, ткацкаго станка, обработки металловъ, живописи, музыки, астрономіи,—замѣтилъ онъ хитраго механика Дедала, который испытываетъ изобрѣтенныя имъ, огромныя восковыя крылья: тѣло облѣплено птичьими перьями; крылья привязаны ремнями къ туловищу; обѣими ру-

нами ухватился онъ за внутреннія перекладины и, приводя ими въ движеніе крылья, пытается взлетѣть.

Этотъ самый барельефъ нѣкогда внушилъ отроку Леонардо, только что приѣхавшему во Флоренцію изъ роднаго селенія Винчи, первую мысль о летательной машинѣ—о Великой Птицѣ.

Загадочный образъ Крылатаго Человѣка тѣмъ болѣе поразилъ Евтихія, что въ тѣ дни онъ работалъ надъ иконою Предтечи Крылатаго. Съ неясною и вѣщею тревогою онъ почувствовалъ противоположность вещественныхъ, устроенныхъ, можетъ-быть, хитростью бѣсовскою, крыльевъ механика Дедала и духовныхъ, «прообразующихъ пареніе дѣвственниковъ къ Богу», крыльевъ «ангела во плоти»—Иоанна Предтечи.

Францискъ I изъ Сенъ-Жермена переѣхалъ въ охотничій замокъ Фонтенблò, затѣмъ въ Амбуазь. Сюда же, въ первыхъ числахъ іюня 1519 года, прибылъ русскій посолъ Никита Карачьяровъ и остановился такъ же, какъ въ первый приѣздъ, въ домѣ нотариуса мэтра Гильома Борò, на главной улицѣ города, у Часовой Башни.

Тотчасъ по приѣздѣ, осмотрѣлъ король мастерскую Леонардо. Въ тотъ же день, вечеромъ, принцесса Маргарита, съ посломъ курфюрста Бранденбургскаго и другими чужеземными вельможами, въ томъ числѣ Никитою Карачьяровымъ, отправились въ замокъ Дю-Клу.

Провѣдавъ объ этомъ, Оедька Жареный посовѣтовалъ дядѣ, Ильѣ Потапычу Копылѣ и Евтихію Гагарѣ также отправиться въ «Дюкловъ», увѣряя, что они могутъ увидѣть много любопытнаго въ домѣ «сего достохвальнаго мастера Ліонардуса, мужа чуднаго разсужденія, благосерднаго, въ наукѣ книжнаго поученія довольнаго, въ словесной премудрости ритора, естествословнаго и смышленіемъ быстроумнаго».

Илья Потапычъ и Евтихій, съ толмачемъ Власіемъ, послѣдовали за нимъ въ замокъ Дю-Клу.

Когда они пришли, Маргарита и прочіе гости, уже кончивъ осмотръ, собирались уходить. Тѣмъ не менѣе, Фран-

ческо принялъ новыхъ гостей съ тою же любезностью, съ какою принималъ всѣхъ чужеземцевъ, посѣщавшихъ домъ учителя, не справляясь о чинахъ и званіи; повелъ ихъ въ мастерскую и сталъ показывать все, что въ ней было.

Съ боязливымъ удивленіемъ они разглядывали невиданныя машины, астрономическія сферы, глобусы, кадранты, стеклянныя колбы, перегонные шлемы, огромный, сдѣланный изъ хрусталя, человѣческой глазъ для изученія законовъ свѣта, музыкальные приборы для изученія законовъ звука, маленькое изображеніе водолазнаго колокола, острия, лодкообразныя лыжи для хожденія по морю, какъ по-суху, анатомическіе рисунки и чертежи страшныхъ военныхъ снарядовъ. Оедьку все это плѣняло, казалось ему «астроложскою премудростью и высшей алхиміей». Но Илья Потапычъ, то и дѣло, хмурился, отворачивался и набожно крестился. Евтихія особенно поразилъ старый, сломанный остовъ крыла, похожаго на крыло исполинской ласточки. Когда кое-какъ, черезъ толмача Власія, Мельци объяснилъ ему, что это часть летательной машины, надъ которой учитель работалъ всю жизнь, Евтихію вспомнился крылатый человекъ Дедалъ на флорентинской мраморной колокольницѣ—и странныя, жуткія мысли пробудились въ немъ съ новою силою.

Осматривая картины, онъ остановился въ недоумѣніи передъ Іоанномъ Предтечею; сначала принялъ его за женщину и не повѣрилъ, когда Власій, со словъ Франческо, сказалъ, что это Креститель; но, вглядываясь пристальнѣе, увидѣлъ тростниковый крестъ—«посохъ кресчатый», такой же точно, съ какимъ и русскіе иконники писали Іоанна Предтечу, замѣтилъ также одежду изъ верблюжьяго волоса. Смутился. Но, несмотря на всю противоположность этого Безкрылаго тому Крылатому, съ которымъ свылся Евтихій—чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ больше плѣняла чуждая прелесть женоподобнаго отрока, полная тайны, улыбка, съ которой онъ указывалъ на крестъ Голговы. Въ оцѣпенѣніи, какъ очарованный, стоялъ онъ предъ картиною, ни о чемъ не думая, только чувствуя, что сердце бьется все чаще и чаще отъ неизъяснимаго волненія.

Илья Потапычъ не выдержалъ, яростно плюнулъ и выругался:

— Дьявольская нечисть! Невѣжество студодѣйное! Сей ли непотребный, аки блудница оголенный, ни брады, ни усовъ не имущій—Предтеча? Ежели Предтеча, то не Христа, а паче Антихриста... Пойдемъ, Евтихій, пойдемъ скорѣе, чадо мое, не оскверняй очей своихъ: намъ православнымъ и взирать недостойтъ на таковыя иконы ихъ, неистовыя, бѣсоугодныя—будь онѣ прокляты!

И взявъ Евтихія за руку, почти насильно оттащилъ отъ картины и долго еще, выйдя изъ дома Леонардо, не могъ успокоиться.

— Видите ли нынѣ,—предостерегалъ своихъ спутниковъ,—сколь мерзостенъ передъ Богомъ всякъ любящій гимитрію, чародѣйство, алхимію, звѣздочетіе и прочее такое? Ибо разуму вѣрующій легко впадаетъ въ прелести различныя. Любите же, дѣти мои, простоту паче мудрости; высочайшаго не изыскайте, глубочайшаго не испытайте, а какое вамъ предано готовое отъ Бога ученіе, то и содержите неблаженно. И ежели кто тебя спроситъ: знаешь ли всю философію?—ты ему отвѣчай со смиреніемъ: грамотѣ учился, еллинскихъ же борзостей не проходилъ, риторскихъ астрономовъ не читалъ, философію и въ глаза не видѣлъ—учуся книгамъ благодатнаго закона, дабы грѣшную душу спасти...

Евтихій слушалъ, не понимая. Онъ думалъ о другомъ—о «бѣсоугодной иконѣ», хотѣлъ забыть ее и не могъ: таинственный ликъ Женоподобнаго, Безкрылаго носился передъ нимъ, пугалъ и плѣнялъ его, преслѣдуя, какъ наважденіе.

XV.

Такъ какъ въ этотъ второй пріѣздъ Карачьярова наплывъ чужеземцевъ въ Амбуазъ былъ меньше, хозяинъ отвелъ для русскаго посольства помѣщеніе въ нижнихъ покояхъ дома, болѣе просторное и удобное. Но Евтихій, предпочитая уединеніе, поселился въ той же комнатѣ, гдѣ жилъ

два года назадъ, подъ самую крышею дома, рядомъ съ голубятнею, и попрежнему устроилъ свою крошечную мастерскую въ углубленіи слухового окна.

Вернувшись домой изъ замка Дю-Клу и желая отогнать искушеніе, принялся за работу надъ новымъ, почти уже конченнымъ, образомъ: Іоаннъ Предтеча Крылатый стоялъ въ голубыхъ небесахъ, на желтой песчаной, словно выжженной солнцемъ горѣ, полукруглой, какъ бы на краю земного шара, окруженной темно-синимъ, почти чернымъ, океаномъ. Онъ имѣлъ двѣ головы: одну—живую — на плечахъ, другую — мертвую въ сосудѣ, который держалъ въ рукѣ своей, какъ бы въ знакъ того, что человѣкъ, только умертвивъ въ себѣ все человѣческое, достигаетъ окрыленія сверхчеловѣческаго; ликъ былъ страненъ и страшенъ, взоръ широкооткрытыхъ глазъ похожъ на взоръ орла, вперенный въ солнце; верблюжья мохнатая риза напоминала перья птицы; борода и волосы развѣвались, какъ бы отъ сильнаго вѣтра въ полетѣ; едва покрытая кожей, кости тонкихъ, исхудалыхъ рукъ и ногъ непомѣрно длинныхъ, какъ у журавля, казались сверхъестественно-легкими, точно полыми внутри, какъ хрящи и кости пернатыхъ; за плечами висѣли два исполинскія крыла, распростертыя въ лазурномъ небѣ, надъ желтою землею и чернымъ океаномъ, снаружи бѣлыя, какъ снѣгъ, внутри багряно-золотистыя, какъ пламя, подобныя крыльямъ огромнаго лебедя.

Евтихію предстояло кончить позолоту на внутренней сторонѣ крыльевъ.

Взявъ нѣсколько тонкихъ, какъ бумага, листовъ червоннаго золота, онъ смялъ ихъ въ ладони и растеръ пальцемъ въ раковинѣ со свѣжею камедью; налилъ сверху воды, теплой, «въ стутерпъ руки», и, какъ пало золото на дно, и вода устоялась, воду слилъ и острою хорьковою кисточкой началъ писать перья въ крыльяхъ Предтечи золотыми черточками, тщательно, перышко къ перышку, и въ каждой бородкѣ пера—усикъ къ усика; закрѣпляя золото яичнымъ бѣлкомъ, гладилъ его заячьей лапкою, вылащивалъ медвѣжьимъ зубомъ. Крылья становились все живѣе, все лучезарнѣе.

Но работа не дала ему обычнаго забвенія: крылья Предтечи напоминали то крылья механика Дедала, то крыло летательной машины Леонардо. И ликъ таинственнаго Отрока-Дѣвы, ликъ Бекрылаго вставалъ передъ нимъ, заслоняя Крылатаго, манилъ и пугалъ, преслѣдуя, какъ наважденіе.

На сердцѣ Евтихія было тяжело и смутно. Кисть выпала изъ рукъ его. Почувствовалъ, что больше не въ силахъ работать, вышелъ изъ дома и долго бродилъ сначала по улицамъ города, потомъ по берегу пустынной Луары.

Солнце зашло. Блѣдно-зеленое небо съ вечернею звѣздою отражалось въ зеркальной глади рѣки. А съ другой стороны надвигалась туча. Зарницы трепетали въ ней, какъ судорожно бьющіяся исполинскія огненные крылья. Было душно и тихо. И въ этой тишинѣ сердце Евтихія сжималось все томительнѣе, все тревожнѣе.

Снова вернулся домой, зажегъ лампаду предъ иконою Углицкой Божіей Матери; справляя келейное правило, прочелъ каноны, йкосы и кондаки; постлалъ на узкій деревянный ящикъ, служившій ему постелью, дорожный войлокъ, раздѣлся и легъ, но тщетно старался уснуть.

Часы проходили за часами. Его бросало то въ жаръ, то въ ознобъ. Во мракѣ, озаряемомъ вспышками блѣдныхъ зарницъ, онъ лежалъ съ открытыми глазами, прислушиваясь къ тишинѣ, въ которой чудились ему странные шелесты, шопоты, шорохи, вѣщіе звуки, примѣты старыхъ русскихъ книжниковъ: «ухозвонъ, стѣнотрескъ, мышепискъ». Подобныя бреду, безсвязныя мысли проносились въ умѣ его: вспоминались преданія о всякихъ сказочныхъ дивахъ и нѣжитяхъ: о страшномъ Индрикѣ-звѣрѣ, что «ходитъ подъ землей, какъ солнце по небу, пропускаетъ рѣки и кладязи», о чудовищной птицѣ Стратимѣ, что «живетъ на краю океана, колышетъ волны и топить корабли»; о братѣ царя Соломона, Китоврасѣ, что царствуетъ днемъ надъ людьми, а ночью, обернувшись звѣремъ, рыщетъ по землѣ; о людяхъ, что носятся надъ бездною, надъ негасимымъ огнемъ, не пьютъ не ѣдятъ, такихъ длинныхъ и тонкихъ, что, куда

вѣтеръ повѣетъ, туда и летятъ, какъ паутина, а смерти имъ нѣтъ. И ему казалось, что самъ онъ какъ человѣкъ-паутина, носится въ вѣчномъ вихрѣ надъ бездною.

Вторые пѣтухи пропѣли: и вспомнилъ онъ древнее сказаніе о томъ, какъ въ срединѣ ночи, когда ангелы, взявъ отъ Божьяго престола солнце, несутъ его на востокъ, херувимы ударяютъ въ крылья свои, и на землѣ всякая птица трепещетъ отъ радости, и пѣтухъ, открывъ главу свою, пробуждается и плещетъ крыльями, пророчествуя міру свѣтъ.

И снова, и снова, подобныя бреду, безсвязныя мысли тянулись, обрывались, какъ гнилыя нити, и путались.

Напрасно творилъ онъ молитву, удерживая дыханіе, по уставу Нила Сорскаго: ничто не помогало—видѣнія становились все ярче, все неотступнѣе.

Вдругъ изъ мрака выплылъ и всталъ передъ нимъ, какъ живой, полный дьявольской прелестью, ликъ Женоподобнаго, Отрока-Дѣвы, который, указывая на крестъ Голговы, съ нѣжной и насмѣшливой улыбкою смотрѣлъ Евтихію прямо въ глаза такимъ пристальнымъ, ласковымъ взоромъ, что сердце его замерло отъ ужаса и холодный потъ выступилъ на лбу.

Зажегъ свѣчу, рѣшивъ провести остатокъ ночи безъ сна, взялъ съ полки книгу и началъ читать. Это была древняя русская повѣсть *О Вавилонскомъ Царствѣ*.

Во время царя Навуходносора и его преемниковъ, городъ Вавилонъ опустѣлъ и сдѣлался пріютомъ безчисленныхъ змѣй. Черезъ много вѣковъ императоръ византійскій Левъ, во святомъ крещеніи Василій, послалъ трехъ мужей взять изъ Вавилона вѣнецъ и порфиру царя Навуходносора. Долго шли они, потому что путь былъ тѣсенъ и труденъ, наконецъ, дошли до града Вавилона, но ничего не увидѣли: ни стѣнъ, ни домовъ, ибо на шестнадцать поприщъ вокругъ запустѣвшаго города выросло быліе пустынное, «аки есть волчець, трава безъугодная; а противъ сихъ травъ гады, змѣи, жабы огромныя, имъ же числа нѣтъ, свившись, какъ великія копны сѣнныя, вздымались и свистѣли, и шипѣли, и несло отъ нихъ зимнею стужею». На

третій день пришли посланники къ Великому Змію, что лежалъ вокругъ Вавилона и хоботь свой пригнулъ съ другой стороны къ тѣмъ же вратамъ, гдѣ глава его. И лѣстница изъ древа кипариса положена была на стѣну города. По этой лѣстницѣ взошли они, вступили въ городъ и въ одной изъ царевыхъ палатъ нашли вѣнецъ Навуходносора и ларець сердоликовый съ порфирію и скипетромъ. Когда вернулись послы къ императору съ найденною царскою утварью, патріархъ константинопольскій во храмѣ Софіи Премудрости Божіей возложилъ на благовѣрнаго царя Василія порфиру и вѣнецъ Навуходносора, царя вавилонскаго и всей вселенной. Впослѣдствіи императоръ Константинъ Мономахъ послалъ этотъ самый вѣнецъ великому князю Владиміру Всеволодовичу, какъ знакъ всемірнаго владычества, уготованнаго Богомъ русской землѣ.

Отложивъ повѣсть «О Вавилонскомъ Царствѣ», взялъ Евтихій другую книгу—сказаніе «О Бѣломъ Клобукѣ», посланное нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Рима новгородскому архіепископу Геннадію Дмитріемъ Герасимовымъ, Митей Толмачомъ, тѣмъ самымъ, который сопровождалъ Никиту Карачьярова и у котораго служилъ Евтихій.

Въ древнія лѣта императоръ Константинъ Равноапостольный, рассказывалось въ этой повѣсти, принявъ христіанскую вѣру и получивъ исцѣленіе отъ папы Сильвестра, пожелалъ наградить его царскимъ вѣнцомъ. Но ангелъ велѣлъ ему дать вѣнецъ не земного, а небеснаго всемірнаго владычества—Бѣлый Клобукъ, устроенный по образцу монашенскаго чина, прообразующій «свѣтлое тридневное Воскресеніе Христова». Православные папы долго чтили Бѣлый Клобукъ, пока царь Каруль съ папою Формозомъ не впади въ латинскую ересь, въ признаніе не только небеснаго, но и земного владычества церкви. Тогда ангелъ въ новомъ видѣніи одному изъ папъ велѣлъ послать Клобукъ въ Византію патріарху Филоею. Тотъ принялъ святыню съ великою честью и пожелалъ удержать ее, но императоръ Константинъ и папа Сильвестръ, явившись ему въ сновидѣніи, велѣли послать Клобукъ еще далѣе—въ Русскую землю, въ

Великій Новгородъ. «Ибо ветхій Римъ, такъ сказалъ папа Сильвестръ патріарху,—отпаль отъ славы и вѣры Христовой гордостью и волею своею въ прелесть латинскую, а въ новомъ Римѣ, Константинополѣ, также погибнетъ вѣра насиліемъ безбожныхъ агарянъ. На третьемъ же Римѣ, на Русской землѣ, благодать Святого Духа возсіяетъ. И вѣдай, Филовей, что всѣ христіанскія земли пріидутъ въ конецъ и снідутся въ единое Русское царство, православія ради. Ибо въ древнія лѣта, изволеніемъ земного царя Константина Мономаха, отъ царствующаго града сего вѣнецъ Навуходнонора данъ былъ Русскому царю; Бѣлый же сей Клобукъ изволеніемъ Царя небснаго Христа, нынѣ данъ будетъ архіепископу великаго Новгорода. И кольми сей — честиѣ онаго. И вся святая предана будетъ отъ Бога Русской землѣ, и Русскаго царя возвеличитъ Господь надъ многими языками, и страна наречется Свѣтлая Русь, по изволенію Божьему, да сія третьяго новаго Рима святая соборная апостольская Церковь православною христіанскою вѣрою по всей вселенной паче солнца свѣтитса».

Такъ и совершилось. Архіепископъ новгородскій принялъ Бѣлый Клобукъ и положилъ его въ церковь святой Софіи Премудрости Божіей. И благодатью Господа Иисуса Христа утвердился онъ отнынѣ и во вѣки вѣковъ на главахъ русскихъ святителей.

Повѣсть о Вавилонскомъ Царствѣ предвѣщала земное,— повѣсть о «Бѣломъ Клобукѣ»—небесное величіе русской земли.

Каждый разъ, какъ Евтихій читалъ эти сказанія, душу его наполняло смутное чувство, ему самому непонятное, подобное безпредѣльной надеждѣ, отъ котораго сердце его билось и захватывало духъ, какъ надъ бездною.

Сколь ни казалась ему скудной и убогой родная земля въ сравненіи съ чужими краями, онъ вѣрилъ въ эти пророчества о грядущемъ величій третьяго Рима, о «градѣ Іерусалимѣ начальномъ», о лучѣ восходящаго солнца на золотыхъ семидесяти главахъ всемірнаго русскаго храма Софіи Премудрости Божіей.

Только въ самой глубинѣ души его было сомнѣніе, чувство неразрѣшимаго противорѣчія: не сказано ли, думаль онъ, что царь Навуходоносоръ былъ царемъ неправосуднымъ, «злѣйшимъ на всей землѣ», и что, желая, чтобы всѣ народы служили ему одному и всѣ языки и всѣ племена призывали его какъ Бога, объявилъ черезъ глашатая: падите и поклонитесь золотому истукану царя Навуходоносора. Но истинный Богъ покаралъ его: отнялъ сердце человѣческое и далъ ему сердце звѣриное, и былъ онъ отлученъ отъ людей и ѣлъ траву, какъ волъ, и орошалось тѣло его росой небесною, такъ что волосы у него выросли, какъ у льва, и ногти, какъ у птицы. И въ Откровеніи не было ли сказано: «Паль, паль Вавилонъ—великая блудница, ибо яростнымъ виномъ блудодѣянія своего напоила всѣ народы.—Горе, горе тебѣ, великій городъ, одѣтый въ виссонъ и порфиру!» — А если такъ, спрашиваль себя Евтихій,—какъ же въ третьемъ Римѣ, въ русскомъ царствѣ, Бѣлый Клобукъ соединится съ мерзостнымъ вѣнцомъ Навуходоносора царя, проклятаго Богомъ—вѣнецъ Христа съ вѣнцомъ Антихриста?

Онъ чувствовалъ, что здѣсь — великая тайна, и что если онъ углубится въ нее, то видѣнія, болѣе страшныя, чѣмъ тѣ, что отошли отъ него, снова приступятъ къ нему.

Стараясь не думать, погасилъ свѣчу и легъ въ постель.

XVI.

И приснился ему сонъ: съ огненнымъ лицомъ, огненными крыльями, въ блистающихъ ризахъ, жена на серповидной лунѣ среди облаковъ, подъ седмистолпнымъ киворіемъ съ надписью: *Премудрость созда себѣ домъ*; пророки, святители, праотцы, дорвносящіе ангелы, архангелы, Силы, Престолы, Господствія, Власти окружали ее; и въ сонмѣ пророковъ, у самага подножія Премудрости—Іоаннъ Предтеча, съ такими же тонкими руками и ногами, длинными, какъ у журавля, съ такими же бѣлыми исполинскими крыльями, какъ на иконѣ, но съ другимъ лицомъ; по оголенному

лбу съ упрямыми морщинами, по щетинистымъ бровямъ, длинной сѣдой бородѣ и сѣдымъ волосамъ, узналъ Евтихій запечатлѣвшееся въ памяти его лицо старика, похожаго на Илью пророка, который два года назадъ приходилъ къ нему въ мастерскую,—лицо Леонардо да-Винчи, изобрѣтателя человѣческихъ крыльевъ.—Внизу, подъ облаками, на которыхъ стояла жена, горѣли, какъ жаръ, въ голубыхъ небесахъ, золотые купола и маковки церквей; виднѣлись черныя, только что взрытыя плугомъ, поля, синія рощи, свѣтлыя рѣки и безконечная даль, въ которой узналъ онъ русскую землю.

Колокола загудѣли торжественнымъ гуломъ; многочисленные запѣли побѣдную пѣснь: *аллилуія*; шестокрылатые, закрывая въ ужасѣ лица свои крыльями, возопили: *да молчитъ всякая плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ*; и семь архангеловъ ударили въ крылья свои; и семь громовъ проговорили. И надъ женою огнезрочною, святой Софіей, Премудростью Божіей, небо разверзлось, и нѣчто явилось въ немъ, бѣлое, солнцу подобное, страшное. И понялъ Евтихій, что это есть *Бѣлый Клубокъ*, вѣнецъ Христа надъ русскою землею.

Свитокъ, который держалъ въ рукѣ Предтеча Крылатый, развернулся, и Евтихій прочелъ:

«Вотъ Я посылаю Ангела Моего, и онъ приготовитъ путь предо Мною, и внезапно придетъ въ храмъ Свой Господь, Котораго вы ищете, и Ангель завѣта, Котораго вы желаете. Вотъ Онъ идетъ».

Голоса громовъ, плески ангельскихъ крыль, побѣдная пѣснь аллилуія и звонъ колоколовъ слились въ одну хвалебную пѣснь святой Софіи, Премудрости Божіей.

И пѣснѣ этой отвѣтили нивы, рощи, рѣки, горы и всѣ безконечныя дали русской земли.

Евтихій проснулся.

Было раннее сѣрое утро. Онъ всталъ и открылъ окно.

На него пахнуло душистою свѣжестью листьевъ и травъ, омытыхъ дождемъ: ночью прошла гроза. Солнце еще не всходило. Но на краю неба, надъ темными лѣсами, за рѣкою,

тамъ, гдѣ оно должно было взойти, столпившіяся тучи рдѣли пурпуромъ и золотомъ. Улицы города спали въ сумеркахъ; лишь тонкая бѣлая колокольня св. Губерта освѣщалась блѣдно-зеленымъ, какъ будто подводнымъ свѣтомъ. Тишина была совершенная, полная великаго ожиданія; только на песчаныхъ отмеляхъ пустынной Луары дикіе лебеди перекликались.

Иконописецъ сѣлъ у окна за маленькій столикъ, съ наклонной доской для писанія, съ прикрѣпленною сбоку роговой чернильницей и выдвигаемымъ для перьевъ ящикомъ, очинилъ гусиное перо и открылъ большую тетрадь. Это былъ многолѣтній трудъ его, завѣщанный ему учителемъ, смиреннымъ старцемъ Прохоромъ, новый исправленный «Иконописный подлинникъ».

«Откуда же начало есть иконъ? Не отъ человѣковъ, но Самъ Богъ-Отецъ первый родилъ Сына, Слово Свое, живую Свою Икону»,—то были послѣднія слова, написанныя Евтихіемъ. Онъ обмакнулъ перо и продолжалъ писать:

«Азъ, грѣшный, имѣя отъ Господа талантъ, моей худости врученный, не хотѣлъ его въ землѣ сокрыть, да не приму за то осужденія, но потщился алфавитъ художества сего, еже есть всѣ члены тѣла человѣческаго, мастерству иконному во употребленіе приходящіе, написать во образъ и пользу всѣмъ люботщателямъ честной сей хитрости. — Всѣхъ васъ, братья мои, ихъ же ради положилъ труды сіи, прилежно молю о теплой молитвѣ ко Господу, дабы мнѣ, образы Его и слугъ святыхъ на землѣ писавшему, само лицо Его божественное и всѣхъ Его угодниковъ узрѣть во царствіи небесномъ, гдѣ честь Его и слава воспѣвается ото всѣхъ безплотныхъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Пока онъ писалъ, изъ-за темнаго лѣса, какъ раскаленный уголь, показался край солнца, и что-то пронеслось по землѣ и по небу, подобное музыкѣ.

Бѣлые голуби вспорхнули изъ-подъ кровельнаго выступа и зашелестѣли крыльями.

Лучь проникъ сквозь окно въ мастерскую Евтихія, упаль на икону Іоанна Предтечи, и позлащенные крылья, внутри багряно-золотистыя, какъ пламя, снаружи бѣлыя, какъ снѣгъ, широко распростертыя въ лазурномъ небѣ надъ желтою землею и чернымъ океаномъ, подобныя крыльямъ исполинскаго лебедя, вдругъ заблестѣли, заискрились въ пурпурѣ солнца, словно оживившись сверхъестественною жизнью.

Евтихій вспомнилъ свой сонъ, взялъ кисть, обмакнулъ ее въ алую черлень и написалъ на бѣломъ свиткѣ Предтечи Крылатаго:

Вотъ Я посылаю Ангела Моего, и онъ приготовитъ путь предо Мною, и внезапно придетъ во храмъ Свой Господь, Котораго вы ищете, и Ангелъ завета, Котораго вы желаете. Вотъ Онъ идетъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Романъ «Воскресіе боги («Леонардо да-Винчи») впервые появился въ печати въ журналѣ «Начало» въ 1899 г. (редакторъ-издательница А. А. Воейкова). Въ книгахъ I-й (стр. 1—84), II-й (стр. 1—49) и III-й были помѣщены первыя главы романа. Въ 1900 году романъ былъ помѣщенъ цѣликомъ въ журналѣ «Міръ Божій» за 1900 годъ (редакторъ Викторъ Острогорскій; издательница А. Давыдова) въ книгахъ I-й (стр. 194—267), II-й (стр. 234—276), III-й (стр. 141—194), IV-й (стр. 171—209), V-й (стр. 195—223), VI-й (стр. 131—195), VII-й (стр. 130—156), VIII-й (стр. 119—165), IX-й (стр. 148—177), X-й (стр. 136—170), XI-й (стр. 144—201), XII-й (стр. 117—173). Въ примѣчаніи къ I-й книгѣ журнала было указано, что романъ представляетъ собою вторую часть трилогіи, первая часть которой («Отверженный») была напечатана въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и вышла отдѣльнымъ изданіемъ, и что каждая часть представляетъ собою законченное цѣлое.

Въ отдѣльномъ изданіи романъ появился въ 1901 году. Второе изданіе относится къ 1902 году, третье—къ 1906 г.

Въ полномъ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго, изданномъ товариществомъ М. О. Вольфъ въ 1911 г., романъ «Воскресіе боги» помѣщенъ въ томахъ III-мъ и IV-мъ.

Вторая часть трилогіи, какъ и первая, переведена на иностранные языки и вызвала рядъ статей на иностранныхъ языкахъ.

НѢМЕЦКІЙ ЯЗЫКЪ.

Переводы.

Mereschkovski Dmitry S.

Leonardo da Vinci.

Ein biographischer Roman aus der Wende des 15 Jahrhunderts.
Deutsch von C. v. Gütschow.

Verlags-Buchhandl. Schulze u. Co. Leipzig 1903.

Mereschkovsky, Dmitry Sergejewitsch.

Leonardo da Vinci.

Historischer Roman aus der Wende des 15 Jahrhunderts.

Deutsch von Carl von Gütschow.

Zweite Auflage.

Leipzig.

Verlagsbuchhandl. Schulze u. Co. 1906.

Mereschkovsky, Dmitry Sergejewitsch.

Leonardo da Vinci.

Historischer Roman aus der Wende des 15 Jahrhunderts.

Von Verfasser autorisierte Ausgabe.

Uebersetzt von Carl v. Gütschow.

Leipzig. Schulze u. Co. 1908.

Mereschkovsky, Dmitry Sergejewitsch.

Leonardo da Vinci.

Historischer Roman aus der Wende des 15 Jahrhunderts.

Von Verfasser autorisierte Ausgabe.

Uebersetzt von Carl v. Gütschow.

Leipzig. Schulze u. Co. 1910.

Mereschkovski, Dmitry.

Leonardo da Vinci.

Historischer Roman.

Uebersetzt von Dr. Alexander Eliasberg.

Mit Bildbeigaben.

R. Piper. u. Co. Verlage.

München. 1911.

Mereschkovcky, D. S.

Leonardo da Vinci.

Historischer Roman aus der Wende des 15 Jahrhunderts.

Einzig autorisierte, vollständige Uebersetzung.

Illustrierte Beschenk-Ausgabe.

Verlagsbuchhandl. Schulze u. Co.

Leipzig. 1911.

Рецензии.

„Neues Wiener Tageblatt“ 27 u. 28 Jänner 1903 No. 27 (Seite 1—3)

No. 28 (Seite 1—4) Feuilleton. Leonardo. Hermann Bahr.

Beilage zu „Die Kunst“ Heft 4, Januar 1903, Neue Bücher.

„Litterarisches Echo“ I September 1903, Willy Röllinghof.

ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Переводы.

Mérekowsky, Dmitry.

La Résurrection des dieux.

Leonardo de Vinci.

Traduction et Préface de S. M. Perski.
Paris. Perrin et Co. Libre Editeur 1902.

Merejkowsky, Dm.

Le roman de Leonard de Vinci — La Résurrection des dieux.
Traduit du russe avec l'autorisation de l'auteur par Jacques Sorrèze.
Paris, Calmann Levy, editeur 1902.

Merejkowsky, Dm.

Le roman de Leonard de Vinci—La Résurrection des dieux.
Traduit du susse par Jacques Sorrèze.
Paris, Calmann Levy, editeur.
5 édition.

Р е ц е н з и и.

- „L'indépendance Roumaine“, Bucarest (Roumanie) 3 Avril. 1902
La Résurrection des dieux.
„L'art moderne“, Notes sur les Primitifs italiens. Jules Desrée. 1902.
„Les illustrations“, 20 Avril. 1902. Chronique littéraire.
„Revue univertaire“, 4 Mai. 1902.
„Journal de Lyon“, La statue d'or demande du pain. Robert Havard.
„Le polybiolion“, Avril. 1902. Roman historique. Ch. Arnaud.
„Revue de l'enseignement primaire“, Chronique littéraire.
Serge Barranx.

АНГЛІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ.

П е р е в о д ъ.

Dmitri Merejkowski.

The romance of Leonardo da Vinci.
The Forerunner.
Exclusively authorized translation from the Russian of.
«The Resurrection of the Goods», by Herbert Trench
12 mo, pp. VIII. 463. G. P. Putnam's Sons.

Dmitri Merejkowski.

The Forerunner.
6s Westminster; Archibald Constable et Co.

Р е ц е н з и и.

- „The Spectator“, 9 Aug. 1902. Novels.
„The Tribune“, (New-York), 2 August. 1902.
„Glasgow Herald“, 7 Aug. 1902. Novels and Stories.

ИТАЛЬЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

П е р е в о д ъ.

Merechkovsky, Demetrio.

La Resurrezione degli Dei.
Il romanzo di Leonardo da Vinci.

(In tre volumi).

Traduzione dal zusso della signora Nina Romanowsky.

Autorizzata dall' Autore.

Milano. Fr. Treves.

Biblioteca Amena.

№№ 748, 749 et 750. 1908.

Р е ц е н з и и.

„Capitan Fracassa“, 6 Marzo, 1902. № 16. Le Chronache letterarie.
Gidier.

„Corrieri della Sera“, 1902. № 67 — polifilo.

„Il Sole Sabati“, 2 Novembre. 1902. Rassegna Bibliografica.
F. Cametoni.

„Le Sera“, 1902. Serate letterarie. Contro una schiavitù.
Il rammentatore.

„Fanfulla della Domenica“, 1902.

ПОЛЬСКІЙ ЯЗЫКЪ.

П е р е в о д ъ.

Merezkowski, Dymitr.

Leonardo da Vinci.

(Zmartwychwstanie bogow).

Przeklad Joniny Poplawskieg.

Tom I — II.

Sklad klowny.

Warszawa Gebethner i Wolf.

Krakow. — G. Gebethner i Spolka. 1910.

Литературу о Д. С. Мережковскомъ на русскомъ языкѣ
см. «Библиографическій указатель литературы о произведеніяхъ
Д. С. Мережковскаго» въ XXIV томѣ настоящаго изданія.
